

Город мертвых талантов

Белла Ворон

Ласковая женщина со страшными глазами заняла место ее мамы. Мало того, все уверяют Сашу, что мамы у нее никогда не было, а сама она чуть не попала в психушку, уверяя всех, что это не так!

В минуту полного отчаянья Саша получает таинственное письмо. Если верить ему, то ответы на все вопросы ждут ее в городке, затерянном среди лесов и болот. А городок этот совсем не то, чем кажется...

Кому же перешла дорогу юная Саша Белоконь? Кому помешали истории, которые она сочиняет? Что случилось с мамой?

И как вернуть украденную жизнь?

ГЛАВА 1. Беда

Мама ушла и не вернулась.

Саша была в этом виновата. Она и ее бездарная писанина, чтоб ей сгореть! Знала бы, чем все закончится — проглотила бы обиду вместе с болтливым языком! Но откуда ей было знать, что урок литературы превратит ее жизнь в беспробудный кошмар.

...Она ввалилась домой, грохнула рюкзаком об пол и объявила маме, что с этого дня ноги её не будет в школе. И больше она не напишет ни строчки, потому что...

Конечно же, мама вытрясла из нее правду. Ей и стараться не пришлось — обида кипела, выплескивалась наружу злыми слезами. Саша начала рассказывать...

Все было как всегда. Тишина. Скука. У доски томилась очередная жертва Зои Всеволодовны. Саша, маскируясь за широкой спиной Ломакина, играла непослушными словами.

“...Ночь окутала город муз. Лунный свет пробивался сквозь изорванное ветром черное кружево облаков...”

Она перечитала фразу, нахмурилась:

“Плохо. Кружево это ни к селу, ни к городу...” — она перечеркнула написанное.

Надо проще.

“Ночь. Луна. Ветер...”

Ну да. Добавь еще “...фонарь, аптека!” — пробубнила она, зачеркивая ночь, ветер и луну.

“Город муз растворился во мраке. Луна и холодный ветер...”

“Да что ж такое! Никогда мне первая фраза не дается. На потом ее оставить... Что там происходит?”

Она высунулась из своего укрытия. Все та же картина. У доски корчился Данька Брюшко. Умный парень, но стеснительный страшно. А под Зоиним взглядом ему становится совсем худо — бедняга покрывается красными пятнами, потеет и мычит. Зоя таких не отпускает, пока до слез не доведет. А вмещаешься — только хуже будет. Проверено. Саша уткнулась в тетрадь. Надо двигаться дальше.

Сны — они такие. Пока не запишешь, не дадут жить спокойно, будут вертеться в голове. А этот снится ей уже которую ночь. Она пытается его записать, но пока подбираешь слова, картинки ускользают, как рыбки и выходит что-то бесцветное и скучное.

“Темная фигура неслышно поднялась по ступенькам старого дома и поставила на крыльцо большую корзину. В корзине сладко спал младенец. Муза беспокойно оглянулась, опустилась на ступеньки, обхватила руками корзину и приникла к ней головой.

Потом сняла с шеи кулон. Прозрачный камень цвета красного вина на черном шелковом шнурке тревожно сверкнул в ее руках. Она опустила его в корзину с младенцем.

— Прости, мое драгоценное дитя! — произнесла она сквозь слезы, и нежный голос ее прозвучал, как разбитая флейта.

Она поцеловала младенца, неслышно скользнула с крыльца и понеслась по темной улице назад, так стремительно, словно не холодные камни, а раскаленные угли лежали у нее под ногами...”

Саша прикусила кончик ручки, взглянула в окно.

Может не раскаленные угли, а осколки стекла?

“ Перед поворотом она остановилась, обернулась и прошептала...

— Белоконь, повтори мою последнюю фразу!

Саша вздрогнула, захлопнула тетрадь. Перед ней стояла Зоя Всеволодовна. У доски никого. Сколько времени прошло? О чем речь? Она метнула отчаянный взгляд на Юльку, соседку по парте, та что-то беззвучно ей шепнула. Разумеется, Саша ничего не поняла.

— Я... я не расслышала. — промямлила она.

— Чем вы заняты, Белоконь? — ласково поинтересовалась Зоя Всеволодовна.

— Я... конспектирую...

Зоя протянула раскрытую ладонь. Саша подгрестила тетрадь к себе поближе.

— Дай сюда. — произнесла учительница металлическим голосом.

Саша, как под гипнозом, повиновалась. Не сводя с нее глаз, Зоя Всеволодовна взяла тетрадь, — Посмотрим... что ты там... строчишь... — раскрыла и углубилась в чтение. Закончив, взглянула на Сашу поверх очков.

— Что это?

Саша краснела и молчала.

— Белоконь, я задала вопрос!

— Сон... — пробормотала Саша.

— Сон. — повторила Зоя и не спеша двинулась на свое инквизиторское место, унося в когтях тетрадь.

Саша затравленно смотрела в ее узкую спину.

Класс притих. Многие испытали на себе метод Зои Всеволодовны: зацепить жертву меткой фразой, взять за горло, высосать досуха и отшвырнуть бледную шкурку. Саша ухитрилась быть неуязвимой для ее шпилек и крючков. И вот, наконец, допустила промах. Теперь Зоя оторвется по полной. Что ж, настала очередь Белоконь встать к позорному столбу. Шоу обещало быть грандиозным.

— Хотите послушать? — обратилась Зоя к аудитории.

Никто не посмел отказаться.

— Ночь окутала город муз... — замогильным голосом начала Зоя.

Она сопровождала чтение драматическими интонациями, выразительной мимикой, ироничными комментариями. Старалась как могла. Сначала все ржали, потом затихли понемногу.

— Ваше впечатление? — обратилась Зоя Всеволодовна к классу.

Аудитория молчала.

— Смелее! У нас урок литературы. Перед нами художественное произведение. Да, Белоконь? Давайте обсудим! Ломакин, что скажешь?

Ломакин, знаменитый на всю школу хулиган и шут гороховый, поднялся и хихикнул.

— Не знаю. Хрень какая-то!

— И все?

Ломакин пожал плечами и снова хрюкнул от смеха.

— А чего еще-то?

— Молодец! Краткость — сестра таланта. Учись, Белоконь! А то развезла тут... Кстати, почему ты сидишь? Педагог перед тобой стоит, а ты как королева английская...

Саша поднялась. Каждый удар сердца окатывал ее кипятком.

— Посмотри на меня.

“Не смотри в глаза! В переносицу!” — скомандовала себе Саша.

— Сашенька. — сказала Зоя нежно, — Не обижайся. Я желаю тебе добра. Жизнь коротка, а время драгоценно. Не стоит разбазаривать его на бессмысленную ерунду. Дорогая моя, литература — это нечто большее, чем твои словесные завитушки.

“Только не разревись...” — твердила себе Саша.

— А может хватит уже? — громко, с вызовом спросил Ломакин.

— Я сама решу, когда хватит, господин защитник! — прикрикнула на него Зоя, не сводя глаз с Саши.

— Правда, Зоя Всеволодовна! Может у нее талант! — подхватила Юлька.

— Талант? — прищурилась на нее Зоя, — И окинула класс победоносным взглядом. — Запомните, ребята, талант... его не спрячешь. Он всегда пробьет себе дорогу! Если он есть. А если нет... Если ты бездарность, — с наслаждением выговорила она, — то нечего время тратить. Свое и чужое. И уроки мне тут срывать. Забери свою писанину, Белоконь! Все.

Она захлопнула тетрадь.

— Продолжаем урок! Белоконь, к доске!

Саша раскрыла рюкзак, сгребла в него свои пожитки, выбралась из-за парты, опрокинув стул. И пошла к двери под перекрестным огнем насмешливых и сочувственных взглядов.

— Что за истерика, Белоконь? — прикрикнула Зоя, — Я тебя не отпускала! Вернись на место! Стул подними!

Саша вышла, хлопнув дверью.

Мама слушала ее, не прерывая. Саша не отваживалась на нее взглянуть. Она знала, что увидит жалость в маминых глазах, а это было страшно и стыдно. Закончив свой рассказ и не услышав в ответ ни слова, Саша отважилась приподнять мокрые ресницы и вздрогнула, увидев мамино лицо. Бледное, застывшее, чужое. А глаза такие... будто случилось то, чего она давно ждала и боялась. Саша вмиг забыла о своем позоре.

— Мама! Что с тобой?

— Как ее зовут? — спросила мама неестественно ровным голосом.

— Зоя. — прошептала Саша. — Всеволодовна...

Мама потянулась за пальто.

— Ты куда? — взволновалась Саша.

— Зоя. Всеволодовна. Если это то, о чем я думаю... Не может быть. Только не это... — бормотала мама, пытаясь поймать второй рукав.

У Саши вдруг заныло под ложечкой от предчувствия дурного, непоправимого. Она вцепилась в мамино пальто.

— Мам, пожалуйста, не ходи! Наплевать на эту дуру! Что она понимает? Я пойду завтра в школу!

Мама обернулась, и спокойно сказала:

— Ты очень талантливая. Никогда не сомневайся.

Поцеловала Сашу и ушла, волоча полунадетое пальто как подбитое крыло.

Прошел час. Два. Под ложечкой ныло все сильнее. Мама не возвращалась. Три.

“О чем можно так долго разговаривать с этой гримзой? Позвоню”.

Абонент недоступен. “Что такое? Где она? Как-то все не так...” Саша, забыв о своих недавних клятвах, помчалась в школу.

Охранник припомнил, что да, приходила женщина, высокая, в черном пальто, вот

расписалась. Выходила ли? Не видел. Зоя Всеволодовна? Не обратил внимания. В школе нет уже никого. Иди, девочка, домой. Мама тебя уже ждет, беспокоится.

Но никто не ждал ее дома.

Саша заметалась. Она выходила на улицу, бродила в надежде, что придет домой — а там мама. Но ее не было. И сил уже не было ждать. Позвонила папе, хоть и не полагалось его беспокоить во время работы. Папа сказал, что бежит домой. Просил не волноваться.

Стемнело. Саша в куртке и в ботинках ждала маму на полу в прихожей. Ключ в двери! Сердце взметнулось и обрушилось. Папа. Он тоже начал куда-то звонить, тихо разговаривать, перемещаясь из комнаты в комнату и плотно закрывая за собой двери. Мог бы и не закрывать. Саша не собиралась подслушивать. Она сидела на кухне за столом, уперев невидящий взгляд в клен за окном, и твердила про себя: “Мамапридимамаприди...” Она не задавала вопросов, не плакала. Папа говорил с ней, но она плохо его понимала и раздраженно морщилась — он прерывал ее заклинание, а делать это было нельзя.

Ветер бушевал за окном, рвал ветки клена. Саше казалось, она качается вместе с ними, прямо на них качается ...вверх...вниз... «Проснусь, и мама будет дома» — проскользнула мысль, прежде чем усталая голова упала на руки.

Саша подняла голову. За окном было светло.

В кухню, зевая, вошел папа. Босиком, в пижаме и лохматый.

— Сашуля! Уже встала...

— Вернулась?

Папа оборвал зевок.

— Кто?

— Мама! Ты ее нашел?

Папа взглянул на нее так, будто впервые увидел.

— Саш... Тебе что-то страшное приснилось?

— Не пришла. — Саша заплакала, тихонько подвывая.

Папа растерянно обнял ее.

— Сашенька, послушай, посмотри на меня...

Саша рыдала.

— Как ты мог спать, если она... Ее же надо искать! Надо в полицию!

— Саша, посмотри на меня! — жестко сказал папа. — Мама давно умерла!

— Как? Ты что? Она вчера... — шептала Саша, постукивая зубами. — Что случилось?

— Сашенька. Деточка. Да что же с тобой такое! В день твоего рожденья. Пятнадцать лет назад.

— Вчера она пошла в школу. К Зое...Всеволод... К Зое, учительнице. Литера...

Никак не вдохнуть. Где воздух? Туман перед глазами. Сияющие точки плавают. “Сейчас я потеряю сознание.” — догадалась Саша.

Скрип двери. Шлепанье босых ног...

— Мамочка! — опрокидывая стулья, врубаясь в косяки, она бросилась навстречу и чуть не сбила с ног невысокую светловолосую женщину в зеленом халате.

— Вы откуда? То есть вы кто? Как вы сюда... — бормотала Саша, отступая по коридору. В полумраке лица женщины было не разглядеть.

— Гос-споди, Сашка, совсем заучилась. Чего вскочила в такую рань? Суббота... — сонно пропела женщина, обогнула Сашу и поплыла в сторону кухни. Саша за ней. Папа улыбнулся женщине, приобнял ее за плечи и чмокнул в щечку.

— Вы... кто? — Саша привалилась к стене, вцепилась в дверной косяк.

Женщина обернулась и внимательно посмотрела на нее водянистыми глазами.

— Опять твои выкрутасы?

— Светлан, подожди. С ней что-то не то. — тихо сказал папа.

— Что еще за Светлана? А мама? Что вы сделали с мамой? Где моя мама?

— Сашенька, твоя мама давно умерла, — ласково объяснила Светлана.

— Как же так? Вот ее чашка... — тупо бормотала Саша.

— Это моя чашка. Твой папа купил ее мне в Италии.

— Мы ездили в Италию с мамой... Да прекратите вы улыбаться!

Папа со Светланой переглянулись. Саша бросилась в комнату.

— Ну вот же, вот! Мама рисовала... Колизей... — Саша беспомощно показала на рисунок на стене.

— Мы купили его на блошином рынке. В Риме. — мягко возразила Светлана. — Забыла?

— Пап!

Папа молчал. Смотрел на Светлану.

Саша распахнула дверь своей комнаты.

— А птицы? Мы с мамой их рисовали! Ты еще ворчал, что бумаги нам мало! — прямо на стене они изобразили раскидистое дерево и птиц. Много птиц.

— Эта стена белая. — спокойно ответила Светлана.

Саша умоляюще смотрела на отца. А он взглядом подтвердил — белая. Саша сползла на пол, заплакала.

— Сашенька, — папа взял что-то со стола, сел рядом — что же с тобой творится... посмотри, вспомни. Вот мамина фотография...

Саша вытерла глаза и взглянула на старую фотографию в самодельной рамке.

— Это не мама. Это... Зоя Всеволодовна.

— Саша!

— Нет. Нет. Нет.

Что было дальше, Саша помнила плохо. Только отдельные фрагменты, как обрывки тяжелого сна.

...Она вышвыривает вещи из шкафов, ищет, пытается что-то объяснить папе.

...Светлана сует ей под нос стакан, она швыряет подушкой в Светлану.

...Папа хватает ее в охапку, прижимает к себе. Она вырывается, затихает. Плачет.

...Она сидит на диване, укутанная пледом так, что рукой не шевельнуть. Светлана подает папе стакан, папа подносит его Саше, она уворачивается, потом делает несколько глотков. И все исчезает, распадается на куски, валится в темную яму.

...Незнакомые люди. Аккуратный добрый старичок, женщина с неприятным голосом, одинаковые девушки.

Саша пытается им втолковать, что пропала мама, а папа сошел с ума, или они сговорились со Светланой и совершили нечто ужасное.

А потом она поняла, что ей никто не верит, устала и замолчала. Перестала отвечать на вопросы. И снова темный провал.

И вот она сидит на своей кровати, подтянув колени к подбородку. За окном темно, тускло светит лампа на столе. Светлана на полу возле кровати, говорит тихо и монотонно:

— Доктор сказал, это нервный срыв. В твоем возрасте такое бывает. Ты никогда не

видела маму. Ты ее не помнишь. Её нет. Просто поверь, и тебе станет легче.

И смотрит пристально. Какие холодные, равнодушные у нее глаза!

Саша прошептала:

— Но я же помню. Вы не можете сделать так... будто её не было.

Она отвернулась от Светланы, прижалась боком к нарисованному дереву. Погладила птицу Додо, нарисованную маминой рукой.

— Какие грязные стены в твоей комнате. — заметила Светлана. — Надо бы покрасить.

Саша крепче прижалась к дереву

— Не надо... пожалуйста.

— Смотри мне в глаза, девочка. — прошипела Светлана. Не смей плакать. Смотри в глаза. И слушай.

“В переносицу! — твердила себе Саша, — не в глаза...”

— Если ты будешь упрячиться, — заворковала Светлана, — то придется перейти к плану “Б”. Нам с папой очень бы этого не хотелось, но как еще мы сможем тебе помочь?

— Что еще за план “Б”? — Саша старалась, чтобы вышло презрительно, но вышло жалко.

— Ты побудешь некоторое время в специальном заведении.

— В дурдоме? — догадалась Саша.

— Зачем так грубо? Есть частные стационары, там работают первоклассные специалисты. Они приведут в порядок твою психику. — нежно улыбнулась Светлана. — Ты понимаешь меня?

Саша понимает. Ей почти пятнадцать, она большая девочка и догадывается, что значит “приведут в порядок психику”. А еще она понимает, что осталась одна на свете. Даже папа ей не поможет. Он будет заодно с этой ласковой женщиной. Её невозможно послушаться.

— Понимаю. — заморожено отвечает она.

— Вот и хорошо, вот и умница. — воркует Светлана.

Все вокруг плывет, погружается в темноту, только Светланины глаза сияют как два маяка в тумане.

Боже, её глаза... Они светлеют, становятся прозрачными, как куски льда, светятся все ярче. “Это кошмар! Сейчас я проснусь!” Саша набрала воздуха, чтобы закричать, но Светлана крепко схватила ее за руку.

— Тихо! Ты видишь то, что не должна видеть. Странно... Но так даже проще. Слушай. Ты — обычный подросток. Бедная сиротка. Я — твоя добрая мачеха. У тебя был нервный срыв. Ты это понимаешь. Ты больше так не будешь. Ты пьешь валерьянку и выздоравливаешь. Ты не заикаешься про эту историю в школе. Ты прекращаешь изводить бумагу на свои глупые выдумки. Иначе... — ее глаза вспыхнули. Саша зажмурилась, отшатнулась, стукнувшись головой об стену с птицами.

— Иначе твоим домом станет психушка. Хочешь туда? — Саша из всех сил замотала головой.

— Будешь пай-девочкой? — Саша энергично закивала.

Глаза погасли. Комната вынырнула из темноты.

— Сейчас ты ляжешь в кровать, — ласково запела Светлана, — и спокойно уснешь. А завтра все будет хорошо... все будет хорошо...

Но завтра все было плохо. И послезавтра. Каждый новый день теперь начинался так:

“Я бедная сиротка, я обычный подросток, я хорошая девочка... Что еще? У меня был

нервный срыв, я больше так не буду. Я не вспоминаю о маме, не пытаюсь ее искать. Не плачу. Я справлюсь. Только бы она не догадалась. Мне никто не поверит. Она на любого наведет морок. Я не хочу в психушку! Я хорошая девочка. Я все равно найду маму!”

Саша затаилась. Она старалась меньше разговаривать и больше улыбаться. Стала вежливой, послушной и удобной.

Светлана оказалась заботливой мачехой. По утрам кормила сырниками, щедро поливала их вареньем, следила, чтобы Саша все съела.

— Кушай, Сашенька, смотри, какая ты худенькая. Как швабра! Кормишь тебя, кормишь, куда только все девается? — мурлыкала Светлана, поглаживая Сашину руку широкой теплой лапой с длинными ногтями. И Саше казалось, что Светланина рука — сытая кошка, а ее собственная костлявая кисть — обреченный птенец.

Она упихивала в себя сырники и, обмирая от страха, гадала — может Светлана чего-нибудь в них подсыпала? Или варенье сварила с колдовской травой?

Криво улыбалась, благодарила Светлану. Та отвечала:

— На здоровье, деточка.

Все было спокойно и мило. И очень страшно.

Она перестала писать. Она возненавидела себя за то, что когда-то переселяла на бумагу свои фантазии. Из-за них мамы больше нет. Если в ее голову забредал новый герой, она гнала его. Она хотела уничтожить свои черновики, утопить их, сжечь, закопать. Но коробки, набитые исписанными тетрадками и блокнотами, оказались пустыми.

Загадочное исчезновение черновиков не расстроило Сашу. Ей было стыдно о них вспоминать. Как ей вообще пришло в голову начать писать? Теперь даже школьные сочинения даются ей с трудом — она с трудом вымучивает из себя корявые, безжизненные фразы.

Историю с Зоей она помнила смутно. Она что-то написала. Зоя прочла. Назвала ее бездарностью. Она ушла, дверью хлопнула.

Папа стал похож на фотографию, которую научили ходить и разговаривать. Если Саша обращалась к нему, отвечал. Сам он задавал только один вопрос:

— Как дела в школе?

Вежливая улыбка не сходила с его лица. И как ни старалась Саша смахнуть эту невыносимую улыбку, ей не удавалось. Да и возможности такой Светлана не оставляла, всегда маячила неподалеку.

Однажды Саша все же улучила момент — мадам отправилась в ванную, а папа сидел на диване в гостиной и смотрел в точку. Он теперь часто так сидел. Саша примостилась у папиных ног, заглянула в пустые глаза.

— Сашенька! — очнулся папа, — как дела в школе?

— Знаешь, пап, что сегодня было? Сидим мы на уроке химии, решаем уравнения. Вдруг с улицы — тук! тук! тук! Смотрим, а за окном наша директриса верхом на метле!

Папа улыбался.

— Снимает туфлю, — не сдавалась Саша, — и как швырнет ее в окно! И вдребезги!

Папа внимательно слушал.

— Влетела она в класс, — продолжала Саша упавшим голосом, — подлетела к портрету Менделеева и как плюнет в него!

— Очень хорошо.

— Ничего хорошего. Теперь на портрете зеленое пятно. Химик так и не смог его

вывести. — прошептала Саша сквозь слезы.

— Что ж, я рад, что у тебя все в порядке.

— Пап... Ты где?

Папа встал с дивана и побрел куда-то. Саша за ним. Он постоял немножко в холле и двинулся в Сашину комнату. Она кралась следом, стараясь случайным звуком не спугнуть слабую надежду.

Папа вошел в ее берлогу, опустился на пол. Она тихонько присела рядом.

— Сашка... знаешь, мне иногда кажется, что я — это не я. — признался папа. — Будто настоящий я живет... живу... далеко. А здесь — кто-то другой. — он посмотрел на Сашу почти прежними глазами. Обернулся к белой стене, где еще недавно зеленело дерево с птицами.

Саша едва дышала. “Сейчас он вспомнит!”

— А еще, — продолжал папа, наморщив лоб, — я постоянно хочу вспомнить что-то важное и не могу. Тот, другой не дает. Каждый раз, когда я пытаюсь сосредоточиться, он включает музыку в моей голове. На полную громкость. Вот как сейчас.

— Пап... вспомни, пожалуйста, — прошептала Саша.

— Может ты поможешь?

— Я не могу. Ты должен сам. Мне нельзя.

— Помоги мне. — тихо попросил папа.

Опасные слова теснились в горле, она почти решилась...

Щелкнул выключатель и комнату залил яркий свет.

Светлана! Как она тихо подкрадывается... Саша терпеть не может верхний свет, Светлана это знает. Она ничего не делает просто так.

— Секретничаете? — бледные глаза просканировали их по очереди.

— Если вам так хочется сидеть в темноте, предлагаю вместе посмотреть кино.

— О! — вежливо обрадовался папа, — я как раз хотел посмотреть кино. Ты угадываешь мои желания, дорогая. — он поцеловал руку Светлане.

— И мысли, дорогой. И даже мысли. — ответила Светлана, глядя на Сашу.

— Пойдем, Сашуль! — обернулся папа.

— Пойдем, папуль... — вздохнула Саша и побрела следом.

День проходил за днем, она все крепче сжимала зубы, все глубже уходила в себя и тащила дальше свою жизнь, как усталый ослик неподъемную поклажу. Прямоком к обрыву.

ГЛАВА 2. Карлик-пират

Прошел год. Субботним утром Саша медленно брела по солнечному, веселому Арбату, не видя света, не слыша звуков.

С тех пор как жизнь ее полетела вверх тормашками, она жила, как ей казалось, под стеклянным колпаком. Это был хороший колпак — из матового дымчатого стекла, прочный, надежный. Но, укрывая Сашу от страха и тоски, колпак не давал просочиться ничему другому. Цвета, запахи, музыка, смешные истории, красивая одежда, милые котики — все это оставалось снаружи, не доходило, не трогало.

Сегодня ей удалось улизнуть из дома до завтрака, специально встала пораньше. Светланина еда — ее вечный страх и ужас. Она подготовилась к прогулке — еще вечером сунула в рюкзак два яблока и бутылку воды. Это почти безопасно. Воду она покупает сама, а в яблоки трудно что-то подмешать. Но она всегда внимательно осматривает кожуру — нет ли надреза или прокола. Десять раз проверит, прежде чем сунуть в рюкзак.

Одно яблоко она уже съела. Может съесть второе? Нет, лучше попить воды, а яблоко побережь — можно будет подольше не возвращаться домой. Когда голод совсем одолеет, она перекусит. Выиграет еще пару часов покоя. Можно, конечно, купить что-нибудь. У нее с собой сто рублей с мелочью, а в переулке неподалеку — пекарня.

“Наша с тобой любимая, да, мам?”

Там приветливые черноглазые девушки продают крохотные пирожки — внутри вишенка, а сверху сахарная пудра и листик свежей мяты... Стоп! Если она поддастся соблазну, то не сможет прибавить очередную крохотную сумму к своим сбережениям. Когда есть цель, надо быть твердой.

Саша все рассчитала. Через два года с небольшим ей исполнится восемнадцать. Она станет взрослой, сможет делать что захочет, ехать куда вздумается. Никто уже не посмеет угрожать ей психушкой. И тогда она попробует разыскать маму. Будет искать, пока не найдет.

Но для этого нужны деньги. Много. Ну, или хоть сколько-нибудь на первое время. Так что надо копить. И не разбазаривать деньги на удовольствия, а силы — на принятие пустяковых решений. Их и так нет. Светлана забирает все без остатка. Только выйдя из дома и нахлобучив глубокий капюшон, она может перевести дух и начать собирать силы, как раскатившиеся бусины.

Она вздохнула, миновала опасный поворот и поплелась дальше. Ей нравится здесь бродить. Каждый встречный выглядит странновато — место такое. И никто не обращает внимания на долговязую, сутулую девочку в капюшоне. Никому нет до нее дела. Здесь легко быть невидимкой.

Но сегодня случилось необычайное. Может солнце светило слишком ярко, может колпак дал трещину — кто знает? Только Саша почувствовала, как кто-то цапнул ее за рукав. Она вздрогнула, вырвала руку, обернулась.

Перед ней стоял пухлый человечек крошечного роста в потертом камзоле и коротких красных шароварах. На голове драная бандана с черепами, в ухе здоровенная серьга. Левый глаз прячется под черной повязкой, правый смотрит пристально и хитро. Карлик-пират. Ряженный. Здесь таких полно.

— Здравствуйте! — невольно вырвалось у Саши.

— Принцесса в изгнании! Прекрасное сумрачное дитя! — завел пират противным, заискивающим голоском.

“Сейчас начнет нудеть, чтобы сфотографироваться.” — с тоскливой досадой подумала Саша. — “Нашел к кому прицепиться! Странно. Обычно ряженые меня не замечают”.

— Нет у меня денег. — оборвала она человечка.

— Разве я просил у вас денег, принцесса?

— Не просили, так попросите. — отрезала Саша и пошла дальше, чуть быстрее, чем обычно.

Человечек семенил рядом, стараясь попадать с ней в ногу. Получалось у него плохо, хоть он и старался изо всех сил.

— Сдались мне ваши деньги! Зачем я буду просить у вас то, что вам нужнее, чем мне?

Саша насторожилась, но решила не вступать в дискуссию. Она прибавила шагу, надеясь, что назойливый спутник сам оторвется. Но тот, пыхтя и потея, шел с ней ноздря в ноздю. Пойти еще быстрее означало побежать, а это было бы уж совсем несуразно — удирать среди бела дня от ряженого карлика. Она остановилась.

— Чего вам надо?

Вышло грубо, но карлик не обиделся.

— Мне-то ничего, — ухмыльнулся он, — а вам письмецо просили передать.

Интересное.

Из-за грязного обшлага он извлек бумажку, сунул Саше в руку и сказал нормальным, ничуть не писклявым голосом:

— Долго не раздумывай — опоздаешь.

Подмигнул, отвесил шутовской поклон и пошел себе вразвалочку дальше.

Саша, ничего не понимая, смотрела ему вслед.

“Псих.” — решила она и развернула бумажку. Сердце замерло.

“Твоя мать жива. В Самородье знают, что с ней случилось. Торопись.”

— Что?!

Саша рванулась за пиратом, но того и след простыл. Она заметалась, как потерявшийся щенок. Приставала к ряженным — не видел ли кто пирата, метр с кепкой, черный камзол, штаны красные? Вопрос жизни и смерти!

Ей сочувствовали, но помочь не могли. Крошку-пирата здесь не встречали. Винни-пух — пожалуйста, вон он гуляет. Есть арап Петра Великого — студент Университета Дружбы Народов, стройный красавчик цвета чернослива. Он в камзоле, да.

Барышни в растрепанных париках и пышных юбках с грязными подолами припомнили одного пирата. Под два метра ростом. Еще попугай у него на плече сидел. Так они оба уже с месяц как не показываются.

И Саша поняла — все, удрал. Скинул камзол, смешался с толпой и нырнул в метро “Смоленская”. А красными штанами здесь никого не удивишь. Она рухнула на ближайшую скамейку и снова развернула драгоценную записку.

“Твоя мать жива.”

Она знала, всегда знала!

“Самородье...” Никогда не слышала. Город? Деревня?

“Торопись.”

Дрожащими пальцами, промахиваясь мимо букв и чертыхаясь, Саша терзала поисковик.

Хм... Самородье. Звучит жутковато. “Уникальное место... художники... музеи... фестивали...” Двести километров! Даль какая. Автобус от метро до конечной остановки. И на пароме через реку.

“Еду. Прямо сейчас!” — Саша вскочила со скамейки и радостная мешанина красок, звуков и запахов вдруг обрушилась на нее. Исчез колпак, а она и не заметила. Пират утащил, или потеряла, пока носилась взад-вперед? Не все ли равно!

Она с изумлением обнаружила, что серая муть вокруг нее — настоящие люди, живые, разноцветные! А сколько звуков! Она давно привыкла к невнятному “бу-бу-бу”, а сейчас различает даже цоканье коготков крошечной собачки! Потянула носом, вдохнула ароматы нагретой солнцем брусчатки, деревянной скамейки, умирающих листьев, пыли, духов, пирогов с капустой... Ей стало жарко. Она расстегнула куртку, смахнула капюшон, растрепала волосы. Ощущение праздника поднималось в ней, она и забыла, как это бывает. Но что-то упорно мутило радость. Ну конечно, Светлана! А вдруг это она подослала пирата?

“Чего же она ждет?” — мучительно размышляла Саша — “Что я прибегу домой размахивая запиской? Вот вам и пожалуйста, рецидив: “Дорогой, случилось то, чего мы так боялись!” Нет уж, не надейся.

Тайком показать записку папе? Не выйдет. К нему не пробиться. Светлана как Цербер сторожит его сон наяву. Поехать в Самородье? Душа рвется туда, но вдруг в этом и заключается коварный план?

“Я помчусь, как дура, а она — в полицию: “Девочка не в себе, сбежала, пропала, помогите!” И намекнет, где меня искать. Приеду, а меня там уже ждут. Как бы я не поступила, эта ведьма окажется на шаг впереди.”

Так что же — домой? Туда, где пахнет Светланиным кремом для рук и психбольницей?

Саша ссутулилась, рука привычным движением потянулась к капюшону. Она обежала глазами пестрый Арбат, вдохнула чудесный, свободный воздух — немислимо потерять все это снова! Ей так хотелось верить записке, она так тосковала по маме! Она отдернула руку.

“Поеду. Даже если это ловушка. Это мой единственный шанс!”

Сунулась в рюкзак. Яблоко, телефон, зарядка, паспорт, бутылка воды, сто рублей с мелочью. Поголодать немножко — ерунда, дело привычное. А вот на сто рублей далеко не уедешь. Придется вернуться и забрать из тайника деньги, отчаянно рискуя столкнуться со Светланой.

“Не раздумывай долго...” И не буду. Рюкзак на плечи и бегом!

На чердаке их старинного дома, в углу, под грудой пыльного хлама спрятана железная коробочка из-под печенья. В ней скопленные деньги, и небольшой альбом. Она рисует маму. Боится забыть и рисует. Но никто не должен об этом знать, особенно Светлана. Вот и приходится прятать альбом — нет уверенности, что мадам не роется в рюкзаке. А лезть на чердак ей и в голову не придет.

Маскируясь за пышными кустами, молясь, чтобы Светлане не взбрело в голову именно сейчас куда-нибудь отправиться, Саша прокралась в подъезд. Тихо-тихо, пригибаясь и не дыша, миновала свою лестничную клетку, взлетела на пятый этаж, открыла решетчатую дверку. Еще семь ступенек, железная дверь и ключ на притолоке. Она вдохнула тяжелый, неподвижный чердачный дух.

Вот он, ее тайничок. Целый год она откладывала все, что выдавалось ей на мелкие расходы и не зря старалась. На дорогу хватит. А дальше она не загадывала. Альбом тоже

надо прихватить, у нее ведь нет ни одной маминой фотографии. Рисунки, конечно, не бог весть что, но все же лучше, чем ничего. Сунула альбом в рюкзак, деньги в карман. Все! Теперь бы выбраться.

“Никого на лестнице, никого.” — приговаривала про себя Саша, преодолевая опасный отрезок пути. Черт, шнурок развязался, хлопает по ступенькам. Некогда, потом.

“Фуух! Повезло. Свобода!” — теперь за угол, за куст, перевязать шнурки покрепче, но только быстро, быстро!

— Сваливаешь? — раздалось за спиной. Саша подскочила как кот, застигнутый за кражей сосисок.

Перед ней стоял руки в боки ее сосед Петька, вредный, противный мальчишка лет двенадцати. Вечно он болтался под ногами, размахивая своим дурацким самокатом и валяя дурака изо всех сил. Учебой это дитя было явно не перегружено, родители им особо не интересовались. Сашу он подбешивал.

— С чего ты взял? — злобно огрызнулась она.

— С рюкзаком. Лохматая. Бегом. — лаконично пояснил Петька.

— Ишь ты, не дурак. Не говори никому, что меня видел. — и она занялась вторым ботинком.

— Тыща.

— Что?

— Давай тыщу рублей и я тебя не видел.

— Я сейчас пинка тебе дам, а не тыщу рублей! — пообещала Саша, делая страшные глаза.

— А я Светке твоей расскажу.

“Вот гаденьш!”

— Знаешь, что бывает с шантажистами?

— Что?

— Погугли. Или в книжке прочитай. Лучше в книжке.

Саша отряхнула коленки, подтянула покороче лямки рюкзака и перепрыгнула ограду палисадника. Шантажист за ней.

— В какой книжке? У меня таких книжек нету! — крикнул он ей вслед.

— Отстань, мне некогда! — Саше вдруг стало жаль мальчишку. Но она одернула себя, не может она сейчас позволить себе жалость!

— В библиотеку сходи, — бросила на ходу. — Вон в том доме, за угол завернешь. — и прибавила шаг.

— Эй! Ты насовсем что ли?

Саша, не оборачиваясь, показала кулак.

— Возвращайся, без тебя тухло будет!

Она обернулась на ходу, хотела что-то ответить, но только махнула рукой и помчалась к метро, подгоняемая страхом, надеждой и попутным ветром.

Жители Самородья называли это место “Ведьмин карман”. Считалось, что если кто забредет сюда по глупости, то угодит к ведьме в лапы и выберется очень не скоро. Если вообще выберется. Правда это или нет, и при чем тут ведьма — никто толком не знал, но проверять дураков не было. Да и как туда пробраться? Высоченная чугунная ограда стоит с

незапамятных времен. За оградой корявые деревья, чертополох выше головы, темные заросли.

Вот уже много лет подряд здешние бабушки развлекают внуков одной и той же байкой — мол, давным-давно, в стародавние времена жил в Самородье парень. Раз приходит к матери — жениться, говорит, хочу. Что ж, дело хорошее. Кого брать хочешь?

Мялся парень, мялся — признался. За оградой красавицу видел. Жизни, говорит, нет без нее.

Мать поперек порога легла. Переступишь, говорит, сынок, через мать ради чертовой куклы? Переступил. Перелез через чугунный забор в Ведьмин карман, да и пропал. Его уж было похоронили, думали, в болоте парень сгинул. А через три года он возьми да и выйди из лесу, с другого краю города. Худой, оборванный и седой весь. Первое время даже говорить не мог, только трясся, да зубами стучал. А когда отпоили его бабки травками, отошел, заговорил. Да только лучше бы молчал. А он бормочет дикое, непонятное, то плачет, то хохочет до икоты. Так и доживал дураком бедолага.

Туристам пересказывали эту байку как образчик местного фольклора. Но всерьез предупреждали, что за ограду лезть нельзя. Запретная зона. Да и что там делать-то? Лес глухой да болота.

Но даже страшные истории не могли остановить смельчаков или сильно отчаявшихся. Лет тридцать назад появился в городе полусумасшедший механик — все носился с какими-то паровыми двигателями. Мол, окружающую среду чтоб не отравляли. Смеялись над ним, ясное дело. А он однажды взял, да и пропал. Местные в один голос сказали — за оградой, на болотах, больше негде.

И еще один был, совсем молодой парень, художник, на этюды приехал. И ведь предупреждали дурака! Нет, полез... И вот уж двадцать лет как бегаёт по Самородью, в волосах перо воронье. Стены пачкает, плачет и чушь городит.

Светловолосая женщина приблизилась к высокой чугунной ограде, огляделась. Пустынный проулок, высокие глухие заборы, тишина. Она проскользнула сквозь частые прутья ограды и уверенно нырнула под низкие ветви старых яблонь.

Похоже, извилистый путь между уродливых стволов был ей привычен, и сгнать в зарослях чертополоха она не боялась. Выбралась из-под яблонь, двинулась было дальше и вдруг застыла на месте. Медленно повела головой.

— Куда лезешь? — послышался насмешливый голос в двух шагах от нее.

Из-за кустов жасмина бесшумно выступила высокая женщина, одетая в бесформенную черную кофту, широкие штаны и резиновые сапоги. Лицо и волосы прятались в глубоком капюшоне.

Светловолосая вздрогнула и, не оборачиваясь, склонила голову.

— Хозяйка... Я шла к вам.

— Идиотка! Не хватало, чтобы кто-нибудь заметил тебя рядом с моим домом. Любой дурак распознает твою гнусную природу даже в этих желтых перьях.

— Меня никто не видел. Я бы не посмела...

— Говори.

— Я сделала как вы велели. На этот раз все получилось!

Хозяйка угрожающе молчала.

— Могу я рассчитывать на ваше снисхождение? — прошептала Светловолосая.

— Бессмысленное существо. — донеслось из-под капюшона. — От тебя всего-то требовалось — стереть ей память и сделать безвольной куклой. Паршивый хухлик — и тот бы справился! Утопить бы тебя в болоте! Впрочем, однажды я уже сделала это — усмехнулась Хозяйка, — не помогло. Ты бесполезная. Катись к людям!

— Умоляю... Я старалась как могла, но моя сила не беспредельна... — шептала в ответ Светловолосая, ломая пальцы.

— Сила? Не смейся. С ребенком справиться не сумела!

— На нее не действует морок! Проклятое Агафьино отродье! Но кое-чего я добилась. — Светловолосая робко приподняла глаза. — Она больше не видит тех снов.

— Это не твоя заслуга, — оборвала ее Хозяйка. — Ее морфейную музу утопила я!

— Она больше не сочиняет, — упавшим голосом продолжала Светловолосая, — она напугана, тоскует...

— Продолжай.

— Она скоро будет здесь! Мой помощник встретит ее.

— Твой помощник... Такой же клоун, как и ты. Только и умеете, что менять личины, как дурная девка тряпки перед зеркалом.

— Он справится, клянусь Великой Утробой!

— Ладно. Сиди тихо и жди. Позову. Посмотрим, что там за Агафьино отродье...

ГЛАВА 3. Пироскаф, Ксенофонт и Агафья

Угнездившись в кресле у окна загородного автобуса, свернувшись в своей любимой позе — колени к подбородку, Саша блаженствовала. Слабела хватка ее прошлой жизни, в голове появлялись мысли, не исковерканные вечным: “А что если Светлана...” Ее собственные мысли обо всем на свете.

Она поймала себя на привычном движении — полезла в рюкзак за блокнотом и карандашом, чтобы записать мелькнувшую идею. И отдернула руку, как от горячего.

“ Не смей. Тебе нельзя. “

У нее и блокнота нет. Раньше всегда носила с собой, вечером клала под подушку вместе с карандашом. А теперь...

Саша вздохнула. И тут же сердито тряхнула головой. Хватит киснуть, надо подумать о деле!

“Вот приеду, сяду на паром, переправлюсь через реку (какая там, кстати, река?), войду в город и...”

Тут только до нее по-настоящему дошло, что она едет в полную неизвестность. Ни она сама, ни один человек на свете не знает, где она окажется через пару часов и что ее там ждет. Впрочем, кое-кто знает. И, возможно, даже поможет ей, раз прислал записку. А что если он сейчас здесь, в этом автобусе?

Саша рассеянно, как бы невзначай, обвела глазами немногочисленных попутчиков. Никого подозрительного. Бабули в пестрых кофтах крепко сжимают ручки сумок-тележек. Молодая женщина с усталым лицом держит на ручках мальчишку лет четырех, а он равнодушно уничтожает плитку шоколада. Дама со сложной прической сверкает Саше в глаз старомодной сережкой с красным камнем. Скучная публика. Пожалуй, автора записки здесь нет. Остается надеяться, что он сам найдет ее в городе.

Что ж, тогда план нехитрый: всюду ходить, внимательно смотреть и слушать.

Саша облегченно вздохнула, привалилась растрепанной головой к окну и уснула.

— Просыпайся, дочка! Приехали! — загудел ей в ухо хриплый бас.

Саша открыла глаза — перед ней маячила веселая бородатая физиономия. А в автобусе никого.

— Уже? — ей показалось, что она отключилась минут на пять, не больше. — А сколько времени?

— Тринадцать пятнадцать, точно по расписанию. Паром тебя ждет.

— Откуда вы знаете?

— А больше некуда, только в реку! — бородач захохотал своей шутке. Отсмеявшись, серьезно добавил — Или в лес.

“ М-да, местечко. Ну и глухомань!” — расстроилась Саша, выбравшись из автобуса и осмотревшись. Проселочная дорога оканчивалась небольшим пяточком, только-только развернуться автобусу. Справа, слева и позади темнел лес. Впереди река. Узенькая тропинка упирается в деревянную пристань. Рядом покачивается непонятная постройка, вроде сарайчика.

— Эй, на суше! — Бородатый шофер, хохоча, махал ей с парома.

— Вы? — округлила глаза Саша.

— Так точно! Прыгай на борт!

Саша подошла, с опаской взглянула на подозрительного вида плавучую шгуковину. Широкая такая дощатая платформа. По бокам приделаны здоровенные колеса, а в центре торчит небольшой домик с трубой. Тот самый паром?

— Что за хаусбот? — нахмурилась она.

— Сама ты бот! Это пироскаф! — гордо произнес бородач, — Не слыхала про такое? На паровой тяге. Видишь трубу? Это печка.

— И оно не утонет?

— А понтон на что?

Саша обернулась, взглянула на одинокий автобус, на темный лес. Где-то за ним ждет ее Светлана.

“Не дождешься!”

Она собралась с духом и прыгнула на платформу. Пироскаф закачался и Саша едва удержалась на ногах.

— Вот и молодец! — похвалил бородач, ловко подхватив ее под локоть. Саша, неловко балансируя, вцепилась в шаткие деревянные перильца.

— Да не бойсь, не потонем. Сколько лет на нем хожу — ни разу не подвел. Знай уголь в печку подбрасывай. Не слыхала про пироскаф?

— Нет. — честно призналась Саша.

— Его двести лет назад один француз придумал. Только у него он и часа не проработал. А у Леонардыча нашего до сих пор бегаёт. — Бородач вдруг погрузился. — Да... Лет уж тридцать, как сгинул человек, а творение его работает...

Он печально вздохнул, но тут же снова просиял.

— Харитоныч. — объявил он и протянул Саше здоровенную ручищу.

— Очень приятно. А я — Евгеньевна. — хихикнула Саша.

— Красиво! — оценил Харитоныч. — Ладно, Евгеньевна, пошел я к штурвалу. Отваливать пора.

И скрылся в домике. Через минуту внутри что-то запыхтело, засвистело, пироскаф дрогнул и отчалил от пристани. Забурлила вода, закачались берега, лес поплыл назад. Пироскаф двинулся вверх по реке.

— Тебя звать-то как, Евгеньевна? — Харитоныч возник в окошке прямо у Саши за спиной.

— Александра. — вздрогнув, ответила Саша.

— А я — Ксенофонт.

— Как, как? — чуть не рассмеялась она и быстренько добавила: — Красивое имя. Странное немножко.

— Странное? — искренне удивился Ксенофонт. — Это ты странных имен не слыхала! Ничего, сейчас приедешь в Самородье, каких только не услышишь! Один Бруныч чего стоит!

— Кто?

— Филипп Брунович. — разъяснил Ксенофонт, — Библиотекарь наш. Карл Иваныч ест — учитель музыки. Амалия опять же. Традиция у нас такая.

— Традиция? — машинально повторила Саша.

— Ты что, не знаешь, куда едешь? — нахмурился паромщик, — Тебя как занесло-то сюда?

Саша замаялась. Не хотелось рассказывать первому встречному бородачу как ее сюда занесло. Но словоохотливый Ксенофонт не стал дожидаться ответа.

— Место здесь особенное. Если человек не хочет, чтоб его нашли — это сюда. Это к нам.

У Саши екнуло сердце.

— Колдуны сюда сбегались. Со всего света. — продолжал Ксенофонт, понизив голос. — И все со своими именами. Так и повелось.

— А как они узнавали, куда бежать?

— Кто как. Кому птичка чирикнет, кому рыбка шепнет, кому добрый человек подскажет. Были счастливики — добирались. А здесь хороших людей принимали, не гнали.

— Всех или только колдунов?

— Кто теперь разберет. Народ-то жгли тогда почем зря. — вздохнул Ксенофонт и округлил глаза: — Так ты что ж, и про Агафью не слыхала?

Саша была вынуждена признаться, что нет, не слыхала.

— Что ж ты, мать? Самого главного — и не знаешь. Ладно, время есть, расскажу тебе. А то приедешь, будешь там ушами хлопать. Погоди, угля только подброшу.

Саша не могла взять в толк, для чего ей история какого-то странного городка. Чем это поможет в ее поисках? Она так и хотела объявить Ксенофонту, но осеклась, едва открыв рот. Если мама спряталась в этом городке, то наверняка не случайно выбрала именно его. Она вздохнула и приготовилась слушать.

— Дело это давнишнее, — неторопливо начал Ксенофонт, снова явившись в окошке, как Петрушка в уличном балаганчике, — и никто теперь не знает, с чего все началось, и кто первый сюда прибежал, только стоит Самородье уже лет пятьсот. Так Бруныч говорит. Он точно знает. Не всякому удавалось сюда добраться. Но кто добирался — тот жил спокойно. Только если сам не начинал безобразничать.

— Это как?

— Пакостить. Скотину портить, бородавки вешать. Таких на болота выгоняли, к Черной горе. И говорят, — понизил голос Ксенофонт, — что на болотах еще одно селение появилось. Из тех, из пакостников. Правда это или нет никто не знает, потому — по болотам бродить, проверять — нет охотников. Место гнилое, гиблое. Мы его так и зовем — Поганая Яма. Слушай дальше.

Явились раз в Самородье путники — старик и девочка маленькая. Старика звали Ефимом Безобразовым, а девочку — Агафьей. Ефим ее внучкой называл. Но никакая она ему была не внучка. — Ксенофонт загадочно замолчал.

— А кто? — не выдержала Саша

— Горели они в одном срубе. — отвечал Ксенофонт, понизив голос, будто их могли подслушать. — Колдунов тогда в срубях сжигали.

— И девочка? — ахнула Саша.

— Девочка мать искала. Не нашла. — Ксенофонт вздохнул. — А Ефима спасла. Он сам толком не помнил, как дело было, по его словам девочка, мол, с огнем договорилась. Ефим чудом жив остался, обгорел весь, щеку спалил, шрам остался страшный. Девочка ему и рассказала про Самородье. Мол, мать ей перед смертью велела найти это место и там скрыться. Боялась, видно, что ведьминой дочке жизни от людей не будет. Вот и пришли они сюда. А Агафья, девчонка-то, не простая была. С огнем дружила.

— Как это?

— Сырые дрова, к примеру, поджечь, костер под дождем развести, пожар утихомирить. А когда подросла чуток, случилась в Самородье история.

Был один гнилой человек. И то ли напакостил кому, то ли с кем повздорил — в общем, прогнали его. А он на болота не пошел, напрямик в Москву побежал. И давай рассказывать — так мол и так, живут в лесу язычники поганые, огню молятся, добрых людей с толку сбивают. А верховодит всем девчонка Агафья, рыжая как бес. Доложили царю. Ну, царь солдат отправил, приказ им дал — деревню спалить, а Агафью в Москву пригнать пред его царевы очи. Пришли солдаты, приказ объявили и стали Самородье дровами обкладывать. А жители давай ребятишек в лес выгонять, спасти чтоб. И Агафью с ними. А Агафья в лес вошла и из глаз пропала, никто и не понял куда. Обложили солдаты деревню дровами и говорят — ну, язычники, пошли с нами, падите царю в ноги, молитесь, чтоб простил вам поганые дела, не то сгорите все к лешему. А Агафью, ведьменьша вашего, сюда подайте. Царь велит ее к нему доставить. Народ говорит — не пойдем, палите! Хрен вам, а не Агафья.

И тут чудо случилось. С самого неба спустился конь белый, крылатый, прямо перед солдатами. Глядь — а на нем Агафья сидит. Рубаха по ветру развевается, волосы рыжие столбом стоят. Уметайтесь, говорит, подобру-поздорову.

Солдаты, хоть и струхнули, а виду не подают, смеются. А она рукой вот так махнула, и столб пламенный поднялся из земли, огонь побежал, кольцом солдат окружил, не до смеху им сразу стало. Повалились наземь. Не губи, говорят, нас, дева. Мы люди подневольные. Приказ у нас — к царю тебя привести. А она им — царский приказ мне не указ. Царь вап матушку мою в срубе сжег. И я б его, нелюдя, спалила, да матушка перед смертью слово с меня взяла — живое не губить, дар мой не поганить. И вас потому не трону. Отправляйтесь обратно в Москву, да скажите, наврал тот мужичонка, нет здесь никакой деревни. И все, что видели — забудьте. А послушаетесь — прилечу, всю Москву спалю вместе с вами и царем вашим. Мне терять нечего. С тем и побрели домой солдаты, и сделали, как было велено.

А на том месте, где Агафья огненный столб сотворила, по сей день черная дыра осталась. Приедешь — увидишь.

— Вот это да! — выдохнула Саша, — Крылатый конь... Но это же, наверное сказка?

— Может и сказка, да только вот какое дело — город-то наш береженный.

— Это как?

— А так: никакие напасти его не тревожили. Ни революции, ни коллективизации... В сорок первом полгорода ушло — все живые вернулись.

— Да уж, прямо чудеса! — согласилась Саша, — А что дальше было с Агафьей?

— Что было? — задумчиво переспросил Ксенофонт, — кто ж ее знает, дело-то давнишнее. Жила себе и жила, пока не померла.

Он посмотрел на Сашу преувеличенно честными глазами.

— И все? — усомнилась она.

— Подходим! — крикнул вместо ответа Ксенофонт, дернул за обтрепанную веревку колокола. Пироскаф стукнулся о высоченный крутой берег. Прямо от воды карабкалась вверх деревянная лестничка, очень хлипкая на вид.

— Спасибо за рассказ, Ксенофонт Харитонович! — Саша поднялась, пожала Ксенофонту руку на прощанье.

— Обратно-то поедешь?

— А когда последний паром?

— В двадцать один ноль-ноль. А в двадцать один сорок пять последний автобус. Следующий раз только в Агафьин день поеду, в среду. Праздник будет. Так что не опаздывай. — строго напутствовал паромщик.

— Постараюсь! Спасибо вам, Ксенофонт Харитоныч, до свиданья! — Саша перелезла с пироскафа на твердую землю.

— Погодь! — окликнул ее Ксенофонт. — Главного не сказал. Город наш мирный, спокойный, ничего там с тобой не случится. А вот заборов чугунных, старых берегись. Не лезь. Пропадешь. — серьезно сказал Ксенофонт.

— А что там? — опешила Саша.

— Запретная зона. Люди пропадают.

Саша заверила Ксенофонта, что через заборы не полезет.

— До свиданья, Александра Евгеньевна. Ищи, зачем приехала.

Саша вскинула глаза на Ксенофонта, но тот хохоча как ни в чем не бывало, махал ей бескозыркой.

— Найду, не сомневайтесь. — бормотала Саша, карабкаясь по узким ступенькам. Порыв речного ветра сильно качнул лестничку, и Саша замерла, вцепившись в перила.

— Осторожней там! — прокричал ей вслед Ксенофонт.

Саша так и не поняла, имеет он в виду шаткую лестницу или что-то другое.

Глава 4. Тетрадь из старого сапога

И вот Самородье. Оно возникло внезапно, без предупреждения, лишь только Саша одолела последнюю ступеньку. Городок уютно устроился в окружении высоких холмов. Слева нависает серый, угрюмый. За ним ярко-зеленый, осень ему нипочем. В отдалении маячит белый, а позади всех выглядывает из тумана черный.

Саша стояла на краю небольшой площади, мощеной истоптанным до блеска булыжником. Посреди площади, как и обещал Ксенофонт, огромный провал, по краям окаменевшая черная пена по пояс высотой. Напоминает кратер уснувшего вулкана. Саша подошла ближе, заглянула в дыру — темно, дна не видно. Рядом с кратером — бронзовая статуя. Крылатый конь встал на дыбы, а на спине у него девочка. Агафья. Двухэтажные домики, выкрашенные в разные цвета, окружают площадь кольцом.

— Площадь Безобразова, д.1... — прочла Саша потемневшую табличку на ближайшем доме, бирюзовом, с бордовой дверью.

— Вот так сразу и Безобразова. — проворчала Саша, — Я понимаю, история и все такое... Но вот приезжает человек в первый раз, и на тебе — площадь имени колдуна!

Безлюдье. Ветер. Где-то постукивает плохо прикрытая дверь, полизгивают вывески магазинов, качаясь на темных от времени цепях. Саша растерялась. Она приготовилась прошибать лбом стены и сворачивать горы, а тут пустота. Тишина. Она медленно пошла вокруг площади.

На первый взгляд — городок как городок. В нижних этажах магазинчики. У дверей в живописном беспорядке теснятся вазоны с яркими осенними цветами. В одном из магазинов дверь гостеприимно распахнута, а в проеме вместо занавески болтаются длинные связки копченых колбасок. Верхние этажи жилые — в промытых окошках толстые коты нехотя гоняют сонных мух.

Узкие, темные улочки, мощеные тем же блестящим булыжником, разбегаются от площади во все стороны, прячутся за веревками с разноцветным бельем, протянутыми от дома к дому, за арками из девичьего винограда — не видно, что творится в пяти шагах от тебя.

Поколебавшись, Саша двинулась по одной из них вглубь города.

Ну и домики здесь! Впечатление такое, будто древние постройки не сносили, а надстраивали, подстраивали и перестраивали. Балконы, мезонины, печные трубы, застекленные веранды, высокие резные калитки, плети девичьего винограда, яблоки под ногами... Стены домов покрыты рисунками и исписаны очень странными стихами. Вот, например — нарисованная бабушка подставила нарисованное ведро под настоящую водосточную трубу. Снизу подпись:

“Источник хрустальный, живая струя!

О, как я мечтаю глотнуть из тебя!”

Вот жуть! — пробормотала Саша, — Кто же такое пишет?

В соседнем доме разбитое окно закрыто фанерой, а на фанере — нарисованная женщина наблюдает за прохожими сквозь нарисованную же кисейную занавеску. И подпись крупными буквами:

“Я дома, вы в гостях, я знаю все о вас.

А вы не знаете, где бродите сейчас...”

Почерк немного детский — круглый и очень старательный. От этого в дрожь почему-то бросает. Но рисунок классный, живой. Кажется, что занавеска колышется от ветра, а женщина вот-вот спросит — чего, мол, бродите, охламоны?

Под скатом крыши соседнего дома бьет крыльями нарисованный белый конь... На него смотрит задумчивая девушка. И надпись:

“Зову тебя, зову, не дозовусь...”

Сама, возможно, к небу поднимусь!”

Странноватый какой-то городок. Может быть, в благополучное время Саша с удовольствием заблудилась бы в нем. Но сейчас она вздрагивала от пристальных взглядов нарисованных глаз, а приближаясь к очередному повороту затаивала дыхание — кто ее встретит?

Настенные люди читали газеты, показывали дорогу, выглядывали из окон, грозили пальцами прохожим... Вот живой рыжий кот, прижимая уши, шипит на брата-близнеца нарисованного охрой на стене. А вот... нарисованный карлик-пират выглядывает из-за водосточной трубы! Одет по-другому, в какую-то рвань, но это он! Саша остановилась. Вот и первый знак.

Над входом в дом красовалась ободранная вывеска “Всякая всячина”. Саша толкнула дверь, и хриплый колокольчик поприветствовал ее.

Все пространство магазина занимали стеллажи, заваленные, заставленные и увешанные разнообразными предметами. Дня не хватит, чтобы разобраться, чем здесь торгуют.

— Здравствуйте! — негромко произнесла Саша.

— И вам добрый день! — раздалось за спиной.

Среди всякой всячины обнаружилась живая душа — крупная блондинка в голубом платье. Улыбается и молчит. Саше вдруг стало до того неловко, что захотелось спрятаться под капюшоном. Но она взяла себя в руки, улыбнулась в ответ и с рассеянным видом пошла вдоль стеллажей.

Название магазина себя оправдывало. Должно быть, любой житель этого городка, если ему чего-то в жизни не хватает, идет именно сюда. Здесь было все — от зубных щеток до садовых леек. Саша плутала по магазину, как по лабиринту, а хозяйка неотступно следовала за ней, не переставая улыбаться, и чем лучезарнее становилась улыбка, тем сильнее Саше хотелось сбежать. И она уже почти собралась это сделать, как вдруг взгляд ее упал на интересную тетрадку в кожаном переплете. Она взяла ее в руки. Толстая, теплая, увесистая... Мягкая обложка из грубой коричневой кожи, обрезана, кажется, вручную. Закладка из обрывка веревки с маленьким бубенчиком на конце. Плотные, желтоватые листы старательно прошиты красной ниткой. Саша не находила в себе сил положить тетрадь обратно на полку.

— Нравится? — спросила хозяйка.

— Очень! — честно ответила Саша.

— Дочка моя делала! — похвасталась хозяйка, — Из старого сапога. Я чердак разбираю, нашла сапог. Куда его один? Хотела выкинуть, а она говорит, оставь, у меня идея есть. Такая чудачка! Клумбы у входа видели? Ее работа.

Саша похвалила клумбы. Женщина расцвела.

— Доченька моя... Талантище, хоть и подкидыш.

— Подкидыш? — вырвалось у Саши.

— Ага, — спокойно кивнула женщина. — У нас бывает. Нормальное дело. Кому не надо

— нам везут. А мы детишек любим, пропасть не даем. Вон они какие вырастают!

Саша погладила тетрадь, положила на место.

— Не хотите из старого сапога?

— Не в этом дело. — вздохнула Саша. — Она прекрасна. Просто... — она осеклась. Не станешь же объяснять незнакомой женщине, что тебе нельзя иметь такие вещи. — ...просто у меня денег нет.

— Возьмите так. В подарок. — раздался тоненький голосок. Из-за стеллажа шагнула девочка лет десяти с рыжими косичками и в круглых очках.

— В подарок? — растерялась Саша.

— Она вам понадобится. Я вижу. — серьезно сказала девочка.

Ну разве можно было отказаться?

— Спасибо. — Саша прижала тетрадь к груди. — Как тебя зовут?

— Алиса.

— Спасибо, Алиса! Мне она очень, очень нравится! Я бы тебе тоже что-нибудь подарила, но у меня нет ничего...

— Вы сказали, что она прекрасна. Это лучше подарка. Просто напишите в ней что-нибудь хорошее.

— Я не пишу. — смутилась Саша. — Я... рисую.

— Покажите. — попросила Алиса.

Саша замялась.

— У художников всегда есть с собой блокнот с рисунками.

— У нас тут много художников, — объяснила мать Алисину осведомленность.

Саша, краснея, полезла в рюкзак. “Стыдно врать, Белоконь! Хорошо, что альбом захватила.”

— Вот. Это моя мама. Вы ее случайно не видели? — осторожно спросила она.

Алиса перелистнула несколько страниц, подняла золотистые бровки.

— Видела.

— Что?! — Саша задохнулась от неожиданности. — Где?!

— В магазине у Петра Васильича. Да, мам?

Блондинка взглянула на рисунки.

— Ну, не знаю... По-моему, не очень похожа.

— Это она, точно.

— Пожалуйста, пожалуйста, где?!

Саша подпрыгивала на месте от волнения. Неужели? Так просто!

— Зайдите к Петру Васильичу. Вот сейчас выйдете, сразу налево поверните и вверх по улице Болотной. Четыре дома пройдете, поверните в переулок Живого пламени. Только рисунков на домах не пугайтесь! Там будет фиолетовый дом с желтой дверью. Но у него...

— А номер какой?

— Номер не ищите, не найдете. Мы их сами толком не знаем — плющом заросли давно. Фиолетовый дом с желтой дверью. Товары для художников. Да вы погодите, у него там только...

Саша, не дослушав, обняла Алису и вылетела из магазина. Мать и дочь переглянулись.

— Странная девочка. Диковатая какая-то. Не из наших.

— Нормальная. Просто потерялась. — задумчиво ответила Алиса.

ГЛАВА 5. Портрет

“ Фиолетовый дом с желтой дверью, фиолетовый... “ твердила Саша, мчась по Болотной улице. Переулок Живого пламени... Вот он! “Товары для художников!”

Она остановилась, перевела дух. Решительно толкнула дверь. Пожалуй, даже слишком решительно. Сама того не желая, она с размаху ворвалась в магазинчик. Колокольчик над дверью забился в истерике, а сидящий за прилавком старичок от неожиданности подпрыгнул.

— Ой! Здравствуйте. Извините, что напугала.

— Не извиняйтесь, — заулыбался старичок. Улыбка очень шла к его лицу, казалось, это единственно возможное для него выражение. — Хотел бы я, чтобы все покупатели вбегали ко мне с таким энтузиазмом. Сразу видно — человек стремится к искусству! — он добродушно засмеялся.

Саша осмотрелась. Магазин для художников! Попадая в такие места, она жалеет, что живопись — не ее призвание. Даже пахнет здесь вкуснее, чем в кондитерской! Сияющая сахарной белизной бумага, коробки с красками, карандаши — они чудесны сами по себе, так хочется купить все сразу... ну хотя бы в руках подержать!

А в уголке у окна тоже кое-что интересное — выставка-продажа картин. В основном местные пейзажи — площадь Безобразова, кривенькие улочки, каменные лапы холмов. А вот толстый белый кот. А вот букет пронзительно-синей гортензии. А вот... это что такое?

Сердце заколотилось, потащило вперед. Небольшой портрет. Темноволосая женщина вполоборота. Мама!

— Понравилось что-нибудь? — деликатно спросил старичок.

Саша резко обернулась.

— Вы знаете эту женщину? Кто ее рисовал?

— Портрет писал местный мастер. — был спокойный ответ. — А эту женщину... хотел бы я ее знать. Любой живописец мечтает о такой модели, но увы! Ее не существует.

— То есть как?

— Фантазия художника. — вздохнул старичок,

— Это же моя мама! Я вам сейчас покажу, сами увидите! Дрожащими руками Саша выдрала из рюкзака свой альбом, сунула под нос старичку.

— Увлекаетесь прерафаэлитами? Похвально. Недурные копии. — оценил старичок, пролистав альбом.

— Да не увлекаюсь я никем, это не копии! Это я рисовала маму. Чтобы не забыть. — через силу проговорила Саша. Ком в горле мешал. — Понимаете, она пропала... может быть вы ее... вспомните, пожалуйста!

Старичок между тем внимательно изучал Сашино лицо и бросал цепкие взгляды то на рисунки, то на портрет в углу.

— Да, да... А знаете, я вам верю. Сходство между вами и ею очевидно. Этот ангельский овал, тяжелые брови... Нежность спорит с суровостью. Но она мечтательница, вы — жестче, хоть и юная совсем. И в то же время вы такая хрупкая, уязвимая. Вы как будто пережили драму, а ее... — он кивнул на портрет, — проза жизни так и не коснулась. Но если бы у нее была дочь... Вам повезло. Вырастете красавицей.

Саша поморщилась с досадой.

— Да не в этом дело! Что ж вы не поймете... У меня мама пропала. Я целый год ее рисовала. Понимаете? Чтобы не забыть. А сегодня я получила записку, что она здесь, в вашем городе. Я помчалась сюда, захожу к вам и вот! — она взмахнула рукой в сторону портрета, обрушив на пол жестяную банку с кисточками, — Может быть этот художник писал с натуры? Мне бы с ним поговорить! Пожалуйста.

Старичок поднял с пола банку, вернул кисточки на место.

Этот портрет — печальная история. — вздохнул он.

— Расскажите! — взмолилась Саша.

Старичок, казалось, только того и ждал.

— Вы про наши заборы слышали уже? Очень хорошо! Так вот. Лет двадцать назад приехал к нам на этюды художник. Совсем молодой был парень, но очень талантливый. Разумеется, его предупредили насчет заборов. Хозяйка, у которой он снимал комнату, после говорила, что он все ее выспрашивал про заборы, про запретную зону. Очень ему интересно было, что там. И вот недели не прошло, как он пропал. Мы думали — не вернется. Никто не знает, где он там плутал, что видел... Возможно, дошел до Черной горы. Может растения там ядовитые, или грибы... Он вернулся. Но рассудок его пострадал. — Старичок помолчал, задумчиво глядя на портрет.

— Он что-то бессвязно бормотал, рассказывал про чудесную девушку, будто бы встреченную им в каком-то сказочном городе. И постоянно рисовал вот это лицо. На стенах, на земле. Повсюду. Встретил он эту девушку, или нафантазировал ее себе — кто знает. В Самородье такую не видели. Очень грустно. Большой талант погиб.

Старичок снова замолчал. Вздохнул.

— Он так и не уехал из Самородья, прожил здесь эти двадцать лет. Родственников у него нет, старушка, у которой он жил, давно умерла. Но какая-то добрая душа о нем заботится. Я тоже стараюсь помогать ему по мере сил, снабжаю красками и холстом. Он пишет эту красавицу, а я продаю портрет у себя в магазине. Это ведь уже не первая копия, он их написал очень много. Ее покупают охотно. Многим она напоминает работы Россетти. Рисунки на домах видели? Его работа. Уже после...

Он снова вздохнул.

— Так вы говорите, ваша мама пропала?

— Да. Год назад. — прошептала Саша.

”Если он рисует ее уже двадцать лет, то это не может быть мама.” — мелькнула тоскливая мысль. Свет, замаячивший на минутку в конце темного коридора, оказался тусклой лампочкой на глухой стене.

— Куда же мне теперь? — пробормотала она.

— А знаете что? А попробуйте-ка в библиотеку заглянуть! Вот сейчас выйдете от меня и... — старичок не успел закончить фразу.

Бренькнул колокольчик и в магазин деловитой походкой вошел карлик-пират собственной персоной. Он, правда, успел переодеться в живописные обноски явно с чужого плеча — драные штаны из малинового вельвета и яростно-желтый свитер в пару раз шире, чем требовалось. Бандану с черепами, по всей видимости, унесло зюйд-вестом.

Старичок озарился лицом.

— Каспар, дружок! Рад тебя видеть!

— Да это же... — не найдя слов, Саша схватила пирата за плечо.

Тот, не оборачиваясь, стряхнул ее руку и потопал прямо к прилавку.

Старичок вышел навстречу, достал что-то из кармана, игрушку что ли, вручил пирату, ласково потрепав его по косматой голове. Тот зашелся нездоровым, заливистым смехом. Саша оцепенела. Это сегодняшний ряженный, никаких сомнений! Но почему он выглядит как деревенский дурачок? Сидит на полу, бормочет невнятное, дергает за веревочку деревянного петрушку.

— Кто это? — прошептала она.

Старичок пожал плечами.

— Мы не знаем. Он иногда появляется здесь, голодный, оборванный. Мы его кое-как одеваем, если позволяет. Подкармливаем. Народ у нас добрый... Он покрутится здесь и опять пропадает. Мы беспокоимся за него — где он бродит? Не обидел бы кто... Совсем ведь как дитя.

Человечек самозабвенно играл. Дрыганье петрушки вызывало взрывы тихого восторга.

— Откуда он взялся?

— Ниоткуда. Просто появился однажды. Мы прозвали его Каспар Хаузер, — грустно улыбнулся старичок.

— Я видела его сегодня. — шепотом призналась Саша, — В Москве, на Арбате. Он передал мне записку про маму. Только он был одет в костюм пирата и разговаривал по-человечески.

Старичок посмотрел на нее как на тронутую.

— В Москве? На Арбате? Разговаривал? Не смешите меня! Как бы он туда добрался? Сегодня утром он бегал по площади, бросал монетки в кратер! Нет. Вы видели кого-то другого.

Саша не стала спорить. Она присела на корточки рядом с Каспаром, изобразила сладкую улыбку и медленно извлекла из кармана записку.

— Каспар, дружок... — она старалась подражать интонации старичка, — ты узнаешь меня? Ты мне дал это сегодня, помнишь?

Каспар увлеченно играл и Сашу игнорировал.

— Ты сам ее написал? — продолжала она со всей мягкостью, на какую была способна. — Нет... ты не смог бы сам. Кто тебе ее дал?

Она поднесла бумажку к его лицу. Каспар замер, бросил на Сашу недобрый взгляд исподлобья и швырнул игрушку в дальний угол. И вдруг выхватил из ее рук записку, и на четвереньках, как жук, шустро пополз вон из магазина.

Саша так растерялась, что не успела его остановить. А старичок горестно воскликнул:

— Что вы наделали? Вы расстроили его! Теперь он убежит совсем!

— Он украл мою записку, вы же видели! Это был он!

Саша сдернула с прилавка свой альбом и с грохотом и звоном выметнулась вслед за Каспаром.

Что случилось? Столько вдруг народа! Откуда они все взялись? Рабочий день закончился, или пироскаф привез туристов? Некогда разбираться! Саша была озабочена только тем, чтобы не потерять из виду малиновые штаны Каспара Хаузера. Они мелькнули внизу Болотной улицы, у выхода на площадь Безобразова. Саша ринулась следом, не обращая внимания на гневные возгласы чуть не сбитых ею прохожих.

— Каспар, дрянь такая, стой! — вопила она. — Ты нормальный, я же знаю!

— А ты ненормальная! — крикнул кто-то ей вслед.

— Держите его, пожалуйста! В малиновых штанах!

Только смех был ей ответом. А малиновые штаны тем временем пересекли площадь Безобразова и свернули на узенькую улочку, ползущую мимо помпезного здания с вывеской “Библиотека”.

— Каспар, не бойся, я только хочу спросить! Я все равно тебя поймаю! Да дайте же пройти!

Наконец ей удалось продраться сквозь площадь Безобразова. Библиотека, кривая улочка, а вот и малиново-желтое пятно сияет как георгин. Р-р-раз! И исчезло за углом.

Саше казалось, она попала в кошмарный сон. Она снова мечется по улицам, дергает встречных граждан за рукава — не видели такого, в малиновых штанах, Каспара, блин, Хаузера?

В этот раз ей везло больше. Как же, видели, во-о-о-н туда побежал! Направо! Он у вас что-то украл?

— Да, украл, украл, держите!

Не замечая названий улиц, не считая поворотов, Саша мчится вперед. Каспар уже не так далеко, свернул налево в конце очередной короткой улочки.

Женщина с распущенными волосами, нарисованная на стене, пальцем указывает ей дорогу. Человек на велосипеде, в волосах перо, несется навстречу, что-то кричит, тыча большим пальцем себе за спину... Саша увернулась от велосипеда, помчалась дальше, потеряв пару драгоценных секунд.

Она видит Каспара каждый раз в конце очередной улицы, перед новым поворотом. Какой же ловкий этот коротышка! На открытом пространстве она догнала бы его в два прыжка. Но этот городок — сплошные изгибы, углы и закоулки. Низенький, устойчивый Каспар отлично в них разбирается, семенит легко и быстро. А длинноногую, нескладную Сашу заносит на скользком булыжнике, пару раз она чуть не упала, чудом удержала равновесие! На повороте зацепилось курткой за ручку распахнутой двери, шарахнулась от нарисованного на стене старичка с газетой. А еще рюкзак за спиной — подпрыгивает, мешает и бесит.

Кажется, они пробежали уже все Самородье, сейчас пойдут на второй круг. Из последних сил она прибавляет ходу, еще поворот и... чуть не врезалась с разбегу в высокую кованую ограду. Успела схватиться обеими руками за толстые прутья, отдышалась, осмотрелась. Никого. С одной стороны тянется глухой забор. С другой — каменная стена, густо увитая ярким осенним плющом. А за чугунной оградой — глухой, запущенный сад.

Темные дебри. Корявые яблони гнут до земли тяжелые ветки. Каспару некуда было бы деться в этом тупичке, только протиснуться сквозь прутья чугунной ограды и юркнуть в сад. Или затаиться в зарослях плюща.

Саша резко дернула пурпурную лиану, и огромные, темные глаза глянули на нее в упор. Она вздрогнула, отскочила, лишь через секунду сообразила, что глаза нарисованы на стене. Она подосадовала на свою глупость и сильнее раздвинула буйную листву, чтобы рассмотреть рисунок. И снова вздрогнула. Мама. Ее лицо.

Это же знак! Надо пробираться в сад! Саша метнулась взад-вперед вдоль ограды — ни намек на калитку. Но Каспар же как-то пробрался!

— Ничего, ничего, ты пролез и я пролезу. Я же худая как швабра. — бормотала Саша, стягивая с плеч рюкзак.

“Заборов старых чугунных берегись!” — вспомнилось ей. Плевать! И она без колебаний пересекла границу чьей-то частной собственности.

Поднырнула под ветками яблонь, бросилась вглубь сада и почти сразу поняла — бесполезно. Трава по колено, колючие кусты барбариса, непролазная путаница сухих веток, одичавших роз, чертополоха. Сбежал Каспар. А если и затаился где-то — в этих дебрях его не найти. Что поделаешь, надо выбираться и возвращаться назад. Старичок, кажется, говорил что-то о библиотеке. Она вздохнула и поплелась назад. Ограда все не появлялась, и Саша заподозрила, что каким-то образом сбилась с пути. Она не беспокоилась — это же сад, а не лес. Рано или поздно он закончится, и даже если она забредет в другую часть города, то площадь Безобразова от нее никуда не денется. Но она шла и шла, а конца саду не предвиделось. Она слегка встревожилась. Сменила направление. Потом еще раз. Потом вытащила телефон, посмотрела время — около четырех. Она блуждает по саду почти час. Это уже никуда не годилось. Саша заволновалась всерьез и решила было начинать звать на помощь, но буквально через десяток шагов трава стала ниже, в ней обозначились тропинки, и в просвете между кустами жасмина мелькнула серая каменная стена. Чей-то дом. Саша облегченно вздохнула, ускорила шаг. Теперь ей хотя бы подскажут дорогу.

ГЛАВА 6. Берегись чугунных заборов!

Багряные кудри девичьего винограда увивали темно-серые стены. В пышных зарослях притаилась вывеска — ”Кассандра. Прошлое, настоящее, будущее.”

Ясновидящая? Вот так сюрприз! Здесь ей не просто подскажут дорогу. Может, это то самое место, на которое намекала записка? Это было бы слишком хорошо.

— Так прекрасно, что даже подозрительно. — пробормотала Саша.

Она пересекла зеленую лужайку, поднялась по истертым каменным ступенькам на крыльцо, крутанула ржавую ручку старинного звонка. Не получив ответа, толкнула дверь и шагнула в просторную, полутемную прихожую.

Сквозь витражную фрамугу над дверью сочился слабый свет. Разноцветные ромбы лежали на серых плитах пола, как обрывок костюма Арлекина. Темная лестница уползала на второй этаж.

— Здравствуйте, есть кто-нибудь дома? — крикнула Саша.

Не дождавшись ответа, она не без опаски ступила на лестницу.

— Я же не замышляю ничего плохого... — уговаривала она себя, стараясь не сильно громыхать ботинками по гулким деревянным ступеням, — я просто хочу спросить дорогу...

Лестница привела ее в длинный коридор без окон, такой же мрачный, как прихожая. Единственная дверь в конце коридора была чуть приоткрыта, на полу золотилась полоска света. Саша вошла в комнату.

Белые стены. Три высоких стрельчатых окна, каждое с уютг шириной. Тяжелые синие шторы распахнуты. Три полосы закатного света режут пространство, освещают массивный стол, лампу под зеленым стеклянным абажуром и деревянное кресло с корявыми рогами. Второе кресло, поменьше, старое и облезлое, обито блекло-желтым бархатом. В темном углу справа громоздится потертый кожаный диван. У противоположной стены, возле двери — шкаф с пыльной резьбой и треснутыми вкривь и вкось стеклами. И ни живой души. Саша смутилась и развернулась было к выходу, как вдруг за спиной послышался шорох. Она вздрогнула, обернулась.

В углу у окна стояла женщина в длинном сером платье.

“Старуха.” — машинально отметила Саша. Но в следующую же секунду женщина показалась ей зловеще-молодой. А когда она, шелестя платьем, опустилась в рогатое кресло, и в упор взглянула на Сашу, та решила, что незнакомка, пожалуй, мамина ровесница. Эта перемена так впечатлила Сашу, что она даже не успела толком подумать, как женщина оказалась в комнате. Пряталась, должно быть, за солнечным лучом. Даже сейчас ее трудно рассмотреть, солнце мешает. Только отдельные детали удавалось ухватить — выющиеся золотистые волосы, прямая спина, плавные движения.

“Почему она показалась мне старой? Такая красивая...”

Саша раскрыла было рот, но женщина остановила ее, молча подняв ладонь. С минуту она рассматривала ее рассредоточенным, плывущим взглядом. Саша растерянно ждала. Потом набралась наглости, уселась в желтое кресло, рюкзак бросила рядом. Женщина тихо рассмеялась.

— Правильно. Никогда не надо смущаться. — произнесла она мягким, низким голосом.

— Вы — Кассандра? — спросила Саша. Не смущаться, так не смущаться!

Женщина слегка улыбнулась краешком тонких губ.

— Так меня зовут. — ответила она, чуть помедлив.

— Я — Саша. Александра. Но дело не в этом, я...

— Ты пришла узнать свою судьбу, Александра?

— Нет. То есть да. То есть не совсем... — Саша вдруг растерялась. — Я оказалась здесь случайно, хотела спросить дорогу, — вспомнила она, — мне на площадь Безобразова нужно. Не могли бы вы...

— Кто тебя так напугал? — спросила вдруг Кассандра.

Саша оторопела.

— С чего вы взяли? — огрызнулась она.

— Это написано у тебя на лице.

— А что еще на нем написано? — Саша начала злиться. Слишком уж ясно видит эта ясновидящая!

— Ты не ела с самого утра. — спокойно ответила Кассандра, — Устала, запуталась. Потеряла что-то очень важное. Живешь в постоянном страхе. Бедная девочка, как же тебе досталось!

Саша растеряннo хлопала глазами. Точные попадания застали ее врасплох, особенно сильно царапнули последние слова. Встать бы сейчас и уйти! Но в голосе Кассандры прозвучало неподдельное сострадание, настоящее, живое тепло. Никто не говорил с ней так целую вечность! Слезы подкатили к горлу. Одна на всем свете. Некому ни защитить, ни пожалеть. Она отвернулась, прикусила губу, сердито уставилась в спинку дивана.

“Только не разревись!”

— Пожалуйста, угощайся. — мягко произнесла Кассандра

Саша глянула искоса — перед ней на столе коробка с печеньем. Она помотала головой.

— Попробуй. Ты такое любишь. Шоколадное.

Саша нерешительно потянулась к коробке. А Кассандра уже откручивает крышку термоса — и где она его взяла? — наливает что-то в большую белую чашку, не сводя глаз с Саши, тихо приговаривает:

— Сладкое полезно девушкам... А шоколад исцелит любую печаль...

Голос у нее как у Кота-Баюна, глаза — как темный, прозрачный мед. Саше казалось, ее окутывает теплое покрывало. Она послушно взялась за чашку. Печенья в коробке все меньше и меньше... Чудесное печенье, просто невозможно остановиться. Крепкий, сладкий чай пахнет чем-то знакомым, любимым. Домом пахнет! Так хорошо здесь, так спокойно...

А солнце между тем ушло, окна погасли, сумерки залили комнату мягким розовым светом.

— Повеселее стало?

— Да, спасибо большое. — Саша отряхнула пальцы от крошек. Она вдруг почувствовала себя тяжелой и ленивой. Набегалась за день.

Кассандра неторопливо закрыла термос, чашка и остатки печенья исчезли в недрах огромного стола. Саша из-под тяжелых век смотрела, как плавают над столом белые руки, ленивые, сонные птицы...

— Итак, что же все-таки привело тебя ко мне? — донесся до нее тихий, ласковый голос.

— Что? А... да. — Саша потерла глаза, разогнала дремоту. — Я же дорогу зашла спросить!

— Дашь руку? — вкрадчиво спросила Кассандра и зажгла зеленую лампу.

— Гадать будете? — нахмурилась Саша.

— Не буду. — ответила Кассандра, — Бессмысленное занятие. Просто посмотрю. Позволишь? — она протянула руку ладонью вверх, — Или боишься?

— Я? Боюсь? — Саша вытянула вперед обе руки.

— Ух! Какая смелая... — Кассандра накрыла ее руки своими. — Необычная рука. Сложная, странная судьба, — задумчиво говорила она, чуть касаясь Сашиних ладоней прохладными пальцами. А смотрела не на руки, а в глаза.

— Так можно сказать любому...

Взгляд Кассандры затуманился, поплыл, она заговорила монотонно:

— В твоей жизни произошла большая потеря, ты не смирилась, ищешь. Поиски безнадежны, но ты упрямая, не веришь. Выбрала трудный, опасный путь. А сил у тебя почти не осталось. Я вижу много боли, вины, страха. Да, страха... И тебе есть чего бояться. Над тобой нависла опасность! Кто-то ищет тебя. Прямо сейчас.

У Саши заныло под ложечкой — предвестие беды. Бежать отсюда, все равно куда, только скорее! Она вырвала руки, вскочила, опрокинув кресло, подхватила рюкзак.

— Подожди! Я хочу тебе помочь!

Сколько раз она уже слышала это — “Я хочу тебе помочь!” Спасибо, не надо, знает она эту помощь, от нее тянет больничной палатой! Она бросилась к двери.

— Ты погибнешь, если сейчас уйдешь! — крикнула Кассандра.

Рюкзак упал на пол. Повинуясь взгляду потемневших глаз Кассандры, Саша медленно вернулась к столу. Кассандра молча указала на желтое кресло. Саша послушно подняла его, села. Что происходит? Как она это делает? Нужно сопротивляться, протестовать, хоть что-нибудь делать, Но Саша чувствовала себя мелкой, как мышка, бессильной. А Кассандра казалась ей огромной, она достает головой до потолка, плечами упирается в стены.

— Закрой глаза и ни о чем не думай! — приказала Кассандра.

Саша послушно опустила веки.

Несколько секунд стояла тишина. Потом послышалось монотонное бормотание:

— Я вижу красивую женщину. Вы похожи. Твоя мать? Да, конечно. Она...

— Она жива? — прошептала Саша.

— Ее нет среди мертвых. Но и среди живых я ее не вижу. Она страдает. Из-за тебя...

Внутри стало горячо и пусто. Слезы покатались из-под закрытых век.

— Только ты можешь ей помочь. А времени почти не осталось. Смерть идет за тобой!

Саша вздрогнула, открыла глаза.

— Почему? Что я сделала?

— Ты прячешь... А он ищет... Он уже близко...

— Кто... близко? — прошептала Саша, холодея.

— Тот, кто... Ты это слышала? — прервала она сама себя, настороженно глядя Саше за спину.

— Что?

— Странный звук... Вот опять. — Кассандра поднялась. — Я сейчас вернусь. Останься здесь.

Она вышла из комнаты. Шелест платья в коридоре, легкие шаги вниз по лестнице, тишина. Минута.... две. Саша прислушалась — внизу, в прихожей, что-то лязгнуло, заскрипело, хлопнула дверь. Кажется, входная. Приглушенное восклицание. Глухое бормотание в ответ.

Шаги. Медленные, тяжелые.

Это не Кассандра. Она перемещается легко и беззвучно.

Саша замерла на секунду, потом прокралась к двери, осторожно приоткрыла.

В коридоре стояла удушливая вонь — пахло гнилой рыбой, плесенью и землей. Сквозь разноцветные ромбы над входной дверью сочился слабый свет. В провале лестницы обозначилась бесформенная, темная фигура. Двигается вверх. Бум... Бум... И молчит. Только стонут ступени и усиливается вонь.

Саша обомлела. Кто это? Оно вошло на последнюю ступеньку, остановилось, принялось. Повернулось к ней и двинулось вперед. Зловонная, безликая гора в красно-синих отсветах, Арлекин из кошмарного сна.

Саша хлопнула дверью с такой силой, что на голову упал кусок штукатурки. Рванула тугой засов — ноготь содрала до крови. Ну, закрывайся же! Навалилась с размаху на дверь, с остервенением стукнула ребром ладони засов. Есть! Дикими глазами обежала комнату. Куда бежать? В окна не пролезть!

Она заметалась в поисках убежища. Под диван? Оно уже в коридоре! Под стол? Бесполезно, найдет, везде найдет! Кассандра! Оно ее убило? В отчаянии Саша рванула дверцу шкафа. Хрустнула петля, со звоном посыпалось стекло.

Удар в дверь. С дикой силой. Сейчас вышибет! Еще удар. Некуда бежать. Вздрагивают толстые доски, трещат петли, дребезжит засов. Кажется, еще немного — и рухнет дом.

Саша опустилась на пол среди белой пыли и битого стекла, закрыла голову руками, сжалась в комок.

“Так не должно быть. Только не со мной. Кто-нибудь, спасите!” Удар!

“Никто не поможет, никто не спасет.” — вдруг обожгла мысль. Саша вскочила. Самой собой стиснулись кулаки и зубы. Она схватила стул — пусть только сунется!

Еще удар!

— Пошел вон! Убью! — заорала она и швырнула стулом в дверь. На секунду все смолкло. Потом — хриплый рев. И снова удар.

Дверь! Завалить ее! Выиграть время!

Саша бросилась к столу, пнула рогатое кресло, уперлась в стол руками, налегла всем телом. Тяжеленный стол со скрежетом подался вперед. Застрял. Желтое кресло мешает, черт его раздери! Переметнулась через стол, оттащила кресло в сторону, прыгнула назад, снова навалилась. Ну! Давай! Рывками, со скрипом, вперед... Еще разок... Стол грохнулся об дверь, в унисон с тяжким ударом с другой стороны.

— Пошел вон, гад!

Злость добавила ей сил. Она взгромоздила оба кресла поверх стола, навалилась сбоку на шкаф и опрокинула его поверх безобразной горы мебели. Из шкафа сыпалось что-то стеклянное, билось, хрустело под ногами. Саша вся взмокла, почти оглохла, дышала с трудом.

“ Не фига себе я смогла!” — пронеслось в голове.

Что дальше? Дальше-то что? Дверь трещит от ударов. Еще немного — и не выдержат петли. Оно сметет баррикаду в два приема, и тогда... Новая волна ужаса захлестнула, Саша схватилась за голову.

“ Не смей бояться! Разозлись! Соображай, тупица! Кассандра! — озарила догадка — не из стены же она пришла!”

Она кинулась в угол, отшвырнула в сторону занавеску. Да!

Глубокая ниша, в ней дверь. Открыта, ура! Напоследок она схватила со стола лампу, изо всех сил швырнула в дверь. Ищи меня в темноте! Она скользнула за занавеску в крошечный мрак, в неизвестность.

Вытянув перед собой трясущиеся руки, ощупью, как слепая, Саша пошла вперед. Тьма. Справа стена и слева. Коридор. Куда он ведет?

Грохот за спиной! Оно сломало дверь, ворвалось в комнату!

Только не закричать, не завывать от страха.

— Жил на свете... человек... скрюченные ножки, — в ужасе зашептала Саша.

За спиной скрежет, звон и треск, оно все крушит и ломает, ищет ее. Еще шаг, быстрее, только бы не тупик!

— И гулял он целый век... “Я, кажется, не задернула штору, дура!” — По скрюченной дорожке...” А оно знает про этот коридорчик?”

Страх присосался к животу огромной пиявкой, забирает остатки сил. Рука наткнулась на шершавый камень. Нет, пожалуйста, только не стена! О, провал какой-то. Лестница! Едва дыша, почти ползком она одолела несколько ступенек вверх.

Небольшая комнатка. Чердак, должно быть. Воздух здесь горячий, густой, с привкусом сушеной травы. Слабый, неровный свет пробивается откуда-то слева. Окошко! Маленькое, наглухо заросло плющом, но пролезть можно!

Саша дернула шпингалет, распахнула узкие створки, разодрала плющ, высунулась наружу.

“Как высоко! Сломаю ногу и мне конец... Не смей думать! Лезь!”

Она вскарабкалась на подоконник, вцепилась в плющ — хоть немного смягчит падение! Зажмурилась, прикрыла голову руками и оторвала себя от окна. Все пропало на миг, только вспышки в темноте, шуршащий гул в ушах и шальная, нелепая мысль про скрюченные елки.

Удар! Коленка пришлась в подбородок, зубы клацнули, боль обожгла ее, ослепила белой вспышкой. Жива.

Руки. Ноги. Шея. Все цело. Саша приоткрыла глаза. Дом зловеще тих и темен. Она выпуталась из огромной кучи плюща и поползла в темноту.

— А за скрюченным мостом... скрюченная баба... Какая же я молодец!

Она ползла, плотно прижимаясь к земле и с неожиданным наслаждением вдыхая терпкий запах подгнившей дубовой листвы. Ей это снилось. Она так же убегала от чудовища. И страх во сне так же сплетался со счастьем.

— По болоту босиком... — Она уперлась лбом в холодный металл. Сквозь толстые прутья ограды смутно угадывалась темная улочка. Саша обернулась напоследок — тишина. Никого.

...По болоту босиком... давай! На три-пятнадцать!...прыгала как жаба!

Она змеей скользнула сквозь забор, вскочила и понеслась прочь от страшного места.

“Рюкзак! Он там остался!” — догнала мысль. Догнала и сразу отстала. Саша мчалась быстрее.

В темном окне выросли два силуэта. Из этого окна хорошо просматривалась улица, по которой убегала Саша.

— Как вам угодно с ней поступить? Остановить ее?

— Нет. Ты не годишься. Она не сможет тебе доверять.

— А есть кто-то, кому сможет?

— Не твоя забота. Скажу, когда будет нужно.

— Что мне делать сейчас?

— Погоняй ее, пусть побеждает немножко. И чтоб молчала! Чтоб ни слова хотя бы до утра! Мне нужно время. Не ожидала от нее... Что ж, будем импровизировать!

ГЛАВА 7. Тупик Жанны Д Арк

Саша в три прыжка одолела тихую улочку, повернула, пронеслась еще пару кварталов. Чуть не падая, перегнувшись пополам и держась за бок, наконец остановилась. Отдышалась. Огляделась. Место, разумеется, незнакомое. Тусклый свет оказался светом луны — фонари не горели, хотя уже стемнело. Не светятся и окна домов. Неужели все спят? Сейчас никак не позже восьми. Солнце еще светило, когда она входила в дом Кассандры. Кажется, это было сто лет назад... Сколько времени она там провела?

Но не это главное сейчас. Куда бежать? Делать-то что?

Вариант возвращения домой Саша отмела сразу — лучше прямо в дурдом, чтобы времени не терять. Стоять посреди темной улицы в незнакомом городе тоже не имело смысла. А если это существо идет сейчас по ее следам? Дрожь пробирает при одной мысли. Стучаться в чужие темные дома? И что она скажет? Что на нее напал... напало... да она его толком не видела, даже не поняла, человек это или зверь. Бешеный медведь сбежал из цирка? Местный бомж объелся ядовитых грибов? Мутант из секретной лаборатории? Бред! Кто ей поверит? Хотя... постойте-ка! Она же сегодня познакомилась с очень милыми людьми — с маленькой Алисой и ее улыбчивой мамой, да и старичок тот был вполне симпатичный... Может обратиться к ним? Они наверняка помогут, старичок сказал, у них здесь добрый народ живет. Пожалуй, это единственное, на что можно сейчас надеяться.

Бегом, на площадь Безобразова! Но где она? Куда идти? Для начала подальше отсюда, в противоположную сторону от дома. Но как же Кассандра... Надо что-то сделать, помочь ей, узнать, жива ли она...

Саша сделала пару нерешительных шагов назад.

“Нет! Не могу, боюсь! Я ни за что не вернусь в этот дом! Сейчас найду кого-нибудь, все расскажу, пусть позовут полицию. Должна же здесь быть полиция.”

Эта мысль уже была похожа на план и немного приглушила чувство вины. Саша двинулась вперед.

“ Стучаться в первый попавшийся дом я, конечно, не буду, — размышляла она, — постучалась уже, хватит. Но, кажется, иду правильно, рекой запахло, значит, уже близко!”

Слева вырос глухой забор, впереди дома и узенький проулок, а улица пошире уходила вправо. В конце улицы маячил свет. Саша повернула вправо, уверенно пошла вперед. Еще сотня метров — и она растерянно остановилась перед каменной стеной, заросшей неизменным плющом. Одинокий фонарь освещает жутковатую картинку — девушка на эшафоте, охваченная пламенем. Под фонарем табличка.

— Тупик Жанны Д’Арк... — прочла Саша вслух. — тупик... Как же так?

Она развернулась, бегом вернулась назад, к забору. Ну конечно! Здесь развилка. Она забрала чуть левее, пошла вперед. Что за ерунда? Издалека сияет знакомый фонарь и Жанна Д Арк на эшафоте.

— Но это же невозможно, просто не может такого быть! Белены я, что ли объелась? Или сплю?

Она изо всех сил ущипнула себя за руку — ободранный о засов палец отозвался жгучей болью.

“Ну и глупо. Если я сплю, то и больно мне во сне.”

Но во сне или наяву, а из тупика надо было выбираться.

Саша побежала обратно. Вот снова забор, у которого она так неудачно повернула. В этот раз она пошла по узенькому переулку. Темный переулок, опасный... Речной ветер, свет впереди... Фонарь. Стена. Тупик Жанны Д Арк.

Разворот, вперед, вправо, влево, через штакет, мимо сарая, еще переулок, люди, где вы, кто-нибудь! Еще поворот — и снова здравствуй, орлеанская дева!

Саша запаниковала. У нее осталось лишь одно желание — перестать возвращаться к кирпичной стене с фонарем. Но любая улица, любой переулок, любая дорожка возвращала ее к нарисованному эшафоту. После неизвестно какой по счету попытки она в полном отчаянии принялась колотить в калитки, швырять камешки, пытаясь угодить в окно, и кричать:

— Откройте, пожалуйста, помогите!

— Чего шумишь? — раздался за спиной спокойный голос.

Саша обернулась, не веря своему счастью и ушам. Перед ней стояла старушка с добрым, хитроватым лицом.

— Помогите, умоляю! — чуть не заплакала Саша, — как мне выйти отсюда?

— Куда выйти? — удивилась бабулечка.

— Да хоть куда-нибудь!

— А куда тебе надо-то?

— На площадь Безобразова, но...

— Да вот здесь и выйди. — сухая ладошка указала на Жанну Д Арк.

— Как! Где?

— Да вот.

Старушка шагнула, как показалось Саше, сквозь стену. Она кинулась следом и обомлела: в стене обнаружился проем, совсем узкий, только-только человеку пройти. Должно быть, Саша просто не заметила его среди плюща. В проеме тускло мерцал фонарь, освещая пустынную площадь Безобразова.

— Первый раз, что ли, у нас? — подмигнула бабулечка.

— О боже! Я идиотка! Спасибо вам огромное.

— Иди, иди, Агафьино отродье!

Саша вздрогнула.

— Что вы сказали?

Бабушка поманила ее к себе рукой, иди, мол, что скажу на ушко.

Саша нагнулась к ней.

— Слово кому скажешь — и матери не увидишь и сама пропадешь! — услышала она деловитый шепот. Вздрогнула, отшатнулась... И увидела, что нет никакой бабульки. Показалось? Или кошмар продолжается? Ее колотила дрожь. Чуть не ползком она выбралась из тупика Жанны Д Арк.

Ей вдруг стало нехорошо — заложило уши, голова закружилась, она чуть не упала, схватилась за стену. Все нормально. Это нервы.

— Но это же... Это не площадь Безобразова... Или... Подождите.

Она растерянно оглянулась. Черный кратер на месте. Бирюзовый домик — вот он. Но теперь он серый какой-то... Все не так! Саша растерянно вертела головой.

“Нет, друзья, подождите. Я понимаю, сейчас темно, и электричество вы экономите — допустим. Но как за несколько часов могла так облупиться штукатурка на домах? Куда подевались вывески? А клумбы? Где Агафья на крылатом коне? Это не то место, это... другая площадь Безобразова?”

Нетвердыми ногами она пересекла площадь, подошла к краю, туда, где лестница, где река.

“Сейчас я увижу огоньки пироскафа!”, — строго пообещала она себе. Но река была темна. И это бы еще ничего. Лестницы, по которой она карабкалась всего несколько часов назад, на месте тоже не оказалось.

Пустота, плеск воды, ветер.

Саша застыла на краю, бессмысленно вглядываясь в темноту. Порыв ветра вздыбил волосы столбом, бросил в лицо горсть песка. Она нахлобучила капюшон и медленно пошла от реки назад, на площадь.

В который раз за этот злосчастный день она ущипнула себя за руку в надежде на пробуждение. Честно говоря, и надежды уже не оставалось. Просто надо же что-то делать, а что? В полицию бы, по-хорошему. Все рассказать как есть. Но только где здесь полиция? Это опять в город нужно. Она представила себе тупик Жанны Д’Арк, темные силуэты домов, а где-то там, среди кривых улочек затаилось нечто, поджидает ее... Постучаться в знакомые домики? Но это уже какие-то другие домики, и кто знает, что там в них.

Саша взгромоздилась на высокий камень, торчащий зачем-то из земли. Больше сесть было некуда — скамейки, видимо, утащил тот, кто посдирал все вывески и оборвал цветы. Мрачно, исподлобья смотрела она на торчащий перед ней подслеповатый фонарь, словно он собирался схватить ее за шкурку и утащить в город. Нахохлилась как больная птица и замерла.

“Настанет утро и все прояснится.” — уговаривала она себя — “Всему на свете рано или поздно находится разумное объяснение.”

Она решила не искать пока ответов, не терзать свою бедную голову, она и так едва соображает. Надо поджать ноги, обхватить себя руками, укрыться от ветра. А утром все будет по-другому. Главное — не думать. Надо отвлечься.

“Город был погружен во тьму. Ни одно окошко не разбивало своим светом густого мрака”, — вот так бы я написала, если бы...”

— Ну и ерунда бы вышла! Ты сама себя послушай: “...окошко не разбивало светом мрака...” — по-идиотски звучит! — послышался вкрадчивый голос где-то позади.

Саша взвилась с камня, дернув головой так, что шея хрустнула. Никого.

— Кто это сказал!? Очередной карлик? Где ты прячешься, вылезай, я тебя придушу! — испуганно крикнула она.

Но никто не вылез. Только невесть откуда взявшийся белый кот неспешно продефилировал через площадь, задрав хвост и нахально шевеля меховыми штанами. Ушел во тьму. Саша проводила его растерянным взглядом, снова забралась на свой насест, подтянула колени к подбородку. Очень было холодно. С неба летела противная морось. Теплый, почти летний день сменился промозглой осенней ночью.

“Голос в голове — это плохо, очень плохо.” — расстроилась Саша. — “Думаю, я просто задремала и голос мне приснился. Все хорошо. Надо успокоиться, дождаться утра. Только бы ливень не начался. Мама, ну где же ты?”

— Ты тоже голодная? — произнес нежный голос.

Саша подняла глаза. Перед ней стояла девушка. Высокая, худая. Ноги босые. Одета в какие-то серые тряпки — не то платье, не то легкое пальто. Длинные волосы висят как оборванные веревки. Впалые щеки, бледные губы. Светлые, прозрачные глаза. Лицо тонкое, очень красивое, но усталое и измученное. Впечатление такое, что красавица долго бродила

где-то, не нашла того, что искала и ни на что больше не надеется.

— Я... — растерялась Саша, и честно призналась:

— Голодная. Очень.

— Я просто с ума от голода схожу. — поделилась девушка, сверкая глазами. — Уже не помню как меня зовут.

“Т-а-ак. А я думала, это у меня с головой не в порядке.”

— Сейчас подожди... — девушка наморщила лоб, — Такое короткое имя... Вспомнила! Эола! Меня зовут Эола! А ты? Ты помнишь свое имя?

— Помню. — неуверенно ответила Саша. — Я Александра.

— Длинное имя... И ты его помнишь. Значит у тебя еще есть время.

— Время... на что?

Девушка не ответила. Она морщилась, хмурила брови, будто решала мучительно-сложную задачу.

— А мое время закончилось. Я исчезаю. И мне надо выбирать — или исчезнуть совсем, или...

— Или?..

— Прыгнуть в болото. — шепнула Эола. — Хочешь со мной?

Такого поворота Саша не ожидала.

— Нет, не хочу! И ты не смей!

— Я больше не могу питаться некрой. — Эола передернулась. — Инспирии мне уже не дождаться, а азумам она ни к чему.

“Все ясно. Ей нужна помощь, причем срочно. А что я могу?”

— Ты подожди... — осторожно начала Саша, лихорадочно соображая, как бы отвлечь девушку от опасных мыслей, — Зачем сразу в болото? Хочешь, я тебе яблоко дам? У меня где-то было... “Черт, яблоко-то в рюкзаке осталось!”

Но может оно оказалось и к лучшему. Ее слова расстроили Эолу.

— Ты смеешься надо мной? Какие яблоки? — глаза ее наполнились слезами. — Я погибаю, а ты... О, я поняла. Ты драгоценная?

— Какая? — не поняла Саша, — Нет, я обыкновенная.

Эола, казалось, не услышала.

— Пожалуйста, забудь, что я тебе сказала. И не говори никому, что видела меня. — попросила она. Отступила в темноту и пропала из глаз.

— Подожди! — Саша спрыгнула с камня, кинулась следом, но Эола пропала без следа.

— Куда она делась? — расстроилась Саша. — Неужели снова померещилось? Да что со мной такое...

Она снова вскарабкалась на камень, подтянула колени к подбородку, обхватила себя за плечи. Дождь усилился. Она тихонько заплакала.

— Привет. Это ты меня звала?

Саша вытерла слезы, подняла голову.

На этот раз перед ней стоял парень, ее ровесник, может чуть постарше. Высокий, худой, темноволосый. На плече болтается футляр, кажется, скрипичный.

— Нет. — сухо ответила она.

— Но я так ясно слышал...

— Тебе показалось.

Парень усмехнулся.

— Это вряд ли. — ответил он с интонацией, которой Саша не поняла. Она промолчала на всякий случай — в этом жутком городке разговоры добром не заканчиваются. Но незнакомец, видимо, так не считал.

— Ты откуда взялась? Я тебя раньше не видел. — продолжал он.

“ Сговорились они, что ли?” — с тоской подумала Саша. Она хотела ответить что-нибудь язвительное, но не успела придумать. Странное чувство вдруг возникло — будто она ему что-то обещала и забыла. Где она могла его видеть? Футляр этот... Может играл на улице? Она искоса поглядывала на него. Нет. Ей не было знакомо это бледное, неподвижное лицо и рассеянный взгляд темных глаз. Они не встречались, Саша была в этом уверена. Она с досадой отвернулась.

— Дождь начинается. — заметил парень.

Саша молчала.

— Промокнешь.

— Плевать.

Дождь усилился. Капюшон уже не спасал, тонкая куртка вымокла насквозь.

— Что случилось?

Саша смотрела себе в коленки, дрожала от холода, молчала.

— Может я помочь могу?

— Зонтик есть? — пробурчала Саша, не поднимая головы.

— Нет. Могу куртку дать.

— Не надо.

— Как хочешь. Но тебе нельзя здесь оставаться.

— Твое какое дело?

Парень пожал плечами. Ее резкие ответы его как будто не смущали.

— Ты бы смогла бросить человека ночью под дождем?

— Не знаю... нет. — ответила Саша, чуть поразмыслив.

— Я живу здесь недалеко... — нерешительно начал он. — Ты можешь у меня хотя бы дождь переждать.

Саша взглянула на него исподлобья.

— Один живешь?

— Нет.

— С родителями?

— С отцом... Приемным.

— А мама? — вдруг вырвалось у нее.

— Нет. — сухо ответил он.

— Извини.

— Ничего, я привык.

Саша мысленно выругала себя за бесцеремонность. Могла бы догадаться. Собрат по несчастью...

— Карл Иванович... ну, мой отец... он музыку преподает. Не бойся, нас тут все знают.

— И что? Я тебя не знаю.

— Меня зовут Савва. — сказал он просто. — А тебя?

— Александра. — угрюмо представилась Саша.

— Пошли? Инструмент промокнет...

— Скрипка? — спросила она на всякий случай.

— Да. А ты что подумала? Пузырек с эфиром? Не веришь, могу показать. — Савва потянул с плеча футляр.

— Не надо. — остановила его Саша.

Футляр внушал ей доверие. Если человек отправляется на черное дело, едва ли он прихватит с собой скрипку.

“Что же ты бродишь с инструментом ночью под дождем?” — хотела она спросить, но вместо этого почему-то сказала:

— Ладно. Пойдем.

И спрыгнула с камня, неудачно подвернув ногу.

ГЛАВА 8. Город без названия

Пока она чуть не плача, пыталась наступить на ногу, послышался звук мотора. А затем на площадь выкатился небольшой автобус, похожий на те допотопные агрегаты, что она видела однажды на выставке ретроавтомобилей. Папе очень нравились такие авто, он даже мечтал завести себе что-то в этом роде.

Автобус подъехал и остановился. Из водительского окошка высунулась физиономия — худая, длинноносая, в забавных круглых очках, вроде тех, что носят часовых дел мастера. Бледная лысина матово сияет, совсем как у их географа. Только тот совсем лысый, и его голова напоминает ластик. А у этого ярко-рыжие вихры выются по кругу, как медный лавровый венок у мраморной статуи Юлия Цезаря.

Пассажирская дверь открылась и из нее с громким хлопком выбросился зонтик. Следом за зонтом, точнее, под ним, показался невысокий человек с аккуратной бородкой и растрепанной шевелюрой.

— Савва! Ну разве так можно! — начал он еще на ступеньках, — почему я должен искать тебя повсюду! Бродишь под дождем! С инструментом! Чудовищная безответственность!

Савву его гневная тирада ничуть не смутила.

— Простите, Карл Иванович. — спокойно ответил он. — Я репетировал с... Амалией. Мы договаривались. Потом пошел домой, но по дороге...

Он запнулся. Карл Иванович тем временем заметил Сашу, посмотрел на нее внимательно, изменился в лице.

— Это еще кто? — глухо спросил он.

— Александра. — спокойно ответил Савва.

— Откуда она взялась? Почему я ее не знаю? — понизил голос Карл Иванович.

— Можно она у нас переночует? — Савва оставался невозмутим.

— У нас? Исключено! — отрезал Карл Иванович. — Я ее впервые вижу. Впрочем, давайте-ка сначала уйдем из-под дождя. Быстро в паробус!

— Не пойду я ни в какой паробус! — отрезала Саша и снова взгромозилась на камень.

— Тебе нельзя оставаться. — серьезно сказал Савва.

— А в машину непонятно с кем — можно?

— Правильно, нельзя! — с облегчением сказал Карл Иванович. — Оставайтесь. Я к вам альбинатов отправлю.

— Кого? — забеспокоилась Саша

— Карл Иванович, не надо альбинатов! — сказал Савва, — С ней что-то случилось, ясно же!

Карл Иванович смотрел на Сашу недоверчиво.

— Пойдем, не бойся. — Савва протянул ей руку. — Карл Иванович сам тебя боится.

Дождь припустил со злобной силой. Буквально за несколько секунд водяная стена заслонила площадь Безобразова. Сверкнула молния и почти одновременно с ней шарахнул гром. Саша взвизгнула и в одну секунду влетела в автобус, который почему-то называли паробусом. Карл Иванович и Савва вскочили следом. Шофер, занятый изучением каких-то бумаг, даже головы к ним не повернул, только привычным движением дернул рычаг возле

руля. Двери-гармошки, захлопнулись, оставив непогоду бушевать за толстыми стеклами, барабаном грохотать по крыше.

Саша плюхнулась на потертый кожаный диванчик, забилась в угол, отжала волосы как мокрую тряпку и несколько секунд наслаждалась теплом. Карл Иванович и Савва сели напротив. В салоне уютно пахло кожей, резиной и как будто немножко печкой.

— И как же вы здесь оказались? — строго спросил Карл Иванович. — Одна. Так поздно.

Саша угрюмо молчала, смотрела исподлобья. Что можно им рассказывать? Кто они такие? Как ей быть? Довериться чужим людям в чужом городе? Врать напрапалую, или просто тянуть время? Как будто можно тянуть его вечно. И, кстати, с чего это она обязана отвечать на вопросы?

— Из Москвы приехала. По делу.

— По какому такому делу?

— По личному. Еще вопросы будут?

Карл Иванович строго глянул на нее поверх очков.

— Будут. Много. По-хорошему я вас должен отвезти в отдел защиты.

— Куда? — испугалась Саша. — Меня-то за что?

— Карл Иванович! — перебил Савва. — Она не опасна, вы же видите.

— Я вижу невесть откуда взявшуюся девицу подозрительной наружности, — сварливо ответил Карл Иванович, — и девица эта не может внятно объяснить откуда она взялась.

— Она вам сказала.

— Чушь она нам сказала! Первое, что пришло на ум! С таким же успехом могла бы ответить, что с Луны свалилась.

— Я правду говорю! — возмутилась Саша, — Зачем мне врать? И... и знаете что? Я вам тоже не доверяю! Откройте дверь, мне в полицию надо.

— В полицию? — поднял брови Карл Иванович, — Деточка, вы не понимаете, где находитесь?

— В... как его... В Самородье. Здесь что, нет полиции?

— Полиция есть. — ответил ей Савва, — Только лучше тебе с ней не связываться.

— И это не Самородье. — серьезно сказал Карл Иванович. — Это... другой город. И я понятия не имею, как вы могли здесь оказаться.

— Другой город?

— Вот именно. Другой.

Саша обрадовалась. Если она случайно забрела в городок по соседству, то это многое объясняет. По крайней мере исчезновение лестницы и изменившуюся площадь.

— Все понятно! — воскликнула она. — Я в саду заблудилась и вышла не туда.

— В каком саду? — подозрительно спросил Карл Иванович.

— В заброшенном. За оградой. Где бурелом, кусты и коряги.

Ее слова вызвали неожиданную реакцию. Карл Иванович приложил ладонь к губам. Юлий Цезарь оставил свои свитки, обернулся и сдвинул на макушку очки-крабы. Савва и бровью не повел. Он продолжал внимательно смотреть на Сашу. И снова ее кольнуло это ощущение — она должна вспомнить что-то давно забытое.

— Как вы попали в этот сад? — зачем-то понизив голос, спросил Карл Иванович.

Саша замялась.

— Понимаете, я догоняла Каспара Хаузера, он утащил у меня очень важную вещь. А уйти он мог только через ограду. Больше некуда было, кругом одни заборы. Вот я и полезла

следом. — нехотя призналась она.

— Вы пролезли сквозь ограду?

Саша кивнула.

— Не может быть! Как же вы... Пойдите! Кого, вы сказали, догоняли? — прищурился Карл Иванович.

— Карлик здесь бегают, видели? Каспар Хаузер его зовут. Такой... — быстрой, выразительной пантомимой Саша изобразила Каспара, — странный, в общем. Он украл у меня письмо и убежал. Ну и я за ним.

— Карлик... — медленно повторил Карл Иванович, — вы понимаете, Платон Леонардович? — обернулся он к шоферу, — Это же кошмар!

Тот печально вздохнул. Лицо Саввы не меняло выражения, он не отрываясь смотрел на Сашу.

— Почему кошмар? — искренне удивилась Саша, — Бывает.

— Карл Иванович, вы же видите, она действительно ничего не знает. Она правду говорит. — сказал Савва.

— Подождите! — вдруг осенило Сашу, — Леонардович... Это не вы случайно пироскаф построили? — обратилась она к шоферу. Тот расцвел гордой улыбкой, кивнул.

— А вы откуда знаете? — вкрадчиво спросил Карл Иванович

— Мне паромщик рассказал. Но он сказал — вас уже тридцать лет как нет. А вы вот где!

Карл Иванович выразительно посмотрел на Савву.

— Ничего не знает, ты говоришь? А по-моему, так слишком много!

Савва беспечно пожал плечами.

Последняя фраза Саше совсем не понравилась. Пора уже было как-то выпутываться из этой истории.

— Наверное, все это не важно, если я ошиблась городом! — деланно рассмеялась она. — Спасибо, что помогли мне во всем разобраться! А теперь не могли бы вы мне подсказать, как вернуться в Самородье?

— Милая девушка! — сурово произнес Карл Иванович, — Вы ничего не поняли. В Самородье вернуться вы не можете.

— Почему?

— По закону нашего города мы обязаны отвезти вас в отдел защиты, или нам самим грозят серьезные неприятности.

— Да какого города? У него есть название?

Карл Иванович посмотрел на Савву. Тот на Платона Леонардовича. Платон Леонардович почесал в затылке. Все молчали.

Саша никак не могла взять в толк, что происходит, в чем она виновата и как ей дальше быть. Одно упоминание о карлике и о паромщике так сильно расстроило Карла Ивановича, что он хочет везти ее в какой-то отдел. Страшно представить, что начнется, если она расскажет им всю правду. И почему эти трое не хотят сказать ей как называется город?

— Послушайте, — устало сказала она, — если я нарушила какой-нибудь закон, то, честное слово, случайно. Я сегодня целый день за кем-то бегаю, откуда-то выбираюсь... Думаю, меня просто разыграли. Я очень устала. — призналась она. — Давайте, как будто вы меня не видели? Одолжите зонтик, я посижу здесь до утра, а потом доберусь как-нибудь до пироскафа и уеду. А зонтик на камень положу. Ну, или... не надо зонтика...

— Пироскаф ушел без вас. — строго сказал Карл Иванович. — Как хочешь, Савва, я не

могу взять на себя такую ответственность! Кто знает, куда еще она успела сунуть свой нос, пока болталась здесь? Нет, я считаю надо взять ее в башню, пусть там разбираются.

— Не надо ее в башню! Может лучше к Кларе? — предложил Савва.

— Ой, Кларе только этого не доставало!

— Все равно придется ей сказать. Мы не сможем такое скрыть...

— Не знаю, не знаю... Я не хочу беспокоить Клару. Она и так измучилась, бедняжка!

Саша тревожно переводила взгляд с одного на другого. Мокрая площадь, башня какая-то, темное чудовище, Клара... Последняя казалась ей самой безопасной. Она посмотрела на Карла Иваныча в упор.

— А Савва сказал мне, что вы добрый. — произнесла она укоризненно.

Карл Иваныч бросил на Савву беспомощный взгляд.

— Так и есть. — подтвердил тот.

— Дети, ну вот что вы со мной делаете? — Карл Иваныч тяжело вздохнул. — Ладно, рискнем. Платон Леонардович, едемте к Кларе!

— А может... через калитку? — тихо спросил Савва, — Будет быстрее.

— Нет уж! — раздраженно ответил Карл Иваныч, — Я не желаю мокнуть. Платон Леонардович, поехали!

Платон Леонардович кивнул и завел мотор. Паробус объехал вокруг площади, свернул к реке, потом влево и двинулся в темноту прочь от города.

Если тусклый свет фар и освещал дорогу, то видел ее только шофер — за окнами была чернота и потоки воды стекали по стеклам. Машину бросало из стороны в сторону, Саша треснулась головой о железяку, торчащую из стены, и только тогда сообразила за нее же ухватиться. Потом дорога стала поровнее, Сашу мягко покачивало, ей даже на секунду показалось, что она снова на пироскафе — это она чуть не заснула. Потом ей показалось, что по стеклам вместе с потоками воды хлещут ветки, паробус снова стало потряхивать, но уже не так сильно. Саша догадалась — они едут через лес. Потом снова стало ровно, и чуть просветлело — луна вышла из-за облаков. Паробус качало уже мягко и плавно, снова захотелось спать.

И вот наконец остановились. Саша встрепенулась, потеряла глаза.

С трудом находя узкие ступеньки, полусонная она почти выпала из дверей. Дождь закончился. Свет луны едва пробивался сквозь путаницу веток, слабо обозначал толстые стволы. Темный лес. Ей конец. Бежать пока не поздно.

Она кинулась было в сторону, но Савва успел схватить ее за руку.

— Не сходи с дорожки! — крикнул он. Саша снова рванулась, но Савва крепко держал ее руку.

— Платон Леонардович, фары, быстро! — скомандовал Карл Иваныч. Вспыхнул свет. Прищурившись, Саша разглядела чугунную ограду и распахнутую настежь калитку, обросшую мхом.

— Куда вы меня...

— Да не бойся ты! Мы к Кларе приехали. С тобой ничего не случится, главное с дорожки не сходи. — преспокойно ответил Савва.

— Отвезите меня обратно!

— Платон Леонардович, вы можете ехать домой. — крикнул Карл Иваныч, не обращая внимания на Сашу. — Мы здесь надолго.

— Отвезите меня обратно. — тихо повторила Саша.

Тяжко кряхтя и увязая колесами во мху, автобус развернулся и уполз, как гигантский жук.

— А нам туда. — спокойно объявил Карл Иваныч, ткнул рукой в направлении нырнувшей во мрак калитки и шагнул вперед.

— Сейчас я отпущу твою руку. — сказал Савва. — Иди за Карлом Иванычем. Сама. И не сходи с дорожки. Если что, мы не найдем тебя в лесу и не сможем помочь.

Саша чуть не плакала от страха и бессилия. И чего ей дома не сиделось! Там тепло и уютно, и Светлана не такая уж страшная, если вдуматься.

— Я отпускаю?

Еще можно убежать. Он выпустит ее руку, и она бросится в лес и спрячется между деревьями. А там ее поджидает чудовище... Саша взглянула на мрачные силуэты стволов, повернулась к Савве.

— Отпускай.

И послушно пошла по дорожке вслед за Карлом Иванычем. А тот остановился перед распахнутой калиткой.

— Смелее, Александра! — и он шагнул вперед.

Саша обернулась — позади тьма, холод, мокрый лес. Она вдохнула поглубже, и вошла в калитку, как в ледяную воду незнакомой реки.

Голова закружилась, в ушах тоненько зазвенело, стало трудно дышать. Она покачнулась, вцепилась наощупь в холодные прутья ограды. Все в порядке. Это нервы. Она открыла глаза.

ГЛАВА 9. "Клара, скажите ей!"

Зеленоватые огоньки тихо сияли вдоль дорожки, на кронах деревьев, на пышных клумбах и кустарниках. Сад был словно нарисован светящимся карандашом на черной бумаге. Это светлячки! Саша тихонько ахнула — ей случилось видеть светлячков, но чтобы столько!

— Какая красота... — прошептала она.

— Жуки-фонарщики. Кларина работа. — Карлу Иванычу явно польстило Сашин восхищение, — Идемте! Нас ждут.

И двинулся дальше уверенным шагом по извилистой дорожке меж сияющих, шевелящихся кустов в глубь сада, где огромным фонарем светился дом.

Сад был огромен. Они все шли и шли, а дом все еще маячил где-то вдали.

— Как же здесь должно быть красиво днем! — не смогла удержаться Саша.

— Сад — это дело рук Бэллы! — Карл Иваныч произнес эти слова с такой гордостью, словно сад был его рук делом. — Осторожней, сейчас пойдем через мостик, не упадите в пруд.

Он беспокоился напрасно — жуки-фонарщики отлично справлялись со своим делом. По обе стороны мостика колыхались на воде кувшинки, очерченные тем же нежным светом. Под ногами плеснула невидимая рыбка.

— Сейчас будут ступеньки, не споткнитесь.

А Саша как раз и споткнулась, но ступеньки были не при чем — кто-то цапнул ее за ногу. Она испуганно ойкнула.

— А ну, прекрати! — сердито прикрикнул Карл Иваныч. — Это я не вам, проходите быстрее! Он любит безобразничать, особенно с гостями.

— Кто?

— Да куст один прислали Кларе в подарок! — в голосе Карла Иваныча звучала ревнивая досада, — Из Ирландии... Сладу с ним нет, такой вредный оказался. У Бэллы уже руки опускаются. А поливать его нужно особым сортом эля, у нас такого нет, хоть из Ирландии вези.

— Бэлла пробует сварить что-то подходящее, — подал голос Савва, шедший следом — но он делает вид, что ему не нравится.

— Шутите? — Саша расстроено терла ушибленную коленку.

— Да вы не бойтесь, он не ядовитый. Просто хулиган.

— Ну да. Куст-хулиган. Спасибо, что предупредили, теперь совсем не страшно.

И вот наконец подошли к дому, поднялись на крыльцо и Карл Иваныч дернул веревку колокольчика. Послышались тяжелые, неровные шаги, лязгнул засов, запела массивная дверь.

Фонарь на длинной цепи заливал просторную прихожую мягким светом. На пороге стояла высокая, ширококостная женщина с суровым и подозрительным выражением лица.

Черные с серебром кудрявые волосы собраны в пучок, но торчат во все стороны, как растрепанные перья. Крючковатый нос довершает сходство со старой совой. Длинное темно-синее платье, льняной передник, состоящий, кажется сплошь из оттопыренных карманов. Босые ноги. Неужели это и есть Клара?

— Ну? Входите, раз пришли. — пробурчала женщина вместо приветствия, подозрительно глядя на Сашу черными, чуть навывкате глазами.

— Добрый вечер, Бэлла! — лучезарно улыбнулся Карл Иваныч, ничуть не смутившись нелюбезным приемом.

“ Бэлла... Хорошо, что не Клара” — успокоилась Саша. Ей хотелось, чтобы Клара оказалась милой, уютной старушкой, чтоб напоила чаем с пирожками, угостила домашним вареньем, уложила в белую кроватьку...

— Ага, может тебе еще и сказочку рассказать? — издевательски осведомился тот самый противный голос, что напугал ее сегодня на площади.

Саша обежала безумными глазами прихожую — никого, кроме Бэллы и их троих. Только кот из-за угла появился, толстый, белый. Точь-в-точь такой, как тот, на площади.

“ Опять этот голос, опять! С ума я, что ли схожу на самом деле? Не этот же белый мех заговорил...”

— А ты откуда взялась? Тебя кто звал! — топнула Бэлла на кота. То есть на кошку. Это, оказывается, кошка. Большая и пушистая. — Нечего тут, брысь! Идемте.

И она зашлепала босым ногами по серым плитам коридора.

В глубине большой круглой комнаты, у окна, в кресле с высокой спинкой сидела женщина. Саша замерла, не в силах отвести от нее глаз. Когда-то давным-давно, когда Сашина жизнь еще была наполнена чудесами, папа подарил маме большой кусок ее любимого горного хрусталя. И маленькая Саша подолгу рассматривала камень. Ей казалось, что внутри таится мир, искрящийся волшебством и населенный невидимыми существами. И если долго-долго всматриваться, то может быть однажды получится проскользнуть в хрустальную страну и подружиться с ее обитателями. Это было очень давно, и Саша забыла об этом — почти все хорошее улетучилось из памяти за последний год. И вот вспомнила, едва взглянув на эту удивительную Клару.

Нежные, тонкие черты, светлые прозрачные глаза, волосы цвета раковины, пронзенной солнцем. Она неуловимо напомнила Саше Эолу. Вернее, Эола могла бы быть такой, не случись в ее жизни несчастья, погнавшего ее в болото.

— Ну, Карл Иванович, что случилось? — голос у нее был такой же нежный, как и она сама, — Савва, рада видеть тебя, мальчик.

— Простите, что потревожили вас так поздно, но... вот! — он сделал жест в Сашину сторону, — сидит девица посреди площади Безобразова и плетет небылицы!

Клара пристально взглянула на Сашу и лицо ее стало таким, будто она вдруг обнаружила потерянную драгоценность. Зеленоватые глаза засветились бирюзой.

— Я хотел отправить ее к альбиносам, — ябедничал Карл Иваныч, — но Савва меня упросил отвезти ее к вам. Я был против!

Клара с нежностью посмотрела на Савву, одобрительно кивнула. Потом обернулась к Бэлле, застывшей возле двери.

— Принеси что-нибудь поесть, будь так добра. — попросила она, — И побольше какао — девочка едва на ногах стоит.

Бэлла кивнула и вышла. Клара приглашающе повела рукой в сторону зеленого бархатного кресла. Саша с наслаждением погрузилась в него, как в мягкий мох. Карл Иваныч и Савва заняли диванчик напротив.

— На площади было темно, вы не могли ожидать, не узнали... — сказала им Клара, — но сейчас, Карл Иваныч, посмотрите внимательно. Она никого вам не напоминает?

Карл Иваныч хмуро уставился на Сашу. Приподнял бровь. Недоверчиво посмотрел на Клару. Та кивнула. Саша и Савва растерянно наблюдали их переглядки.

— Расскажи мне все с самого начала детка. — наконец обратилась Клара к Саше, — Кто ты, откуда, зачем пришла к нам?

Саша ровным счетом ничего не понимала. Но вдруг до боли остро почувствовала, как она устала, как глубоко и крепко засела в ней эта заноза — предыдущий год. Невозможность поделиться хоть с одной живой душой. Страх, что любое ее слово может стать роковым. А сейчас она чувствовала себя словно внутри облака — мир вокруг стал легким, прозрачным, безопасным. Ей показалось на секундочку, что она снова маленькая девочка и ей удалось-таки проскользнуть в хрустальную страну. Необыкновенный покой распространяла вокруг себя эта удивительная женщина.

Глубоко вздохнув, Саша начала рассказывать. Все, с того самого дня, как исчезла мама. Она уже понимала, что ей самой нипочем не разобраться, не решить головоломку, в которой не хватает половины деталек. Так хочется сложить эту тяжесть с плеч! Надо рассказывать все как есть. К тому же здесь ей, похоже, верят.

Клара слушает, не перебивая, смотрит рассеянно-пристально своими переменчивыми глазами. Этот взгляд Саша подмечала и у Кассандры и у Саввы — он делал их немножко похожими.

— ...и тогда я залезла в интернет и все узнала о вашем городе, и как до вас добраться.

— О нашем городе невозможно прочесть в интернете. — улыбнулась Клара.

— Ну... о Самородье. — уточнила Саша. — Я ведь туда ехала. А попала не знаю куда. Как, кстати, ваш город называется?

— Это-то меня и смутило! — встrepенулся Карл Иваныч, — Ни один человек не сможет сам, без посторонней помощи попасть в Музеон. А уж сохранить рассудок...

— Тс-с-с! — Клара прижала к губам длинный тонкий палец.

— Вообще-то мне помогли. — осторожно продолжала Саша, — Все началось с этого карлика. Каспара Хаузера.

— Плохо. — вздохнула Клара.

— Очень плохо. — эхом откликнулся Карл Иваныч.

— Раз уж мы прервали твой рассказ, можно я у тебя кое-что спрошу?

Саша кивнула.

— Как зовут твою маму?

— Ариадна. Но она предпочитала — Арина.

Клара кивнула с улыбкой.

— Вы с ней похожи?

Вот сейчас быгодились ее неумелые рисунки! Но альбом остался в рюкзаке, а рюкзак — в страшном доме...

— Говорят — похожи. Только она очень красивая.

Клара задумчиво кивала, пристально глядя на Сашу.

— А бабушка у тебя есть? — вдруг спросила она.

— Была. Папина. Она давно умерла. А других бабушек нет. И у мамы все умерли давно. Она не помнит своих родителей.

— Карл Иваныч, что думаете?

— Далеко не уверен! Кассандра узнала бы заранее и предупредила бы нас.

“Кассандра? При чем здесь Кассандра?” — встревожилась Саша.

— Послушайте, — устало проговорила она, — еще утром я и знать не знала о Самородье. Я гуляла, никого не трогала, а тут этот ряженный карлик... Я понимаю, у меня нет доказательств, он ведь утащил потом записку. Может я нарушила какой-нибудь закон, в сад этот влезла! Нельзя было, наверное... Но понимаете, я хочу найти маму. Больше мне ничего не нужно, честное слово! Наверное, в эту историю трудно поверить. — грустно закончила она.

— Я верю. — спокойно ответила Клара, — рассказывай дальше.

— Да я уже почти все рассказала. Я приехала в Самородье. Саша рассказала о разговоре со старичком-искусствоведом, о Каспаре, и о том, как влезла в чужой сад. Ее слушали, не перебивая. Пришло время рассказать о происшествии в доме Кассандры. И она бы рада! Но "...матери не увидишь и сама пропадешь" — стояло у нее в ушах.

— Ну и... я заблудилась. Еле выбралась на площадь Безобразова. А там все другое! Ни пристани, ни парома. Все исчезло куда-то. А потом появилась... — Она снова осеклась. Та девушка, Эола, просила никому о ней не говорить. И она обещала.

— ...то есть, Савва появился. А дальше вы знаете. — дрогнувшим голосом закончила Саша, стараясь не смотреть в глаза Кларе. Она была уверена — та ее мигом раскусит. Она перехватила настороженный Саввин взгляд.

“ Кажется, он понял, что я что-то скрываю! Понял и молчит. А Карл Иваныч? Нет, не догадывается.”

Открылась дверь и Бэлла вкатила в комнату тележку, уставленную тарелками. Посреди тарелок гордо торчал огромный кофейник. По комнате поплыл аромат шоколада. Угощение на тележке показалось Саше довольно скромным — домашний хлеб, тарелка с сыром и фрукты. Но она не чувствовала голода. С ней так всегда — устанет, понервничает, и кусок в горло не лезет. Она помотала головой.

— Спасибо, я совсем не голодна.

— Ну тогда шоколаду выпейте, — не стала настаивать Клара.

Бэлла сунула Саше кружку. Она через силу сделала пару глотков и сразу согрелась, повеселела и даже отважилась на корочку хлеба. Хлеб показался ей очень даже вкусным, как-то сам собой к нему присоединился кусочек сыра, потом еще один...

— Смотри, не лопни!

Саша чуть не подавилась, закашлялась до слез.

Белая кошка лежала рядом на полу в позе сфинкса, сверлила ее наглыми голубыми глазами и рта не раскрывала. А голос явно принадлежал ей. Это было уже слишком. Саша поставила чашку на тележку.

— Вы это слышали? — она указала пальцем на кошачью морду. Клара растерялась слегка.

— О чем вы, деточка?

— О том, что вот это... животное постоянно лезет ко мне и хамит. И на площади тоже была она! А я уже решила, что у меня голоса в голове! — Саша остановилась, сообразив, что ее гневная тирада звучит как натуральный бред.

— Ты слышишь Молчун? — удивилась Клара.

— Так она еще и Молчун?

— Да. Она не умеет мяукать.

— Уж лучше бы мяукала. Трепло — вот ей подходящее имя!

Молчун обернулась на Сашу с обиженным видом.

— Подумаешь, пошутила разок.

— Вот опять! Не слышите?

Клара обменялась многозначительными взглядами с Карлом, Бэллой и Саввой.

— Вы думаете, я с ума сошла? — спросила у них Саша.

— Ни в коем случае. Ты просто слышишь анимузу. — спокойно ответила Клара.

— Кого? — не поняла Саша

Ей никто не ответил.

— Вы намекаете, что эта девица — подопечная Молчун? — удивился Карл Иванович.

— Или посредник. — подала голос Бэлла.

— Или и то и другое, — протянула Молчун. — Тебе повезло, человек.

— Что еще за анимуза? Кто вы такие? Где я?

Бэлла повернулась к Кларе.

— Скажи ей.

Клара молчала.

— Лев придет — труднее будет.

— Какой еще лев? Кто такая анимуза? — занервничала Саша.

— Он не придет сегодня. — ответила Клара

— Ну хоть ты им скажи! Ты, вроде, нормальный. — Саша в отчаянии повернулась к Савве.

— Клара, скажите ей. — попросил Савва.

— Что происходит, пожалуйста, объясните! Карл Иванович какое-то слово сказал странное... Му...

— Музеон. — спокойно сказала Клара. Город, где живут музы.

— Музы? — Саша обвела взглядом всех по очереди и нервно хихикнула. — Те самые?

В ответ она получила общее молчаливое согласие.

— Всякие. — ответила Молчун. — Я, например, муза в теле животного. Анимуза.

“Вот теперь все ясно. Светланины штучки!” — с ужасом догадалась Саша и поднялась с дивана. — “Бежать отсюда скорей!”

— Ну, спасибо вам большое за угощение и ... за внимание. Мне, пожалуй, пора... — “Главное виду не подавать и улыбаться.” — ...приятно было познакомиться, до свидания!

Скаля зубы, она попятилась к выходу.

— Саша, подожди. Послушай... — ласково сказала Клара.

— Да нет, я все поняла. — нервно посмеивалась Саша, отступая к двери, — музы, анимузы, львы... Это очень интересно. Мне просто пора.

“Только бы выбраться отсюда! Спрячусь в лесу до утра!”

— Да постой ты, дурында! — сказала Молчун, — сообрази своей соображалкой, что никакая Светлана не научит кошку телепатии! Ты моя подопечная. А я — твоя анимуза.

Кстати, в лесу ты до утра не дотянешь.

Саша растерянно взглянула на Молчун.

— Детка, сядь. Послушай. — мягко сказала Клара.

Молчун подошла и молча потерлась щекой о Сашину ногу.

— Хорошо. — вздохнула Саша и села на прежнее место.

Черная гора, окруженная болотом, никогда не выныривала из тумана. Да и не туман это вовсе — дурное дыхание трясины окутывало подножье, ползло выше, по гладким, как

маслом смазанным бокам, и только у самой вершины чуть рассеивалось, неохотно уступая ветру и солнцу. А ближе к земле оно не шевелилось — кругом болото, гнилая топь, а дальше непролазная чаща, заваленная мертвыми стволами. Густой мох покрывал все пышным ковром, разрастаясь, расползаясь все дальше. Год за годом трясина поглощала лес. Тяжелый, одуряющий дух недвижно висел над болотом, стоял между деревьями, обволакивал жалкие кустики, слабую травку. Мертвое место, гиблое. Жители Самородья с незапамятных времен прозвали его Поганой Ямой и носа туда не совали. Да и как сунешь-то? Со всех сторон лес. Единственная дорога кружит между Цветными холмами и теряется в болоте. А чтобы подойти к холмам нужно сделать огромный крюк и пройти краем дальнего леса. А короткая дорога, если и была когда-то, шла через запретную зону, ту, что за чугунной оградой.

Самородские бабушки слышали от своих бабушек, что их бабушки им рассказывали, что под самым брюхом Черной горы было когда-то селение. И жили в нем темные, недобрые люди, изгнанные из Самородья за пакости. А потом все селение вымерло за одну ночь от неизвестной болезни. Так, по крайней мере, говорили в Самородье, а проверять дураков не было. Поганая Яма — она яма и есть. Так рассказывали внукам Самородские бабушки. Но и им, премудрым и многоопытным, правда открывается не всегда и не вся.

А правда была в том, что селенье не вымерло. Оно жило себе и жило. И тяжелый болотный дух был для его обитателей так же приятен, как, скажем, для Саши — аромат ореховых штруделей из Арбатской пекарни.

Для женщины, что шла сейчас Мертвым лесом, и воздух и дорога были привычны. Она дышала глубоко, шла уверенно, обходя гниющие кучи, ступая на ненадежную, плывущую и чавкающую поверхность. Вышла на опушку. Светлее не стало. Круглые сутки здесь полумгла.

На лице женщины отразилось радостное спокойствие человека вернувшегося домой после долгих странствий. Она подняла голову и, как старому другу улыбнулась утопающей в желтоватом тумане Черной горе. Уверенно обошла ее справа, пошла глубже, под влажно лоснящееся зловонное брюхо. Тяжелый камень, нависающий низко над землей, оставлял лишь небольшой проход для осведомленных. Женщина скользнула под него и исчезла в крошечной тьме горы. Там душно, влажно, висит тяжелый запах тухлой рыбы, слышно, как монотонно где-то капает вода.

— Кто-о-о иде-е-ет!? — раздался глухой рев.

— Та, кого ждуг. — равнодушно ответила женщина.

— Кто-о-о-о? — не сдавался невидимый привратник.

— Пошел вон, вонючее чудовище. — женщина оставалась спокойной, — Не узнаешь меня? Или хочешь разозлить Утробу?

Грозный рык перешел в глухое ворчание и затих. Женщина двинулась дальше. Через пару десятков шагов в темноте замаячила красная точка, за ней еще одна. Жуки-фонарщики. Чем дальше — тем больше их становилось. Они ползали по стенам, потолку, шевелились под ногами. Наконец, их стало так много, что они ярко осветили дорогу — узкий и тесный коридор. Он ширился, свод его поднимался, и наконец он окончился просторным залом, освещенным все теми же жуками.

Посреди зала колыхалось и клокотало озеро, наполненное темной, зловонной жижей.

— Я здесь, Великая Утроба! — почтительно произнесла женщина.

— Я тоже, — раздался в ответ насмешливый голос. Казалось, горло, породившее его, сделано из густого киселя.

Крупный камень в углу зала зашевелился и открыл глаза. Большую часть существа

составляло полупрозрачное желеобразное брюхо. Руки и ноги терялись в складках, и вся эта груда бурого студня венчалась вполне человеческой головой с немислимой путаницей волос, темным жабым лицом и бессмысленным взглядом зеленовато-серых, выпученных глаз.

— Великая Утроба...

Гостя почтительно склонила голову, но, видимо, это была простая формальность — выпрямившись, она спокойно прошла вперед и села на широкий каменный выступ.

— Наконец-то. — прохлюпала Утроба. — Рассказывай!

— Мой план сработал. Рано или поздно — все получается по-моему.

— Хвастунья! — круглые глаза чуть сощурились, было видно, что Утроба довольна.

— Как я и говорила, деваться ей было некуда. Единственный оставшийся путь вел ее напрямик в мою ловушку, и теперь наша мушка уже не выберется из горшка со сметаной.

— Где она? — глаза полыхнули голодным блеском.

— В Музее.

— Как? Почему? — проревела Утроба.

— Так было задумано. Ты же требуешь, чтобы она пришла добровольно?

— Не я требую! — злобно прохрипела Утроба. — А проклятый договор с этой крылатой клячей!

— Ну, как бы то ни было. Это гораздо труднее, чем похитить или запугать. И потребует больше времени и усилий.

— А мне на минуточку показалось, что ты не справилась.

— Тебе показалось. Ей теперь некуда деться. У меня есть план.

— Ну-ну... Что же ты задумала? — Утроба разместила поудобнее дрожащие складки брюха.

— Я разыграю небольшой спектакль. Не буду утомлять тебя подробностями. Агафьино отродье придет к тебе добровольно. Но это займет некоторое время. Совсем небольшое.

— Ну-ну... — беззубый рот растянулся в подобие улыбки. И снова сжался. — А что если оба отродья встретятся?

— Исключено. Ариадны нет ни среди живых, ни среди мертвых.

ГЛАВА 10. Драгоценные

— Белоконь, где сочинение? — вкрадчиво интересуется Зоя Всеволодовна.

— Какое сочинение? — вздрагивает Саша.

Она сидит за партой в кабинете литературы, а Зоя стоит перед ней.

— Ты должна знать — какое. Я задала его ровно год назад. — с угрозой в голосе отвечает Зоя Всеволодовна.

— Сашенька, — ласково шепчет Светлана, высунувшись из-за Зоиной спины, — я же тебе говорила: напиши, неприятности же будут! Вот и пожалуйста.

— Хорошо, я напишу... — покорно кивает Саша, — но скажите, на какую тему!

— Тема написана на доске. Садись и пиши! Пока не напишешь — из кабинета не выйдешь! — объявляет Зоя Всеволодовна и чеканным шагом покидает кабинет.

Светлана посылает Саше воздушный поцелуй и выплывает следом. Дверь с грохотом захлопывается за ней, щелкает ключ в замке.

Саша смотрит на электронную доску — на ней сияет надпись огромными буквами: “Тема сочинения.” Чуть пониже к доске приколот деревянный петрушка.

“ Так какая же тема? — размышляет Саша, — Петрушка... В него этот Каспар сегодня играл. А, знаю! Тема — Каспар Хаузер!

Кто же это такой? Я ведь знала! Забыла... Это от голода. Надо яблоко съесть”

У нее в рюкзаке всегда лежит яблоко. Но что за гадость? Оно измазано липкой черной грязью!

“Хорошо, что я ношу с собой бутылку с водой! Там, правда, чуть-чуть осталось, на доньшке, но яблоко вымыть хватит.

Густая, как масло, вода медленно течет из бутылки, яблоко выскользывает из рук. Катится, подпрыгивая, в угол кабинета, за ним тянется черный след. Саша идет за яблоком, но в углу вместо него лежит прозрачная красная бусина.

“ О! Это очень важная вещь! Не помню, для чего она мне, но точно знаю — я должна забрать ее и спрятать...

Саша наклоняется за бусиной, а в углу — дыра. Даже целая нора.

“ Как здорово! Я сейчас просто вылезу отсюда и убегу. Меня же мама ждет давно!”

Она протискивается в нору и ползет, крепко сжимая в кулаке бусину — ее ни в коем случае нельзя потерять! Стены норы сужаются, теснят ее со всех сторон, она уже не может двигаться вперед.

Нет, надо ползти назад. Не получается! Стены норы сжимаются, давят сильнее, сильнее. Как душно!

— Мама, помоги! — едва дыша шепчет Саша...

...И проснулась вся в слезах. “Это сон, какое счастье!”

Прохладное, бледное солнце смотрело прямо в круглое окно комнаты со скошенным потолком, наполняя ее мягким, светом. Пахло лавандой, смутно знакомыми травами и чуть-чуть жасмином.

Саша села на кровати и начала соображать где она, и что с ней вчера произошло.

Город муз... сумасшествие какое-то! Как можно в такое поверить? А впрочем, что ей еще остается? Или все это правда, или она сошла с ума. Второй вариант никуда не годится, значит придется смириться с первым.

Она оглядела комнату. Давно не крашенные белые стены, дощатый пол, в углу старинный шкаф, под окном небольшой письменный стол. Она лежит на высокой, как слон, кровати, придавленная тяжелым лоскутным одеялом. А на одеяле Молчун — развалилась, негодяйка, поперек, прикинулась куском белого меха.

— Брысь отсюда. — сказала ей Саша.

— Это почему? — зевнула Молчун.

— Потому. Бесишь. Если хочешь знать, я вообще кошек не очень-то люблю.

— Да и на здоровье. Я не кошка.

— Ах, да, я помню. Все равно бесишь.

— И тебе доброе утро...

Молчун с обиженным видом перепрыгнула с кровати на стул, где была аккуратно сложена Сашина одежда. Устроилась поверх, глядя на Сашу вызывающе. Та решила не поддаваться на провокации, тем более, что разлеживаться было некогда и неуместно. Спрыгнула с кровати. Обнаружила себя в белой рубашке до пят. Надо же, значит вчера хватило сил раздеться и натянуть эту хламиду.

“А одежду мою кто-то сложил, я бы на пол швырнула.”

Она согнала Молчун со стула и с удивлением обнаружила, что ее вещи постираны и отглажены. Оделась, подошла к окну — ей хотелось взглянуть при свете дня на сад, поразивший ее вчера.

Но ее ждало разочарование. Сад выглядел запущенным и заброшенным. Там и сям высились обломки каменных стен, останки чугунных заборов. Прямо посреди очаровательной зеленой полянки торчала старая калитка. И больше ничего. Калитка в никуда? Почему бы не убрать весь этот хлам?

На дорожке, ведущей к зарослям синей гортензии показалась Бэлла. Она торопливо шла, держа в руке тяжелое ведро, перегибаясь набок и сильно хромя.

“Зачем она несет воду в кусты? Что там поливать после вчерашнего потопа?”

— Ну и что ты встала, как пень? — вернула ее в реальность Молчун.

Саша машинально обернулась, а когда снова посмотрела в окно, то Бэллы уже не увидела. Она успела скрыться в кустах.

— Чего застыла, говорю!

— Да сон мне приснился... странный, — ответила Саша.

— Расскажи.

— Буду я кошке сон рассказывать!

— Я не кошка.

— Угу. Я пошла. Ты со мной?

— Это еще кто с кем идет... — Молчун открыла носом дверь и шмыгнула в коридор.

По дому плыл аромат вишневого варенья. Саша остановилась в просторном пустом холле, повела носом. Молчун с загадочным видом села неподалеку и сделала вид, что не может оторвать восхищенных глаз от полусонной мухи на окне.

— Покажешь где кухня? — спросила ее Саша.

Молчун прикинулась кошкой.

— Ну и ладно, сама найду.

От холла отходила небольшая лестничка немного вбок и вниз. Снизу доносилось невнятные звуки — что-то постукивало и позвякивало.

Саша спустилась по лестничке и поняла, что пришла куда надо.

Кухня оказалось пугающе огромной. Посередине высилась белая печь, в которую при желании можно было бы запихнуть бревно. Стены от пола до потолка заняты шкафчиками, полочками, ящичками. Огромные корзины с овощами и фруктами, сундуки, коробка, здоровенные глиняные жбаны. Невероятно, как можно в этом разбираться! Но у Бэллы, видно, неплохо получается, вон она, в углу возле маленькой печки, помешивает в кастрюльке. И аромат сводит с ума даже равнодушную к еде Сашу.

— Доброе утро. — сдержанно поздоровалась Саша. Бэлла, не поворачивая головы, пробормотала что-то похожее в ответ. Будто с кастрюлькой поздоровалась.

— Я проснулась, — продолжала Саша, — а в доме никого, кроме Молчун... и вас. — Спросить Бэллу о ведре она не решилась. — Спасибо, что постирали мои вещи... это ведь вы? — молчание в ответ. — Я, наверное, вам мешаю...

— Пока не мешаешь, а возьми вот ложку и мешай! Бэлла не обернулась, но большая ложка, перемазанная вареньем, мигом оказалась в руке у Саши, а сама она заняла Бэллино место у плиты.

А Бэлла, что-то бормоча себе под нос, зашлепала босыми ногами по каменному полу, захлопала дверцами шкафов.

На длинный сосновый стол слева от Саши грохнулась глиняная банка с мукой, миска с растопленным маслом, несколько коричневых яиц, баночки какие-то... Казалось, все появляется само собой, а Бэлла только руками размахивает. Тем же загадочным манером яйца, уже без скорлупы шлепнулись в каменную миску, на вид неподъемную, и Бэлла в считанные секунды превратила их с помощью венчика в желтоватую, воздушную пену. Не прекращая колдовать над миской, одной рукой она выхватила кастрюльку с вареньем из-под неловких Сашиных рук и бухнула на край стола.

— Все. Готово. Отойти-ка!

Саша, так и не выпустив из рук ложки, отступила назад, а Бэлла вместе с миской легко переместилась на ее место. Первая оладья зашкворчала на чугунной сковороде, которая все это время, оказывается грелась по соседству с вареньем, прямо у Саши под локтем.

— Не стой как столб, садись за стол!

Саша опустила на табуретку возле стола. Лизнула ложку. А на столе уже стояли большие белые тарелки, чашки, ложки, вилки. Красовался огромный фарфоровый сливочник в виде коровы, до краев наполненный сметаной.

“ Как она все успевает?”

— Как-как... Смотри во все глаза, вот и увидишь! — Бэлла победоносно водрузила на стол зеленое блюдо, на котором дымились гора золотистых оладьев. Следом за оладьями — темно-красный чайник с обколотой эмалью.

— Извини уж, парадную посуду доставать не буду.

Под столом, прямо на ногах у Саши устроилась Молчун, давая понять, что все забыла и простила. Саша неуверенно потянулась за сметаной.

— Кошке не давать!

Саша отдернула руку, подмигнула Молчун, мол, погоди, попозже. Зацепила вилкой оладушек, потянула к себе на тарелку.

Неуверенно нацелилась чайной ложкой на кастрюлю с вареньем.

— Смелей, не отравишься! — подбодрила ее Бэлла.

И сама шлепнула еще три оладьи на Сашину тарелку. Двумя большими ложками зачерпнула сразу и сметаны и варенья и плюхнула сверху. Молчун гипнотизировала Бэллу

преданными глазами.

— Ладно, и ты жри! — Бэлла швырнула ком сметаны в железную миску под столом и точным движением босой ноги отправила в угол, где стояла метла.

Молчун, не теряя достоинства, проследовала к миске и занялась сметаной.

Саше показалось, что и пяти минут не прошло с момента ее появления на кухне, и вот она уже, обжигаясь и пачкая вареньем нос, уплетает самый вкусный в своей жизни завтрак. Бэлла присела напротив. Она не ела, молча смотрела на Сашу. Молчун, расправившись со сметаной, вернулась к столу и снова уселась Саше на ногу.

— Ты что здесь? Покормили тебя уже. — нахмурилась Бэлла.

Молчун всем своим видом изобразила, что кормили, кто же спорит, неплохо бы еще покормить. Саша вопросительно взглянула на Бэллу.

— Ладно, раз уж такая добрая.

Саша обмакнула кусок оладьи в сметану и протянула Молчун. Та деликатно цапнула подношение и проследовала с ним под стол. Суровый взгляд Бэллы потеплел. Она пододвинула кастрюльку с вареньем поближе к Саше.

— Спасибо, но я больше не могу. Так вкусно! Правда, киса? — Саша заглянула под стол, — Извини, что нагрубила тебе, голодная была.

— Забыли! И я не киса. — донеслось из-под стола.

— Слышишь ее? — спросила Бэлла.

— А вы разве нет?

Бэлла вздохнула, покачала косматой головой.

— Хотела бы. Да не могу.

Саше стало жаль Бэллу, захотелось сказать ей что-нибудь приятное.

— Зато готовите здорово. И угадываете любимое блюдо! Как вам это удастся? — Саша думала, Бэлле будет приятно восхищение ее кулинарным ясновидением. Но Бэлла помрачнела сильнее.

— Как, как... — проворчала она. — Ты вот как узнаешь, кошка перед тобой или собака?

— Ну... — Саша растерялась, — ну видно же.

— Вот и мне видно. Только лучше б я всего этого не видела.

Взглянув в печальное лицо Бэллы, Саша удержалась от вопросов.

“ Не то я что-то брякнула.”

— Как обычно, — отозвалась Молчун.

Саша украдкой взглянула на Бэллу — слышит, нет? Не слышит. Но понимает, что разговариваем.

— Бери еще, наедайся как следует! День-то незнамо как пойдет.

— А что будет?

— Сейчас драгоценные приедут.

— Какие?

— Приедут — узнаешь. Не бойся.

— А где Клара?

— На солнце сидит. Пусть, надо ей. Совсем уже ноги не таскает.

Сотни вопросов крутились у Саши на языке, но она боялась спугнуть Бэллу. Та, похоже, неплохо к ней относится, но очень уж сердитая. Саша решила зайти издалека.

— Бэлла, а что значит Агафьино отродье?

Бэлла вытаращила на нее и без того огромные глаза.

— Кто сказал?

— Бабулька какая-то. Я вчера заблудилась, она мне дорогу показала. Но почему-то назвала меня так... Довольно обидно.

— Что за бабулька?

— Не знаю. Маленькая, лохматая, глаза хитрые.

— Плохо... Что ж вчера-то не сказала?

— Не знаю... устала, забыла. Бэлла! Расскажите мне, что здесь происходит. Пожалуйста! А то я как муха в сметане...

— Некогда мне! Посуду надо мыть! — Бэлла рывком поднялась, сгребла со стола грязную посуду, поковыляла к раковине.

Молчун расправилась с оладьей, облизнулась и сказала:

— А ты понастойчивей. Бэлла добрая, жалеет тебя. Лучше бы тебе знать заранее. Ты же соображаешь туго.

Руки так и чесались хлопнуть Молчун по ушам, но по сути-то эта меховая негодяйка права!

— Бэлла... — жалобно произнесла Саша. — Я здесь совсем одна, ничего не понимаю... и помочь мне некому. Пожалуйста, расскажите.

Бэлла устало оперлась на раковину. Вернулась к столу, села напротив Саши.

— Спросила бы ты лучше Клару! А я сболтну чего ненароком.

Саша сложила ладошки под подбородком и сделала брови домиком. Бэлла не выдержала, махнула рукой.

— Так и быть. Расскажу. Плохо у нас. Источник умер. Музы не рождаются, а те, что есть, от голода с ума сходят. В болото кидаются.

“Та девушка на площади вчера... Эола! — припомнила Саша, — значит это была муза? Она же как раз собиралась...”

— Тебе про источник мать-то не говорила? — спросила Бэлла как бы между прочим.

— Нет. Что за источник?

— У тебя какой талант? — спросила Бэлла вместо ответа.

— Никакого. — отрезала Саша.

— Не бывает так. — уверенно возразила Бэлла. — Мертвых талантов полно, а чтоб никакого — ни разу не слышала.

— Нет у меня таланта. Не хотите — не верьте. — процедила Саша, опустив глаза.

— Ну нет так нет. — не стала спорить Бэлла. — Тогда представь: сочиняет человек... ну... сказку, например.

Саша подозрительно покосилась на нее. Что-то уж очень точный пример!

— Представила. — осторожно ответила она.

— Что он чувствует в этот момент?

Саша пожала плечами.

— А думаешь как? — не сдавалась Бэлла.

— Думаю... много чего... чувствует.

— Вот. А это “много чего” куда потом девается?

— Откуда мне знать? — огрызнулась Саша

Бэлла хитро посмотрела на нее.

— Небось, столько всего вспомнишь, и придумаешь и представишь, пока сочинишь. Ты ж не все это запишешь?

Саша с тоской вспомнила, сколько всяких мыслей, образов рождалось в ее голове, сколько слов она отметала, подбирая единственно возможное, сколько вычеркивала всего...

Она кивнула, не глядя на Бэллу.

— Вот! А намучаешься как, пока что-то стоящее получится... Да? А сколько радости потом? Вот она, инспирия, из этого и получается. Из мыслей твоих, из мучений и радости. Летает повсюду, и в небо поднимается, в облака. А потом вниз, с ветром, с дождиком. И в землю уходит.

— Как вода? — задумчиво спросила Саша.

— Вроде того. Но только увидеть ее нельзя. И достать ее как воду из колодца не получится. А вот если Пегас копытом ударит, земля треснет, как скорлупа, а оттуда инспирия фонтаном брызнет!

— А музы откуда берутся?

— Чтобы муза родилась, надо, чтобы историю твою кто-то прочел. И чтобы зацепила она его до слез или до смеху. Чтобы дыханье перехватило. Знаешь, как оно бывает?

Саша упрямо помотала головой. Все она знала. Но вот уже целый год запрещала себе чувствовать что-то подобное. Боялась, что ее неудержимо потянет тоже что-то сделать, а ей нельзя.

А Бэлла, ничуть не смутившись, продолжала:

— Вот тогда-то и музы появляются из источника. Красивые — глазам больно. И радость от них невероятная. Такая, что землю хочется перевернуть!

Ее глаза сияли, разгладилась строгая морщинка между бровей. Она помолодела и похорошела при одной мысли о музах.

— Но это нечасто случается. Заставить других чувствовать — каждый может, да не всякий справится.

— Это как? Не понимаю.

— Пахать надо как лошадь.

— Как Пегас? — засмеялась Саша.

— Зря смеешься. Не все это умеют. Не все хотят. А не будешь трудиться — талант погибнет. Савву нашего знаешь?

— Виделись.

— Драгоценный. Муза в лоб поцеловала. Талантище — на десятерых хватит. Так он и пашет за десятерых. С утра до ночи занимается. Даже когда из дому уходит, и то флейту с собой берет. Дорого талант обходится. Но когда он играет... Ни человек, ни муза, ни азума — никто ровно дышать не может. Услышишь его — поймешь, о чем я.

— Тебе было бы полезно послушать... — заметила Молчун.

Саша кинула в нее вишневой косточкой, чтобы не вмешивалась.

— Так что же все-таки случилось с источником? — напомнила она Бэлле. Та нахмурилась.

— Болото ползет. Лунную гору мхом затянуло. Раньше сияла как луна, а теперь зеленая стоит. Источник подо мхом задохся. А музам без него смерть. Инспирия для них — еда, вода и воздух. Как затосковали они, как побежали на болота, так Магнус, главный наш, понял, чем дело пахнет. Пошел на Лунную гору посмотреть что творится, да и не вернулся. Пропал. Альбинаты пошли, говорят, ни Магнуса, ни источника. Только мох по пояс.

— Ищут его?

— Как не искать... — вздохнула Бэлла. — Ищут. Да все без толку.

Она наклонилась ближе к Саше и добавила шепотом:

— Альбинаты — что они могут? Только муз ловить, да в Башню свою утаскивать. Гору оцепили, дороги перекрыли, да и успокоились. Клару вместо Магнуса пока назначили. А куда ей такой воз тащить? Тут и драгоценный не всякий справится, а она — муза. Она виду-то не подает, да только я знаю, каково ей приходится. Одна я и знаю.

Из под стола выбралась Молчун, вскочила Бэлле на колени.

— И ты, и ты! Забыли про тебя! — приговаривала Бэлла, поглаживая анимузу по спинке.

— Но если источник умер... то как же теперь быть?

Бэлла хотела ей что-то ответить и вдруг насторожилась, прислушалась.

— Клара возвращается. И не одна. Иди-ка, барышня в свою комнату, позовут тебя. Давай, давай, быстренько! Мне еще убрать тут надо. Молчун, отведи ее!

Молчун просеменила к двери, обернулась на Сашу.

— Пойдем, так и быть, покажу тебе кое-что. И расскажу.

Саша пожалала плечами, пошла следом. Молчун привела ее в небольшую комнатку с окном в сад. Ближе к дому зеленела лужайка, окруженная зарослями жасмина, синих гортензий и акаций. Посреди лужайки торчала калитка — та, что Саша видела из окна своей мансарды.

— И что дальше?

— Сейчас все драгоценные будут здесь, мимо не пройдут.

— Драгоценные — кто они такие?

— Хранители муз. Это если коротко.

— А если длинно?

— Длинно они тебе сами расскажут. Если захотят.

— Расскажут, куда денутся!

— Уберись из окна! Спрячься, смотри и слушай.

Калитка, ведущая в никуда неожиданно распахнулась, и из нее, увязая шпильками в мягкой земле, шатаясь как стебелек под ветром, словно из ниоткуда ступила первая гостья. Миниатюрная, хрупкая дама, облаченная в черный балахон, расшитый стеклярусом. Под лучами утреннего солнца она сверкала как елочная игрушка. Золотистые локончики танцевали вокруг надменно-плаксивого лица при каждом ее неуверенном шаге.

Саша оторопела.

— Но... Как она это сделала? Это фокус какой-то?

— Обычное дело. Привыкай.

— Ладно... А кто она?

— Декаденция, хранитель поэтических муз.

— Похожа на поэтессу! — признала Саша.

— Упаси тебя бессмертные хранители так ее назвать — будет истерика.

— Почему?

— Она утверждает, что она — поэт.

— Ладно, поэт так поэт. — хмыкнула Саша, — Как, ты сказала, ее зовут? Де... граденция?

— Де-ка-денция. — отчеканила Молчун. — Хотя... Деграденция — в этом что-то есть. Только смотри ей так не ляпни. И не сболтни какую-нибудь обидную глупость, как ты любишь. Драгоценные очень чувствительны. Их нельзя обижать, даже если они со

странностями.

— А это кто? — Саша даже не ответила на шпильку Молчун, так ее впечатлила следующая гостья. Крупная и энергичная дама с копной черных кудрей.

— Это наша Мельпомена, Амалия Пондерозова. Дама энергичная, сколько дел ей не поручи — все мало. Она заботится о театральных музах, да еще и устроила театр в Самородье. Будет время — сходи.

— Как-то ее многовато... — с опаской заметила Саша, наблюдая за роскошной Амалией. Все в ней было немножко чересчур — слишком большие глаза, слишком широкая цыганская юбка, слишком блестящие кольца в ушах. Она обняла за плечи Декаденцию и чмокнула в бледную щеку.

— Да, она может даже напугать кое-кого. На репетициях орет так, что в Музее слышно. Но никто ее не боится, потому что она ужасно добрая. Всегда меня под столом кормит, в отличии от... некоторых.

— По-твоему, кто тебя кормит, тот и добрый?

— Ну да. Мой личный тест. Я ведь анимуза. Это даже меньше, чем кошка. Со мной не притворяются, ведут себя так, как каждому свойственно.

— Значит меня ты тоже проверяла?

— А как же. Не по твоей же глупой болтовне тебя судить.

Саша хотела ответить какой-нибудь колкостью, но на полянку, опираясь на палку, с трудом вышел очередной гость. Высокий красивый старик. Седой, горбоносый, шея замотана бирюзовым платком.

— Мэтр Филибрум, — продолжала Молчун как ни в чем не бывало, — хранитель писательских муз. По совместительству — библиотекарь. Саша рассматривала его с особым интересом.

— Что за странное у него имя?

— На самом деле, оно еще страннее — Филипп Брунович его зовут. Кто-то оговорился разок, назвал его Филибрум, так и пристало. Тебе надо побывать в его библиотеке. Все, что когда-то было кем-либо написано ты там найдешь.

— Вот прямо все-все? — засомневалась Саша.

— Почти. — загадочно ответила Молчун.

— А это что за индюшонок-переросток?

Высокий юноша с пышной каштановой гривой и неестественно прямой спиной выступил из-за калитки с таким видом, словно и не на лужайку, а в парадную гостиную английской королевы.

— Поосторожней высказывайся. Это Лев.

— Я уже боюсь. — фыркнула Саша. — А чего он такой надутый? На вид чуть постарше меня, а ведет себя... будто ему швабру к спине привязали.

— Он всегда таким был. Когда станет Магнусом, ему это пригодится.

— Магнус? Бэлла что-то говорила про него.

— Самый главный хранитель. Ответственный за все и за всех. За Источник. За муз. За драгоценных. Даже башня защиты не может оспорить решения Магнуса.

— Индюшонок так высоко метит? Он не слишком маленький для такого?

— Магнус, тот, который исчез, объявил его своим преемником. Уже совсем скоро наступит день его совершеннолетия. И Лев должен будет вступить в права Магнуса. Но это

не так-то просто. А тут еще ты...

— Я-то здесь при чем?

— Узнаешь скоро. Думаешь зачем все приехали?

— Понятия не имею.

— Будут решать — при чем ты или не при чем. Карла Иваныча ты знаешь. А Савву что-то не видно. И Кассандры нет.

При упоминании о Кассандре у Саши заныло в животе. Молчун внимательно посмотрела на нее.

— Про всех я тебе рассказала. Лезь на свой чердак, а я пойду к себе под стол. Тоже хочу послушать.

— Но...

— Брысь! — шикнула Молчун и испарилась.

Озадаченная Саша поднялась в мансарду.

Она сама себе удивлялась, как легко и спокойно смирилась с тем, что находится в городе муз. Как легко поверила в то, что музы — не плод воображения. Но она так вчера устала, что поверила бы чему угодно. А сегодня ей было ясно одно — Светлана не смогла бы устроить такой спектакль. А больше некому. У нее ведь ни друзей, ни врагов. Так может мама действительно жива и скрывается где-то в закоулках Музеона. Но зачем? Почему столько времени не давала о себе знать?

“ Не уеду отсюда, пока во всем не разберусь! Пусть выгоняют, пусть хоть силой волокут!”

И мысль о Кассандре не давала покоя. Ее нет среди гостей, значит, все плохо. Но можно ли об этом сейчас рассказать? Не будет ли от этого вреда маме, или Кассандре, или ей самой? И не рассказывать нельзя.

Шаги по лестнице прервали ее тревожные раздумья, дверь открылась — на пороге стоял Савва.

— Готова? — спросил он вместо приветствия. — Все собрались, ждут тебя. Пошли?

“Муза его в лоб поцеловала. — вспомнились Бэллины слова. — Ну-ну. Может оно и так, главное, чтобы не возомнил о себе много.”

— Откуда ты взялся? Тебя не было среди гостей. — заметила она небрежно.

— Я только что пришел. Играл.

— Во что?

Савва молча достал из кармана маленькую пан флейту, показал Саше.

Он очень изменился. Вчера он казался ей грустным, равнодушным, отстраненным. А сегодня — розовый, глаза горят, кудри всклокочены. Играл? Может быть, может быть...

— Пойдем. — повторил он.

— Что будет?

— Твое появление всех удивило. — уклончиво ответил Савва. — А кое-кого расстроило.

— Индюшонка? — догадалась Саша.

Савва растерялся на секунду, но быстро сообразил.

— Не только. — загадочно усмехнулся он.

ГЛАВА 11. Скандал в благородном семействе

— А вот и она! — объявила Клара, как только Саша переступила порог.

Посреди комнаты, за круглым столом разместилась вся компания. Саша мысленно поблагодарила Молчун — ее короткий рассказ о каждом оказался очень кстати.

На почетном месте в высоком кресле Клара сияет перламутровым ореолом волос. По левую руку Клары — Индюшонок. Лев. Смотрит неприязненно и подозрительно. Карл Иваныч. Даже не кивнул ей. Поэтесса Декаденция в стеклярусных доспехах подозрительно прищурилась. Бэлла непроницаема и сурова, словно они и не варили сегодня вместе варенье. Пышная красотка Амалия Пондерозова бесцеремонно разглядывает ее, но без неприязни, скорее с интересом. И наконец, красивый старик по прозвищу Филибрум. Смотрит на нее так, будто просит о чем-то. Или чего-то ждет. Савва садиться за стол не стал. Занял тот же диванчик, что и вчера.

— А где Кассандра? Как же без нее? — забеспокоилась Амалия.

— Платон Леонардович поехал за ней. Мы пока начнем. Ей не понадобятся разъяснения.

Клара молча указала Саше на свободный стул напротив двери. Та неловко села, смутилась, ссутулилась, перехватив неприязненный взгляд Льва. “Никогда не надо смущаться.” — вдруг вспомнились ей слова Кассандры. Она резко выпрямилась, вздернула подбородок. Не дожدهшься!

— Друзья! — начала Клара. — Уже год как с нами нет нашего дорогого Магнуса. Я исполняю свалившиеся на меня обязанности, хоть и нет у меня на это ни сил, ни умения...

— Как вы можете такое говорить! — возмутилась Декаденция, — Вы мудры и заботливы, мать не могла бы делать больше для своих детей!

Клара чуть улыбнулась ей.

— Послушайте, что произошло вчера, — продолжала она, — и помогите принять решение. Эта милая девушка, Александра, заблудилась вчера в Самородье, пробралась в Тайный сад, прошла его насквозь, обнаружила калитку и вошла в Музеон.

Повисла пауза.

— Что? — поэтесса очнулась первой, — Это невозможно! Калитку человеческими глазами не увидеть.

— Прямо-таки прошла? — пробасила Амалия Пондерозова, развернувшись к Саше всем своим роскошным корпусом, — И уши не лопнули?

— Вранье! — бросил Лев. — Человек не может пройти через Тайный сад и сохранить целым рассудок. А если не человек — то кто она? Ни муза, ни драгоценная — это ясно. Тогда кто? И зачем ее понесло в Самородье?

— А что если она... из Поганой Ямы? — ахнула Декаденция.

— Что?! — возмутилась Саша.

— Не делайте поспешных выводов, драгоценные! — остановила их Клара, — Выслушайте прежде всю историю. Сашенька, расскажи, что случилось с тобой и что привело тебя в Самородье. Возможно, мы сможем тебе помочь.

Саша, насупившись, молчала.

“Расскажи... Меня вчера чуть не убили! Кому я теперь могу доверять? По меньшей мере двое из этой компании смотрят на меня как на врага. Это они еще не знают ничего...”

— Говори смело. — ободрила ее Клара, — Поверь, здесь твои друзья.

“ Ага, особенно этот!” — Саша мрачно глянула на Льва.

Он ответил ей тем же.

— Ладно, — вздохнула Саша, — раз по-другому никак.

И снова начала рассказывать. И снова обошла молчанием происшествие в доме Кассандры. И снова перехватила внимательный, настороженный взгляд Саввы. Над столом повисло молчание.

— Клара... — тяжело вздохнула Амалия, — даже если она говорит правду... Мы-то здесь при чем? Проводить ее в Самородье, посадить на паром, и пусть плывет домой! Жалко, конечно, девочку, но...

— Мы сами не сегодня-завтра станем бездомными! — подхватила поэтесса.

— Ее нельзя отпускать просто так. — возразил Лев. — Кто знает, чего она уже успела натворить!

— А меня смущает история с хухликом, — осторожно поддакнул Карл Иваныч, — Когда это хухлики позволяли себе вот так повсюду болтаться? Возможно, она его и привела. — и смутился под холодным Клариным взглядом.

— Кого я привела? — переспросила Саша.

— Хухлика. Ты за ним по городу носилась. — пояснила ей Молчун из-под стола. — Существо такое зловредное. Пакость болотная.

— Хухлика ей подослали, это же очевидно! — воскликнул Филибрум. — Девочку заманили! Это не похоже на озорство или случайность, здесь явный недобрый умысел!

“И мне так кажется. — мысленно согласилась Саша. Так может быть, маму заманили тоже?”

Драгоценные оживились.

— Ой, да кто она такая, кому нужно ее заманивать! — вскинулась поэтесса.

— Согласен. — подхватил Лев, — Мне вообще не нравится эта история. Предлагаю отправить ее в башню защиты, пусть они выясняют!

— Не надо меня в башню! — встrepенулась Саша, — Я ничего не сделала!

Но ее никто не слышал. Половина присутствующих горячо соглашалась со Львом, другая половина не менее страстно протестовала.

— Да послушайте вы меня! — срывала горло Саша, — Я никому не хочу вредить! Я просто ишу маму! Найду — и мы уйдем отсюда!

— Деточка, не так-то все просто! Ты не понимаешь, куда попала! — верещала Декаденция,

— Все я знаю! Вчера чуть с ума не сошла. — пожаловалась Саша.

— А что в Музее творится — понимаешь? Нет!

— Ну так объясните! Я не дура, пойму!

— Она еще требует объяснений! — возмущалась Декаденция.

— Но я же вам все о себе рассказала! — чуть не плакала Саша.

— Да что вы верите ей? — рычал Лев, — Вся ее история — вранье, неужели вы не понимаете? Происки Черной горы!

— Я эту вашу Черную гору и в глаза не видела!

— А тебя вообще никто не спрашивает! — Декаденция даже не пыталась скрыть раздражение.

— Не орите на ребенка! — басила Амалия.

Клара молча ждала, пока стихнет шум. Когда драгоценные наорались и умолкли, она заговорила снова.

— Она имеет право знать! — твердо сказала Клара. — Я еще вчера хотела ей все рассказать, но бедняжка умирала от усталости.

И снова возмущение.

— Какое у нее такое право? Мы даже не знаем, кто она такая!

Клара снова дождалась тишины и продолжала.

— Почему никто из вас, мои драгоценные, не задался вопросом — кто ее мать? А ведь это важно. Из-за нее она здесь. Сашенька, напомни, как зовут твою маму?

— Арина. — тихо сказала Саша. — Ариадна, вообще-то. Но она предпочитала называться Ариной.

Клара выдержала паузу, обвела торжествующим взглядом хранителей.

Саше показалось, что только Бэлла, Карл Иванович, Декаденция и Филибрум понимали с чем идет речь. Причем Декаденцию эта новость явно не обрадовала. Она нахмурилась.

— Ты не заметила ничего необычного перед маминым уходом? — продолжала Клара.

— Заметила. — кивнула Саша, — Мама всегда говорила мне, чтобы я не принимала близко к сердцу тупость и хамство. А в тот день... Учительница назвала меня бездарностью. Обидно! Но не конец же света! А мама... Когда я все ей рассказала, у нее стало такое лицо... будто она привидение увидела. Она очень, очень испугалась.

— Испугаешься, если на ребенка нападет азума! — сочувственно отозвалась Амалия. — твоя мама, видно, догадалась, что это не простая учительница.

— Азума? Кто это? — слово показалось Саше знакомым.

— Убийца талантов. Муза-перевертыш. — ответила Клара.

— Зоя Всеволодовна твоя. — пояснила из-под стола Молчун. — Типичная азума.

Саша вздрогнула. Она вспомнила — Эола говорила что-то, и Бэлла недавно.

— Чтобы распознать азуму надо знать об их существовании. — робко заметил Карл Иванович.

— Именно, мой дорогой! — переменчивые Кларины глаза полыхнули синим. — Друзья! Я обращаюсь к тем, кто может это помнить. Примерно двадцать лет назад юная девушка по имени Ариадна, отпрыск рода Агафьи, пронеслась над Музеоном на Пегасе и отдала Магнусу свою законную чашу инспирии. Я имею все основания полагать, что перед нами...

— Ее дочь! — радостно перебил ее Филибрум, — Я так и знал! Я догадался сразу, как увидел эту девочку! Это же вылитая Ариадна!

— Ее копия! — просияла Клара, — Это лицо не меняется и через поколения.

Драгоценные все как один смотрели на Сашу — кто-то удивленно, кто-то недоверчиво, а кое-кто с неприязнью. Ей было не по себе от такого внимания, и нервный смех почему-то разбирал.

— Мама? На Пегасе? Вы серьезно? Я дурочка по-вашему?

— Сашенька! Во все времена существовали люди, которые видят немножко больше других. Мы называем их посредники. Ты и твоя мама принадлежите к роду посредников. Вы можете видеть муз. И животных, которых в вашем мире считают волшебными. Люди не должны встречать муз в их истинном обличьи, это опасно для человеческого рассудка. Только благодаря посредникам люди догадываются о существовании муз. И только посредников подпускает к себе Пегас. И ты, так же как и твоя мама...

— Самозванка! — объявила Декаденция.

— Позвольте мне закончить! — повысила голос Клара, — Друзья мои, я уверена — перед вами отпрыск рода Агафьи! Мы искали мать, а нашли дочь.

— А зачем вы искали маму? — осторожно поинтересовалась Саша, воспользовавшись наступившей паузой.

— Год назад в Музее случилась беда. — ответил Филибрум. — Ты ведь уже слышала об Источнике?

— Да. Бэлла рассказала.

— Пару слов всего сказала. — смутилась Бэлла.

— Мне очень жаль, что он погиб. Правда. Очень жаль, что все кончено.

— Ничего не кончено! — воскликнул Филибрум. — С нами случилась беда. Но есть еще источники! Ничего еще не кончено!

— Очень надеюсь, что это все еще так. — тихо сказала Клара, — Что погиб только наш Источник. Да простят меня Великие Хранители за эти слова. Я думаю, ты понимаешь, как все это плохо для людей. Их души заснут мертвым сном.

— И что теперь делать? — Саша не могла понять, к чему он клонит.

— Искать Пегаса — больше ничего. Там, где он ударит копытом, родится источник. Но Пегас — существо хитрое, капризное и очень осторожное. С некоторых пор он не покидает Лунной горы. Нужно подняться на нее, отыскать Пегаса, приманить, очаровать и оседлать. И сделать это может только посредник.

— Неправда! — выкрикнула Декаденция. — Только поэт может оседлать Пегаса, это всем известно! И этот поэт — я!

— Пегас не подпустит тебя! — осадил ее Клара, — Спугнем его — и не будет Источника. И Музеона не будет.

— Но и ее подпускать нельзя. — Лев ткнул пальцем в сторону оторопевшей Саши — Я ей не верю. Я против.

— Подождем Кассандру. — спокойно предложила Клара. — Я уверена, она подтвердит мою догадку. Саша унаследовала все способности, которые передаются по женской линии этого рода. Она увидела калитку, которую человек не может увидеть. Она прошла сквозь нее, и, как видите, жива, здорова и в своем уме. И она слышит Молчун! Они мило болтали вчера.

— Видит незримое, слышит беззвучное, понимает речи анимуз... — медленно, будто припоминая, произнесла Амалия.

“Боюсь, драгоценные мои, вы будете разочарованы.” — с тоской подумала Саша. — “И, кстати, будь я посредник, Кассандра бы мне об этом сказала.”

— Я согласен с Кларой. — проговорил Филибрум. — Мне не нужны доказательства. Ее лицо... это же Ариадна! Такой она была двадцать лет назад.

— Дорогой мэтр, вы так романтичны, так доверчивы! — хихикнула Декаденция. — Вы обожали Ариадну! И неудивительно, что в этой лупоглазой девице вы видите ее. Вам отчаянно хочется верить, но... Сходство отдаленное, история сомнительная.

— Клара, дорогая, — включилась Амалия, — она права. Дело серьезное, а доказательств маловато.

— Какая-то несуществующая записка! — фыркнул Лев

— Уверена, не было никакой записки! — подхватила поэтесса.

— Если она не посредник, не муза и не драгоценная, то не имеет права даже смотреть на Пегаса, — продолжал Лев.

— Не имеет права? А кто имеет? Уж не ты ли? — усмехнулся Филибрум.

— Я, я имею право! — кричала поэтесса, — Я много лет служу Музеону!

— Я вот-вот стану Магнусом! — бушевал Лев, — И сам буду это решать!

— Гнать отсюда эту самозванку! — визжала Декаденция.

Саша зажала уши руками. Клара поднялась с места. Все умолкли.

— Мне стыдно за вас, драгоценные! — сказала она с горечью. — Счастье, что Магнус этого не видит. Музеон на грани гибели, а вы... Саша, ты хочешь что-то сказать?

Саша выразительно посмотрела на Льва и на Декаденцию.

— Да. Хочу. Мне нет дела до ваших дрызг. — устало сказала она. — Я прекрасно обойдусь без Пегаса. Летайте на нем сами! Я...

— Вы слышали? — перебил ее Лев, — Ей нет дела! Ей плевать, что гибнет Музеон!

— Мне не плевать. Но я пришла сюда, чтобы найти маму. И если вы поможете мне, я сделаю все, что скажете. Или не сделаю, если так будет нужно. И я ее найду. А потом мы уйдем и никогда вас не потревожим.

Все молчали. Амалия шумно вздохнула.

Резкий требовательный звонок заставил всех вздрогнуть.

— Это, должно быть, Кассандра! — обрадовалась Клара, — Вот и спорам конец! Ей достаточно будет только взглянуть.

Бэлла отправилась открывать. Минута, две...

Саша чувствовала себя так, словно стащила в гостях серебряную ложечку и сжимает ее в кармане потной ладонью. Сердце колотилось, заглушая чеканный звук шагов по коридору и взволнованное бормотание Бэллы. Лицо Клары вытянулось.

— Это не Кассандра.

Дверь распахнулась без стука. На пороге возникла высокая фигура одетая в серое. Светлые, длинные волосы зализаны назад. Белые брови и ресницы, бесцветные глаза. Позади первого маячили еще двое таких же. Лица всех троих выглядели так, будто их утюгом отгладили. Они прошли в комнату, остановились перед столом.

— Приветствую драгоценных! — произнес тот, что вошел первым. Если бы ржавчина заговорила, то именно таким голосом. Клара поднялась с кресла. Ее лицо утратило всякое выражение, стало как у белесых.

— Это что за явление? Кто вас звал, господа альбинаты?

— Мы имеем предписание препроводить присутствующую здесь Александру Белоконь в башню безопасности для прояснения обстоятельств, имевших место двадцать шестого сентября сего года. Предписание подкреплено соответствующим документом, заверенным печатью Главного Защитника. Прошу ознакомиться. — Он шагнул вперед и протянул Кларе бумагу. Клара приняла ее, не сводя с него надменного взгляда. Опустила глаза на документ. Изменилась в лице.

— Что? Кассандра исчезла?

Декаденция ахнула. Бэлла пошатнулась, ухватилась обеими руками за край стола. Драгоценные искоса переглядывались, не смея задавать вопросы. Саша поняла — ее дело плохо.

— Что за чепуха! — Клара с отвращением бросила бумагу на стол, — Александра Белоконь только вчера появилась в городе, какое отношение она может иметь к исчезновению Кассандры?

— Мы не уполномочены обсуждать подробности. Нам предписано доставить Александру Белоконь в башню безопасности, где ей будет учинен допрос в связи с

происшествием, имевшим место...

— Слышала уже! — оборвала его Клара. — Она никуда не поедет. Задавайте ваши вопросы здесь.

— Мы не уполномочены задавать вопросы, — прогнусавил белесый. — Выяснением обстоятельств вышеупомянутого происшествия займется комиссия, сформированная отделом Высшей Безопасности. Группу возглавляет Главный Защитник, ибо дело имеет статус чрезвычайно важного. В свете вышеперечисленного нам предписано...

— Оставьте ваш змеиный язык! — прикрикнула Клара. Глаза ее сверкнули зеленым. — Дорогой мой, вы, кажется, не понимаете, где находитесь и с кем говорите. Перед вами — исполняющий обязанности хранителя Источника. И вы не уведете из моего дома ребенка в кандалах!

В молочно-белых глазах Альбината мелькнула злоба.

— Поволю себе напомнить вам, уважаемая Клара, что вы являетесь лишь исполняющим обязанности хранителя. Таким образом, формально, Источник в данный момент хранителя не имеет. А в отсутствие хранителя особый отдел подчиняется только совету защиты, возглавляемому главным защитником.

Лицо Клары пошло красными пятнами.

— Вы смеете указывать мне мое место? Из-за вашей бездарности и нерадивости Музеон под угрозой. В городе разброд и хаос. Источник мертв, Музы бродят полуживые и посматривают в сторону болота. Теперь еще и Кассандра! И вместо того, чтобы разыскать уже наконец Магнуса и положить конец кошмару, вы тащите в башню ни в чем не повинную девочку!

Альбинат оставался спокоен.

— Мы действуем в соответствии с кодексом Музеона, параграф второй пункт пятый которого гласит: “ Всякий, кто препятствует исполнению любого пункта кодекса, становится его нарушителем и должен быть подвергнут преследованию в соответствии с кодексом”. — прокрипел он.

Краска сбежала с лица Клары.

— Законы Музеона известны мне не хуже вашего, мальчик. — прищурилась она, — В частности, параграф пятнадцатый пункт шестой:

”В отсутствие хранителя его голос может быть заменен таковыми исполняющего обязанности хранителя и драгоценных в количестве шести и более. Их подписи считаются равновесными подписи главного хранителя”. — У нее выходило ничуть не хуже, чем у альбината. — Мы сейчас же составим охранный документ. Здесь присутствуют шестеро драгоценных, этого достаточно!

— Шестеро? — прищурился Лев, — а кто шестой?

— Я, если ты забыл. — подал голос Савва, не повернув головы ко Льву.

— Мне кажется, это ты кое-что забыл. — процедил Лев.

— Лев, не смей! — прикрикнула Клара

— Не беспокойтесь, Клара, — сказал Савва, не меняя выражения лица, — я подпишу.

— Прошу вас уйти. — бросила Клара альбинатам. Те не двинулись с места.

— Что вы стоите? Документ вам привезут позже.

— Охранный документ не будет иметь должной силы без подписи трех защитников и печати. — невозмутимо сообщил альбинат. — Таким образом, даже при наличии подписей шести драгоценных...

— Хватит! Я поняла. В таком случае, я еду с ней. — оборвала его Клара.

— Имеете полное право. — склонил голову альбинат.

Клара обернулась к Саше.

— Дочка, нам придется поехать. Так требует закон. Но мы подпишем там нужный документ и сразу обратно. — произнесла она ласково. Саше показалось — излишне ласково. А еще она заметила, как дрожат Кларины губы.

“ Ей страшно.” — догадалась Саша, собралась с силами, улыбнулась и спокойно ответила:

— Без проблем. Это даже интересно.

Клара и Саша в сопровождении альбинатов вышли из дома. Саша обернулась напоследок — Бэлла стоит на пороге, смотрит вслед.

— Идем, Сашенька! Чем скорее все прояснится, тем лучше. — Клара ободряюще положила руку Саше на плечо. Или оперлась на нее?

Все пятеро двинулись в сторону лужайки, к зарослям жасмина.

— Куда мы идем? — удивилась Саша.

— В Башню. Короткой дорогой.

Нырнули в заросли жасмина. Альбинаты двигались следом как ни в чем не бывало. Клара уверенно проскользнула сквозь непроходимые с виду душистые заросли и остановилась перед калиткой, очень похожей на ту, через которую Саша пробралась в Музеон. Но эта — тяжелая, без завитушек и прочих украшений. Саша пыталась разглядеть, что там, за калиткой. Не увидела ничего, кроме темноты.

Клара чуть посторонилась, давая дорогу Альбинату. Тот ровным шагом подошел, распахнул калитку и чуть отступил, пропуская Клару и Сашу вперед. По его лицу было понятно, что делает он это не из вежливости.

Клара взяла Сашу под руку и прошептала.

— Закрой глаза, может закружиться голова.

Саша послушно зажмурилась и сделала три осторожных шага вперед. Чувство было такое, будто она проходит сквозь толщу воды, в которой можно дышать.

— Открывай! — Саша открыла глаза. Голова не кружилась, только в ушах чуть-чуть звенело. Она тряхнула головой, чтобы избавиться от неприятного звука. Огляделась.

Они оказались в совсем незнакомом месте — ни сада, ни жасминовых кустов. Перед ними высилась Серая гора. Саше она показалась похожей на носорога, по пояс ушедшего в землю и задравшего к небу рог. Каменистая пустошь. Ветер. Холод.

И вот она, Башня Безопасности. Вгрызлась в подножье Серой горы, крепко вцепилась, всползла на высокую скалу. Но этого ей показалось мало, и выше скалы выбросила вверх, как мертвую ветку, высокую, тонкую каменную башню.

Ни ограды, ни ворот, ни охраны. Башня безопасности не нуждается в защите. Никто не сунется туда по доброй воле. Между громадными носорожьими лапищами — пролом. Это вход. Клара крепко сжимала Сашину ладонь своей холодной, дрожащей рукой, и Саше казалось, что Кларе это нужнее, чем ей. Они вошли в низкий, мрачный портал.

Темно. Холодно. Пахнет сырým камнем. Звук шагов отражается от тесных стен, от низкого потолка, мечется в каменном коридоре. Крошечные окна в стенах пробиты выше человеческого роста. Разве что альбинат дотянется, и то, если подпрыгнет. Было бы совсем темно, если бы не светящиеся пятна в углублениях неровных стен. Саша присмотрелась к

одному из них и передернулась от отвращения. По стенам и потолку вяло перемещались огромные фосфоресцирующие насекомые, что-то среднее между жуком и гусеницей.

— Какая гадость! Что за мега светляки? — страшно было, что такое существо упадет и запутается в волосах.

Клара успокоила Сашу. Оказалось — те самые жуки-фонарики. Башня Безопасности попросила ее дать им парочку в порядке одолжения — это проще, чем тащить электричество в гору. Клара и Бэлла согласились. Жукам понравилось в Серой горе, они расплодились, и теперь вот ползают, освещают дорогу.

Саша пыталась сообразить, в каком направлении они идут, сосчитать и запомнить повороты — кто знает, вдруг придется выбираться самой! Но очень скоро она бросила это занятие — повороты были нескончаемы, коридоры темны и неотличимы один от другого. Она не смогла бы ответить, сколько времени прошло с того момента, как они вошли. Здесь, внутри горы пространство и время имели свое измерение. Ясно было одно — они забирались все глубже. Наконец остановились прямо посреди очередного коридора. Альбинат приложил руку к стене. Послышался каменный скрежет и стук, часть стены отъехала вправо и в глаза брызнул солнечный свет. За темной стеной спрятался очаровательный садик. Серые каменные стены поднимались со всех сторон, вверху оставался небольшой просвет, через него едва пробивались лучи высокого полуденного солнца.

ГЛАВА 12. Трое главных

— Сад ожидания? — дрожащим голосом спросила Клара, — Но почему? Зачем ее сюда?

Саша видела, как ее колотит дрожь. Глаза ее утратили свое мягкое мерцание, стали того же цвета, что стены вокруг. Волосы, которые еще недавно казались перламутровыми, сейчас напоминали клочья пыльной паутины.

— Таков порядок. — ответил альбинат.

— Хорошо. — Кротко согласилась Клара. Казалось, она растеряла в этом унылом месте не только красоту, но и силу. — Но я, по крайней мере, могу увидеть Трех Главных?

— Можете. Подозреваемая останется здесь.

Саша тем временем заметила несколько высоких фигур. Музы! Их можно распознать даже издалека. Одна бродила по дорожкам сада, две сидели на каменной скамейке, еще одна стояла, прислонившись плечом к стене. Лиц было не разобрать, но Саше показалось, что они похожи друг на друга. Не только перламутровым сиянием волос и особой музейной хрупкостью. Одинаковое ощущение загнанности и уныния исходило от них. Они казались безмерно уставшими — плечи их безвольно опустились, головы поникли.

Клара продолжала крепко сжимать Сашину руку.

— Сашенька, — произнесла она виновато, побудь немного здесь. А я поговорю кое с кем и вернусь за тобой.

Саша охотно согласилась. Ей было невыносимо видеть, как сильная, гордая Клара превращается на ее глазах в растерянное и запуганное существо. Поэтому она заверила Клару, что все в порядке, и она с удовольствием подождет ее в этом чудесном саду. И чуть не силой освободила свою руку.

— Я скоро вернусь... — пролепетала Клара едва слышно и отступила в тень коридора. Каменная плита с грохотом захлопнулась.

В этот момент одна из муз отделилась от стены и двинулась по дорожке в Сашину сторону, шатаясь, будто под ветром. Высокая, тонкорукая, волосы цвета солнца в дымке, глаза как мутное стекло. Саша знает, какими красивыми бывают эти глаза, как они меняют цвет от малейшей перемены настроения. И выцветают, туманятся, словно пеплом покрываются от грусти и от страха. Именно такими глазами смотрела на нее муза. Она подошла ближе, и чувство беспричинной радости, предвкушения счастья вдруг охватило Сашу. Она чувствовала, что ей все доступно, все подвластно. И прямо-таки распирало желание поделиться своей радостью со всем миром.

Муза подошла совсем близко и Саша с удивлением узнала вчерашнюю девушку с площади Безобразова. Ту, которая собиралась нырнуть в болото.

— Эола! — ахнула она.

— Ты меня знаешь? — удивилась муза.

— Мы разговаривали с тобой вчера вечером, помнишь? Я Александра.

Эола всмотрелась в нее и лицо ее прояснилось.

— Да, я помню... длинное имя. Ты тоже оказалась здесь... Что ты натворила?

— Сама не знаю, — пожала плечами Саша.

— Постой, я припоминаю... Ты не муза, и на драгоценную не похожа, и уж конечно не азума. Ты... — Муза снова заглянула Саше в глаза, — Не может быть!

— Может, может, — заверила ее Саша. — Не только тебя это удивляет. Я уже начинаю

чувствовать себя виноватой из-за того, что я — человек.

— Тебе повезло, что ты человек. Они тебе ничего не сделают. Ты же не обязана соблюдать кодекс.

“Опять этот кодекс!” — с досадой подумала Саша

— А ты обязана?

— Конечно. Я же муза.

— А ты здесь почему оказалась? Если это не секрет. — спросила Саша.

— Я хотела прыгнуть в болото. — призналась ей на ухо Эола. — Это страшное преступление. Меня поймали и... — Она опустила на траву и спрятала лицо в узких ладонях. Саша присела рядом, осторожно погладила горестно склоненную голову. И неожиданная, неуместная радость взмыла в ней, как только она коснулась тонких волос.

Эола вскинула голову, стряхнув Сашину руку.

— Тебе нельзя! Это опасно! Постой... Ты видишь меня, мы разговариваем... Значит ты, все-таки, не совсем человек? Кто ты?

Саша пожала плечами.

— До сегодняшнего дня я была уверена, что человек. Но все говорят, что люди не могут видеть муз и оставаться в здравом уме. А я могу. Получается, я не совсем человек.

— Ты мне кого-то напоминаешь.

— Я здесь всем кого-то напоминаю. — с досадой пробормотала Саша.

— Ну конечно! — воскликнула Эола, — Ты похожа на Агафью! Ты посредник? Какое счастье! Ты пришла, чтобы оживить Источник!

Пепельно-серые глаза засияли радугой.

— Я пришла, чтобы найти свою маму. — твердо ответила Саша.

— Она тоже в башне?

— Очень надеюсь, что нет. Хотя... Я была бы рада найти ее даже в башне. Я ее выгашу откуда угодно — лишь бы найти.

— Зачем же ты здесь, если здесь ее нет? Ты теряешь время.

— Кассандра пропала. — хмуро ответила Саша. — Альбинаты утверждают, что я видела ее последняя. Я забыла рюкзак в ее доме, а в нем мой паспорт, вот они и...

И вдруг она замолчала на полуслове, осененная догадкой:

“ В паспорте же не написано, что я поехала к Кларе! Кто им сказал? Кто знал? Савва, Карл, Бэлла и этот... Юлий Цезарь Леонардович. Значит и про Кассандру кто-то знал раньше остальных и вызвал альбинатов. Но кто же из них?”

И снова муза прервала ее мысли.

— Если пропала Кассандра, — проговорила она упавшим голосом, — со мной покончено. На нее была вся моя надежда.

— При чем здесь Кассандра? И что значит — покончено?

— Меня отправят в Город Мертвых Талантов. — ответила Эола, вся дрожа. — И я проведу там много лет, в попытках воскресить хотя бы одного. А может быть, — прошептала муза, — я никогда не выйду оттуда.

— Что это за место?

— Город-кладбище. — ответила Эола, и глаза ее вновь стали как пепел. — Когда погибает талант, он отправляется туда. А его человеческая оболочка остается жить. Пока человек жив, его талант можно спасти. И такие несчастные как я пытаются воскресить мертвые таланты. Чаще всего это бесполезно. Но если это случится, то музе даруется полное

прощение и освобождение. И она становится очень, очень сильной. Но я никого не смогу воскресить, я знаю! — она уронила голову на руки.

— Не плачь, пожалуйста! — Саша сама чуть не плакала, — Тебя ведь еще туда не отправили!

— Если мне не поможет Кассандра — отправят. Я даже на тело анимузы не могу рассчитывать. А это было бы просто счастье! Проживешь кошачью жизнь, и — свобода!

“Значит Молчун тоже набедокурила.” — заметила себе Саша. А вслух спросила:

— Чем тебе может помочь Кассандра?

— Она видит. От нее не укроется ни мысль, ни намерение. Ее словам верят даже в башне защиты. И если она подтвердит, что я не хотела становиться азумой и творить зло, а просто измучилась от голода, то меня не отправят... туда. Я ведь не виновата, что инспирии нет. — Муза смотрела на пышный куст чайной розы, а глаза ее туманились и выцветали.

— Послушай, а что если поговорить с Кларой? — предложила Саша.

— С Кларой? — муза подняла на Сашу все еще невидящие глаза. Потом наклонилась к ней и тихо сказала: — Говорят, она была... там. В городе. А ты сможешь с ней поговорить?

— Конечно смогу! — легко пообещала Саша, — Если меня саму выпустят отсюда. — горько усмехнулась она.

В эту минуту загрохотала каменная плита, и в проеме возник альбинат.

— Александра Белоконь, прошу следовать за мной. Трое Главных ожидают вас. — проскрипел он.

Саша обняла на прощанье дрожащую от страха Эолу, поднялась со скамейки и направилась к выходу.

— Пожалуйста, поговори с Кларой! — донесся ей вслед нежный голос.

И вот она стоит посреди зала, вырубленного в камне. Свет не проникает сюда — каменную дверь захлопнули, а окошек, даже таких крошечных, как в коридорах, здесь нет. По стенам ползают жуки-фонарщики размером с блюдце. В зале царит зеленоватый полумрак. И холодно как в склепе.

Длинный стол из гладкого серого камня перегораживает зал ровно посередине. На столе одиноко горбится ее несчастный рюкзак, порядком испачканный, рядом аккуратно разложено его содержимое.

За столом на каменных креслах с высоченными спинками сидят три очень похожих друг на друга старичка. Трое Главных. По обе стороны вдоль стен стоят альбинаты. Справа от стола сидит Лев, по-прежнему вальяжный и самоуверенный. По тому, как расслабленно он откинулся на спинку каменного кресла, видно, что ему ничуть не холодно.

По левую сторону стола — Клара. Она сидит очень прямо и напряженно, стараясь не касаться каменной спинки, руки на коленях крепко сжаты. Видно, как дрожат ее плечи. От холода или от страха?

При первом взгляде на Троих Главных Саше показалось, что бояться нечего. Они показались ей похожими на добрые поганки. Беленькие, маленькие, аккуратненькие. Они выглядели совершенно безобидными. Вот только ногти у всех троих очень длинные и острые.

Альбинаты стояли перед старичками навтыжку, будто не смея лишней раз шелохнуться. Их почтительная неподвижность наводила на мысль, что не так уж безобидны

эти старички. И еще одну странность она заметила — из всех присутствующих холодно только ей и Кларе.

Заговорил Центральный старичок.

— Ваша попечительница, досточтимая Клара изъявила намерение присутствовать при вашем допросе. — голосок тихий, дрожащий.

Саша покосилась на Клару. Та опустила ресницы в знак согласия. Будто тоже боялась шевельнуться.

— Драгоценный Лев, как будущий Магнус обязан быть в курсе всех дел и тоже примет участие. — продолжил хриловатым басом Правый старичок.

На этот раз кивнула Саша. Лев и бровью не повел.

— Ваша попечительница, досточтимая Клара пересказала нам вашу историю. — со скучающим видом продолжал Центральный старичок. — Она не представляет для нас особого интереса. Мы заботимся лишь о соблюдении Кодекса Музеона. И озабочены лишь исчезновением ясновидящей Кассандры. Расскажите особой комиссии как вы провели вчерашний вечер.

— Зачем, если Клара вам рассказала?

— Мы хотим послушать вас. И советуем рассказать все. — старичок многозначительно посмотрел на Сашу.

— Если вы солжете, или что-то утаите, мы сразу догадаемся. И последствия для вас будут самые печальные. — предупредил Левый.

— Говорите. Здесь ваши друзья. — сурово сказал Правый.

Саша переступила с ноги на ногу, чтобы убедиться, что они не примерзли к полу. Вопросительно взглянула на Клару. Та едва заметно кивнула.

Ну и ладно. Так даже проще. Гладко врать она все равно не умеет. Она начала рассказывать с того момента, как Каспар исчез за забором. На Клару старалась не смотреть — стыдно было. Не сказать всей правды — все равно что обмануть. Если Клара перестанет ей верить, то будет права.

Саша закончила свой рассказ. Повисла тишина. Центральный старичок постукивал по столу длинными ногтями. К нему присоединился Левый — тоже начал стучать. Через пару тактов вступил Правый. Теперь все трое отбивали своими когтями сложный ритм. Мерная дробь сильно нервировала Сашу. От холода у нее дрожали колени, и ей казалось, они дрожат в такт с постукиванием. И вдруг она догадалась — они стучат не просто так! Они общаются, договариваются между собой о чем-то. От этой догадки стало еще холоднее. Стук резко оборвался. Центральный хлопнул ладошкой по столу и повернул голову к соседу справа.

— Прощу, коллега, задавайте ваш вопрос. — сказал он.

— Доводилось ли вам ранее видеть оскуратов? — прохрипел Правый старичок.

— Кого?

— Если одного из этих — Центральный показал пальцем на альбината, — утопить в болоте, а через пару дней выудить, то как раз получится оскурат. — он тихонько захихикал. Двое других захихикали вслед за ним. Альбинат стоял как памятник самому себе и бровью не повел.

— Судя по вашему рассказу, в доме Кассандры на вас напал оскурат. — пояснил Правый.

— Ах вот как. Тогда — нет. Раньше я с такими не встречалась. — ответила Саша, чувствуя, что от холода губы ее одеревенели и плохо шевелятся.

— И вы от него просто убежали?

— Это было непросто.

Старички многозначительно переглянулись.

— Ну вы же видите, что это вранье! — начал Лев. — От оскурата невозможно спастись.

Снова молчание. Постукивание ногтей. Время шло, Саше казалось, что они уже целую вечность молчат и стучат. Холод усиливался. Теперь уже все тело дрожало в такт постукиванию.

Центральный хлопнул по столу и повернулся к левому соседу.

— Драгоценный прав. История с оскурадами не кажется правдоподобной. — заметил Левый.

— Но ведь потомки Агафьи находятся под особой защитой. — робко заметила Клара.

— Складывается тупиковая ситуация. — заговорил Центральный, не обратив на нее внимания.

Голосок его был едва слышен, но Клара осеклась, опустила голову.

— Перед нами ни муза, ни азума, ни драгоценная. — как ни в чем не бывало продолжал Центральный, — Либо она посредник и может спасти Музеон, либо — ведьма из Поганой Ямы, и пришла, чтобы навредить нам.

— А возможно и погубить окончательно. — поддакнул Правый, — Внести ясность в этот вопрос может только Кассандра. А она исчезла. И пролить свет на ее исчезновение не может никто, кроме подозреваемой. А она утверждает, что ничего не знает.

— Не понимаю, что вас смущает. — уверенно заговорил Лев. — Где здесь тупик? Пусть она сидит в яме для хухликов до тех пор, пока Кассандра не будет найдена.

— А если ее вообще не найдут? Я так и буду сидеть в яме для хухликов? — перепугалась Саша.

Центральный старичок молча развел руками. Саша решила воспользоваться паузой.

— А можно я спрошу?

Старички переглянулись. Центральный подумал и кивнул.

— Попробуйте.

— Кто сказал альби...натам, что я у Клары? Об этом знали только четверо кроме меня... — губы ее едва шевелились, и вместо голоса выходил невнятный шепот.

— Что вы там мямлите? — раздраженно перебил ее Центральный, — говорите громче!

Саша потерла губы ладонью, чтобы отогреть, собралась с силами и сказала как можно громче:

— Никто из этих четверых не знал, что я была у Кассандры!

— Зачем так кричать, — поморщился Центральный, — мы не глухие. Продолжайте.

— Кто-то следил за мной... за Кассандрой. — с трудом проговорила Саша. Она хотела добавить, что возможно стоит поискать еще свидетелей, но язык вдруг перестал ей повиноваться, она поняла, что не сможет произнести связную речь.

Центральный старичок смерил Сашу насмешливым взглядом, молча повернулся ко Льву.

— Все намного проще. — ответил Лев. — Платон Леонардович приехал за Кассандрой. Обнаружил страшный погром. Вызвал альбинатов. Разумеется, ему задали несколько вопросов, на которые он ответил.

“Как глупо получилось! Зря я влезла. Выставила себя идиоткой!” — расстроилась Саша.

— Это не значит, что за ней не следили. — робко возразила Клара и Саша послала ей

взгляд, полный благодарности. Она по-прежнему на ее стороне!

— Кто мог за ней следить? Она утверждает, что вчера появилась здесь впервые. — напомнил Лев.

— Автор з-з-записки. — пролепетала Саша, стуча зубами. Она подышала на руки, но собственное дыхание показалось ей ледяным.

— Опять эти сказки Венского леса! — Лев закатил глаза.

— Тогда зачем ей было сюда ехать? — воскликнула Клара.

— А вот это самое интересное! — живо откликнулся Лев. Он даже с места привскочил. — Пусть расскажет нам об этом!

— Уже десять раз рассказала! Ты тупой, что ли, совсем?! — не выдержала Саша. От злости ей даже стало немного теплее.

— Выбирай выражения! — зарычал на нее Лев.

— Успокойтесь оба! — прошипела Клара. — Сядь сейчас же, Лев!

Лев послушался, сел, прожигая Сашу злобным взглядом.

Старички постукивали ногтями, улыбались. Казалось, эта сценка их позабавила.

— Записку никто не видел. — невозмутимо подытожил Центральный. — Значит будем считать, что ее не существует. До тех пор, пока вы не докажете обратное.

— Как же... докажу? — стучала зубами Саша. — Если только... Хухлик! В Самородье болтается. Его найти...

— Вы что же, предлагаете вас отпустить? — округлил глаза Правый старичок.

— Да. Я же... не сделала ничего...

— Мы не можем быть в этом уверенными. Боюсь, что вам придется пока погостить у нас. — Центральный аккуратно хлопнул ладошкой по столу, как точку поставил.

— По...гостить? Это как?

Саше казалось, что даже мозги у нее заиндевели, и ей никак не удавалось сообразить, что значит — погостить.

— В яме посидеть, — с готовностью ответил Лев. — пока все не разъяснится.

— Как же оно... разъяснится?

— Какнибудь. — ответил Левый.

— Само собой. — добавил Правый.

— С течением времени. — подытожил Центральный.

Старички дружно захихикали.

— Нет... нет... а мама?

— Ну, знаете, деточка, это уж слишком! Здесь вам не детский сад!

Саша бросила отчаянный взгляд на Клару. Та опустила голову, обхватила себя за плечи дрожащими руками. Ей холодно — поняла Саша. Холодно и страшно. Она ей не поможет.

— Хухлика... найти... — бормотала она, все еще на что-то надеясь.

— Хухлик нам не нужен. Зачем его искать? — хихикнул Центральный старичок. — Не в том мы возрасте, чтобы бегать за хухликами.

Старички оценили шутку, дружно захихикали.

— А... альби... альбиносы...

— Если альбинаты будут бегать за хухликами, то кто же будет охранять подступы к болотам? Лунную гору? Следить за соблюдением кодекса?

Центральный в упор смотрел на Сашу, будто ждал от нее ответа на свой бессмысленный вопрос.

— Ну? Как же нам с вами поступить?

Трое Главных дружно застучали когтями по столу.

А Саше вдруг стало все безразлично. Холод выгрыз из нее волю, она уже готова была согласиться на что угодно, лишь бы убраться из этой глыбы замороженного камня.

— Ничего подобного в Музее не случилось. — сказал Центральный, досыта настучавшись. Я отправлю запрос в мировую башню, спрошу совета. Александра Белоконь будет ожидать ответа в яме для хухликов.

— За что? Я ничего...

— Подождите, коллеги. Есть еще один вариант. — сказал вдруг Правый старичок. Все посмотрели на него. Он выдержал паузу, доведя общее внимание до предела и голосом сказочника произнес:

— А давайте посадим ее на паром. Пусть себе плывет...

— Я против! — быстро ответил Лев.

— Подождите, драгоценный, подождите, — остановил его Левый. — В этом определенно что-то есть. Посмотрите на нее. И правда, маленькая девочка. Ну сбежала она от оскурага — повезло. Бывает. Заблудилась, запугалась. Кому она опасна? Пусть себе едет домой. Согреется.

Все трое захихикали.

— Хотите домой? — ласково спросил Центральный.

Саша изо всех сил отрицательно мотала головой, она так дрожала, что боялась случайно кивнуть в знак согласия.

— Да или нет?

— Н-нет... Нет! Не хочу.

— Что ж. Тогда в яму для хухликов. — улыбнулся Центральный. — Уведите!

Двое белесых отделились от стены, двинулись к Саше. Она хотела закричать, что ни в чем не виновата, что промерзла до костей, что она маленькая девочка и никому не желает зла, но язык не шевелился, и тело не слушалось, оно будто превратилось в заледеневший камень. Только глаза остались живыми, теплыми и Саша видит, как бледнеет Клара, как улыбаются старички, как доволен Лев, как приближаются альбинаты. Сердце стучало все медленнее.

“Сейчас оно замерзнет, остановится и все закончится.” — с облегчением подумала Саша.

Ледяные, твердые, как клещи пальцы вцепились ей в плечи. Сердце встрепенулось и замерло.

Каменная дверь с грохотом отъехала в сторону, и в зал брызнуло солнце. Вместе с солнцем в каменном проеме возник темный силуэт. Еще один альбинат. Он прошел прямо к столу, и с почтительным кивком положил перед Центральным исписанный лист бумаги. Старички внимательно ее прочли.

— Охранный документ. — с некоторой досадой сказал Центральный старичок.

Ледяные клещи на плечах вмиг разомкнулись. Альбинаты застыли возле Саши, как почетный караул. Она перевела дыхание.

— На нем подписи лишь пяти Драгоценных. Этого мало. — заметил Правый.

Клара выразительно посмотрела на Льва. Тот не шевельнулся. Клара молча подошла и дрожащими руками подписала документ.

— Теперь достаточно?

— Теперь достаточно.

— Я возражаю. — заявил Лев. Одна из подписей не принадлежит драгоценному.

— Лев! — прошипела Клара

— По закону требуются подписи шести драгоценных. Они перед нами. — сказал Левый старичок.

— У меня есть сомнения насчет драгоценного происхождения одного из подписавших. — не сдавался Лев. — Он права не имел. Он вообще никто.

Центральный старичок вопросительно взглянул на Клару.

— Савва вырос без родителей. Но он с рождения признан драгоценным. Он имеет право голоса. — надменно произнесла она.

Центральный развел руками.

— В этом вопросе ваше слово — закон, досточтимая Клара. Мы временно отпускаем Александру Белоконь под ответственность и на поруки шести драгоценных. До тех пор пока не прольется свет правды на судьбу Кассандры. — театрально провозгласил он.

Защитники по очереди подписали бумагу. Грохнули печать с такой силой, что эхо прокатилось по залу.

Саша облегченно вздохнула, едва веря своему счастью.

“Теперь, если что, и сбежать можно.” — сообразила она оттаявшими мозгами.

Центральный не сводил с нее цепкого взгляда.

— Имейте в виду, что любое ваше необдуманное действие обернется большими неприятностями для ваших поручителей. — предупредил он, словно прочтя ее мысли.

— Я ничего такого и не собиралась... — смутилась Саша.

— Очень, очень большими неприятностями. — с нажимом повторил Центральный.

— Я требую, чтобы она соблюдала особые условия. — с вызовом заявил Лев. — В интересах безопасности Музеона.

Правый старичок расцвел.

— Чувствуется хватка будущего Магнуса! — сказал он с восторгом.

— Какие вы предлагаете условия? — деловито осведомился Центральный.

ГЛАВА 13. Тайное решение и куст-хулиган

Саше казалось, сто лет прошло с тех пор, как она сидела на этой уютной кухне и уплетала оладьи под бурчание Бэллы. Она уже и не мечтала снова оказаться здесь.

Бэлла сняла с плиты пыхтящий чайник, подлила ей чаю. Холод Серой горы напоминал о себе внезапными короткими приступами дрожи, и горячий чай был очень кстати.

Когда она выползла наконец-то из-под каменной громады на солнечный свет, ей казалось, что все ее силы, желания и даже ее память остались где-то в темных, холодных коридорах. Тело чувствовалось чужим, пустым, живущим отдельно от нее.

К счастью у выхода их дожидался Платон Леонардович на своем паробусе. Он и привез охранный документ.

Бэлла, едва глянув на Сашу, без единого слова запихнула ее в пахучую травяную ванну. Мешочки с травами уже настаивались в огромной деревянной кадучке. Ванна — это было то, что надо. Как только Саша погрузилась в горячий травяной настой, сразу начал отступать мертвый холод башни. Пара ковшиков на голову, и к Саше вернулась способность видеть цвета, различать запахи и произносить слова.

И она начала говорить — заплетающимся языком, сбиваясь, перескакивая с пятого на десятое.

— Эола... — забормотала она, как только язык начал повиноваться ей, — ее схватили, отправят в Город Мертвых Талантов! Она не выйдет оттуда, а она не виновата. Она же просто была голодная! Она не выдержит, умрет от холода. Что за проклятый Кодекс! Разве можно приказывать музам?

Бэлла подбавила еще горячего настоя.

— Тшшш... Тихо, тихо. Потом расскажешь.

Окончательно оттаяв, Саша поняла, что зверски проголодалась. И вот, завернутая в длинный теплый халат, румяная и сонная, она вновь оказалась в Бэллиной кухне. Бэлла доставала из буфета горшочки, баночки, блюдечки, подливала ей чаю, подкладывала чего-то на тарелку.

А Саша ела и не могла остановиться. Молчун устроилась под столом, грела Сашину ногу, деликатно тыча мягкой лапкой — намекала на дополнительную порцию десерта. Саша привычным движением отправила под стол кусочек кекса. Потом сыто отвалилась на спинку стула. Пальцами босой ноги почесала теплую шкурку Молчун. Она чувствовала бы себя совсем хорошо, если бы не обещание, данное Эоле. Даже собственное туманное будущее не так сильно ее беспокоило.

Бэлла улыбнулась. Саша отметила, что впервые видит ее улыбку.

— Ну вот. Теперь отдохни, а потом погуляй в саду, пока солнышко. Тебе солнца сейчас много надо. Серая Гора все тепло из тебя вытянула.

— Я хотела рассказать про Эолу. Вы ведь знаете ее? С ней случилась ужасная беда! Я тут буду на солнышке греться, а она...

Саша содрогнулась, представив нежную Эолу в каменной морозилке.

— Знаю, знаю! — буркнула Бэлла. Она резко встала и повернулась к плите, хотя делать ей там было нечего.

— К Кларе иди с этим делом. Кто еще поможет? — она шмыгнула носом, повернулась к Саше, блестя влажными глазами:

— С тобой-то что решили? Кассандру, Ариадну будут искать?

Саша пожала плечами.

— Кассандру будут, наверное. А маму... — голос ее сорвался, — не будет ее никто искать. — шепотом закончила она. — Она не муза, не драгоценная. Они не обязаны. У них своих дел навалом. Мне кажется, они мне вообще не поверили. Но ничего! — Саша злым движением вытерла слезы, — я ее сама найду! Мне запретили покидать город пока не найдут Кассандру. Подумаешь, напугали! Мне же лучше! Я буду искать ее! Правда...

— Чего, чего, говори!

— Я должна “осуществлять полезную для Музеона деятельность”, — передразнила она Главного защитника скрипучим голосом. — Это Лев придумал! Уж не знаю, что мне придется делать — улицы подметать или... — она безнадежно махнула рукой. — О! А может я вам буду помогать? На кухне что-нибудь...

— Готовить умеешь? — строго спросила Бэлла.

— Ну... Нет, вообще-то. — честно призналась Саша. — Омлет могу, салатик какой-нибудь. Но я научусь, я способная!

— Нет! — отрезала Бэлла.

Саша растерялась. Почему Бэлла опять рассердилась, что она такого сказала?

— Не надо тебе на кухню. И готовить не учишься — не твое это дело, сразу видно. А научишься если, так не говори никому.

Саша вытаращилась на нее глаза.

— Один раз накормишь кого-нибудь, так головы потом не поднимешь от кастрюль, — с печальным вздохом пояснила Бэлла, — так и будешь всех кормить. Надо тебе такое?

Саша помотала головой. Такое ей было не надо.

— Но куда же мне тогда? Что я могу делать полезного?

— К Филибруму просись! — уверенно сказала Бэлла. — лучше всего для тебя. Он знает много, маму твою любил, как дочку родную. Он тебе поможет. Мы все Ариадну любили. — добавила она, повысив голос, как будто Саша ей не верила.

“ Так уж и все?” — засомневалась Саша, — “Что-то она знает и молчит, не хочет говорить... А может сама не уверена. Ну и городок!” Помолчав немного, она спросила:

— А я-то зачем Филибруму?

— Ему помощник нужен. Самому нельзя. Кассандра ему смерть предсказала от книжных стеллажей.

— И он ей поверил? — усомнилась Саша.

— Не сразу. Сперва рукой махал и такое же лицо делал, как у тебя сейчас. А как шкаф на него упал, ногу перебил, так сразу поверил. Теперь к стеллажам не подходит.

— Бедняга! Он поэтому с тростью?

— Ага. Так вот, библиотека одной стороной в Самородье выходит. За тем крылом есть кому присмотреть. А в Музее ему некому помочь. Ужас, что творится! Филибрум говорит — первозданный хаос. Так что ты ему очень даже нужна. — уверенно закончила Бэлла.

— Но если он возьмет меня к себе на работу, как же, когда же я буду искать? Или придется сбежать? А куда? Я ничего здесь не знаю. — Саша не сомневалась, что даже предполагаемые нарушения законов Музеона она может смело обсуждать с Бэллой. И та не обманула ее ожиданий.

— Ко мне приходи, если что. Помогу. Даже если...

Легкие шаги по гулкой деревянной лестнице оборвали ее на полуслове. В кухню вошла

Клара. Уже похожая на себя, с прямой спиной, сияющими волосами, спокойная. Тоже, наверное, успела принять Бэллину ванну. Только в глазах, на самом их дне, все еще гнездился холод. После сказанного Эолой Саша смотрела на Клару с новым чувством. Если Клара побывала в Городе Мертвых Талантов и сумела оттуда выбраться, то она поистине необыкновенное существо! Но почему ее отправили туда? Что такого она могла сотворить? Клара поняла ее взгляд, чуть опустила веки.

— Оттаяла немножко? — мягко спросила она.

— Не сердитесь, пожалуйста, на меня! — взмолилась Саша. — Я вчера очень хотела все вам рассказать, но мне пригрозили, что я никогда не увижу маму, если проболтаюсь!

— Я не сержусь. — грустно ответила Клара, — Я просто жалею, что не узнала обо всем первой. Все могло быть по-другому. Теперь нам придется слушаться их. — она нахмурилась.

— Клара, а как же мама?

Клара прикусила губы. Глаза ее мерцали то желтоватым, то лиловым. Она колебалась.

— Сашенька, сейчас самый главный вопрос — оживет ли Источник, и останется ли на земле Музеон... Если так, то будет шанс найти твою маму. Если нет... твоя надежда канет в болото вместе с Музеоном. Все зависит от тебя.

— Но что я могу сделать? Найти Кассандру? Магнуса?

Клара покачала головой.

— Пегаса. Без него все напрасно.

— Как же его искать? И где? На Лунной горе?

Клара задумалась.

— Боюсь, придется договариваться со Львом. Но это будет непросто. — она замолчала, прикусила губы.

— Я поговорю с ним. Позже. — сказала она решительно. — В конце концов, он не враг Музеону. В любом случае нам придется дождаться ответа из главной башни. Раньше не получится — альбинаты охраняют подступы к болотам, и к Лунной горе ты без их разрешения не подойдешь, даже если у тебя будет проводник. Но мне важно понять, согласна ли ты нам помочь?

— Но ведь не ясно, посредник ли я. Это только Кассандра может сказать?

— Твою маму пытались найти когда погиб Источник. Не смогли. И вот появляешься ты. Может быть кому-то и нужны доказательства, но не мне. Я чувствую. Мне этого достаточно. И Бэлла согласна со мной. Так, Бэлла?

— Так, так... — Бэлла злобно теребила пустой кармашек на своем фартуке.

— Тогда что не так? — улыбнулась Клара, накрыв ее руку своей.

— Куда мы девчонку-то суем? — Бэлла отдернула руку, — Она ничего не знает, пропадет ни за грош! А мать ее найдется, что мы ей скажем?

— Ты права. Поэтому я не прошу, а спрашиваю. Пусть Саша решает сама.

Саша горько усмехнулась, задумалась.

“Что же тут решать? Выбор у меня небогатый — болото или дурдом. Лучше уж болото. Я, конечно, не верю в этих Пегасов. Но соглашусь — хотя бы выиграю время.”

— Сделаю, что скажете. — твердо ответила Саша. — Только и вы мне тогда помогите потом.

— Обещаю, если удастся сохранить Музеон, я приложу все усилия, чтобы помочь тебе отыскать маму. — твердо сказала Клара.

“ Это ей сейчас легко обещать, — соображала Саша. — я им нужна. Но скоро она

поймет, что толку от меня никакого. Сколько у меня времени? Пока придет ответ из главной башни, пока найдут Кассандру... если вообще найдут. Я должна хотя бы попытаться! Тем более, Клара на моей стороне. Кажется, все складывается удачно. Пока. ”

— Спасибо.

Саша уже хотела улизнуть, но вспомнила о своем обещании.

— Клара, — начала она осторожно, — а можно с вами поговорить об Эоле — это муза, с которой я познакомилась в саду ожидания! Я хотела вас попросить...

Клара поднялась из-за стола.

— Сашенька, я страшно устала! — пробормотала она, — Я просто не могу сейчас тебя выслушать. Может быть потом как-нибудь...

— Но как же Эола! Ее могут в любой момент отправить в Город Мертвых Талантов, а она ни в чем не виновата. Только вы можете ей помочь!

— Умоляю, не сейчас! Бэлла, пойдем.

Клара быстренько упорхнула из кухни. Бэлла вышла следом, даже не взглянув на Сашу.

— Как же так? — расстроилась Саша. — обещала помочь, а сама!

— Она боится башни. — слышался голос из-под стола.

— Боится? Это я понимаю, но...

— Ничего ты не понимаешь. — оборвала ее Молчун. — Город Мертвых Талантов страшнее смерти. Кто знает, что это такое, тот всегда чувствует его где-то рядом. Клара знает. Она ничего не может с собой поделать.

— Но как же мне быть? Я обещала Эоле, она верит мне, ждет, что я помогу. Получается, я ее обманула.

— Напиши! — бросила Молчун

— Что?

— Кларе. Об Эоле. Слушать она тебя все равно не станет. А прочесть обязана.

— Как написать? Как заявление? — Вот еще! Клара тебе не альбинат. Напиши историю. Как встретила ее. Какой измученной и печальной она тебе показалась. Как сжалось твое сердце от сострадания. Как ты хотела накормить ее яблоком.

— Откуда ты все это знаешь?

— Оттуда. Напиши все как было. Против этого Клара не устоит. Ты ведь можешь писать?

— Не могу. — отрезала Саша.

— Почему? Неграмотная?

— Неграмотная это ты. А я... не могу и все. — раздраженно закончила Саша и встала, давая понять, что разговор окончен. Но Молчун так не считала.

— Ах да, я забыла! Тебя же назвали бездарностью. Бедная крошка! — мурлыкнула она притворно-жалостливо, — Кстати, что ты такое могла накалякать, чтобы твоя Зоя-как-ее-там так озверела?

— Да ерунда. Сон мне приснился. А о чем — не могу вспомнить. Как стена перед носом. А она прочла и прямо побелела от злости. И сказала, что я...

— Да-да, я знаю. И ты обиделась и всем назло перестала писать.

— Не назло. Просто... — Саша замялась. — мне нельзя. Мне запретили.

— Вполне ожидаемо. — зевнула Молчун. — У всех, кто убил свой талант обязательно есть какое-нибудь оправдание. Очень уважительная причина.

— С чего это ты взяла, что я убила свой талант?

— Очень трудно догадаться, — издевательски мявкнула Молчун, — когда у тебя дохлая птица на шее болтается!

Саша вытаращила на нее глаза и невольно прижала руку к горлу.

— А ты думаешь, почему ты так сутулишься? И глаза у тебя тусклые.

— Что за чушь! — Саша гордо выпрямила спину, — Я не сутулюсь.

— Ты когда разговариваешь со мной, постоянно забываешь, что я не кошка, а анимуза.

И трупики талантов на шее у людей отлично вижу! Впрочем — талант твой, дело твое.

— И он сейчас...

— В Городе Мертвых Талантов, — подтвердила ее догадку Молчун, — и какая-то злосчастная муза пытается вдохнуть в него жизнь. Да видно без толку.

И она молнией метнулась вверх по лестнице, оставив Сашу в совершенно разобранном состоянии.

Неужели она погубила свой талант? Дохлая птица на шее... бр-р-р! Интересно, видит ли это еще кто-то кроме Молчун?

— Видит, видит, — раздался мурлыкающий голос сверху, из-за угла — и, кстати говоря, твоей маме от этого ничуть не легче. Она-то за твой талант сражалась.

Саша с ненавистью уставилась на стоящий перед ней горшок со сметаной. Запустить бы его в эту пушистую дрянь! Но если она говорит правду, то горшок этот только себе на голову имеет смысл нахлобучить.

— А вот и первая разумная мысль. — Молчун, оказывается не ушла, а переместилась на безопасное расстояние. — Ты не злись, чего злиться-то? Тебе еще повезло, что у тебя есть я.

— Противная кошка! — пробормотала Саша.

— Я не кошка! — донеслось сверху.

“ Напишу! — решила Саша. — Ей назло возьму и напишу. Тем более — моя тетрабочка из старого сапога вернулась ко мне вместе с рюкзаком. И я дала обещание Алисе!”

Она выскочила из кухни и прямо на повороте в коридор столкнулась с Саввой. Он был одет в толстую стеганую куртку и такие же штаны. Саша недоуменно на него уставилась.

— Ты куда так вырядился?

Савва не смутился.

— Тот же вопрос. — ответил он, смерив ее насмешливым взглядом.

Саша была вынуждена признать, что выглядит не менее странно в Бэллином халате до пят и шерстяном платке вокруг шеи.

— Легка на помине! — сказала Бэлла, входя в дом, — мы за тобой как раз. Дело есть.

— Какое дело? — насторожилась Саша.

— Куст пересадить надо. Ирландский.

— Это тот, куст-хулиган? Который меня вчера за ногу схватил? — нахмурилась Саша.

— Он не хулиган. — вступилась за куст Бэлла, — Ему в саду тоскливо — на волю хочет.

Вот и безобразничает. А Поможешь? Савва один не справится.

— Сам пересажу, я же сказал! — возмутился Савва.

— Там вдвоем надо.

Саша нерешительно посмотрела на Савву. Он хмуро молчал.

— Сходи, золотая. — настаивала Бэлла. — Тебе на солнце сейчас много надо быть.

— Ладно уж. — вздохнула Саша, — Только ради вас.

— Пошли, одену тебя.

Хихикать над Саввой было преждевременно. Через пять минут Саша обнаружила себя

облаченной в такой же бесформенный балахон. Рукава пришлось подвернуть трижды. От стеганных штанов и заскорузлых сапог Саша отказалась наотрез, потребовав назад свои джинсы и ботинки, и уверив Бэллу, что так ей будет удобнее.

“Теперь-то уж Савва надо мной поржет.” — мрачно думала Саша, оглядывая себя сверху вниз. Зеркал в Кларином доме почему-то не водилось. Она беспокоилась напрасно — Савва даже не взглянул в ее сторону. Стоял в стороне и хмуро молчал.

“Утром веселый был. С чего такая перемена? — недоумевала Саша, — От репетиции его оторвали, или не хочет, чтобы я шла с ним? Ну и ладно. Мне-то что.”

Она повернулась к нему спиной.

Бэлла прикатила тачку, притащила лопату и вилы. По саду она разгуливала босиком.

— Нога болит. Не обуться. — объясняла она.

Подошли к кусту. Куст как куст, большой, растрепанный. Ярко-зеленые листочки-звездочки даже не думают желтеть. А в остальном — обычное растение, стоит себе спокойненько.

Но чуть только Савва принялся осторожно его подкапывать, куст проявил свой неукротимый ирландский нрав. Его листочки сморщились и превратились в колючки, цеплючие, как шишечки репейника. Вдобавок куст обнаружил умение очень метко ими кидаться. Норовил попасть в глаз и издавал злобное шипение.

Саше сразу стало ясно, почему Савва не справился бы с ним один. Тут и семерым работы хватит! Заполучив несколько колючек в волосы, Савва бросил лопату и отскочил.

Бэлла расстроилась, принесла из своих закровов кусок мешковины, и бережно обернула куст, бормоча что-то, причем слова ее явно адресовались зловредному растению. Куст притих немного, но, похоже, лишь для отвода глаз. Едва лишь Савва взялся за лопату, а Саша встала наготове с вилами, чтобы подцеплять аккуратненько корни, как из-под мешковины поползли длинные колючие ветки. Савва был схвачен за ногу. Толстый ботинок спас его от травмы, но на ногах он не удержался. Вообще, куст невзлюбил Савву с самого начала — ему доставалось больше всех. Саша получила лишь несколько колючек, и теперь они зелеными звездами сияли у нее в волосах. Бэллу куст вообще не трогал — еще бы! Кто варил для него темный эль?

А Савва был покрыт колючками с ног до головы. Грязный и злой, он поднялся с земли.

— Руки смотри, береги! А то Карл Иваныч мне задаст! — предупредила Бэлла.

— Не задаст. Вы меня почините. — спокойно ответил Савва.

— Не стой столбом, помогай! — крикнула Бэлла Саше. Та со вздохом взялась за вилы, и, уворачиваясь от метких бросков, стала осторожно освобождать от земли длинные гибкие корни. Те тоже оказались живыми, цеплялись за вилы и норовили вырвать их из рук. И не меньше ста колючек зеленели теперь в Сашиних спутанных кудрях.

— Надо было голову тебе замотать, дура я, дура! — сокрушалась Бэлла, — как теперь тебя вычешу? — Она заботливо поправляла и подтыкала мешковину вокруг куста. Свободолюбивый ирландец ее не трогал, только сварливо шипел.

— Да что же это за куст такой! — чуть не плакала Саша.

Савва стоически молчал.

— Новая порода — похвасталась Бэлла, — у Клары поклонник есть в Ирландии, садовод-любитель. Прислал ей в подарок на день рожденья. Шутник, чтоб ему! Уж что он там с чем скрестил — не знаю.

— Чертополох с Лепреконом! — злобно предположила Саша.

И тут же заполучила целую горсть колючек. На этот раз куст хорошо прицелился — Саша еле успела прикрыть лицо толстым рукавом куртки.

— Не надо так, зачем его обижать? — вступилась Бэлла за куст. Он не виноват, что таким уродился. — Подожди, дружок, — совсем другим, воркующим голосом уговаривала она куст, — сейчас мы тебя устроим, в хорошее место отвезем. Свобода ему нужна, больше, чем вода. Сама ведь знаешь, как оно бывает. — объясняла она Саше, — Кстати, у него и имя есть. Трики Торн — хитрая колючка значит!

К Сашиному изумлению, куст имя свое знал. Когда Бэлла его произнесла, все веточки куста, даже те, что торчали из-под мешковины, повернулись в ее сторону.

— Видишь, видишь! — радовалась Бэлла, — он все понимает!

Она бережно прикрыла Трики свободным краем мешковины, и они втроем, со всеми предосторожностями и почестями погрузили ирландского бунтаря на тачку.

— Все, — выдохнула Бэлла, — теперь везите в поле, Савва знает куда. Помнишь, я показывала?

Савва кивнул.

— Посадите там, где скажет. Место он сам выберет.

— Так он еще и разговаривает? — возмущенно ахнула Саша.

— Нет. Знак подаст. Не дураки, разберетесь.

Саша покосилась на Савву — тот по обыкновению молчал, слова Бэллы о говорящем кусте его не смутили.

“ Вот это выдержка! — восхитилась Саша, — Ну и ладно, если говорящие кусты для него дело привычное, пусть сам за его знаками и следит.”

Виновник торжества, как только его оторвали от земли, присмирел, перестал выдираться из-под мешковины и шипеть. Он лишь тихонько пыхтел и слабо цеплялся корешками за края тачки. Саше стало его жаль.

— Смотри, ему нехорошо! Пойдем скорей!

— Ничего, довезете, — заверила ее Бэлла, — только знак не пропустите! И лейку вот вам нате, — она бросила Саше под ноги помятую жестяную лейку, — А тряпку можно снять, он теперь не тронет.

И сама осторожно развернула мешковину. Саша и Савва отпрыгнули на пару шагов, но Трики Торн вел себя прилично, не плевался и не шипел, понял, должно быть, что дело его дрянь.

Савва покатил тачку вглубь сада. Саша двинулась за ним, прихватив лопату и лейку.

— К озеру ее не пускай! — крикнула вслед Бэлла.

Поле начиналось сразу за садом. Неожиданно зеленое для сентября, оно колыхалось, волновалось, тянуло рухнуть морской звездой в траву и так остаться. Справа темнел лес, слева угрюмо нависала Серая гора, впереди прятались друг за друга разноцветные холмы, а за ними высилась укутанная в туман вершина черной горы.

Сквозь поле тянулась тропинка. Идти по ней пришлось гуськом, поэтому шли молча, под скрип и кряхтение тачки. Саша волочила лопату и лейку — класть их в тачку Бэлла строго-настрого запретила — это может обидеть Трики.

Нести инструменты было тяжеловато и неудобно, но все равно Саша была рада, что согласилась пойти — легкий ветер уносил тяжелые мысли, солнышко вытягивало последние капли холода. Она даже не успела устать, когда куст встрепенулся и потянулся вправо полысевшей веточкой.

Савва решительно развернул тачку вправо и дальше пошли уже без дороги, по колено в траве.

А куст все тянул и тянул веточку вправо, всем своим видом показывая, что доживает последние минуты. Справа маячила лесная опушка, такая тихая и светлая, что Саша даже позавидовала кусту — она и сама бы не отказалась здесь поселиться.

Но у Трики были другие планы, на опушку он не собирался, или передумал на ходу, следуя своей мятежной натуре. Он тряс ветками, цеплялся корешками за края тачки, явно намереваясь спрыгнуть на полном ходу, и вот тут вот, в двадцати шагах от опушки и пустить корни. Даже Саше было ясно — это знак.

Савва остановился, поставил тачку, потер покрасневшие ладони. “Не лучшая разминка для рук музыканта, — подумала Саша, глядя на его длинные пальцы, — Зачем ему это нужно, неужели больше некому куст пересадить? Или он ради Клары или Бэллы старается?”

Савва снова взялся за лопату, а Саша, соблюдая все предосторожности, обернула куст мешковиной — предусмотрительная Бэлла все-таки подсунула ее в уголок тачки, на всякий случай. Но напрасно она беспокоилась — на этот раз Трики вел себя примерно, не шипел, не кидался колючками, лопату не отнимал и работать не мешал.

Савва быстро выкопал яму и они вдвоем легко и без приключений подняли присмирившего бунтаря с тележки и опустили в землю. Трики деликатно поджимал корешки и подбирал веточки, стараясь помочь, и вообще, всячески давал понять, что напрасно горячился. Ему понравилось на новом месте — он восторженно расправив уцелевшие листочки, и принял живописную позу.

— Все. Только полить осталось. — выдохнул с облегчением Савва.

— Темным элем? — хихикнула Саша.

— Нет уж. Бэлла сказала, пусть привыкает к воде из озера.

— А где озеро?

— Не важно. Ты туда не пойдешь.

— Почему?

— Нельзя.

— Не аргумент.

— Просто останься здесь. Я вернусь через минуту.

Он взял лейку и направился в сторону небольшого перелеска неподалеку. Саша не стала спорить. Какой смысл терять время? Она выждала пару минут и пошла следом. Ей было очень интересно, что за такое место, куда ей нельзя.

ГЛАВА 14. Савва и Цинцинолла

Озеро притаилось за перелеском. Окруженное древними ракетами, усыпанное белыми кувшинками, подсвеченное солнечными бликами, замеченное ряской, оно манило, притягивало.

Саша притаилась за толстым деревом, чтобы не попасться Савве на глаза и не отрывала взгляда от мерцающей глади, понимая, что может простоять так и час и год.

Савва тем временем подошел к краю, опустил в мягкую траву и погрузил лейку в воду.

Сашу непреодолимо тянуло к озеру. Тихо-тихо, чтобы Савва не услышал, она сделала шаг вперед, подошла к краю в тот самый момент, когда рука Саввы разжалась и лейка, булькнув, скрылась под водой. Савва поднялся с колен, обернулся в ее сторону и замер. Взгляд его затуманился и поплыл. Саша инстинктивно отступила к спасительной ракете, но Савва ее не замечал. Сообразив, что он смотрит не на нее, Саша резко обернулась. Перелесок, поле, опушка леса в отдалении... Что же он там видит? Она с тревогой обернулась на Савву.

А тот медленно вытащил из кармана маленькую пан-флейту. Поднес ее к губам, вдохнул и... нет, не заиграл. Он сделал выдох, он стал дышать во флейту. Осторожно, легко, словно боясь спугнуть... кого? Или что?

Саша ничего не понимала. Она застыла, притаив дыхание, зачарованная звуками, похожими на ветер. Как он это делает?

Вздых, еще один, еще... И что-то отозвалось, ветер донес такой же легкий вздох, только еще нежнее, еще прозрачнее... Что происходит?

Саша медленно повернула голову навстречу ветру.

По колено в траве к ним двигалась муза. Откуда она взялась? Минуту назад ее не было. Их разделяло не меньше пятидесяти шагов, но Саша почувствовала, услышала, ощутила всем телом — муза.

Она медленно приближалась, и завораживающий звук приближался вместе с ней, словно она несла его с собой. Ее голос... Он обволакивает, как нежный шелк, проскальзывает сквозь тело, оставляя его таким же невесомым... И летит дальше вместе с ветром, обвивается вокруг мелодии Саввиной флейты, сливается с ней, расцветает, заполняет пространство вокруг, изменяет его, истончает...

А флейта дышит с ней в унисон, и у них выходит что-то такое, что комок перекрывает горло, сбивается дыхание, мурашки ледяной волной захлестывают тело.

Вот она уже совсем близко, и Сашу окутывает облако нежного аромата, света, тепла... Сердце мягко сжимается, проваливается, ощущение счастья растет, переполняет...

Муза все ближе — Саша уже может рассмотреть нежное лицо, прозрачные глаза, затуманенный взгляд, точь-в-точь такой, как у Саввы в эту минуту. А волосы — словами не передать, будто...как будто... — мучилась Саша, подбирая сравнение —...морскую раковину размотали на тоненькие волоконца и пустили по ветру. "Вот так бы я написала!"

Только губы кажутся чужими на ее лице, как жирный мазок кармина на акварельном портрете. Ее нежная улыбка внушает тревогу.

Муза, казалось, не заметила Сашу, взгляд ее был прикован к Савве. Она умолкла. Он выронил флейту. Муза подошла совсем близко к нему, провела рукой по его взлохмаченным волосам и двинулась дальше, по берегу озера, и вдруг пропала, растворилась между темных

стволов. Растаяло волшебное облако. Блаженная улыбка все еще не сходила с Саввиного лица.

— Это что сейчас было? — прошептала Саша.

Савва вздрогнул, выронил флейту. Казалось, он только сейчас заметил, что она стоит рядом.

— Ты как здесь оказалась? Я же просил тебя остаться... — сонно произнес он.

— Кто это?

— Это... Цинцинолла...

— Цин... Откуда она взялась? И куда исчезла?

Савва пожал плечами.

— Она живет, где хочет... повсюду. Она любит это Озеро. Ей только в Музееоне нельзя появляться. — он помрачнел после этих слов.

— Почему?

— Она... пария.

— В каком смысле? Что это значит?

Он смотрел на нее недоверчиво, будто решая — можно говорить ей, или нет. Наконец решился.

— Она обладает силой. Огромной...

— Это же хорошо, разве нет?

— Да... И нет. Если человек хоть раз получит от нее помощь, то уже ничего не сможет сам. Без нее. Его талант будет разрушен.

— Но ты же...

— Я только наполовину человек. Мне не страшно. — ответил Савва. Но Саша уловила нотки неуверенности в его голосе.

— А вот тебе... — продолжал он, — нельзя с ней встречаться. Я не хотел брать тебя с собой.

— Такая странная... На сумасшедшую похожа! — Саше было досадно, что она тоже попала под гипноз этого загадочного создания. Но еще больше ее бесило, что Савва до сих пор улыбается как дурачок. После ее слов он резко помрачнел. Поднял оброненную флейту.

— Не выношу, когда о ней так говорят!

“Значит не я одна это заметила...” — подумала Саша, а вслух сказала:

— Прости. Не злись. Ты влюблен в нее что ли? — вдруг озарилась она догадкой.

Савва не смутился, не разозлился.

— Это другое. Намного больше того, о чем ты думаешь. — серьезно и спокойно ответил он, пряча флейту в карман. — Как тебе объяснить... Когда есть она — есть радость. Есть музыка. Весь мир есть. А нет ее — и нет ничего.

— Ерунда какая-то! — возмутилась Саша, — она, конечно такая... необычная. Но как это — без нее нет ничего? Я же тебя слышала! Твоя музыка... — Саша подняла руки к небу и беспомощно уронила их, не в силах объяснить необъяснимое. — Что еще тебе может быть нужно?

— Ты просто не понимаешь...

— Чего я не понимаю?

— Что значит быть драгоценным. Да еще таким как я.

— Таким — это каким?

— Пора возвращаться. — сухо сказал Савва.

— А как же Трики? Ты лейку утопил.

— Ничего. Скоро будет дождь.

Они двинулись было в обратный путь, но Савва вдруг бросил тачку и обернулся к Саше:

— Можно тебя попросить об одной вещи?

— Не знаю. Попробуй.

— Не говори никому о ней... и о том, что ты видела.

— Из-за нее?

— Не только. Могут подумать, что я... привязан к ней, а драгоценным нельзя иметь привязанности.

— Почему?

— Такое правило. Считается, что привязанности отвлекают от призвания.

— Ерунда какая-то! Дурацкое правило.

— Согласен. Но я обязан его соблюдать.

— Хорошо, не скажу. Если это важно.

Савва слегка кивнул, что, должно быть, означало благодарность, поднял тачку и они двинулись дальше.

Саша искоса поглядывала на Савву. Станный он. Делает вид, что ему ни до чего нет дела. Что бы ни происходило, он и бровью не ведет. Сплошное притворство. Как он переменялся, когда явилась эта Цинцинолла! Он даже улыбался идиотской улыбкой! А когда она ушла, снова стал таким же истуканом.

“ Наполовину человек... Драгоценный... По-моему, он слишком самоуверен! И слишком много врет, в том числе самому себе.”

Саша вдруг почувствовала желание убрать с его лица это спокойствие. Добиться живой реакции. Но говорить прямо она не решалась — не так-то с ним просто.

— Кто такие драгоценные? — начала она издалека.

Савва остановился. Помолчал, нерешительно глядя на нее.

— Ладно. — вздохнул он, — Ты все равно об этом узнаешь. Драгоценные — это дети муз и гениев.

— Разве у муз бывают дети? Они же из Источника появляются...

— Очень редко. Надо быть очень, очень... особым талантом, чтобы муза всегда была рядом. В человеческом теле. Но даже и тогда дети появляются редко. Только если у музыки возникнет сильная привязанность. Если она, ну... влюбляется... как ты говоришь. У них может появиться ребенок. Драгоценный. Такое случается очень редко. И становится проблемой.

— Для кого?

— Для всех. Такие дети должны расти в Музее.

— Почему? Что в вас такого ценного?

— Человек и муза в одном теле. Представляешь себе? Либо это гении в мире людей, либо — хранители муз. Здесь, в Музее.

— Так значит и Амалия и Декаденция и Лев...

— Да.

— А Клара?

— Клара — нет. Она муза. В человеческом теле. Кстати, мать Льва.

— Ах вот в чем дело! То-то я думаю, как она терпит его хамство! А ты кем ты станешь — гением или хранителем?

— Не знаю. Не мне это решать.

— А твоя мама — значит, она...

— Хватит уже вопросов! — оборвал он ее. — Пошли, нам пора.

Он поднял тачку резким движением и пошел вперед, не оборачиваясь.

Саша поплелась следом. Ей больше не хотелось задавать ему вопросов.

“Добилась живой реакции!” — с досадой думала она.

ДНЕВНИК САШИ

В первый раз за этот кошмарный год мне захотелось что-то написать. И эта тетрадь, подарок маленькой Алисы, оказалась очень кстати.

Что ж, начну потихоньку!

Я остаюсь в городе муз. Пока не найдут Кассандру и она не скажет, можно ли мне летать на Пегасе.

Бред, какой же бред! Город муз...

В первый вечер я думала — сойду с ума. Думала — все это Светланины штучки. Каждую минуту ждала, что вот сейчас войдут санитары, а следом — она.

А теперь сама удивляюсь, как легко я сжилась с этой мыслью и поверила в невообразимое. Вообще, последние пару дней я только и делаю, что сама себе удивляюсь.

Как я смогла сбежать от этого чудовища, оскурата? Как согласилась куда-то поехать ночью с неизвестными людьми? Как смирилась с говорящей кошкой, которая вовсе и не кошка? Не знаю. Наверное, мне ничего другого не оставалось.

Тем более, что с самого начала, с первой минуты, как я здесь оказалась, я чувствую — мама где-то рядом. И в то же время — очень далеко.

Мне здесь не особенно рады. А Лев, болван надутый, прямым текстом объявил, что будет за мной следить. Ха! Посмотрим, как у него это получится! Он же вечно торчит в этой Башне. Готовится к своему великому дню. Наверное, корону примеряет перед зеркалом!

Почти никто не верит, что я могу взлететь на Пегасе. Если честно — я сама в это не верю. Пегас! Это же просто смешно. Но Клара почему-то уверена, что я смогу это сделать. Бэлла по-моему тоже.

Мне теперь придется заниматься каким-то полезным делом, чтобы я не болталась просто так, была под присмотром, не влезла куда-нибудь не туда и чего-нибудь не натворила. Впервые в жизни Белоконь займется чем-то полезным! Эта гадюка Декаденция предложила отправить меня на кухню! Я уже хотела устроить бунт, но Бэлла подроспела вовремя, сказала, что я криворукая и яйца мимо миски разбиваю. Что ж, ее гениальный план сработал —

я буду помогать Филибруму в библиотеке. А чтобы я не сбежала, за мной должен постоянно присматривать кто-то из драгоценных. Так что в библиотеку я завтра иду под конвоем. Савва меня поведет. Похоже, он-то и будет за мной присматривать. Ха-ха! Еще кто за кем присмотрит! Но могло быть и хуже.

С Саввой хоть разговаривать можно, и он нормально ко мне относится. Не то, чтобы с симпатией, но, по крайней мере, не фыркает, как Лев и не кривит физиономию, как Декаденция.

Сказать честно, мне с ним тревожно. И он здесь не при чем. Но когда я на него смотрю, у меня возникает такое чувство... Будто я должна что-то вспомнить. Это не дежавю, я уверена, что мы никогда раньше не встречались. Я бы его запомнила. Именно — что-то вспомнить. Это ужасно утомительно.

Но зато сегодня я видела такое, чего никогда не смогу забыть. Я и представить себе не могла, что на простой пан флейте можно так играть! И надо было их видеть. У Саввы было такое лицо — словами не описать. Обычно он хмурится или равнодушен ко всему. А в тот момент у него на лице отразилось просто нечеловеческое счастье. И в то же время — невозможность этого счастья. Глупо звучит. Но это было именно так. А Цинциолла... Я теперь понимаю, почему люди сходят с ума, если встречаются музу.

Я только не понимаю, почему этого не происходит со мной. Может быть я тоже драгоценная? Но это значит — моя мама муза. А я точно знаю, что это не так... Получается, что я, хоть и человек, но... тоже не совсем человек?

Ладно, какой смысл об этом размышлять!

P.S. Я так и не смогла помочь Эоле, и от этого на душе скребут кошки. Но я не могу себя заставить что-то написать. Дневник — это совсем другое, а то, что посоветовала мне Молчун... Мне ужасно стыдно, но я боюсь. Конечно, я все рассказала и Кларе и Бэлле. Но Бэлла сердится на Эолу, говорит, что ничем уже не может ей помочь. Но по-моему, она ее просто жалеет, и других муз тоже, и страдает от того, что бессильна что-то сделать. А Клара до смерти боится башни. Она ускользает под любым предлогом, чуть только я завожу разговор об Эоле.

И я ума не приложу, как мне выполнить мое легкомысленное обещание.

Про сад я забыла написать. В нем повсюду таинственные уголки. Жуки-фонарики и ароматы. Скамейки, калитки и развалины. Я не разобралась пока, как и куда в этом саду перемещаться. В нем можно по-настоящему заблудиться. Я хотела там сегодня погулять, но Бэлла сказала, что одной мне нельзя отходить далеко от дома. Но я успела кое-что заметить — В глубине сада, за густыми зарослями жасмина, я обнаружила высокую каменную стену, увитую розами и невероятной красоты кованую калитку. Но именно туда-то мне и запретили входить! Бэлла буквально оттащила меня оттуда и была очень сердитой. Вот ведь подлость!

У меня постоянное чувство, что за мной кто-то наблюдает. Где бы я ни была. В доме. В саду. Вот я сижу сейчас на своей верхотуре, пишу, никого не трогаю. Посмотрела в окно — а там кто-то стоит и, задрвав голову, смотрит в мое окно! Мне не показалось, я уверена! Это был кто-то живой. Ни Бэлла, ни Клара, ни кто-то из драгоценных — я бы их узнала. Они все высокие, а этот — небольшого роста, но повыше хухлика. Значит кто-то пробрался в сад и смотрит в мое окно. Хорошо, что моя комната высоко, и он не мог ко мне заглянуть.

И еще кое-что меня беспокоит. Бэлла ведет себя странно. Она постоянно носит что-то в кусты, когда думает что ее никто не видит. Но мне пока заняться особо нечем, поэтому я внимательно наблюдаю за происходящим. Так вот, утром она пошла в кусты с ведром и тряпкой. Зачем? Днем потащила туда корзинку с едой. И сейчас. Уже очень поздно. Но вот только что она опять прокралась в кусты, неся подмышкой что-то объемное. Я не поняла что. Мне очень интересно, что все это значит. Спросить Бэлла я не решаюсь. А кого-то другого спрашивать не хочу. А вдруг это Бэллин секрет, а я выдам ее ненароком. Поэтому буду наблюдать и выясню, в чем дело.

Савва явился ни свет ни заря. Саша столкнулась с ним внизу, в холле — она сползала со своей верхотуры, предвкушая фантастический Бэллин завтрак.

Разумеется, юноша был приглашен к столу. Не поломавшись хотя бы для приличия, он уничтожил целую сковороду омлета с грибами, а потом вздохнул и прибрал еще полбанки вишневого варенья. У Саши закралось подозрение, что Савва неспроста как на работу

является каждое утро в этот гостеприимный дом — его манит Бэллина стряпня.

Клара не появлялась. Визит в Башню Защиты дался ей нелегко, она почти не выходила из своей комнаты. И только когда Саша и Савва уже надевали ботинки, она вышла к ним. Бледная, с тусклыми глазами, она куталась в красный шерстяной платок — никак не могла согреться. Слабо улыбнувшись обоим, она подозвала Савву, отвела его в сторону и что-то пошептала ему на ухо. Он молча кивнул, бросив быстрый взгляд на Сашу. А та переминалась у двери, делая равнодушное лицо, и чувствуя себя глупо и неловко.

Наконец вышли в сад, понурый и печальный после ночного дождя.

— Пешком? — сухо спросила Саша. Она решила держаться холодно и отстраненно. Нечего при ней шептаться!

— Пешком. — как ни в чем не бывало ответил Савва.

Он свернул с дорожки, ведущей к воротам и направился к зарослям жасмина.

— Из сада прямо в библиотеку? — удивилась Саша.

— Куда угодно. Главное — выбрать нужную калитку.

— Савва... — Саша быстренько отменила свое решение, — а давай пройдем через Музеон. Мне так хочется его увидеть!

Он помотал головой.

— Но почему?

— Клара просила не водить тебя в Музеон. — неохотно ответил Савва.

— Это она тебе перед выходом сказала?

Он кивнул.

— Там сейчас... Не очень хорошо. Музы уже давно живут без инспирии. Они голодные, и... Клара не хочет, чтобы ты это видела.

— Пожалуйста! Я не скажу Кларе, клянусь!

— Не могу. Я обещал. А ты проболтаешься.

— Я уже видела то, чего не должна была, — напомнила Саша, — и не проболталась.

Пока...

Она смотрела на Савву в упор. Он нахмурился.

— Шантаж?

— Ну что ты! Очень большая просьба. — улынулась Саша.

Савва вздохнул, припертый к стене.

— Хорошо. Но уйдем, как только я скажу!

И свернул с дорожки в жасминовые заросли. Мысленно потирая руки, Саша поспешила за ним. Савва шел быстро и уверенно, ловко подныривая под мокрые ветки. А Саша еле успевала уворачиваться от душистых брызг. Наконец подошли к чугунной калитке, очень похожей на ту самую, с которой все началось.

Саша зажмурила глаза, затаила дыхание — неприятный переход в башню защиты был еще свеж в памяти.

— Это необязательно, — прозвучал насмешливый Саввин голос, — Музеон тебе не Серая гора.

Но Саша, вопреки своей воле придержала дыхание. Не открывая глаз, сделала шаг, еще один...

— Дыши спокойно, что ты надулась?

Она выдохнула, осторожно вдохнула. Открыла глаза...

ГЛАВА 15. "Как я теперь буду спать?"

Лес. Полумрак. Невыносимая тишина.

Узкая тропинка начинается прямо от калитки, заплетается между стволами и растворяется в зеленом сумраке.

— Это... Музеон?

— Дорога в Музеон. Боишься? Можем вернуться.

— Я не боюсь.

— Не оглядывайся, не смотри по сторонам. Только под ноги. И что бы ни случилось — не сходи с тропинки. — сказал Савва и пошел вперед. Саша двинулась следом — тропинка была слишком узкой для двоих.

Лес. Тихий, темный, угрюмый. Обхватил со всех сторон, обнял мягкими лапами, сдавил горло — воздух плотный, тяжелый, как вода в заросшем пруду.

Почему так тихо? Где птицы, где ветер, где шелест, шорох и треск? Даже веточки под ногами не хрустят. Вспученные корни деревьев будто пытаются выдрать себя из земли, поймать глоток свежего воздуха — но не вырваться, не вздохнуть. Кроны уползают в неведомое, забрав с собой небо и свет.

Толстенные стволы, земля между ними — все заросло пышным, зловеще-зеленым мхом. Может в нем все дело? Захватил пространство, поглотил все живое, пожрал звуки, не оставил места ни травинке, ни хрусту ветки, ни птичьему писку — только пышная мякоть повсюду. Обломанные сучки на деревьях выглядывают из-под мохнатых зеленых наплывов как недобрые глаза из-под тяжелых век.

— Мертвое все... кроме мха, — пробормотала Саша.

— Он разрастается с каждым днем. — тихо ответил Савва, — И лучше тебе не трогать его.

Трогать? Б-р-р! Он как пушистая гусеница. На него даже смотреть на него неприятно. Лучше под ноги, на тропинку. Интересная какая тропинка... Корни деревьев вросли в нее, вплелись замысловатым узором, похожим на литеры из старинных книг. Саша поневоле замедлила шаг — ей померещилось нечаянно, что корни выписывают тайное послание, ей одной предназначенное, ей одной понятное. Глупо! Но она вглядывалась, выворачивая шею, как сова — вдруг здесь про маму? Глупо и стыдно! Корням этим тысяча лет, не меньше!

Тоска навалилась внезапно, застала врасплох. Саша вдруг до боли ясно осознала, как далеко она от дома. Одна. Идет сквозь мрачный лес, неизвестно откуда, неизвестно куда. И рядом никого.

Савва... Что ему до Саши? Исчезни она сейчас, провались под землю — он пожмет плечами и пойдет играть на флейте этой своей. Цинцинолле.

Клара, Бэлла... они к ней добры, но лишь потому, что нуждаются в ней. Им безразлично — найдет она маму или нет. Она проходит этот квест одна. Сама. И лес этот, тихий и душный, как меховой воротник — еще один уровень. И сколько их впереди?

Трудно дышать... Кажется, мягкая зеленая лапа давит прямо на сердце. Хочется разорвать воротник... А может лучше убежать? Рвануть через лес, без дороги, чтобы ветки хлестали, трещали под ногами сучья, чтобы всколыхнулось это болото! Но тропинка не отпускает, не сойти с нее. Все внутри оцепенело, мысли в голове мхом обросли. Рукой не двинуть, головы не повернуть... Только ноги шагают — раз...два... Зачем? Куда? Зачем

вообще кто-то куда-то идет? Сил нет. Плохо спала сегодня, может прилечь ненадолго? Вон подходящая ямка, зеленая, мягкая... Ветки вниз опустились, с них свисает мох... Какая уютная комнатка! Была у меня когда-то подушечка из зеленого бархата... Я все равно не найду маму. Она спит в такой же зеленой комнатке, и я усну, может во сне ее увижу... Надо сказать Савве, чтоб через часик за мной вернулся... Язык почему-то не слушается и голоса нет. Ау, голос... Это все лапа... Мягкая, давит...

Что это с Саввой? Зачем он трясет меня, спать же мешает! Почему у него глаза испуганные? Где я? Что со мной?

— Проснись! Саша, не спи! — Савва тряс ее за плечи.

— Я... я не сплю... Ты что делаешь? — Она сбросила Саввины руки, встряхнула головой, потерла лицо, разгоняя сонную одурь. — Я просто задумалась!

— Дурак я, что тебя послушал! — Куда девалась его невозмутимость? Он почти кричал. — Ты бы видела себя сейчас! Как лунатик... Тебя же чуть не засосало!

— Что? Куда?

— Оглянись вокруг себя!

Саша оглянулась и увидела, что они стоят не на дорожке, а среди мха, рядом с огромными вывороченными корнями мертвого, обросшего мхом дерева. А ее ботинки покрыты толстым слоем мха. Тихо взвизгнув, она прыгнула на тропинку, с отвращением отряхнула ноги от зеленой мякоти и накинулась на Савву:

— А ты куда смотрел?

— Под ноги, конечно! Сказал — не сходи с дороги!

— Не ори на меня! Откуда я знала!

— Сама не ори. Тебе же помочь хотел.

Дальше пошли по тропинке рядом. Савва крепко держал ее за руку. Шли молча. Саше было стыдно. Как некрасиво получилось! Сначала заставила его пойти этой дорогой, потом про него гадость какую-то подумала. А он по-настоящему за нее испугался. Еще немного, и она рухнула бы в этот мох, и неизвестно, чем бы это закончилось.

А ведь он ее предупреждал! Извиниться бы надо, по-хорошему...

— Долго нам еще? — спросила виновато.

— Дойдем до города, — спокойно ответил Савва, — спустимся на площадь Безобразова. Оттуда через мост в библиотеку. Уже недалеко.

Отлегло немножко. Безжалостная лапа отпустила сердце и наконец-то удалось глубоко вздохнуть. Саша неловко забрала у Саввы свою руку.

— Мы разве через реку пойдем?

— Ну да.

— Не понимаю. Ты собирался попасть в библиотеку прямо из Кларинового сада, а с ним рядом нет реки. Как такое может быть?

Савва призадумался

— Здесь... Как бы тебе объяснить понятно... Представь огромный кусок сыра. С дырками. Ты — муравей. И тебе нужно попасть на другую сторону куска.

— Угу. Уже представила.

— Ты можешь обойти его кругом, а можешь пролезть через дырку. Вот и все. Главное — знать, где пролезть.

— То есть тут у вас такая... аномалия? Гео...патогенная зона? Вроде Бермудского треугольника, да? Класс! Рассказать бы кому-нибудь!

— Даже не пытайся. — серьезно сказал Савва, — Один уже рассказал... Неважно.

Такие места очень любят музы. Им здесь хорошо.

— А драгоценные? Вам здесь хорошо?

— Я тебя умоляю! Драгоценным везде хорошо.

— По тебе не скажешь.

Савва отвернулся. Саша с досадой подумала, что снова брякнула что-то не то. Несколько шагов прошли молча.

— Слушай, — осенило вдруг Сашу, — а может это как раз музы изменяют пространство? Там где они поселяются возникает аномальная зона... м-м?

Савву эта мысль не впечатлила. Он равнодушно пожал плечами.

— Не уверен, что это важно. А вообще, байка есть. Ну — легенда. О том, как возник Музеон.

— Расскажи! — обрадовалась Саша.

— Бэллу попроси. Я плохо рассказываю. — ломался Савва.

— Неважно. Здесь страшно молчать...

Он вздохнул.

— Ладно! Я так не смогу, как Бэлла, но попробую. — он сделал загадочное лицо и заговорил нараспев, очень похоже копируя Бэллу:

...Давным-давно, в стародавние времена на этом самом месте бился белоснежнокрылый Пегас с Великой Утробой...

— Это кто такая?

— Пожирательница талантов. Вечно голодное чудовище с огромным брюхом. — пояснил Савва своим обычным голосом, — Ее прислужницы, азумы, убивают таланты, а она пожирает то, что от них осталось. А Пегас решил с ней разделаться раз и навсегда. Не перебивай!

...Он ударил копытами с такой силой, что земля содрогнулась, разверзлась, и земная кровь и соки вырвались на поверхность. И вспучилась и поднялась земля, и выросли повсюду огромные холмы, и земная кровь кипела между ними. И провалилась Утроба в расплавленные недра, и стала погружаться в кипящую земную кровь. А Пегас парил над клокочущей землей, невредимый и недосягаемый.

И поняла Ненасытная, что близок конец, и взмолилась:

“ Помоги мне, благородный Пегас! Не дай стинуть! В награду обещаю не преследовать тебя и потомков твоих до конца времен.”

И ответил ей Пегас:

“Муз, подопечных моих, тоже не тронь. И азум, прислужниц твоих, к людям не посылай. Пусть творят они, как велит человечья природа, и да не будет им преград во веки веков.”

Ужас охватил Пожирательницу, земная кровь заливала ей рот и уши, и Великая Небыть раскрыла ей свои объятия. Но не могла она обещать того, что противно ее природе. И так сказала:

“Как не может быть света без тьмы, и добра без зла не существует, так и созидание немислимо без разрушения.

Не отнимай все у меня! Оставь малую толику свободы! Отдай мне тех, кто сам придет ко мне и отдастся в мою власть по доброй воле.”

Поразмыслил Пегас и решил, что не найдется на свете такого идиота. Был он как дитя

легковерен и плохо понимал человеческую природу. С утроенной силой взмахнул он своими белоснежными крыльями. Поднялся такой ветер, что деревья застонали и полезли вон из Земли, и корни их извивались как змеи. Стала остывать клокочущая земная кровь, и пузыри ее обращались в камень.

И снизился благородный Пегас и протянул Утробе белоснежное крыло. Ухватилась она за него из последних сил и выбралась на поверхность. Но не хватало сил Пегасу подняться выше, ибо устал он в сражении. Не удержалась Ненасытная — малы и слабы были руки ее, а брюхо огромно. Рухнула она возле самой Черной горы и уползла под нее и укрылась в ее недрах. А слизь с ее безобразного тела покрыла землю вокруг, и стало болото. А насекомые с ее волос обратились в хусликов... и... Собственно, вот... Там еще много чего было. Он потом полетел на Лунную гору, танцевал там и так долбанул копытом в великой радости своей, что Источник вырвался из самого сердца горы. А из него появились музы...И были прекрасны они в лунном свете... ладно, хватит пожалуй.

— Интересная версия! — оценила Саша. Но она почему-то совсем не похожа на те истории о Пегасе, что я читала.

Савва фыркнул снисходительно.

— Кто знает, что там на самом деле было.

Он приподнял согнувшиеся до земли ветки, опутанные зеленой бахромой мха, и они вышли из леса на свет.

Тут Саша и впрямь почувствовала себя муравьем, только не в куске сыра, а в шкатулке с украшениями.

Из земли поднимались причудливые нерукотворные здания. Одни напоминали гигантские песчаные замки, другие были похожи на грибы-дождевики, третьи — на раковины. В стенах домов навеки застыли разноцветные камешки, кристаллы, россыпи золотых песчинок. Но все казалось дымчатым, словно затянутым серой вуалью. И усталое осеннее солнце было не в силах пробить эту дымку, ветер не мог ее развеять.

— С ума сойти! — только и смогла сказать Саша.

— Именно это и происходит с людьми, если они сюда попадают. — без тени усмешки ответил Савва, — А видела бы ты все это, когда бьет Источник!

— Вы здесь живете?

— Здесь живут музы. А дома драгоценных на площади Безобразова.

— В Музее тоже такая есть?

— Мы с тобой на ней, вообще-то встретились. — напомнил он, — Это точка, в которой соприкасаются Музей и Самородье. Иногда одно можно принять за другое. Пойдем, сама увидишь.

Они и правда были похожи — две площади Безобразова. Берег реки. Площадь из пестрого бульжника. Дома полукругом. Но ни кружевных занавесок на окнах, ни герани, ни вальяжных котов. Все просто, строго, ничего лишнего. Здесь живут драгоценные.

В центре площади тот же черный кратер. И сейчас его плотным кольцом облепили музы. Вокруг кратера неспешно прохаживаются альбинаты.

— Боже! — вырвалось у Саши, — Что здесь происходит?

Савва хотел что-то ответить, но промолчал.

Музы стояли безмолвно, впиваясь голодными глазами в черную глубь кратера, некоторые тревожно оглядывались.

— Зачем они здесь? Что сейчас будет? — не отставала Саша.

— Их будут кормить. — тихо сказал Савва.

— Я думала, музы питаются инспирией...

— Так и есть.

— Но источник же... Да объясни ты толком! — разозлилась Саша, — хватит говорить загадками!

— Хочешь знать? Слушай. — произнес он так жестко, что Саша вздрогнула, — Да, инспирии нет. Чтобы музы не умирали с голоду и не перекидывались в азум, их подкармливают. В Черной горе есть озеро. Вместо воды там — несозданное, незавершенное, брошенное. То, что умерло, не родившись. Что сгнило, не успев прорасти. Черная, склизкая мерзость. Некра.

Несколько муз обернулись и посмотрели на них. Савва продолжал, понизив голос:

— Она сочится из-под Черной горы прямо в кратер, как вода в колодец. Это началось, когда умер источник. К счастью, Платон Леонардович придумал какой-то запирающий механизм, иначе некра залила бы весь Музеон.

— И музы едят эту... некру?

— Так же, как люди, — горько усмехнулся Савва, — от голода съедят что угодно.

— Во что же они превращаются... если питаются мертвечиной? — Саша передернулась от отвращения, — и на что могут вдохновить?

Она чувствовала себя обманутой. Как это зрелище было не похоже на ее чудесные сны, на мамины сказки, на ее фантазии! Даже Эола в Башне не была такой. Она вглядывалась в безжизненные лица, пытаясь хоть на одном из них разглядеть тот, изумивший ее нежный свет. Но ей не удавалось. Эти бедняжки были похожи на мертвецов.

И вдруг она заметила лицо... Человеческое — это точно. Саша уже научилась отличать муз. Даже полуживые от голода, они были по-особенному чисты, будто созданы из воздуха и света. И на лицах драгоценных она иногда замечала нечто похожее.

А этот совсем другой. Спутанные волосы, борода клоками. Под глазами темные круги. Взгляд затравленный, больной. Человек.

“Откуда он взялся? И где я могла его видеть? Как будто совсем недавно... В Москве? В Самородье?” — мучилась она, прячась за спинами муз. Появление незнакомца не предвещало ничего хорошего — возможно, он здесь по ее душу. Она опасно выглянула. Но человек уже скрылся. Как Саша не вытягивала шею — не могла снова разглядеть его в толпе.

— Полдень. — сказал Савва. — Сейчас начнется. Мы еще можем уйти.

— Нет, я хочу все увидеть! Пожалуйста...

— Я тебя предупредил. Не жалуйся потом. И Кларе не проболтайся.

Саша кивнула, не глядя на него. Она во все глаза следила за происходящим.

На площадь вышли трое альбинов, ровным шагом приблизились к кратеру. Саша на всякий случай отступила за спину Саввы.

— Можешь не прятаться. У этих долговязых две мысли в голове не помещаются. Им безразлично все, кроме задания.

— Какое счастье для меня...

Альбиновы оттеснили муз и встали вокруг кратера лицом к толпе на одинаковом расстоянии друг от друга. Один из них достал из поясной сумки здоровенный ключ, вставил его в отверстие на ободке фонтана, несколько раз повернул. Что-то заскрежетало, захрипело, раздались натужные механические вздохи, потом глухое бульканье где-то под землей. Саша

вздрыгнула, искоса глянула на Савву. Тот стоял спокойно, видимо не впервые наблюдал эту сцену.

Сашиных ноздрей коснулось мерзкое зловоние — несло тухлой рыбой, плесенью, старыми тряпками, кровью и еще чем-то неопишимо гадким. Это была та самая вонь, от которой она чуть не потеряла сознание в доме Кассандры. Голова кружилась, мучительными волнами подступала тошнота. Саша зажала нос, но легче не стало — пришлось дышать ртом, и это было еще хуже. Она прикрыла нос и рот рукавом — стало чуть легче. Она собиралась досмотреть все до конца.

Смрад между тем усиливался. К Сашиному ужасу, музы, сверкая глазами, тянулись к кратеру. Альбинаты сдерживали их, отталкивали от края, противными голосами призывали к порядку. Музы не слышали их и не замечали. Их безумные взгляды были прикованы к черной яме.

— Что там такое? — почему-то шепотом спросила Саша.

Савва не отвечал. Бледный до зелени, он не отводил глаз от кратера. Она поняла, что ответа не добьется, и, пряча лицо за рукавом, стараясь не вдыхать глубоко, шагнула ближе. Приподнялась на цыпочки, вытянула шею и заглянула в кратер.

В эту самую минуту из темной глубины поднялось нечто черное, студенистое, омерзительно блестящее. Некра. Медленно, лениво, как огромная пиявка она ползла вверх по стенкам кратера. Подземное чудовище, бесформенная тварь со смрадным дыханием.

Альбинат снова повернул ключ. Послышалось хриплое бульканье, черная жижа остановилась, чуть-чуть не достигнув краев. Белесая троица расступилась, и, отталкивая друг друга, музы бросились к кратеру. К Сашиному ужасу, своими тонкими, нежными руками они стали зачерпывать некру и с жадностью поглощать. Черная жижа стекала с их локтей, капала под ноги... Саша стояла и смотрела, не в силах отвести взгляд, не в силах шевельнуться. Ей казалось, вонь лишает ее способности двигаться, думать, принимать решения.

Спроси кто-нибудь сейчас как ее зовут — она бы не ответила.

Музы вперемешку с альбинатами поплыли по воздуху, растворяясь в подступающей темноте...

“Какие скользкие камни.” — вяло шевельнулось в голове. Чьи-то руки подхватили ее под локти. Савва успел вовремя. Еще немного — и она бы грохнулась.

— Хватит... — прошептала она, — уйдем...

Савва схватил ее за плечи и потащил прочь. Какое-то время Саша была сосредоточена только на том, чтобы удержаться на заплетающихся ногах. Через пару минут она поняла, что в обморок не упадет, но двигаться не было сил.

— Подожди... — взмолилась она, — не могу...

Она рухнула в траву на краю дороги. Савва сел рядом.

Несколько минут Саша просто пыталась дышать. Перед глазами стояла страшная картина, вызывая новые приступы тошноты. Одежда, волосы — все пропиталось этой душой выворачивающей вонью.

— Как я теперь буду спать? Только глаза закрою — и опять оно...

— Пройдет. У меня тоже в первый раз так было.

— Кошмар какой...

— Прости. Не думал, что на тебя так подействует. Мог бы догадаться.

— Зачем же... зачем их травят? — чуть не плакала Саша

— Чтобы от голода с ума не походили. И не попрыгали в болото.

— Лучше уж в болото! Я теперь понимаю, почему Эола...

— Больше так не говори. — оборвал ее Савва, тревожно оглядываясь, — Ничего ты не понимаешь!

Саша посмотрела на него внимательно и не стала возражать.

“Может я и правда ничего не понимаю, — размышляла она, — но... вот они этого наелись. Пойдут к людям. И что будет? Что люди смогут создать... из этого?”

Она сидела, безвольно уронив руки, тупо уставившись на серый камешек возле своего ботинка.

Наконец, ей стало легче, она поднялась с земли.

— Пошли?

— Да. Только давай пройдемся, подождем пока там все закончится. А то опять начнешь в обморок падать.

Она покорно согласилась. Сил не было спорить. Дурнота отступила, ее сменило тупое оцепенение. И нечто тревожное, неприятное цепляло, как обломанный ноготь. Что же это? Ах, да! Человеческое лицо... Она уже хотела спросить Савву, не заметил ли он человека в толпе, но осеклась. Что-то подсказывало ей — чем меньше она говорит, тем для нее же лучше.

Бэлла подмела на кухне пол, перемыла и убрала посуду. Не выпуская из рук сырого полотенца, тяжело опустилась на табурет, взглянула на часы. Пора было приниматься за готовку — кто-нибудь из драгоценных обязательно зайдет на обед, а у нее нет ничего. Но она все сидела, устало сгорбившись и мрачно глядя на корзину с овощами.

Как она устала! Никто не догадывается, как ненавистны ей эти лук и капуста, и тяжелые кастрюли, и ларь с мукой, и печка, и метла! Переехав в Кларин дом, она увязла в трясине бессмысленных дел, однообразных, не приносящих радости.

С ней случилось страшное — она начала забывать, кто она такая, кем была раньше, зачем живет на свете. Но что поделаешь — она нужна Кларе... Пропадет она без нее — Кассандра так и сказала.

— Расселась... Забыла совсем!

Бэлла с усилием поднялась, достала из кармана передника холщовый мешочек, быстро сложила туда несколько пирожков, пару печеных картофелин и кусок сыра. Сунула маленькую баночку варенья.

— Что еще? Яблоки? Сливы? В саду наберет. — пробормотала она.

Тяжело ступая, хромя сильнее обычного, она вышла в сад. Придется сделать крюк, чтобы обойти грядки с травами. Она много лет выращивала их с любовью и заботой, и они платили ей благодарностью. А теперь ей стыдно подходить к ним, они заброшены, зарастают снытью и смотрят на нее с укором.

— Скучаете без меня? — шептала она, — Ничего, ничего, закончится это... Потерпите, мои хорошие. Я тоже жду, не дождусь...

Лучше не подходить к ним совсем. Как потом уйти? А она нужна Кларе... Теперь еще за девицей этой присматривать, чтобы не влезла куда не надо. Вчера вон, чуть в тайный сад не забралась...

Бэлла вошла в темную, укромную часть сада.

Сквозь ветви деревьев замаячила серая стена. А на ней...

— Это что еще такое? — она ускорила шаг, насколько позволяла ее больная нога.

Приблизившись к стене, она тихо ахнула и уронила сверток — на сером камне углем и охрой было нарисовано лицо. Женщина вполоборота. Вьющиеся темные волосы. Очень похожа на Сашу.

Бэлла тревожно обернулась — не увидел бы кто! Убрать скорей!

— Кого ж он рисует-то теперь? — растерянно спросила Бэлла у портрета, — Тебя или ее?

Она притащила ведро с водой и тряпку и стала быстро смывать рисунок пока никто его не увидел.

— Давно он не чудил... — бормотала она, энергично орудуя тряпкой, — плохо дело!

ГЛАВА 16. Мэтр, поэтесса и кое-кто еще

Музеон. Удивительный город, человеку не создать ничего подобного. Здесь бился Пегас с Великой Прорвой, здесь кипела земля и пузыри обращались в камень.

Мостики над небольшими речками, дороги, дома, улицы, площади, беседки — все мягкое, перетекающее, волнистое, словно вода и ветер гладили эти стены много веков.

Но до чего же запутанный город! Самый настоящий лабиринт.

Саша даже не пыталась запомнить дорогу — все равно не получится. Тем более, что Савва отлично ориентировался в сплетении переулков, а гулять здесь в одиночестве Саша не собиралась. Наконец они вынырнули на более-менее привычное ее глазу пространство — небольшая речушка, через нее переброшен изогнутый мостик.

— Перейдем через мост и мы на месте.

— Наконец-то! Но я думала, библиотека на площади Безобразова.

— Только та часть, которая выходит в Самородье.

А основное крыло — в Музеоне.

— Как это? Она сразу в двух местах?

— Просто запомни. Потом разберешься.

Можно было ожидать, что библиотека будет похожа на огромный дождевик, но внушительное здание выглядело вполне рукотворным. Саша втайне на это надеялась и теперь обрадовалась, будто домой попала.

Что-то родное чувствовалось в высоченной, тяжелой двери с массивной бронзовой ручкой, в позеленевшем от времени хриплом колокольчике. А когда Саша вдохнула чудесный аромат старой бумаги, пыли, сухого дерева — библиотечный запах, для Саши почему-то всегда чуть отдающий шоколадом, то впечатления этого кошмарного утра почти рассеялись.

Все пространство первого этажа занимал читальный зал. Стены, до самого сводчатого потолка заняты стеллажами, высоченные окна открыты, ветер надувает лиловые шторы. Вместо привычных рядов столов с лампами, как в обычных библиотеках, здесь креслица со светильниками на спинках — изобретение Платона Леонардовича, как мимоходом заметил Савва. Ближе к стеллажам, по периметру зала — продавленные диваны, обитые потертой кожей, возле них длинные низкие столики. На столиках угрожающе крелятся стопки книг, кое-где они рассыпались и затихли беспорядочными кучами. На одном столике тоскует большая зеленая чашка с растрескавшейся от времени кофейной гущей и огрызок печенья на блюдечке.

Горы книг по углам, на подоконниках, на диванах, в самых неожиданных местах. А те, что на стеллажах — торчат как попало, вверх ногами, задом наперед, большие вперемешку с крошечными. Толстый слой пыли покрывает все это безобразие, как сахарная пудра воскресный кекс.

На стене два старинных темных портрета укоризненно смотрят на царящий вокруг хаос — остриженный в кружок седой черноглазый старик со страшным шрамом на щеке и молодая женщина в простой белой рубахе. Очень похожа на Сашину маму, только волосы темно-рыжие.

— Ну и ну... — выдохнула Саша. — Такого даже в моей комнате не бывает.

— Подумаешь, неубрано немножко... — беспечно ответил Савва. — Филибрум сам не

может, ты же знаешь. Ладно уж, так и быть, помогу тебе.

— Поможешь? С чего вдруг? Это моя война.

— Клара попросила. Послезавтра здесь Декаденция встречается со своими подопечными. Поэтическими музами. — усмехнулся Савва, — Будет обучать их тонкостям ремесла.

— Ах вот как! А я — то думала... И что, неужели кто-то придет ее слушать?

— Не протолкнуться будет.

— У нее столько подопечных?

— Не в этом дело. Слух прошел, что в честь этого события гостей будут угощать инспирией... Поэтому придут все, кто сможет.

— Инспирией? — нахмурилась Саша, — и где она ее возьмет?

— Здесь, в подвалах, глубоко под землей есть тайный колодец. — объяснил Савва. Он существует с незапамятных времен. И там осталось немного. На дне. Ее берегут для особых случаев. И для Клары. Ей нельзя совсем без инспирии... — добавил он, будто оправдываясь, — А Декаденция решила заманить побольше публики, вот и упростила Клару.

— Как это гнусно!

— Совершенно согласен с вами! — слышалось из-за лиловых портьер в глубине зала. Опираясь на неизменную трость, вышел Филибрум. Наконец-то Саша смогла его как следует рассмотреть. Худой неимоверно, но спину держит прямо, как танцор, кудрявая голова белая, аж светится, а глаза черные и хитрые. Он улыбнулся Саше:

— Но если музы получают хоть глоток инспирии, то скажем Декаденции спасибо за эту невинную хитрость. Рад видеть вас здесь, ребятки! Видите, что творится — он обвел бледной рукой библиотечный разгром, — мне ни за что не справиться с этим одному... А Декаденция дама нежная, станет расстраиваться...

— Вон она! — Савва кивнул в окно и мрачно добавил, — давно ее не было...

Декаденция впорхнула в зал как райская птица, в чем-то легком и переливчатом. С плеча продуманно струился бирюзовый шелковый палантин.

— Добрый день, глубокоуважаемая, счастлив вас видеть! — склонил седые кудри Филибрум.

— Здравствуйте, мэтр! Как ваша нога? Все уже готово? — на одном дыхании, без пауз прощбетала Декаденция, не удостоив Сашу и Савву даже взглядом.

— Благодарю! Нога все так же, и это уже хорошо. Подготовкой же займется вот эта очаровательная барышня.

Поэтесса прищурилась на Сашу.

— Ах, эта... да, я припоминаю, она будет заниматься здесь... как это... полезным делом! Плохая идея. Вряд ли девочка способна осознать всю важность предстоящего события.

Саша собралась уже поставить на место нахалку, но Филибрум ее опередил.

— Уверю вас, дорогая, она устроит все наилучшим образом! У нее бездна вкуса! Она не пожалеет сил для величайшей поэтессы!

Декаденция расстроилась.

— Мэтр, дорогой мой, сколько раз я просила не произносить это гадкое слово, когда речь идет обо мне! Я — поэт!

Филибрум изобразил ужас и зажал себе рот обеими руками, уронив палку. Потом прижал руки к сердцу.

— Тысяча извинений, но я позволил себе употребить феминитив лишь для того, чтобы подчеркнуть вашу принадлежность к прекрасному полу. Его и прекрасным стоит назвать за одно то, что вы к нему принадлежите.

Декаденция смягчилась.

— Вы бы меня еще тогда куратриссой назвали! — кокетничала она.

Сильный удар в окно заставил всех вздрогнуть. Уцепившись когтями за раму, бил крыльями о стекло здоровенный ворон.

— Невермор, старый бродяга! — обрадовалась Декаденция. — Сопровождает меня повсюду. Он так привязан ко мне!

— Это он вам так сказал? — хмуро спросил Савва, подавая Филибруму оброненную трость.

Декаденция оставила вызов без внимания.

— Мы встретились на берегу озера, и он последовал за мной. — продолжала она, делая загадочное лицо, — Так и не смог со мной расстаться! Я нарекла его Невермор, в память об одном моем подопечном — продолжала Декаденция, Но не будем называть имен... Это совершенно мистическая история, просто невероятная! Впрочем, — добавила она деловито, — пожалуй, я расскажу о ней послезавтра. Пусть ее услышат все!

Савва тихонько хрюкнул и на всякий случай кашлянул пару раз. Филибрум вежливо слушал, почесывая мочку уха.

— Однако, я с вами болтаю, а время не ждет! — поэтесса укоризненно взглянула на слушателей, будто именно они тратили попусту ее время, — Оно утекает сквозь пальцы и не вернуть его! Мне нужно готовиться — завтра Агафьин день! Милая Амалия упросила меня принять участие, и я не смогла отказать! Такая уж у меня натура. Я буду читать экспромт, приходите и вы! — бросила она через плечо в Сашину сторону. — Впрочем, лучше не надо — вы не успеете все здесь подготовить. Дорогой мэтр, умоляю, проследите, чтобы все было как надо!

Она тряхнула золотистой клумбой на голове, взмахнула палантином как крыльями и упорхнула.

Секунду стояло напряженное молчание. Саша, не выдержав, хихикнула, и, перехватив озорной взгляд Филибрума, расхохоталась. Мэтр укоризненно покачал головой, но больше для порядка. Он тоже улыбался. Савва мрачным взглядом в окно провожал Декаденцию.

— Что еще за история? При чем здесь ворон? Невермор... — Саша вытирала слезы, все еще похохатывая, — Она с Эдгаром По, что ли, встречалась? Сколько же ей тогда лет? — эта мысль вызвала новый приступ смеха. — Я думала, драгоценные так долго не живут...

— Врет она, как сивый мерин! — взорвался Савва.

Саша осеклась — что-то уж слишком его взволновала глупая болтовня поэтессы.

— Не знаю, куда она ездила и с кем встречалась, но... если Невермор и был к кому-то привязан, то к Кассандре! Это на его нашла. Она мне сама рассказывала. Он был болен, погибал от голода. Она его вылечила... А эта — он метнул в окно взгляд полный ненависти — пользуется тем, что Кассандры нет...

— Савва! — прикрикнул Филибрум, — так нельзя!

— А ей можно? — не унимался Савва, — Невермор ищет Кассандру, тоскует... Разве она может это понять? Называет себя поэтом, а сама не чувствует ничего...

— Савва! — тихо проговорил Филибрум, — Хватит. Тебе нельзя произносить такое вслух. Тебе даже думать об этом не положено.

Савва покраснел, как будто его поймали на чем-то непристойном, резко отвернулся. Притихшая Саша с изумлением наблюдала эту сцену. Филибрум повернулся к ней, улыбнулся.

— Не волнуйтесь, Сашенька, дело житейское. Народ у нас необычный. Мы все странные на первый взгляд. Но тому есть причины, поверьте. Декаденция живет в мире своих фантазий, — продолжал он без улыбки, — путает их с действительностью. Не судите ее строго. Когда-то она была великолепна... Итак, ребятки, — печальное лицо Филибрума посветлело, — времени у нас не то чтобы в обрез, но и не богато. От меня проку — сами видите. — он виновато развел руками, — Но обращайтесь ко мне с любыми вопросами. Савва, ты поможешь Саше?

Савва не ответил. Он смотрел в одну точку, а на его лице появилось то самое выражение, что поразило Сашу вчера, возле озера...

— Савва!

— Что? — он словно проснулся, — А... да, конечно. Помогу.

— Ну вот и хорошо. Все, что нужно для уборки, вы найдете там — длинный палец, похожий на кусок школьного мела указал на маленькую, в половину роста дверцу в углу под лестницей. Прихрамывая и морщась от боли, он ушагал за портьеру.

Савва внезапно оживился.

— Давай так, — живо начал он, сверкая глазами, — я принесу воды и покажу, где что лежит. Ты пока займись книгами и пылью, а я вернусь через часок, расставлю стулья, притащу кресла, если не хватит, ну и... доделаю все остальное. А потом мы вместе вытащим и сожжем мусор.

— Ты же сказал, что ничем не занят, — подозрительно прищурилась Саша.

— Я не так сказал. Всего час. Ну два! — он уже был будто где-то в другом месте.

— Помоешь пол. — отрезала Саша.

— Я?

— А кто?

— Договорились.

— Ладно уж. Иди.

Савва радостно бросился вон, грохнув дверь. Притащил откуда-то с заднего двора два помятых ведра с водой. Он вдруг переменялся. Глаза его сияли, бледные щеки порозовели, даже тусклые темные волосы заблестели.

Саше эта перемена казалась подозрительной.

— Тряпки, щетки, стремянка — там. — он показал на дверцу в углу, — Все, я побежал.

— На свидание? — деланно-равнодушно бросила Саша

— На репетицию. — покраснел Савва.

— Ясно.

— Что тебе ясно? Просто Карл Иваныч... — бормотал Савва, безуспешно пряча улыбку до ушей.

— Конечно, я понимаю... — улыбнулась Саша. — Карл Иваныч.

Дверь за Саввой с грохотом захлопнулась.

— Врет. — вполголоса сказала Саша. — К этой своей побежал...

Саша не хотела признаваться самой себе, что мысль о Саввином свидании ее раздражает.

"Дело вовсе не в свидании, — убеждала она себя, — а в том, как резко он вдруг

переменил свои планы. Да и что это за свидание! Все равно что с нотной тетрадью!"

— Ладно. Время не ждет. — она постучала ногой по ведру, полюбовалась кругами на воде. Вздохнула. — Где там у нас тряпки и щетки? Займемся уже полезным делом.

Савва выскочил из библиотеки, перелетел через мостик и помчался кривыми окольными тропами через город обратно. Можно было вернуться через библиотеку напрямик в Кларин сад, но ему не хотелось лишней раз там мелькать, давать возможность догадываться о том, куда и зачем он так спешит.

Через город — это, конечно, потеря времени. А когда речь идет о встрече с Цинциноллой, каждая минута стоит часа. Но он должен хранить свою тайну. Он не имеет права... он ни на что не имеет права. Но он вырвет, выхватит свое, ценой десяти бесценных минут, разбитой коленки и растянутого сухожилия.

Он знал город, как дырочки на собственной флейте, мог пересечь его любой дорогой даже с закрытыми глазами, ни высокие заборы, ни нагромождения каменных домов-пузырей не были для него препятствием. Только бы никто не догадался, лишь бы никто не увидел...

Через лес можно прямой дорогой попасть на их тайное место. Она придет туда, всегда приходит. Она чувствует его приближение, так же, как он ее.

Еще утром все было скучным, душным и ненужным.

И вдруг — это чувство золотистой пылицы возле сердца! Это она вспомнила о нем, позвала! И он все бросил, сорвался, вызвав неудовольствие и подозрение у Саши. Да какое там подозрение — сразу догадалась! Соображает она, конечно, отлично, но недалекая, как все люди. А ее манера смотреть с насмешкой... как же бесит этот взгляд! Разве девчонка, выросшая у мамы под крылышком может понять... То, что дает ему Цинцинолла даже близко нельзя сравнить с той ерундой, о которой она думает. Да и не только она, никто не поймет — ни муза, ни человек, ни драгоценный.

” Для этого надо родиться мной... “ — с горечью думал Савва, — “надо быть выброшенным собственной матерью, как досадная помеха.”

Музы не бросают своих детей — никто не захочет по доброй воле избавиться от драгоценного. Драгоценный — сам по себе счастье, редкий, щедрый дар. Наверное с ним что-то не так, если его мать предпочла избавиться от него, подбросить в Музеон и остаться там, рядом с человеком. Гордый, самолюбивый мальчик читал это, как ему казалось, на лицах окружающих. С ними-то все было в порядке. Их матери-музы гордились ими, обожали их. А его никто не любил по-настоящему. Его игрой восхищались, его ценили, но всегда, как ему казалось, с оттенком высокомерия.

“ Что-то с этим мальчиком не так...” — так ему виделось, так он чувствовал. Стыд. Горечь. Печаль. С них началось его осознание себя. И жизнь его была бы совсем невыносимой, если бы не Цинцинолла.

Когда тоска подступала угрожающе близко, уничтожала звуки, цвета и запахи, он переносился мыслями в их первый день, точку отсчета его настоящей жизни. Он был ярким, тот день, много ярче, чем сегодняшний.

Савва закрывал глаза — и слышал жужжание насекомых, похожее на настройку инструментов в оркестровой яме, вздохи ветра, шорох травы. Пыльца мазала ему пальцы и одежду, он чувствовал запах луга — свежий и душный одновременно. А на языке он ощущал нежно-сладкую точку — капельку меда из розовой трубочки клевера.

И себя он мог увидеть — вот он идет бродить, подальше от снисходительной,

прохладной доброты. Идет на луг, на озеро, в лес, хотя Карл Иванович строго-настрого ему запрещает гулять в лесу и возле озера. Он бродит и слушает — шорох листьев, стрекотание кузнечиков, шуршание песка под ногами. Его крупные, чуть оттопыренные уши невероятно чутки — даже звук падения лепестка летним днем, или парения снежных хлопьев зимней ночью могут они уловить. Савва очень любил снежную музыку, она напоминала ему тихий, нестройный перезвон далеких колокольчиков.

Иногда он доставал из кармана пан-флейту — подарок Карла Ивановича. Он всегда носил ее в кармане, скрипку ведь не потащишь с собой! А флейта маленькая, легкая — то, что надо. Он пытался подыграть тому, что слышал. Вплести осторожный, тихий узор там, где это не нарушило бы гармонию. Иногда получалась мелодия. Вернувшись домой, он повторял эту мелодию для Карла Иваныча. Конечно, это было совсем не то. Все равно, что плоскими, непослушными словами пересказать чудесный сон. Но Карл Иваныч был серьезен, слушал внимательно, просил повторить то же самое на скрипке, на рояле... Савва повторял — ему было все равно на чем играть.

Карл Иваныч его хвалил, гордость светилась в его взгляде. Все вокруг знали, что Савва — гениальный музыкант. Ему это было немножко приятно, но даже восторг и признание не могли заглушить тоски. Она отравляла любую мысль, любое переживание, ничто приятное или веселое не захватывало его целиком. И улыбка не задерживалась дольше пары секунд на его бледном, непроницаемом лице, и темные, бархатные глаза оставались печальны.

И вот однажды, бродя по лугу, весь уйдя в звуки, он услышал нечто необычное — чье-то дыхание. Услышал так отчетливо, что вздрогнул и обернулся — ему показалось, кто-то подкрался и встал за спиной. Но он был один. Ветерок лениво пошевеливал траву и огромные белые маки, вдалеке темнел лес. Никого вокруг. И все же он слышал дыхание — легкое, ровное, нежное. Он пытался понять, откуда плывет звук, и не мог. Звук был повсюду. Казалось, дышит небо, земля, пространство.

Тихо, медленно, боясь спугнуть наваждение, он вытянул из кармана флейту, поднес к губам и отдал ей свое затаенное дыхание. Оно скользнуло сквозь флейту и сплелось с тем, неземным. Он снова вздохнул, и снова...

И с каждым вздохом отступала, таяла тоска. Ему казалось, он выдыхает свою печаль и вдыхает радость и свет.

Неподалеку заволновалась трава. Савва очнулся, опустил флейту. Бледноволосая девушка приподнялась среди цветов и травы и посмотрела на него. Конечно, это была муза — полупрозрачные локоны, особое свечение кожи, глаза, словно наполненные озерной водой — ни люди, ни драгоценные не бывают такими. Но Савва никогда не видел ее в городе. И ничего более прекрасного он не видел.

— Это ты играл?

— Я...

— Сыграй еще...

Он поднес к губам флейту и выдохнул в нее все, что переполняло его. Он слышал себя и понимал, что никогда еще его флейта не звучала так.

И муза запела в унисон с его флейтой, почти не размыкая губ. Казалось звук исходит от ее волос, глаз, даже от ее тени, и обвивается вокруг его мелодии.

Савва не мог бы сказать, сколько это продолжалось, но когда он, обессиленный, опустил флейту, и растаял последний отзвук волшебного голоса музыки, он услышал то, чего не слышал никогда — абсолютную тишину. Ветер, трава, жуки, цветы и птицы — все

замерло, затихло.

Он был оглушен тишиной. И незнакомым до этой минуты чувством — его душа была до краев наполнена радостью. Ни капли тоски не осталось в ней. Он улыбался.

— Кто ты? — спросила муза.

— Я... Савва. — он не знал, что еще сказать. И улыбка мешала. Муза провела рукой по его голове, растрепала волосы, слегка коснулась огромного уха.

— Шелковый... — чуть улыбнулась она и добавила тихо — драгоценный...

Он опустил глаза.

— Приходи еще. — она поднялась на ноги, светлые кудри закрыли ее до колен, их подхватил очнувшийся ветер, бросил легкую прядь ему в лицо.

— Я — Цинцинолла, — сказала она, обернувшись. Направилась к лесу и исчезла в его тени.

С тех пор он приходил каждый день на их место, и начинал играть, и появлялась Цинцинолла и пела вместе с его флейтой. Он жил ради этих минут.

Иногда она пропадала на несколько дней, и он томился неизвестностью, бродил по лугу, мучил свою флейту, злился — все было не то, все не так. И тоска возвращалась и душила его. Он понимал — только рядом с Цинциноллой живет его радость и расцветает его дар. Но настал день, когда он узнал, кто она такая, узнал ее историю.

Пария... Муза, помимо своей воли разрушающая таланты. Сначала он испугался. Потом свыкся с этой мыслью, сам удивляясь, насколько быстро. Впрочем, удивляться нечему.

Что проку в таланте, если он не приносит радости?

Значит ему нечего терять и бояться нечего. В этом он был уверен, так же, как и в том, что его жизнь лишена смысла без Цинциноллы. И он готов был на все, лишь бы не расставаться с ней никогда.

Вот и город позади. Савва приостановился перевести дух. Если забрать сейчас чуть вправо от дороги, можно будет обогнуть дом Клары и выскочить из леса совсем недалеко от их места. Тогда его точно никто не увидит. Нельзя, чтобы кто-то узнал. Малейшее подозрение может привести к катастрофе.

Он сошел с дорожки. Любой знает — в лесу, среди болотного мха ты в безопасности только на дорожке. Сошел с нее — все, что угодно может с тобой случиться. Но не было на свете силы, которая могла бы его сейчас удержать. Он ступил в мягкий пружинящий мох. “Не в первый раз, справлюсь, повезет!”

Он благополучно прошел пару десятков шагов, когда что-то стукнуло его по голове, и еловая шишка мягко плюхнулась ему под ноги. Он потер темечко, поднял голову.

Невермор. Сидит на ветке прямо над ним, смотрит пристально и хитро. Каркнул пару раз, растопыривая крылья и вытягивая шею. Савва обошел дерево стороной, не выпуская из вида ворона, но тот и не думал следовать за ним. Савва благополучно миновал дерево, опустил взгляд, и чуть не свалился в мох — перед ним стояло существо маленького роста, с чудовищно неправильной головой, поросшей серой шерстью вперемешку с древесным лишайником. Хухлик. Савва замер. Хухлики никогда не появляются просто так, без веской причины. Они трусливы и осторожны. И только если посулить им какую-нибудь мзду, хоть кусок засохшего сыра — они согласятся на что угодно.

И если перед ним хухлик, значит кому-то что-то очень нужно от него. Но кому? Драгоценные презирают хухликов, ни за что не станут иметь с ними дело. Хухлик сделал

приглашающий жест кривой, короткой лапкой, пяясь при этом вглубь леса. Савва шагнул за ним. Хухлик пробежал несколько шагов, обернулся, чтобы убедиться, что Савва идет следом, сделал зигзаг, огибая обросшие мхом корни. Савва не отставал. Хухлик юркнул под арку из корней. Савва шел следом и понимал, что делает глупость. Идти за хухликом опасно, не говоря уже о том, что утекает время. Но Невермор... Неспроста он здесь. Это может означать только одно.

Он шагнул под арку из корней — где же он, этот маленький негодяй? Еще шаг — и с треском и чавканьем зеленый пышный ковер провалился под ним.

ГЛАВА 17. В подземелье

Савва выскочил из библиотеки, перелетел через мостик и помчался кривыми окольными тропами через город обратно. Можно было вернуться через библиотеку напрямик в Кларин сад, но ему не хотелось лишний раз там мелькать, давать возможность догадываться о том, куда и зачем он так спешит.

Через город — это, конечно, потеря времени. А когда речь идет о встрече с Цинциноллой, каждая минута стоит часа. Но он должен хранить свою тайну. Он не имеет права... он ни на что не имеет права. Но он вырвет, выхватит свое, ценой десяти бесценных минут, разбитой коленки и растянутого сухожилия.

Он знал город, как дырочки на собственной флейте, мог пересечь его любой дорогой даже с закрытыми глазами, ни высокие заборы, ни нагромождения каменных домов-пузырей не были для него препятствием. Только бы никто не догадался, лишь бы никто не увидел...

Через лес можно прямой дорогой попасть на их тайное место. Она придет туда, всегда приходит. Она чувствует его приближение, так же, как он ее.

Еще утром все было скучным, душным и ненужным.

И вдруг — это чувство золотистой пыльцы возле сердца! Это она вспомнила о нем, позвала! И он все бросил, сорвался, вызвав неудовольствие и подозрение у Саши. Да какое там подозрение — сразу догадалась! Соображает она, конечно, отлично, но недалекая, как все люди. А ее манера смотреть с насмешкой... как же бесит этот взгляд! Разве девчонка, выросшая у мамы под крылышком может понять... То, что дает ему Цинцинолла даже близко нельзя сравнить с той ерундой, о которой она думает. Да и не только она, никто не поймет — ни муза, ни человек, ни драгоценный.

” Для этого надо родиться мной... “ — с горечью думал Савва, — “надо быть выброшенным собственной матерью, как досадная помеха.”

Музы не бросают своих детей — никто не захочет по доброй воле избавиться от драгоценного. Драгоценный — сам по себе счастье, редкий, щедрый дар. Наверное с ним что-то не так, если его мать предпочла избавиться от него, подбросить в Музеон и остаться там, рядом с человеком. Гордый, самолюбивый мальчик читал это, как ему казалось, на лицах окружающих. С ними-то все было в порядке. Их матери-музы гордились ими, обожали их. А его никто не любил по-настоящему. Его игрой восхищались, его ценили, но всегда, как ему казалось, с оттенком высокомерия.

“ Что-то с этим мальчиком не так...” — так ему виделось, так он чувствовал. Стыд. Горечь. Печаль. С них началось его осознание себя. И жизнь его была бы совсем невыносимой, если бы не Цинцинолла.

Когда тоска подступала угрожающе близко, уничтожала звуки, цвета и запахи, он переносился мыслями в их первый день, точку отсчета его настоящей жизни. Он был ярким, тот день, много ярче, чем сегодняшний.

Савва закрывал глаза — и слышал жужжание насекомых, похожее на настройку инструментов в оркестровой яме, вздохи ветра, шорох травы. Пыльца мазала ему пальцы и одежду, он чувствовал запах луга — свежий и душный одновременно. А на языке он ощущал нежно-сладкую точку — капельку меда из розовой трубочки клевера.

И себя он мог увидеть — вот он идет бродить, подальше от снисходительной,

прохладной доброты. Идет на луг, на озеро, в лес, хотя Карл Иванович строго-настрого ему запрещает гулять в лесу и возле озера. Он бродит и слушает — шорох листьев, стрекотание кузнечиков, шуршание песка под ногами. Его крупные, чуть оттопыренные уши невероятно чутки — даже звук падения лепестка летним днем, или парения снежных хлопьев зимней ночью могут они уловить. Савва очень любил снежную музыку, она напоминала ему тихий, нестройный перезвон далеких колокольчиков.

Иногда он доставал из кармана пан-флейту — подарок Карла Ивановича. Он всегда носил ее в кармане, скрипку ведь не потащишь с собой! А флейта маленькая, легкая — то, что надо. Он пытался подыграть тому, что слышал. Вплести осторожный, тихий узор там, где это не нарушило бы гармонию. Иногда получалась мелодия. Вернувшись домой, он повторял эту мелодию для Карла Иваныча. Конечно, это было совсем не то. Все равно, что плоскими, непослушными словами пересказать чудесный сон. Но Карл Иваныч был серьезен, слушал внимательно, просил повторить то же самое на скрипке, на рояле... Савва повторял — ему было все равно на чем играть.

Карл Иваныч его хвалил, гордость светилась в его взгляде. Все вокруг знали, что Савва — гениальный музыкант. Ему это было немножко приятно, но даже восторг и признание не могли заглушить тоски. Она отравляла любую мысль, любое переживание, ничто приятное или веселое не захватывало его целиком. И улыбка не задерживалась дольше пары секунд на его бледном, непроницаемом лице, и темные, бархатные глаза оставались печальны.

И вот однажды, бродя по лугу, весь уйдя в звуки, он услышал нечто необычное — чье-то дыхание. Услышал так отчетливо, что вздрогнул и обернулся — ему показалось, кто-то подкрался и встал за спиной. Но он был один. Ветерок лениво пошевеливал траву и огромные белые маки, вдалеке темнел лес. Никого вокруг. И все же он слышал дыхание — легкое, ровное, нежное. Он пытался понять, откуда плывет звук, и не мог. Звук был повсюду. Казалось, дышит небо, земля, пространство.

Тихо, медленно, боясь спугнуть наваждение, он вытянул из кармана флейту, поднес к губам и отдал ей свое затаенное дыхание. Оно скользнуло сквозь флейту и сплелось с тем, неземным. Он снова вздохнул, и снова...

И с каждым вздохом отступала, таяла тоска. Ему казалось, он выдыхает свою печаль и вдыхает радость и свет.

Неподалеку заволновалась трава. Савва очнулся, опустил флейту. Бледноволосая девушка приподнялась среди цветов и травы и посмотрела на него. Конечно, это была муза — полупрозрачные локоны, особое свечение кожи, глаза, словно наполненные озерной водой — ни люди, ни драгоценные не бывают такими. Но Савва никогда не видел ее в городе. И ничего более прекрасного он не видел.

— Это ты играл?

— Я...

— Сыграй еще...

Он поднес к губам флейту и выдохнул в нее все, что переполняло его. Он слышал себя и понимал, что никогда еще его флейта не звучала так.

И муза запела в унисон с его флейтой, почти не размыкая губ. Казалось звук исходит от ее волос, глаз, даже от ее тени, и обвивается вокруг его мелодии.

Савва не мог бы сказать, сколько это продолжалось, но когда он, обессиленный, опустил флейту, и растаял последний отзвук волшебного голоса музыки, он услышал то, чего не слышал никогда — абсолютную тишину. Ветер, трава, жуки, цветы и птицы — все

замерло, затихло.

Он был оглушен тишиной. И незнакомым до этой минуты чувством — его душа была до краев наполнена радостью. Ни капли тоски не осталось в ней. Он улыбался.

— Кто ты? — спросила муза.

— Я... Савва. — он не знал, что еще сказать. И улыбка мешала. Муза провела рукой по его голове, растрепала волосы, слегка коснулась огромного уха.

— Шелковый... — чуть улыбнулась она и добавила тихо — драгоценный...

Он опустил глаза.

— Приходи еще. — она поднялась на ноги, светлые кудри закрыли ее до колен, их подхватил очнувшийся Савва выскочил из библиотеки, перелетел через мостик и помчался кривыми окольными тропами через город обратно. Можно было вернуться через библиотеку напрямиком в Кларин сад, но ему не хотелось лишний раз там мелькать, давать возможность догадываться о том, куда и зачем он так спешит.

Через город — это, конечно, потеря времени. А когда речь идет о встрече с Цинциноллой, каждая минута стоит часа. Но он должен хранить свою тайну. Он не имеет права... он ни на что не имеет права. Но он вырвет, выхватит свое, ценой десяти бесценных минут, разбитой коленки и растянутого сухожилия.

Он знал город, как дырочки на собственной флейте, мог пересечь его любой дорогой даже с закрытыми глазами, ни высокие заборы, ни нагромождения каменных домов-пузырей не были для него препятствием. Только бы никто не догадался, лишь бы никто не увидел...

Через лес можно прямой дорогой попасть на их тайное место. Она придет туда, всегда приходит. Она чувствует его приближение, так же, как он ее.

Еще утром все было скучным, душным и ненужным.

И вдруг — это чувство золотистой пылицы возле сердца! Это она вспомнила о нем, позвала! И он все бросил, сорвался, вызвав неудовольствие и подозрение у Саши. Да какое там подозрение — сразу догадалась! Соображает она, конечно, отлично, но недалекая, как все люди. А ее манера смотреть с насмешкой... как же бесит этот взгляд! Разве девчонка, выросшая у мамы под крылышком может понять... То, что дает ему Цинцинолла даже близко нельзя сравнить с той ерундой, о которой она думает. Да и не только она, никто не поймет — ни муза, ни человек, ни драгоценный.

” Для этого надо родиться мной... “ — с горечью думал Савва, — “надо быть выброшенным собственной матерью, как досадная помеха.”

Музы не бросают своих детей — никто не захочет по доброй воле избавиться от драгоценного. Драгоценный — сам по себе счастье, редкий, щедрый дар. Наверное с ним что-то не так, если его мать предпочла избавиться от него, подбросить в Музеон и остаться там, рядом с человеком. Гордый, самолюбивый мальчик читал это, как ему казалось, на лицах окружающих. С ними-то все было в порядке. Их матери-музы гордились ими, обожали их. А его никто не любил по-настоящему. Его игрой восхищались, его ценили, но всегда, как ему казалось, с оттенком высокомерия.

“ Что-то с этим мальчиком не так...” — так ему виделось, так он чувствовал. Стыд. Горечь. Печаль. С них началось его осознание себя. И жизнь его была бы совсем невыносимой, если бы не Цинцинолла.

Когда тоска подступала угрожающе близко, уничтожала звуки, цвета и запахи, он переносился мыслями в их первый день, точку отсчета его настоящей жизни. Он был ярким, тот день, много ярче, чем сегодняшний.

Савва закрывал глаза — и слышал жужжание насекомых, похожее на настройку инструментов в оркестровой яме, вздохи ветра, шорох травы. Пыльца мазала ему пальцы и одежду, он чувствовал запах луга — свежий и душный одновременно. А на языке он ощущал нежно-сладкую точку — капельку меда из розовой трубочки клевера.

И себя он мог увидеть — вот он идет бродить, подальше от снисходительной, прохладной доброты. Идет на луг, на озеро, в лес, хотя Карл Иванович строго-настроено ему запрещает гулять в лесу и возле озера. Он бродит и слушает — шорох листьев, стрекотание кузнечиков, шуршание песка под ногами. Его крупные, чуть оттопыренные уши невероятно чутки — даже звук падения лепестка летним днем, или парения снежных хлопьев зимней ночью могут они уловить. Савва очень любил снежную музыку, она напоминала ему тихий, нестройный перезвон далеких колокольчиков.

Иногда он доставал из кармана пан-флейту — подарок Карла Ивановича. Он всегда носил ее в кармане, скрипку ведь не потащишь с собой! А флейта маленькая, легкая — то, что надо. Он пытался подыграть тому, что слышал. Вплести осторожный, тихий узор там, где это не нарушило бы гармонию. Иногда получалась мелодия. Вернувшись домой, он повторял эту мелодию для Карла Ивановича. Конечно, это было совсем не то. Все равно, что плоскими, непослушными словами пересказать чудесный сон. Но Карл Иванович был серьезен, слушал внимательно, просил повторить то же самое на скрипке, на рояле... Савва повторял — ему было все равно на чем играть.

Карл Иванович его хвалил, гордость светилась в его взгляде. Все вокруг знали, что Савва — гениальный музыкант. Ему это было немножко приятно, но даже восторг и признание не могли заглушить тоски. Она отравляла любую мысль, любое переживание, ничто приятное или веселое не захватывало его целиком. И улыбка не задерживалась дольше пары секунд на его бледном, непроницаемом лице, и темные, бархатные глаза оставались печальны.

И вот однажды, бродя по лугу, весь уйдя в звуки, он услышал нечто необычное — чье-то дыхание. Услышал так отчетливо, что вздрогнул и обернулся — ему показалось, кто-то подкрался и встал за спиной. Но он был один. Ветерок лениво пошевеливал траву и огромные белые маки, вдалеке темнел лес. Никого вокруг. И все же он слышал дыхание — легкое, ровное, нежное. Он пытался понять, откуда плывет звук, и не мог. Звук был повсюду. Казалось, дышит небо, земля, пространство.

Тихо, медленно, боясь спугнуть наваждение, он вытянул из кармана флейту, поднес к губам и отдал ей свое затаенное дыхание. Оно скользнуло сквозь флейту и сплелось с тем, неземным. Он снова вздохнул, и снова...

И с каждым вздохом отступала, таяла тоска. Ему казалось, он выдыхает свою печаль и вдыхает радость и свет.

Неподалеку заволновалась трава. Савва очнулся, опустил флейту. Бледноволосая девушка приподнялась среди цветов и травы и посмотрела на него. Конечно, это была муза — полупрозрачные локоны, особое свечение кожи, глаза, словно наполненные озерной водой — ни люди, ни драгоценные не бывают такими. Но Савва никогда не видел ее в городе. И ничего более прекрасного он не видел.

— Это ты играл?

— Я...

— Сыграй еще...

Он поднес к губам флейту и выдохнул в нее все, что переполняло его. Он слышал себя и понимал, что никогда еще его флейта не звучала так.

И муза запела в унисон с его флейтой, почти не размыкая губ. Казалось звук исходит от ее волос, глаз, даже от ее тени, и обвивается вокруг его мелодии.

Савва не мог бы сказать, сколько это продолжалось, но когда он, обессиленный, опустил флейту, и растаял последний отзвук волшебного голоса музыки, он услышал то, чего не слышал никогда — абсолютную тишину. Ветер, трава, жуки, цветы и птицы — все замерло, затихло.

Он был оглушен тишиной. И незнакомым до этой минуты чувством — его душа была до краев наполнена радостью. Ни капли тоски не осталось в ней. Он улыбался.

— Кто ты? — спросила муза.

— Я... Савва. — он не знал, что еще сказать. И улыбка мешала. Муза провела рукой по его голове, растрепала волосы, слегка коснулась огромного уха.

ветер, бросил легкую прядь ему в лицо.

— Я — Цинцинолла, — сказала она, обернувшись. Направилась к лесу и исчезла в его тени.

С тех пор он приходил каждый день на их место, и начинал играть, и появлялась Цинцинолла и пела вместе с его флейтой. Он жил ради этих минут.

Иногда она пропадала на несколько дней, и он томился неизвестностью, бродил по лугу, мучил свою флейту, злился — все было не то, все не так. И тоска возвращалась и душила его. Он понимал — только рядом с Цинциноллой живет его радость и расцветает его дар. Но настал день, когда он узнал, кто она такая, узнал ее историю.

Пария... Муза, помимо своей воли разрушающая таланты. Сначала он испугался. Потом свыкся с этой мыслью, сам удивляясь, насколько быстро. Впрочем, удивляться нечему.

Что проку в таланте, если он не приносит радости?

Значит ему нечего терять и бояться нечего. В этом он был уверен, так же, как и в том, что его жизнь лишена смысла без Цинциноллы. И он готов был на все, лишь бы не расставаться с ней никогда.

Вот и город позади. Савва приостановился перевести дух. Если забрать сейчас чуть вправо от дороги, можно будет обогнуть дом Клары и выскочить из леса совсем недалеко от их места. Тогда его точно никто не увидит. Нельзя, чтобы кто-то узнал. Малейшее подозрение может привести к катастрофе.

Он сошел с дорожки. Любой знает — в лесу, среди болотного мха ты в безопасности только на дорожке. Сошел с нее — все, что угодно может с тобой случиться. Но не было на свете силы, которая могла бы его сейчас удержать. Он ступил в мягкий пружинящий мох. “Не в первый раз, справлюсь, повезет!”

Он благополучно прошел пару десятков шагов, когда что-то стукнуло его по голове, и еловая шишка мягко плюхнулась ему под ноги. Он потер темечко, поднял голову.

Невермор. Сидит на ветке прямо над ним, смотрит пристально и хитро. Каркнул пару раз, растопыривая крылья и вытягивая шею. Савва обошел дерево стороной, не выпуская из вида ворона, но тот и не думал следовать за ним. Савва благополучно миновал дерево, опустил взгляд, и чуть не свалился в мох — перед ним стояло существо маленького роста, с чудовищно неправильной головой, поросшей серой шерстью вперемешку с древесным лишайником. Хухлик. Савва замер. Хухлики никогда не появляются просто так, без веской причины. Они трусливы и осторожны. И только если посулить им какую-нибудь мзду, хоть кусок засохшего сыра — они согласятся на что угодно.

И если перед ним хухлик, значит кому-то что-то очень нужно от него. Но кому? Драгоценные презирают хухликов, ни за что не станут иметь с ними дело. Хухлик сделал приглашающий жест кривой, короткой лапкой, пятясь при этом вглубь леса. Савва шагнул за ним. Хухлик пробежал несколько шагов, обернулся, чтобы убедиться, что Савва идет следом, сделал зигзаг, огибая обросшие мхом корни. Савва не отставал. Хухлик юркнул под арку из корней. Савва шел следом и понимал, что делает глупость. Идти за хухликом опасно, не говоря уже о том, что утекает время. Но Невермор... Неспроста он здесь. Это может означать только одно.

Он шагнул под арку из корней — где же он, этот маленький негодяй? Еще шаг — и с треском и чавканьем зеленый пышный ковер провалился под ним.

Яма оказалась глубокой. Убедившись, что падать больше некуда, Савва осторожно пошевелил руками, ногами. Плечо ушиб сильно. Ерунда, главное — пальцы целы. Куда он попал? Осторожно вытянул руку, нащупал каменную кладку. Колодец? Едва ли. Будь это колодец, он бы не отделался ушибленным плечом.

Кромешная тьма. И ни спичек, ни фонарика с собой. Он безо всякой надежды поворошил листву на дне. Кольцо. Люк? Уже что-то. С трудом, морщась от боли в плече, он чуть сдвинул тяжелую крышку. Из-под нее сочился слабый свет, такой бывает в тех местах, где живут жуки-фонарщики. Он лег на край люка, заглянул поглубже — влажные каменные ступеньки уползают вниз, в темноту. Хватаясь за прибитую к каменной стене цепь, скользя и оступаясь, он сполз на самое дно.

Узкий мрачный коридор. Мокро, склизко. Пахнет грибами и дохлой рыбой. Жуки-фонарщики ползают по сырým стенам, по угрожающе низкому потолку. Что ж, вперед, больше некуда. Света от фонарщиков хватает только чтобы шею не свернуть. Савва осторожно двигался вперед, пытаясь понять, куда ведет этот коридор, и что его может ждать за ближайшим поворотом.

— Храбрый мальчик — шепнул кто-то прямо у него за спиной.

Он взвился как кот, развернулся. Раздался звук зажигаемой спички, запахло серой и вспыхнул фонарь, ослепив на мгновенье. Открыв глаза, Савва увидел, что он стоит посреди небольшого грота. Еще он разглядел дощатый стол и два старых кресла. На одном из них сидела женщина. В колеблющемся свете фонаря Савва разглядел только короткие светлые волосы и холодные, бесцветные глаза.

— Что за...

— Извини за эту маленькую предосторожность. Я хочу быть уверена, что нам никто не помешает. — она указала ему на пустое кресло. Он не двинулся с места.

— Вы кто такая?

— Кто я такая — тебе знать не обязательно. Достаточно того, что я знаю, кто такой ты. Впрочем, если хочешь, можешь называть меня Светланой.

— Что вам от меня надо?

— Рассказать тебе историю. — как ни в чем не бывало ответила она.

“Ненормальная” — решил Савва.

— Мне некогда слушать истории. Я тороплюсь. Как мне отсюда выйти? — сказал он, стараясь, чтобы голос звучал как можно спокойнее. У него почти получилось.

— Торопиться тебе некуда. Она не придет. — нежно проворковала Светлана.

— Что вам надо? — повторил он. Ему вдруг стало холодно.

— Будешь слушать? — она снова кивнула на кресло.

Савва нахмурился и прислонился к стене, скрестив руки на груди. Светлана улыбнулась.

— Ну вот, другое дело.

Она закинула ногу на ногу, опустила руки на подлокотники. Неспешно заговорила.

— Есть музыкант. Он гениален. Он великолепен. Настолько великолепен, что находится под охраной Музеона. И есть муза в человеческом обличьи. Она могла бы получить тщедушное тельце старой бабки и помогать какому-нибудь ремесленнику расписывать посуду. Но она получила прекрасный человеческий облик. И отправилась вдохновлять гения.

Савва затаил дыхание.

— Не всякому гению выпадает такая удача и не всякой музе. Но им повезло — их союз был счастливым и плодотворным. И случилось так, что муза полюбила своего гения. И так велика была ее любовь, что вскоре на свет появился мальчик. Подобное случается редко. И уж если случается, то ликует Музеон, ибо драгоценный — дитя человека и музыки — редчайший дар. Он наделен необыкновенными способностями. Он больше, чем человек и больше, чем муза. И по закону он должен вернуться в Музеон.

Светлана сделала паузу, пристально глядя на Савву.

Он так и стоял, привалившись к стене. Молчал. Лицо его было неподвижно. Казалось, он ее не слышит.

Она улыбнулась и продолжала сладким, усыпляющим голосом:

— Но привязанность музыки к своему гению оказалась непреодолима. Она не пожелала покидать его. Решила не возвращаться в Музеон, а провести с ним обычную человеческую жизнь. Но если бы ее сын остался с ней, то рано или поздно в Музеоне узнали бы, что в мире людей живет драгоценное дитя. Скрыть такое невозможно. И тогда суровая кара ждала бы ее. Музы не должны нарушать кодекс.

И однажды темной ночью явилась она в Музеон, никем не замеченная, и оставила мальчика в корзине на пороге дома одного музыканта.

— Кто вы такая? — с трудом проговорил Савва.

— И снова неправильный вопрос. — поморщилась Светлана, — Слушай и не перебивай.

В корзину она положила записку с именем младенца и драгоценный камень — красный гранат на черном шелковом шнурке. И когда музыкант обнаружил младенца на своем пороге, то понял, что перед ним драгоценное дитя, и взял его к себе, и воспитывал как родного сына, и учил всему, что умел сам. А умел он немало — он тоже был драгоценным.

Мальчик рос. Он был прекрасен — унаследовал красоту своей матери... — Светлана поднялась с кресла, подошла к Савве,

— Кудри его были как шелк, глаза как бархат... — она потрепала его по волосам. Он дернул головой, сбросил ее руку. Она тихонько засмеялась, вернулась в свое кресло.

— Я увлекаюсь. Начинаю говорить штампами. Тем более, что это не так уж важно, правда? Ведь мальчик получил еще один дар, куда более щедрый. Музыкальный гений своего отца. Когда он играл, музы танцевали вокруг него, и, зачарованные, шли за ним куда угодно. Но мальчика это не радовало. Он страдал от того, что брошен собственной матерью, и ничто не могло исцелить его печаль...

Хочешь знать, что было дальше? — вкрадчиво спросила Светлана.

— Хватит! — не выдержал Савва, — Я знаю, что дальше! Зачем это все?

— Не торопись. Узнай сначала, что я хочу тебе предложить. — ее голос стал резким и холодным. Светлые глаза блеснули ледяным светом.

— Цинцинолла навек станет твоей музой. Не уйдет ни к кому и никогда. И я устрою так, что она будет жить в Музее, несмотря на свою... особенность. И никто ее не тронет. Это первое.

— А второе?

— Ты узнаешь своих родителей. — просто сказала Светлана, — И встретишься с ними. Если захочешь.

— И что же я должен сделать? — еле слышно спросил он.

— О! Совсем чепуху. Продать душу. — хихикнула Светлана, — Да не пугайся, дурачок! Шучу.

Улыбка сползла с ее лица и она проговорила, глядя ему в глаза:

— Ты должен сделать так, чтобы одна заблудшая овечка по доброй воле явилась в Поганую Яму.

— Подождите... Светлана, вы сказали? та самая Светлана...

— Да, я та самая Светлана. — просто ответила она.

С самого начала, едва увидев эту женщину, он смутно чувствовал, о чем пойдет речь и зачем его сюда заманили. Но предположить такого он не мог. Как просто!

На одной чаше весов Цинцинолла и его родители. На другой — Саша. Почти незнакомая, чужая. Какие здесь могут быть сомнения?

Надо послать подальше эту белобрысую дрянь и уйти, но холодный свет глаз пронизывает его насквозь, сковывает волю.

— Зачем она вам? — лишь на такой протест ему хватило сил.

— Все, что тебе нужно знать — ты узнал. От себя могу добавить, что моя хозяйка всегда держит слово.

— Хозяйка? А почему она не пришла сама?

— Она появится, когда сочтет нужным. Она хочет быть уверена, что не потратит на тебя время попусту.

— А я хочу знать, зачем вам Саша.

— Ну что ж. — задумчиво произнесла Светловолосая. — Ты прав. Родители — это такая скука!

Савва молчал.

— И помощь муз драгоценным не нужна. Тем более таких... особенных муз.

— Где здесь выход?

— Вперед и налево — спокойно ответила Светловолосая.

Савва, не сказав ни слова, пошел вперед, в темноту.

— Забыла упомянуть об одной мелочи! — услышал он за спиной и замедлил шаг, — Вместе с красотой мальчик унаследовал от матери склонность к сильным привязанностям. Опасное качество для драгоценного, ты не находишь? А уж если драгоценный привязался к парии... Страшно подумать, что будет, если кто-нибудь узнает.

Он остановился. Обернулся. Светловолосая улыбалась.

— Три дня тебе на раздумья. Цинциноллу можешь не искать. Не найдешь. — нежно произнесла она, — А хоть слово кому-нибудь скажешь... — светлые глаза вспыхнули. — Ты умный мальчик, сам догадайся, что будет. Как думаешь, твоей музе понравится Город Мертвых Талантов?

ГЛАВА 18. Еще один человек

Возня с книгами нравилась Саше, но на душе по-прежнему висела черная туча. Она по самые уши влипла в какую-то странную историю, и ни на шаг не продвинулась в поисках мамы. А как продвинешься, если ни на один вопрос она не получает вразумительного ответа, говорят все исключительно загадками, и, похоже, сами не очень-то понимают, что происходит?

Нет, от драгоценных толку не добьешься, придется ей брать дело в свои руки. Отличная идея, осталось только придумать, как ее воплотить.

“Всего-то ничего!” — с мрачной иронией подумала Саша.

Она водрузила на полку очередную порцию книг и рухнула в ближайшее кресло взглянуть со стороны на дело рук своих. Что ж, теперь библиотека выглядит вполне прилично. Только пол вот... м-да. Затоптанный, в мокрых и грязных разводах. Впрочем, это уже не ее дело. Савва обещал его помыть, вот пускай и моет. А она с легкой душой может отсюда улизнуть — задание-то выполнила. Но нехорошо уходить, не сказав Филибруму. И, если совсем честно, хочется дождаться Савву. Зачем? Саше не хотелось копаться в себе. Начнешь — и неизвестно до чего докопаешься. Но она все придумывала себе маленькие, бессмысленные дела, чтобы был повод задержаться.

Сверху слышались тяжелые неровные шаги Мэтра Филибрума.

— Сашенька, какая вы молодец! Как давно моя библиотека в вас нуждалась! Вы просто герой!

Саша скромно потупила глазки.

— А где же ваш помощник?

— Не знаю, — пожалала плечами Саша, — умчался, сказал, что на репетицию, а сам помочь обещал.

— Обещал — сделает. — заверил ее Филибрум. Он пересек читальный зал, уселся в кресло напротив Саши, с улыбкой заглянул ей в глаза.

— Не обижайтесь на него. Савва — натура творческая.

— С чего бы мне обижаться! Творческие натуры бегают непонятно где, а люди второго сорта протирают пыль! — не удержалась Саша. И сразу пожалела о сказанном. Савва вообще не обязан. Это у нее общественные работы.

— Он славный мальчик. — не теряя благодушия, ответил Филибрум, — Гениальный музыкант. Вы слышали его?

Саша кивнула.

— Он, конечно, скрытный, весь в себе. Но это объяснимо, ему непросто приходится в жизни.

— Ну да, весь в себе! — фыркнула Саша, — Чего он на Декаденцию накинудся? Она противная, конечно, но... Врет она про ворона, ну и пусть себе врет.

— Не в вороне дело. Кассандра всегда была добра к Савве. Они дружили. Думаю, он сильно переживает, хоть и не показывает этого. Вот и не сдержался. — он помолчал и добавил: — Мне кажется, вас он считает другом.

Саша не знала, куда девать глаза. Что за дурацкий разговор? Какая разница, кем он ее считает!

— Почему вы так решили? — все-таки спросила она.

— Он помогает вам. Ему с вами интересно. Кем же, если не другом?

— Ну, это его дело. Я ему в друзья не набиваюсь. — она вдруг почувствовала, что краснеет. — Знаете что, Филипп Брунович... Где тут воду можно поменять? Я сама помою!

И вскочила с кресла. Не хватало еще, чтобы Филибрум по-своему перетолковал ее волнение и рассказал об этом Савве, или еще кому-нибудь.

Но Филибрум будто не заметил Сашиной вспышки, он продолжал смотреть на нее как на щенка, догоняющего собственный хвост.

— Во-о-он за той занавесочкой дверка, выйдете во внутренний двор. Там краник увидите, из стены торчит.

Саша схватила тяжелое ведро, расплескала с четверть, чертыхнулась и потащила его куда было сказано.

Мощный камнем внутренний дворик, серые стены библиотеки и угрюмый лес, подступающий со всех сторон казались нежно-сиреневыми в ранних сумерках. Саша полюбовалась удивительным освещением, успокоилась немножко, огляделась.

Прямо из стены торчал медный кран, под ним медная же решетка. Она с размаху выплеснула воду на решетку, дернула кран, сунула под него ведро. Звук текущей воды умиротворял, влажный вечерний воздух освежал пылающее лицо. От сердца окончательно отлегло. И чего взбесилась?

Вода из крана еле текла, — долго ждать, пока наберется. От нечего делать Саша подошла к лесу, стояла, разглядывая с безопасного расстояния замшелые стволы. Так-то не страшно, интересно даже. И снова ее охватило неприятное чувство, будто кто-то за ней наблюдает. Пока они с Саввой шли по лесу оно ее не оставляло. Она убедила себя, что ей показалось. И вот опять. Нет, ей не мерещится, здесь точно кто-то есть. И в паре шагов, между деревьями краем глаза она заметила, нет, скорее почувствовала движение.

— Кто там? — осторожно спросила Саша.

Нет ответа. Только ветка хрустнула.

— Выходи, я тебя вижу. — на всякий случай соврала она.

— С кем это ты? — послышалось за спиной. Саша обернулась. В шаге от нее стоял Савва, в руках он держал здоровенный бумажный пакет. Из пакета пахло Бэллинскими пирожками.

— Как ты кстати. — натянуто сказала Саша, — Тебя ведро дожидается. — она подозрительно смотрела на него, сама не понимая, что хотела прочесть на его лице. И видела, что он тоже хочет ей что-то сказать, или спросить. Но нет. Молча сунул ей в руки пакет. Молча забрал ведро с водой и проследовал к черному ходу.

— Вот и Савва! — обрадовался Филибрум, — Как будто он раз и навсегда решил для себя, что будет доволен всем происходящим. Пакет с пирожками вызвал у него новый прилив радости. — Успел заскочить к Бэлле? Чудесно! Сейчас поставлю чайник! — И он скрылся за занавеской.

— Как репетиция? — небрежно бросила Саша, выуживая из пакета пирожок.

— Как обычно, — ответил тот, не глядя на нее.

— Ну и отлично. — Саша поперхнулась, закашлялась. Все вдруг стало не так. Дикая, тягостная неловкость возникла между ними. Савва изменился. Но почему? Что случилось? Отводит глаза. А если смотрит — то цепко и настороженно, как будто за эти несколько часов он узнало ней что-то. Но что можно о ней узнать, если самое странное в ее жизни

случилось здесь? А он был с ней почти все время.

“ Сама напридумывала. Все. Не буду думать об этом. Меня не касается. ” — тихо злилась Саша.

Но все время пока они пили чай, она невольно бросала на Савву быстрые взгляды из-под ресниц, и каждый раз встречалась с ним глазами. И он отворачивался так же быстро, как она сама.

Он довел ее до калитки, ведущей в Кларин сад. Она попросила не провожать ее до дома. Он пожал плечами, впустил ее в калитку, сам остался в городе.

И снова закладывает уши, а тело словно проскальзывает через огромное желе. Но Саша успела немножко освоиться с этим ощущением, оно уже не пугало так, как раньше. Вот и Кларин сад, загадочный, одушевленный. Даже в солнечный день здесь царит полумрак. А сейчас, в сумерки, почти совсем темно.

Она сделала пару неуверенных шагов. Куда идти? Она ни разу не бывала здесь одна. Ну да ладно, бояться нечего. Она двинулась в направлении, как ей казалось, дома. И остановилась еще через пару шагов, не в силах выносить ощущение чьего-то присутствия у себя за спиной. Резко развернулась.

Никого. Совсем рядом что-то тихонько хрустнуло. Может ветка, а может косточка в суставе. Первым порывом было — удариться в бегство. Но Саша уже знала — стоит хоть чуточку уступить страху, и он съест тебя.

— Кто там? — грозно спросила Саша, — Выходи! — Она шагнула в направлении звука, попыталась наугад схватить кого-то. Как только начинаешь нападать, страх проходит, это она крепко усвоила. Ее рука вцепилась в толстую, грубую ткань, раздался приглушенный вскрик. Саша взвизгнув, отдернула руку. В кустах было тихо. Если бы тот, кто там сейчас сидел, хотел причинить ей вред, у него уже была для этого куча возможностей. Однако, он же этого не сделал.

— Вы кто? — осторожно спросила она.

— Это не важно, совсем не важно... Важнее сейчас — кто ты! А ты — не она.

— Да уж, не поспоришь. — согласилась Саша. — Знаете, было бы здорово, если бы вы не прятались. Нехорошо получается, вы меня видите, а я вас нет! Или боитесь?

— Боюсь... — глухо донеслось из кустов.

— Кого? Меня?

— Ты про меня не расскажешь?

— Можете быть спокойны. Не расскажу.

Из-под куста выполз человек. Неудивительно, что Саша его не заметила — на плечи его было наброшено зеленое лоскутное одеяло, очень похожее на то, под каким спала она сама. Лицо худое, смуглое, глаза поблескивают испуганно и нездорово. В бороде запутались травинки, клочки мха, хлопья пыли. Видимо, ночевать ему приходилось в самых неожиданных местах. Она его узнала. Это был тот самый, человек, чье лицо мелькнуло на площади сегодня. В волосы он вплел за чем-то черное перо. Перо... Где-то я его...

— Я же вас видела! — догадалась Саша, — в Самородье, когда за Каспаром бегала, вы еще на велосипеде пронеслись!

И сегодня на площади. Вы кто? Что вы здесь...

— Тссс! Молчи. Я ни здесь, ни там... Мне нигде нельзя.

— Ладно, ладно... — Саша ничего не понимала, но понизила голос до шепота. — А вы кто? Опять хулики какой-нибудь? — она нарочно обозвала его хуликом, надеясь, что из

чувства протеста он скажет о себе больше. Она не просчиталась.

— Я не хухлик! — возмутился собеседник, — Я человек. В этом-то и беда. — добавил он, тяжело вздохнув.

— Человек? Вот это новость! Я думала, я здесь одна такая. А как вас зовут?

— Сказал же — неважно. — человек раздраженно сморщился, — Ну, если хочешь — Марк. Она звала меня Марик.

— А я Александра. — церемонно представилась Саша. Ее начала забавлять эта ситуация, хотя с пяти шагов было видно, что ее собеседник нездоров головой.

— Ты — не она! Я так и знал...

— Она — это кто?

— Ариадна... чуть не плача объявил Марк. — Но тоже на “А”. Вы все на “А”... Он всхлипнул и тихо что-то забормотал. Саше сразу расхотелось улыбаться. Она напряженно прислушивалась, но из сбивчивых речей Марка поняла одно — он видел маму. Но он такой странный... Как с ним разговаривать, непонятно... “

— Ты знаешь маму? Ты ее видел? Когда? Где?

— Маму не видел... Ариадну видел. Красивая. Как ты. Я вас перепутал. Я путаю... Мне голова мешает! — он схватился за голову обеими руками, — Болит, болит все время! И в ушах жужжит... жужжит! — Он закачался взад-вперед. Сашу передернуло. Там, куда водила ее Светлана, она видела таких людей. Они так же мерно покачивались. И от этого ей очень худо становилось, хотелось убежать, или начать так же покачиваться. Усилием воли Саша взяла себя в руки. Он сказал, что видел маму!

— А где? Где ты ее видел? — осторожно спросила она.

Марк вдруг замер, медленно поднял голову, посмотрел на Сашу ясным взглядом. И произнес совершенно осмысленно.

— Я хотел помочь. Не успел. Теперь она спит.

Саша похолодела.

— Спит? То есть... Она... — язык не поворачивался выговорить страшную догадку.

— Разбудить ее надо. — деловито сказал Марк. — Я не смог. Не знаю как. Ты сможешь? Вот, Возьми. Она потеряла. — он протянул ей кусочек горного хрусталя на разорванном шнурке. — Отдашь ей.

— Это же мамин! — ахнула Саша. — Он был на ней в тот день! Она была здесь! Где ты ее видел?

— Не помню. — тихо признался Марк.

Комнату-фонарь, ту, что так нравилась Саше, заливали светлые сумерки. Круглый стол был завален сухими букетами цветов и трав. Клара сидела за столом в одиночестве и разбирала, резала, наполняла мешочки, связывала букетики — для одеял, для готовки, для белья, для... просто, чтобы успокоиться. Когда ее одолевали тревожные мысли, а беспокойство грозило перейти в панику, она просила у Бэллы какой-нибудь монотонной работы — лучший способ остановить карусель в голове. А сейчас ей это совершенно необходимо.

Как ей, музе, справиться с этой громадой забот, что навалилась на нее? Здесь не всякий драгоценный справится. А она... Ее дело — вдохновлять. Она по природе своей не способна нести такую ответственность. Пришлось учиться — как глухонемые учатся танцевать и петь.

Но, Великие Хранители, ей это не по силам! Кто-то должен снять с нее этот груз! Клара оперлась головой на руку, букет лаванды соскользнул на пол, за ним со звоном упали ножницы — она ничего не заметила.

Дверь приоткрылась, и в комнату тихо вошел Лев.

Клара скорее почувствовала, чем услышала его, подняла голову. Ее лицо просияло печальной, усталой улыбкой. Она протянула к нему обе руки через стол с сухоцветами.

Если бы Саша могла сейчас видеть Льва, то, пожалуй, изменила бы свое мнение о нем — ни горделиво вскинутой головы, ни высокомерно приопущенных век. Он обошел Клару, обнял ее и поцеловал в макушку.

— Ты звала меня? Мне передали в башне.

— Звала. — она указала на стул рядом с собой. Лев послушно сел.

— Что нового в башне, что говорит твой куратор? — осторожно спросила Клара.

— Ничего. Все идет как задумано. Готовлюсь к дню посвящения. К церемонии.

— А что говорят в башне о Кассандре?

— Да... почти не говорят. — пожал плечами Лев, — Ее ищут, но следов никаких. Неизвестно, жива ли она. Но моему посвящению это ведь не мешает.

Последнюю фразу он произнес почти с вызовом. Клара перевязывала очередной букетик, казалось он поглотил все ее внимание. Лев ждал. Наконец она положила цветы на стол.

— Ты ведь знаешь, что Кассандра искала посредника?

— Знаю. И что? — нахмурился Лев.

— Кассандра пропала в тот самый день, когда появилась Саша. Мне кажется, это не случайно.

— Саша! Опять эта Саша! Я так и знал! — он в бешенстве вскочил со стула.

— Лев! Подожди! — Клара схватила его за руку, — Сядь. Представь на минутку, что она и есть посредник. И что Кассандра ее нашла. И что кто-то хотел помешать возрождению источника. Натравил оскурата. Саше удалось спастись, а Кассандре — нет. Я очень боюсь, не совершаем ли мы ошибку, не доверяя Саше.

— Но почему ошибку? — он пытался говорить спокойно, — Хорошо. Допустим, твоя Саша посредник. И что? Я отлично справлюсь и без нее! Магнус назначил преемником меня. Кассандра это подтвердила. Я поднимусь на Лунную гору в назначенный день, вернусь на Пегасе и все станет как раньше.

— То есть Кассандра не успела никому сказать... Ты ничего не знаешь.

— Не знаю чего?

Клара поднялась, сухая лаванда посыпалась с ее колен на пол, она этого не заметила, подошла к окну, посмотрела в сумеречный сад.

— За несколько дней до исчезновения Кассандры мы с ней говорили о тебе. У нее было видение. — она снова замолчала.

— И что же? — нетерпеливо спросил Лев.

— Ты не можешь стать Магнусом. — повернувшись к нему, твердо сказала Клара.

— Что?

— Ты — не он.

— А кто — он?

— В том-то и дело, что она не знает! Она сказала, что Магнуса должен будет выбрать посредник. И Саша...

Лев снова вскочил, заметался по комнате, хрустя сухими цветами и цепляя стулья.

— Чушь! Бред собачий! Думаешь, Кассандра мне бы об этом не сказала?

— А она тебе об этом не говорила?

— Нет, конечно! — возмутился Лев, — Меня в тот день вообще не было в Музеоне!

— Где же ты был?

— В Самородье. — Лев слегка смутился. — Какая разница! Я впервые слышу эту ерунду. И я не верю! И все будет так, как решено, если не найдут Кассандру и она не скажет мне все это сама!

Клара дала ему время немного успокоиться и продолжала.

— Значит теперь мы с тобой единственные, кто об этом знает. И мы должны смириться. И просить Сашу подняться на Лунную гору. Может быть она выберет тебя...

Лев снова вскочил, гневно глядя на Клару. Может быть?! Попадись ему сейчас Саша... впрочем, лучше бы не попадалась.

— Мне пора. — сухо сказал он.

— Я не все сказала, — остановила его Клара, — Кассандра предупредила: если ты ослушаешься пророчества, то тебя ждет нечто ужасное. “День торжества станет днем позора и гибели.” — так она сказала. Кто знает, во что может вылиться гнев обманутых муз? Если они не получают инспирию...

— Я буду делать то, что должен. — твердо сказал Лев. — Я не могу подвести тех, кто в меня верит. Будем считать, что я тебя не слышал.

Он поцеловал Клару и вышел не оборачиваясь. На дорожке возле дома столкнулся с Сашей.

— Ой, привет! — поздоровалась она от неожиданности.

— Думаешь, ты всех одурачила? — прошипел Лев вместо ответа, — Со мной у тебя этот номер не пройдет! И черта с два ты у меня залезешь на Лунную гору!

С этими словами он исчез в кустах, ведущих в направлении Серой горы. Саша озадаченно посмотрела ему вслед, пожала плечами и пошла в дом. Она ничего не поняла.

ГЛАВА 19. Место происшествия

И какой добрый человек додумался так поставить кровать? С утра пораньше солнце светит в глаз! Саша натянула одеяло на голову, но заснуть уже не получалось. Она ворочалась на кровати, а в голове тем временем ворочались колючие, тревожные мысли. “Как?”, “Почему?”, “Что со мной будет?” и “За что мне это все?”

Нет, так дело не пойдет. Она с досадой откинула одеяло и села на кровати.

“ Попробуем рассуждать логично. Представим плохой вариант. Кассандру не найдут в ближайшие дни, ведь Магнуса и за год не смогли отыскать. Что же будет? Очевидно, коронуют Льва, как планировали. А он на правах главного с легким сердцем вышвырнет меня из города. И никакая Клара не поможет. Уж Лев сумеет на нее надавить.

Теперь вообразим хороший вариант. Допустим, случится чудо, и Кассандру найдут. И предположим, она опознает во мне того самого посредника, которого все ищут и ждут.

Тогда мне придется лезть на эту... как ее... гору, ловить там Пегаса... Бред! Но, допустим, мне это удастся. Я вернусь, поднесу чашу инспирии Льву, все скажут мне “Спасибо, Саша!” А Лев поблагодарит и... вышвырнет меня из города. Возможно, вежлив вышвырнет. И вряд ли кто-то ему помешает. Как же глупо с моей стороны было обещать Кларе помочь с Пегасом! — сокрушалась Саша, — Надо было так: сначала мама, потом Пегас. А я поддалась на Кларины уговоры и сама себя загнала в угол! “

Она выполнит свою задачу и станет им не нужна. И не стоит рассчитывать на благодарность.

Но постойте, друзья. Ведь письмо-то было? Было. Кто-то его написал? По всему выходит, что так. Значит кому-то она понадобилась в этом Музее. Очевидно же. Но кому?

И тут мысль пришла, до того очевидная, что Саша разозлилась сама на себя.

“Дура ты, Белоконь, вот что. Головой иногда работать надо. Никто в Музее тебя не знал и не ждал. А Кассандра? Как она тогда сказала?

“Случайно сюда не приходят...”

Она не удивилась твоему появлению. Она ждала тебя. И, возможно, из-за тебя попала в беду. Единственный человек, который может тебе помочь сейчас в опасности. А ты бродишь по полям, кусты ирландские пересаживаешь! Книжки по полкам расставляешь! Столько времени пропало зря!”

Саша вскочила с кровати, заметалась по комнате.

“Думай, думай, голова! Надо самой искать Кассандру! Мне ведь только из Музеона нельзя уходить, а в Музее мою свободу никто особо не ограничил. С Филибрумом можно договориться, а вот уговорить Савву будет не так просто.” — соображала она, собирая разбросанную по комнате одежду, — “Но придется. Без помощника мне не обойтись, а кого еще просить?”

Кое-как одевшись, она поспешила вниз. Савва уже ждал ее. Такой же, как обычно, непроницаемый. Саша наотрез отказалась от завтрака, на ходу кивнула Савве и выскочила из дома. В этот раз она не собиралась идти длинной дорогой — хватит с нее и леса и Музеона.

— Что с тобой? Дерганная с самого утра. — спросил Савва, когда они оказались во внутреннем дворике библиотеки. Саша решила обойтись без вступлений.

— Помощь твоя нужна.

— Что случилось?

— Мне нужно разыскать Кассандру! — выпалила Саша, сверкая глазами.

— И как ты собираешься это сделать?

— Я пока точно не знаю. Но знаю с чего надо начать — забраться в ее дом!

И сразу, не давая ему опомниться, она выложила свои соображения. В ответ, как и ожидала, получила возмущенную тираду.

Идиотская идея. Опасная. Ты серьезно думаешь, что альбинаты не справятся, а ты сможешь? Ты подозреваемая. Ты вообще неизвестно кто. Тебя чуть не убили.

Саша выслушала его внимательно, а когда он выдохся и умолк, продолжила:

— Ты прав. Но мне нужна твоя помощь. Мне больше некого просить. Ты не обязан, можешь отказаться. Тогда просто прикрой меня... как это делаю я.

Савва отвел глаза. Саша почувствовала себя негодяйкой. Гадость какая! Попахивает шантажом. Но это вопрос жизни и смерти, тем более, она не делает ничего плохого.

Савва помолчал несколько секунд, и как Саша не старалась проникнуть в его мысли, ей это не удалось.

— В дом Кассандры. — задумчиво повторил он, — А потом?

— А потом... — она замялась, — не знаю. Но мне кажется, именно там я найду что-то важное. Понимаешь, если меня кто-нибудь заметит, будет скандал и неприятности. А если с тобой, то мы сможем что-нибудь придумать. Конечно, если ты со мной пойдешь.

— Пойду. — вздохнул Савва.

— Вот спасибо! Тогда давай придумаем какой-нибудь предлог, чтобы Филибрум меня отпустил.

Но предлог не понадобился. Филибрум сам попросил Сашу сходить к Платону Леонардовичу и напомнить ему о лифте в библиотеке. Обещал сделать и, видимо, забыл.

— А на репетицию тебе не надо? — спросила Саша, когда они нырнули в переулки Музеона.

— Я уже. Порепетировал. — хмуро ответил Савва.

“ Врет!” — подумала Саша, — “Видела я его после репетиции! Как медный таз сияет. Или он врет, или что-то не так с его репетицией.”

Жилище Платона Леонардовича притаилось в одном из тихих тупичков. Саша не сразу сообразила, что нагромождение камня, досок, стекла и металла может быть человеческим жилищем. Оно скорее напоминало автомастерскую столетней давности. Дверь, склепанная из металлических обрезков, была распахнута.

Саша не без опаски вступила в прохладное, мрачное пространство, заваленное и заставленное непонятными предметами. Стеллажи, полки, ящики, фрагменты механизмов...

“ Интересно, а где он спит? Ест? — задумалась Саша. — Наверное, Платон Леонардович считает эти занятия пустой тратой времени!”

Посередине стоял огромный стол, на нем громоздились загадочные железяки, инструменты, книги, тетради, исписанные и изрисованные обрывки бумаги, чертежи, несколько тусклых самодельных ламп. Одна из них освещала мрачным светом венценосную лысину Платона Леонардовича. Склонившись над грязным куском ватмана, он что-то старательно вычерчивал.

Он не сразу обратил внимание на посетителей и не без труда вспомнил, кто они такие. Саша передала просьбу Филибрума насчет лифта. Платон Леонардович понял ее не с первого раза, но сказал, что эскизы и чертежи у него готовы и он пойдет к Филиппу

Бруновичу в ближайшее время.

“Ну, теперь самое страшное...”

— Платон Леонардович, а не найдется ли у вас каких-нибудь... Э-э-э...

— Отмычек. — прямым текстом закончил за нее Савва.

Платон Леонардович поднял голову, сдвинул на лоб очки.

— Отмычек?

— Там в библиотеке замок заедает... — пояснила Саша.

— Какой замок? — сдвинул брови Платон Леонардович, — Как заедает? Мой замок не может заедать! Я зайду, посмотрю.

— Нет, нет! Не стоит вам беспокоиться! Он не совсем в библиотеке... На сарае замок. Не ваш. Обычный. — заюлил Савва.

— Мы ключ потеряли и не знаем какой нужен. — сделала Саша умильные глазки.

— Вы нам дайте какие-нибудь отмычки! Мы не хотим, чтобы Филипп Брунович узнал.

— Зачем его расстраивать!

Платон Леонардович выслушал их сбивчивый дуэт и укоризненно покачал головой.

— Сколько раз я просил Филиппа, чтобы он не подпускал к механизмам бездарностей и дилетантов! — расстроился он и снял со стены кольцо, на котором висело с полсотни причудливо изогнутых железяк.

— Держите! Не потеряйте!

— Спасибо вам огромное! Вы только ему не говорите, пожалуйста.

Вежливо попрощавшись, поулыбавшись на всякий случай, они выбрались наконец из мрака мастерской на солнышко. Отошли немножко. Выдохнули. Саша вдруг рассмеялась.

— Ты чего?

— Да вот думаю: бездарность — это я, разумеется. Значит дилетант это ты?

— Сейчас умру от смеха. А вот что ты будешь делать, если он и правда заявится в библиотеку замки проверять?

— Не заявится. Он уже забыл. Он же гений, в отличие от тебя!

Через Музеон шли окраинами. Саше не хотелось снова оказаться на площади Безобразова возле кратера. Она боялась повторения вчерашней сцены. Хватит того, что ей предстоит снова оказаться в той страшной комнате.

Дом при свете дня выглядел очень даже приветливо — из светло-серого камня, весь в плюще и цветах.

“И ничего в нем нет угрожающего. Очень милый домик.” — убеждала себя Саша.

Неспешно прошлись вдоль забора, через который она перемахнула два дня назад. Улица была пустынна.

— Давай так: — предложила Саша, — Я пойду внутрь, посмотрю как там и что, а ты здесь останешься. Если что — знак какой-нибудь подай. А то вдруг опять прыгать в окно придется!

— Нет. — твердо ответил Савва, — одной тебе туда нельзя. Пошли вместе. Спрячемся, если что.

И вот Саша снова оказалась в витражной шкатулке прихожей. Темная лестница. Бум... Бум... Мороз по коже!

В коридоре стоял отвратный запах некры — он не выветрился и спустя два дня. Саше казалось, этот смрад будет преследовать ее всегда.

Вот и дверь в конце коридора. Даже в полутьме видно, что она вся изодрана,

исполосована глубокими царапинами.

— Ужас какой... — прошептала Саша, медленно подходя к двери. — Будто когтями драли...

Савва провел пальцем вдоль царапины.

— Может какой-то инструмент. Не когти же в самом деле. Ты хоть что-нибудь видела?

Саша помотала головой.

— Было темно. Только с улицы чуть-чуть свет пробивался. Помню что-то огромное, бесформенное. И вонь. — Ее передернуло.

Дверь еле держалась на полусорванных петлях. Это ж какой надо обладать силищей, чтобы так раскрошить дубовую доску! Саша возблагодарила того неведомого, кем бы он ни был, что помог ей ускользнуть от чудовища.

В комнате царил погром. Уцелел только диван в углу. Остальная мебель превратилась в щепки, обломки и осколки.

— Это ты тут все разнесла? — Савва посмотрел на нее с уважением.

— Это я со страху. — заскромничала Саша. — И оскурат. Я слышала, как он громил все, что я не успела.

— Я слышал, что невозможно спастись от оскурата. Как тебе это удалось?

Он смотрел на нее пристально, и, как показалось Саше, с подозрением. Ей стало неуютно от его взгляда.

— Не знаю. Чудом каким-то. Успела завалить дверь. А

Кассандра... — Саша содрогнулась. — получается, он ее... убил? — едва выговорила она.

— Если бы убил — то здесь бы и бросил. — резонно заметил Савва. — Зачем она ему мертвая?

— Так значит она жива! — обрадовалась Саша, — Но где она может быть? Куда он ее дел? Зачем она ему нужна?

— Ему ничего не нужно. — тихо ответил Савва. — Он выполняет приказы хозяина.

— И кто его хозяин?

Савва пожал плечами.

— Оскураты служат Утробе. Но она ничего не делает сама.

Она дает поручения помощнику. А он — оскуратам.

— А кто ее помощник?

Савва смотрел на нее рассеянно и, казалось не слышал. Думал о чем-то своем. Потом окинул взглядом разгромленную комнату.

— Возможно, ему нужна была ты, а не Кассандра. — неожиданно сказал он.

— Она успела мне сказать, что меня кто-то ищет. — с ужасом припомнила Саша. — Но кто? И зачем?

— Да откуда я знаю! И вообще, может уже делом займемся? — Савва пересек комнату, выглянул в окно, — Ты что-то найти хотела? Вот и ищи, пока нас тут не поймали. Я послежу за улицей. Нашла место, где болтать.

Он был прав и Саша не стала возмущаться. Хотя было ясно, что знает он больше, чем говорит.

“Ладно, мы еще к этому вернемся. Не отвертись.” — мысленно пригрозила она Савве и не спеша двинулась по комнате.

Под ногами хрустело битое стекло — пузырьки, флаконы, склянки, горшочки — все, что

когда-то хранилось в шкафу. Все такое пыльное, будто ничья рука их не касалась как минимум несколько месяцев.

Саша присела на корточки среди кучи мусора, принялась перебирать осколки, щепки, куски штукатурки. Вот зеленый флакончик почти уцелел, только с одного боку треснул и горлышко отбито. Саша посмотрела флакон на свет, осторожно понюхала. Черепки от разбитого горшка тоже внимательно осмотрела. Поводила руками по полу среди груды мусора. Задумалась.

— Что-то нашла? — спросил Савва. Он циркулировал от окна к двери, следил, чтобы никто не нарушил их уединения.

— Ничего... — задумчиво ответила Саша.

— О чем тогда задумалась?

— Как раз об этом. Полный шкаф каких-то склянок и никаких следов содержимого! Ну ладно, жидкость могла высохнуть за два дня, но пятна хотя бы должны остаться. Масло там, или травы... Не могла же она хранить тут чистую воду. Горшки битые, банки, пузырьки. И больше ничего.

— Так может ничего и не было? — предположил Савва.

— Может быть. — Саша переползла к груде обломков у окна. Массивный дубовый стол разнесен в щепки. Белая кружка растерта в порошок, только осколок ручки остался. Вот расплющенная железная коробка из-под печенья. Термос без пробки. Разумеется, пустой. Крышки тоже нет.

— Что-то не так... — пробормотала Саша. — Почему он без крышки... так не должно быть...

— Чему ты удивляешься в таком погроме?

— Подожди, сейчас... — она закрыла глаза. — Вот Кассандра открутила крышку... взяла чашку... налила чай...

— Я точно помню, Кассандра закрыла термос и закрутила крышку! А сейчас он открыт. В голове закопошилась смутная догадка.

— Помоги пожалуйста...

Вместе с Саввой они растащили обломки стола.

— Да что ты ищешь? — раздраженно допытывался Савва. Саше было не до ответов, она, как такса в норе, рылась в груде обломков.

— Вот! — Она выбралась на свет, держа в руке пробку от термоса. — А вон крышка! — она подползла на коленках к дивану и выудила блестящую крышку. — Укатилась.

Внимательно осмотрела пол, огляделась.

— Никаких пятен на полу. Чай был сладкий, если его вылить, должно остаться липкое пятно... — она повозила руками по полу.

— Ты хочешь сказать, кто-то его выпил?

— Да.

— Так наверное, вы с Кассандрой?

Саша снова прикрыла глаза.

Она убирает печенье, берет термос... "...Еще чаю?"

— Нет! Там точно оставалось. Кассандра закрыла термос и убрала в стол. Я это помню. Кто-то допил чай! И вряд ли это был оскурат.

— Мне кажется, ты ерундой занимаешься. — бросил Савва. — Какая разница, кто выпил чай?

— Как это — какая! — возмущалась Саша, — Это значит, не я последняя здесь была! Кто-то был здесь после меня, да еще и чай пил! Это мог быть только похититель. Тот, кто натравил оскурата!

— Не думаю, что твои выводы убедят защитников.

Саша расстроено кивнула. Задумалась.

— В Музееоне в последнее время появлялся ктонибудь, кроме меня? — вдруг спросила она.

— Нет.

— Тогда смотри: оскураты служат Утробе. Так?

Савва кивнул.

— Ты говоришь, у Утробы должен быть помощник. Так?

— К чему ты клонишь?

— Если кроме меня никто не появлялся, то либо кто-то из муз перекинулся в азуму...

— Вряд ли. За этим следят альбинаты. Они бы знали.

— Вот! — торжествующе объявила Саша, — Тогда получается... что?

— Кто-то из драгоценных, ты хочешь сказать? — нахмурился Савва.

— Извини. Да.

— И зачем нам это?

— Ну... Если исходить из того, что я посредник, то...

— Кто-то не хочет, чтобы ожил источник?

— Получается так. Или кто-то не хочет, чтобы это была я.

— Лев?

— Или Декаденция.

Савва рассмеялся.

— Ты чего?

— Представил себе Декаденцию рядом с оскуратом. Нет. здесь нужен кто-то покрепче.

— Лев подходит идеально! Надо поговорить с защитниками! Показать им, что мы обнаружили.

— Отличная мысль. Представляю себе, как ты заявляешься в башню защиты с термосом! А с чего ты взяла, что они тебе поверят? — спросил Савва. — Они решат, что ты выдумываешь всякую ахиною, чтобы снять с себя подозрения. Да еще проникла на место преступления. За одно это тебе влетит.

— Мы проникли. — скромно напомнила Саша.

— Ну, обоим влетит. Это дела не меняет. И, кстати... — он посмотрел на нее в упор, — ты забываешь еще одну вероятность.

— Это какую же?

— Ты сама могла все это проделать.

— Я?!

— А почему нет? Ты появилась в городе при странных обстоятельствах, рассказываешь какие-то сказки, доказать ничего не можешь. Кто знает, что у тебя на уме.

Саша сникла.

— Да, — согласилась она печально. — Неудивительно, что мне никто не верит.

— Почему — никто? Клара тебе верит, Бэлла, Филибрум. Я.

— А ты почему?

— Потому что... надо быть гениальной актрисой, чтобы так притворяться.

— А я?

— А ты не умеешь. У тебя все на лице написано.

— Это обидно. Но спасибо за доверие.

— Не ходи в башню. — вдруг сказал Савва. — Только навредишь себе.

— Но что же мне тогда делать? — растерянно спросила она у груды щепок на полу.

— Беги отсюда. — серьезно ответил он, — Уезжай, пока не поздно.

Саша метнула на него злобный взгляд.

— Уезжай. — мягко повторил Савва, — Так будет лучше.

Она вздохнула.

— Да, это было бы лучше. Только ехать мне некуда.

ГЛАВА 20. Агафьино отродье

Бэлла выгребла из печки угли. С трудом разогнулась, потирая поясницу, подошла к окну, застыла, печально глядя на запущенный сад. Унылое зрелище. Вечером жуки-фонарщики спасают положение, сад выглядит сказочно, как когда-то, а днем... Грустно и стыдно. Глаза бы не глядели.

Она вдруг нахмурилась, настороженно всматриваясь в заросли жасмина.

— Показалось. — пробормотала она, подхватила ведро с углем и захромала к двери. Вышла из дома, спустилась с крыльца и вдруг остановилась, осторожно поставила на землю ведро, замерла. Ноздри ее едва заметно вздрагивали. Прикрыв глаза, Бэлла медленно повернула голову налево, постояла, то ли прислушиваясь, то ли приняхиваясь. Одурающий аромат жасмина висел над садом, что в нем можно уловить? Кого учуять?

Она повела головой вправо, постояла немного, открыла глаза и решительно двинулась по правой дорожке вглубь сада. Там, в жасминовом сумраке притаился садовый домик, сложенный из серого камня. Позади домика слышались звуки непонятной возни, постукивание, легкий шорох и невнятное бормотание. Осторожно и тихо, насколько ей позволяла больная нога, Бэлла обошла домик и ахнула.

На земле валялось старое одеяло, на нем разложено по цветам несколько камешков — охра, кусочки угля, обломки кирпича.

Марк самозабвенно рисовал на серой каменной стене темноволосую женщину вполоборота.

— Ты что ж такое творишь? — грозным шепотом спросила Бэлла.

Марк сильно вздрогнул, выронил уголь, кинулся было в кусты, но, узнав Бэллу, застыл на месте, виновато понурился.

— Опять за старое? Сказала — нельзя! — прошипела Бэлла, переводя гневный взгляд с художника на его творение, — Сцапают альбинаты — хорошо будет?

Человек поморщился, резко замотал головой.

— Я... я видел ее. Вчера.

— Не ее ты видел! — отрезала Бэлла, — Дочка это ее, ясно?

— Знаю. Дочка. А она тоже была. Раньше...

— Была, не была... Не твоего ума дело! Хоть бы и была.

Марк вцепился в свои спутанные космы перепачканными углем и охрой руками, несколько раз дернул.

— Ну тихо, тихо! — Бэлла отвела его руки, смахнула разноцветную пыль со склоненной головы. — Ладно. Сиди тут и ни гу-гу! Жди. За водой пойду и еще кое за чем.

Марк послушно опустился на землю, скорчился, обхватив колени. Бэлла погрозила ему кулаком и скрылась в кустах. Он проводил ее взглядом исподлобья, потом искоса, украдкой посмотрел на портрет. Руки его беспрестанно, неосознанно двигались, хватали и ломали мелкие палочки, выдергивали пучки травы, комкали складки одеяла. Наткнулись на кусок охры. Марк озадаченно посмотрел на него, будто в первый раз увидел, поднялся с земли, воровато оглянулся и быстро пририсовал темноволосой женщине на стене несколько веснушек. Отступил на шаг. Лицо его просветлело, морщины на лбу разгладились.

— Вот так... вот — тихо бубнил он, — теперь похожа...

Он снова опустился на траву рядом с одеялом и принял прежнюю позу как раз в тот

момент, когда из-за кустов появилась Бэлла. В одной руке она несла ведро с водой, в другой — большую тряпку. Она поставила ведро, покосилась на портрет, сердито сверкнула глазами.

— Думал, не замечу?

Художник смущенно склонил кудлатую голову.

— Так больше похоже...

— Да, рассказывай мне! Уж я получше твоего понимаю, похоже-не похоже. Бери тряпку! Резким, почти злым движением она разодрала тряпку пополам, одну половину швырнула Марку, другую обмакнула в ведро и, не переставая что-то невнятно ворчать, принялась смывать портрет со стены. Марк заплакал.

— Ох! Забыла совсем.

Из кармана передника Бэллы извлекла бутылочку из темно-зеленого стекла и протянула Марку.

— На-ка, хлебни, полегчает.

Марк тихо размазывал по щекам черно-желтые слезы.

— Пей, говорю! — Бэлла зубами выдернула пробку, поднесла склянку к губам художника. — Ну пей, пей, золотой, полегче станет!

Сашины надежды не оправдались. Жилище Кассандры не таило в себе никаких секретов. Небольшая гостиная, спальня, простая до аскетичности кухня. Минимум мебели, ни картин, ни фотографий, ни безделушек. Саша заставила себя пошарить по шкафам и комодам. Но и в их полупустых недрах не удалось обнаружить ничего, кроме идеального порядка. Дом скорее напоминал отель, тщательно прибранный после отъезда последнего гостя. Удивительно безликий дом.

— Что же за человек такой — Кассандра? Как ей удавалось жить, не оставляя следа? — недоумевала Саша.

Савва только пожимал плечами в ответ. Видно было, что ему страшно неуютно здесь, и что он сто раз пожалел о своем легкомысленном согласии.

И вот последняя комната. Единственная из всех, она была заперта на ключ, и Саша приберегла ее на десерт. Совесть к этому моменту умолкла окончательно. Нужная отмычка нашлась быстро, замок мягко щелкнул, открылся легко, будто родным ключом. Что ж, ничего удивительного. Все замки в Музее — работа Платона Леонардовича, и в его руках ключи от всех дверей.

Саша вошла первой и остановилась на пороге. Комната была битком набита вещами, будто сюда стащили все, что не понадобилось. Вдоль стен выстроились пирамиды сундуков, коробок, ящиков. Возле наглухо зашторенного окна громоздилось что-то похожее на верблюда, укрытого куском ткани. Под тканью обнаружился большой стол, а на нем — загадочный аппарат, вроде тех, что у них в кабинете химии. Возгонка? Перегонка? Рядом на столе аккуратно составлены колбы всех форм и размеров.

— Что это? Чем она занималась?

Савва почесал ухо. Потом нос. Пожал плечами.

Саша отошла от стола, осмотрелась. Комната казалась ей смутно знакомой. Не то, чтобы она в ней бывала раньше. Нет, что-то другое. Она медленно прошла по некрашеным половицам, вдыхая легкий аромат лаванды и пыли. Скрип... скрип... Подошла к высокой кровати, накрытой зеленым лоскутным покрывалом. Вот этот кусочек с безумными розами

— на ее одеяле точно такой же! И у этого бедолаги Марика тоже есть что-то похожее. Саша рывком распахнула дверцу платяного шкафа.

— Ты что делаешь! Не стыдно рыться в чужих вещах? — возмутился Савва.

— Ужасно стыдно. — равнодушно ответила Саша, — Но речь идет практически о жизни и смерти, так что...

Шкаф оказался почти пустым. Саша обнаружила всего лишь пару платьев из грубого серого льна и мешочек с лавандой. Но этого ей было достаточно. Она резко повернулась к Савве.

— Это ведь комната Бэллы? Одеяло, платья, лаванда — это же все ее.

Он растерянно смотрел на нее и молчал.

Саша дернула ящик высокого комода — первый попавшийся, наугад. Вытащила толстую книжку, исписанную от руки. Узнала Бэллин опрокинутый влево почерк. Она видела его в большой тетради с рецептами у Бэллы на кухне.

— Травки какие-то... — Саша перелистывала страницы, изумленно разглядывая изображения неизвестных ей растений, подписи на латыни, сделанные рукой Бэллы. Она укоризненно посмотрела на Савву.

— Ты же знаешь, в чем дело! Не надо держать меня за дуру — объясни все как есть. Бэлла живет здесь?

— Жила.

— В доме Кассандры? Но почему?

— Это дом Бэллы. — неохотно ответил Савва, — Точнее, их обеих. Когда... все случилось, На Клару сразу столько всего навалилось. Она начала терять силы. И Кассандра сказала, что Бэлле лучше быть рядом с Кларой. Помогать ей, поддерживать. Бэлла переехала.

— Так вот почему она ненавидит готовку! Она живет не своей жизнью. Превратилась в кухарку, а сама... По-латыни пишет! Этот аппарат, пробирки... Чем она занималась раньше?

— Делала лекарства...

— Она доктор?

— Можно и так сказать. Даже больше. Бэлла знает все о растениях и многое видит о людях. Может распознать болезнь до того, как она захватит человека. И не допустить ее.

— Ясно. Но при чем здесь Кассандра? Почему они жили вместе?

Савва помялся.

— Ладно. Ты все равно это узнаешь. Кассандра — ее дочь.

— Что?!

— Не родная. Приемная.

— С ума сойти! Тогда ясно... Я помню, как она побледнела, когда пришли альбинаты. Но как? Откуда? Почему?

Савва отвел глаза.

— Я... точно не знаю. — не сразу ответил он, — Меня тогда не было на свете, сама понимаешь. Я слышал — девочку подкинули на порог этого дома. Бэлла взяла ее к себе.

— Бедная Бэлла! Она наверное с ума сейчас сходит. — задумчиво проговорила Саша, — Приемных детей ведь тоже любят... — ей вдруг вспомнилась улыбчивая хозяйка “Всякой всячины”. С какой нежностью она говорила о своей Алисе!

И снова что-то мелькнуло в голове, смутное, неуловимое, давно забытое.

“Кому не надо — нам несут.” Савва. Кассандра. Приемные дети... Сон еще какой-то был... Нет. Не могу вспомнить. Почему мне кажется что это важно?”

Саша потеряла лоб, встряхнула головой, отгоняя наваждение. Машинально перелистнула еще несколько страниц.

— Ой, что это? — из книги выпал бумажный квадратик, мягко спланировал на пол. Старая, выцветшая фотография. На ней молодая Бэлла обнимает за плечи высокую, темноволосую девушку, совсем юную, не старше Саши. А чуть поодаль другая девушка, постарше, сидит на траве, обхватив себя руками за плечи. Светлые вьющиеся волосы почти закрывают лицо, но неловкая, напряженная поза выдает ее чувства — ей явно не нравится происходящее. А темноволосая девушка ничего не замечает, хохочет беззаботно.

— Это мама. — прошептала Саша и опустилась на кровать.

Савва сел рядом. Взял у Саши фотографию, внимательно рассмотрел. Поднял глаза на Сашу.

— Вы похожи.

— А другая? Кассандра?

— Да, это она. — уверенно ответил Савва.

Книга соскользнула с Сашиных колен, грохнулась на пол. Она не заметила.

— Бэлла и мама... — задумчиво проговорила она — И Кассандра. Но почему она мне не сказала? Все видят, что мы похожи. Уж Кассандра-то должна была догадаться.

— Может она и догадалась.

— И виду не подала? Но почему?

Саша внимательно посмотрела на Савву. Он опустил глаза.

— Ясно. От тебя я толку не добьюсь, только время потеряю. Я у Бэллы спрошу.

Она вскочила с кровати. Савва схватил ее за руку.

— Подожди! Как ты ей объяснишь, что видела фотографию? Расскажешь, что мы вломились к ней в дом?

Саша стряхнула его руку.

— Знаешь, меньше всего меня сейчас интересует, как я буду ей это объяснять. Мне интересно, как она объяснит мне вот это! — она сунула Савве под нос фотографию. — И не волнуйся, тебя я упоминать не буду!

И выскочила из комнаты, забыв поднять книгу и задвинуть ящик комода.

Снадобье из Бэллиной бутылочки помогло. Глаза Марка прояснились, он выпрямился, задышал ровнее.

— Давно видел-то ее? — как бы между прочим поинтересовалась Бэлла, пряча бутылочку в карман.

— Вче...ра.

— Да нет. Ту, другую?

— Раньше. Осенью тоже. — сказал Марк совсем осмысленным голосом.

Бэлла тяжело вздохнула.

— Значит правду говорит. Была ее мать здесь. Как же так? Зачем? Чего ее сюда понесло? — сокрушалась она. — Говорила ей: сиди тихо, живи спокойно, сюда носа не показывай.

— Ее позвали... — ответил Марк.

— Кто позвал? — испугалась Бэлла.

— Не знаю... Я не успел, не смог... — Марк снова заплакал. Бэлла снова сунула ему бутылочку. Он сделал еще глоток, успокоился, снова заговорил:

— Надо помочь Саше... Я должен! Тогда Ариадна найдется, я знаю!

— Жива она, как чуешь?

— Жива... Нежива... Сама не придет.

— Беда какая. — лицо Бэллы исказилось, как от боли. — Ладно, некогда разговаривать.

Давай, помогай мне! Стирай свои художества! Марк обреченно взялся за тряпку.

— Думаешь, не понимаю, что с тобой творится? — продолжала бормотать Бэлла, отдраивая стену, — Понимаю, золотой, ох как понимаю! Только что делать, если нельзя!

Марк молча стоял рядом, вытирал слезы тряпкой.

— Думаешь, ты один ее любил? Я, думаешь, не любила? — продолжала Бэлла, — Еще как, может побольше твоего! Она мне как родная!

— Она и мне родная. — послышался Сашин голос.

Бэлла и Марк переглянулись, как школьники, застигнутые у забора за написанием неприличного слова. Бэлла смутилась. Марк подхватил с земли одеяло и метнулся в кусты.

Саша проводила его удивленным взглядом, потом посмотрела на полусмытый мамин портрет. В упор взглянула на Бэллу.

— Волком-то не смотри на меня! — проворчала та, — Сама знаю, что нельзя. А как я его теперь брошу!

— Вы его знаете? — удивилась Саша. — А это? — она показала на портрет, — зачем он меня рисует?

— Не тебя. Мать твою он рисует, Ариадну. — вздохнула Бэлла.

— Но... она... он... — Саша не находила слов.

— Встретил ее в Самородье двадцать лет назад и голову потерял. Упросил, чтоб нарисовать ее. Позволила. А он пока ее рисовал, совсем умом тронулся. Выследил, сюда пробрался. А людям к нам нельзя. Вот и поплатился головой. Альбинаты его обратно выгнали, в Самородье. А там его чуть в дурдом не отправили. Он сбежал, сюда вернулся, пришел ко мне. С тех пор прячу его. Лечу понемножку.

Саша вытащила из кармана фотографию, молча протянула Бэлле.

— Где взяла? — отрывисто спросила Бэлла. Саша молча выдержала ее грозный взгляд.

— Ладно. Вижу, придется рассказывать.

— Придется. — мрачно подтвердила Саша.

Они сели на скамеечку под полусмытым портретом и Бэлла начала свой рассказ.

— В вашем роду, Агафьином, не только дар. Проклятье над вами висит. И все беды ваши от него.

— Проклятье? — недоверчиво переспросила Саша, — Ксенофонт про него не говорил.

— Ясное дело, не говорил. Харитоныч тебе рассказал о том, что в бумажках для туристов написано. А мы тут чуть побольше знаем.

— Что за проклятье?

— Слушай, не болтай. Расскажу.

...Агафья красавицей выросла. И не было в Самородье парня, который по ней не вздыхал. А она и бровью не вела. Замуж звали — не шла. На свободе хотела жить.

И вот раз пришли в Самородье люди из дальних земель. Муж с женой и молодой парень, сын ихний. Тоже беглые, понятно. Остались. Парень-то, ясное дело, Агафью увидел и присох намертво. И ее время, видать, подошло — полюбила его.

И все бы хорошо, но только жила в Самородье ведьма. Ну ведьма и ведьма, не

пакостишь — живи себе. Только дочка ее в того парня влюбилась. Уж как она старалась его у Агафьи отбить — и заговоры, и привороты и отвороты — все без толку. Пришла к Агафье. Отступишь, говорит, свет белый мне без него не мил. А Агафья ей: он, говорит, не козел на поводке. Хочет — пусть идет. А гнать не стану. А ты, говорит, напрасно ворожишь. Человечья воля — не игрушка.

С тем ведьмина дочка и ушла.

А Агафья к свадьбе готовиться стала. Приходит ведьма сама. Отступиться просит. Ты, говорит, вон какая красавица, выбирай любого. А дочка моя руки на себя грозится наложить.

А Агафья и ей те же слова. Силой, мол, не держу, а гнать не стану. А дочке скажи: чужое схватишь — семь раз заплатишь. Ушла и ведьма ни с чем. А дочка ее повыла-повыла, а потом на болото пошла, да и не вернулась.

Сильно опечалилась Агафья, хоть вины ее в том не было. К матери, к ведьме то есть, пришла, да так и сказала. А та говорит, не держу мол зла на тебя, над сердцем своим никто не властен. На том и успокоилось все. Агафья молодая была, не знала еще, как неутешно и памятно материнское сердце.

Еще сколько-то времени прошло, Агафью свадьбу стали играть. Всю деревню позвали, как полагается. Пришла и ведьма. Подарки молодым принесла. А как стали гости вставать, поздравлять жениха с невестой и желать им счастья, поднялась ведьма, достала из кармана порошок в пригоршне, на гостей дунула. Они и послули чародейным сном, и жених с ними. Одна Агафья не спит.

И говорит ведьма, мол, прокляла бы я тебя, змеищу рыжую, да кто-то сильный тебя защищает. Боюсь ее.

А отродье твое проклянута. Ни одна девка в твоём роду не вырастет при матери, до тех пор, пока все твое племя поганое не выведется. А ты, говорит, стерва, узнаешь, как материнское сердце слезами кровавыми умывается. И любой, кто с отродьем твоим свяжется, головой поплатится. Из другого кармана порошок достала и на Агафью сдунула.

Тут гости все проснулись, не видали они ничего, не слышали да так и не узнали.

Бэлла перевела дух.

— А дальше что? — спросила Саша, едва дыша.

— Дальше слушай...

Родилась у Агафьи дочка. Вся в мать, красавица, только волосы как у отца черные. Выросла, замуж вышла, дочку родила, да через три дня ушла на болота и не вернулась.

— Как? Почему? — прошептала Саша.

— А кто ее знает. Может в помешательство пришла, может поманило что-то. А может что похуже. Кто теперь узнает?

Сильно убивались Агафья с мужем. Только горевать им было некогда — младенчик на них остался. Девочка черноволосенькая, Агния назвали.

Выросла красавицей, как мать и бабка. Пришло время, стали сватать ее, а Агафья на дыбы встала — не отдам, не пущу! А ну как родится у нее дочка, так и Агнюшу потеряем.

Агния плачет, не понимает ничего. Делать нечего, рассказала ей Агафья о проклятии. А Агния ей и говорит: “ Непустишь меня, бабушка, замуж, не будет у меня детей, род наш прервется. Как ни поверни — а проклятье сбудется. Пойдем к той ведьме, попросим снять его. Я перед ней ни в чем не виновата.”

Агафье то как нож по сердцу — гордая была. Да внучку жалко. И проклятье в роду оставлять не хотела. Пошла.

А ведьму уж совсем к земле пригнуло, лет сто ей, не меньше. А злоба так и брызжет из глаз.

Поклонилась ей Агафья. Просит простить, проклятье снять. Она ей с лихвой заплатила, а внучка чем виновата?

Выслушала ее ведьма. Захохотала. Отвечает — снимется проклятье, если мальчик родится.

— И что? Родился?

— Не было пока мальчиков в вашем роду. — твердо ответила Бэлла. Одни девочки.

— А с мамой-то что?

— С мамой... Бабка твоя, Агриппина, на болотах сгинула. А дед твой пошел ее искать и тоже не вернулся. Я Ариадну к себе взяла, как дочку растила. Очень ее любила. Потому и вытолкала отсюда вон.

— Но зачем? Разве ей что-нибудь угрожало?

— Боялась я за нее сильно. Думала, будет далеко — проклятье не достанет. А вот видишь — достало. И тебя зацепило. Без матери осталась. Теперь вот за тебя боюсь.

Саша поежилась.

“Получается, что и папа пострадал. Как ведьма обещала. Светлана превратила его в говорящий манекен. И выходит, что из-за мамы. Значит и я...”

— Бэлла, а откуда ты все это знаешь? Это же было так давно. Может все неправда?

— Кассандра не только будущее видит. Прошрое тоже. — она помолчала. — Ехала бы ты отсюда! — сказала она грубо, встала и поковыляла к дому, оставив Сашу в полном недоумении.

“Ну вот. И Бэлла туда же. Проклятье? Оно ждет меня дома. Никуда я отсюда не уеду!”

Саша прокралась в дом, поднялась тихонько к себе на верхотуру и угнездилась с ногами на кровати, молясь Великим Хранителям, чтобы никто ее не услышал и не заметил. В библиотеку она решила сегодня не возвращаться — смысла нет, дело идет к вечеру. А вот поразмыслить кое о чем ей не помешает.

— Молчун!

— Что? — донеслось сквозь зевок из-под кровати.

— А пойди-ка ты погуляй, пожалуйста.

— Не хочу.

— Ну пожалуйста, уйди! мне подумать надо.

— Ну и думай себе на здоровье. Я-то при чем?

— Ты будешь подслушивать.

— Считаешь, в твою голову может забрести мысль, достойная быть подслушанной? Ну-ну... Ладно уж, поберегу свои уши.

Молчун выбралась из-под кровати, смерила Сашу презрительным взглядом и неторопливо покинула комнату. Саша закрыла за ней дверь, прыгнула на кровать.

Ей не терпелось додумать мысль, посетившую ее в Кассандрином доме. В Музее никто новый не появлялся. Превращение музы в азуму не прошло бы незамеченным для альбинов. Кассандру похитил кто-то из драгоценных. И оскурата натравил. И надо выяснить — кто?

Саша вытащила из рюкзака альбом. Без бумажки мыслей не собрать.

“С чего начать? Наверное, надо попытаться понять, на кого была охота — на меня или

на Кассандру?" — Саша покусала карандаш.

Если бы на Кассандру, то оскурат на ней бы и остановился. Зачем он пошел на второй этаж? Наверное все-таки за мной он пришел. Ну или за нами обеими. Это уже не важно, если его целью была я.

Но откуда он знал, что я наверху, если к Кассандре я забрела случайно? Я ведь сама на знала, что буду у нее. Кто-то следил за мной... Карлик, Каспар Хаузер! Ну конечно, он! Он спрятался в саду, выследил меня, увидел, что я вошла к Кассандре и побежал к хозяину! Хорошо, с этим ясно.

Кто хозяин? Кому я понадобилась... Что во мне такого особенного? Ничего. Есть мнение, что я умею летать на Пегасе. Кто в это верит? Клара, Филибрум. Вроде бы Бэлла. А может быть никому я не понадобилась, а наоборот, помешала? Нет, скорее понадобилась. Иначе зачем было подсылать ко мне карлика с письмом?"

Саше нравился ход собственных мыслей. Путем нехитрых умозаключений она кое-что выяснила. Дальше поехали.

Она записала в столбик имена драгоценных.

Клара, Бэлла, Филибрум, Савва, Карл Иванович, Платон Леонардович, Амалия Декаденция, Лев.

Вот вы все, голубчики. Кому-то из вас я понадобилась. Зачем?"

ГЛАВА 21. Тайна Декаденции

Для начала Саша решительно вычеркнула из списка Клару. Ее происхождение — ее алиби. Она давно очутилась бы в башне, если бы связалась с болотной нечистью. Альбинаты свое дело знают.

“Филибрум... Он еле передвигается, то и дело прилечь норовит, где ему плести интриги! А вдруг он притворяется? Нет, вряд ли. Шкаф-то на него в самом деле упал. Да и трудно притворяться целый год. Хотя...”

Напротив Филибрума Саша изобразила знак вопроса.

“Бэлла? Она смогла бы командовать оскуратом. Она кем угодно сможет командовать, если захочет. НО... Даже если бы это была она, вряд ли она стала бы рисковать Кассандрой. Вон как она побледнела, когда стало известно... Чуть не упала. И потом, она такая добрая.”

Саше стало стыдно. Она решительно вычеркнула Бэллу.

— Ты как всегда не о том думаешь...

— Ты опять здесь? — Саша и не заметила, как Молчун прокралась в комнату.

— Там холодно. И я все равно тебя слышу. ты не умеешь думать тихо.

— Ладно. — Саша нехотя поднялась, с досадой захлопнула дверь. — Почему я не о том думаю? А о чем надо?

— Упускаешь из вида кое-что. Способность летать на Пегасе можно использовать по-разному. Как и любой другой талант.

— Но как?

— Я-то откуда знаю? Просто тебе пищу даю для размышлений.

“Она права. Но как догадаться? Как я могу понять — зачем, если не знаю — кто? Надо исходить из того, кто мог подчинить себе оскурата.”

— И дружить с Утробой.

— С Утробой? Так она существует?

— А как же. И ей-то ты и нужна, ведь оскураты — ее слуги. Значит без нее не обошлось.

“Ух, как все закручивается! Хорошо, попробуем представить, кто мог служить Утробе. Да кто угодно! Но опять таки... Филибрум чисто физически не способен на такую активность. Бэлла не стала бы рисковать Кассандрой, она ее любит. Клара не драгоценная. Их вычеркиваем. Пока все правильно. Кто там дальше? Савва.”

Саша посмотрела в темное окно. Задумалась.

“ Чисто теоретически — мог бы. Но он слишком сам по себе. С трудом представляю, что он может кому-то служить. И потом — сколько мы с ним бродили по всяким глухим местам. Уже сто раз мог бы привести меня к оскурату! Он же этого не сделал! В лесу тогда меня вытащил! Нет, это не он.”

Саша со вздохом облегчения вычеркнула Савву из списка.

“ Карл Иваныч? Нет. Он меня по-настоящему боялся, когда увидел, в башню хотел отвезти. И Платон Леонардович не годится — он меня сегодня еле узнал. А может притворился? Нет. Он слишком занят своими разработками. Не он.

Амалия... Темная лошадка. Я ее почти не знаю. Соблюдает нейтралитет, ни за меня, ни против. Саша вывела жирный знак вопроса напротив Амалии. Подумала и добавила восклицательный.

Декаденцию она вычеркнула без размышлений. Надо быть полной дурой, чтобы

связаться с такой дурой. А Утроба вряд ли уж совсем дура.

Остается Лев. Три восклицательных. Годится на роль злодея больше, чем кто бы то ни было. Высокомерный, амбициозный, ради своей цели по головам пойдет.

— Слишком очевидно, тебе не кажется? Было бы разумно в этом случае хоть немножко притвориться.

— Может не считает нужным. Думает, он умнее всех. А может слишком зол на меня, вот оно и лезет наружу. Как бы то ни было — он мой главный подозреваемый. А на втором месте Амалия. Еще Филибрум под вопросом — третье место. Вот за ними и надо понаблюдать. И их остерегаться.

Уф-ф. Теперь можно и отдохнуть немножко. Заслужила. Надо будет попозже Савве рассказать. Придется. Ей помощь понадобится, а Савва по уши влип, ему деваться некуда. Саша вырвала из альбома исписанный листок, сложила, сунула в карман.

Теперь можно и поспать. А потом проснуться и подумать, как дальше быть и что делать. Может Савва что-нибудь подскажет. Отличный план! Иди сюда, подушечка...

Но не тут-то было. Раздался осторожный стук в дверь, и на пороге возникла Клара. Как будто только и ждала Сашиного возвращения. Вошла, села рядом на кровать и немного помявшись, вдруг спросила, не сочиняет ли Саша стихи. Так, случайно.

— Еще чего не хватало! — возмутилась Саша.

Клара загадочно улыбнулась.

— А Филибрум говорит — пишешь.

— С чего он взял?

— Если кто-то что-то пишет, то Филибрум об этом знает. Он даже припомнил кое-что... сейчас... — Клара подняла глаза к потолку.

— Не надо! — перепугалась Саша. — Верю! Ладно, писала. — угрюмо созналась она, — В детстве. А зачем вам стихи?

— Видишь ли, в чем дело... Кларины щеки слегка порозовели. — Завтра Агафьин день В Самородье будет праздник. Декаденция по традиции поднимется на сцену и прочтет экспромт.

Саша представила себе эту картину. Хихикнула.

— Ну и пусть читает. Я-то здесь причем?

— Беда в том, — смущенно продолжала Клара, — что уже несколько лет она ничего не сочиняет. А экспромт ей тем более не по силам. И вот Кассандра придумала нечто гениальное: мы сочиняем стихотворение и подбрасываем ей, пока она спит. А Декаденция находит его, и верит, что на нее снизошло поэтическое озарение.

— Вы серьезно? Даже ребенка так не надуришь! Неужели Декаденция верит в такую чушь?

— Не знаю. Может быть просто хочет верить. Но все получилось так, как сказала Кассандра. Она никогда не ошибается! Кстати, стихотворение тоже сочиняла она. А сейчас Кассандры нет и я ума не приложу, что делать. Никто из нас не умеет сочинять стихи.

Клара беспомощно взглянула на Сашу. Та насупилась. Писать стихи ей совсем не хотелось, но как отказать Кларе?

— Почему вы думаете, что никто не может, а я смогу? И даже если так... Декаденция про маму гадости говорит и меня чуть на кухню не отправила. Пусть позорится!

Клара погладила ее по руке.

— Сашенька! Это нужно не только Декаденции. Это — для всех нас. Для Музеона

Понимаешь, должно быть что-то неизменное. Что существует невзирая ни на что. Даже сейчас, когда все плохо.

“Ну как она это делает!”, — с тоской подумала Саша. Она понимала, что не отвертится, что сочинять экспромт ей придется.

— Имейте в виду, ничего хорошего я не напишу. — мрачно предупредила она. — Я вообще стихов не читаю и не люблю.

Кларины глаза замерцали аквамарином.

— Я уверена, у тебя прекрасно получится!

Саша тяжело вздохнула.

— Ладно. Но только ради муз. И ради вас. Когда?

— Сегодня вечером...

— Я попробую. Но не обещаю.

Клара просияла и упорхнула. А Саша, кляня свою мягкотелость, полезла в рюкзак за Алисиной тетрадь.

“В конце концов стихи — это можно. Я только насчет прозы зарекалась. Так. Экспромт. Наверное надо про Источник что-нибудь... с чем он там рифмуется?”

Но то ли равнодушие к поэзии сказывалось, то ли недостаток рвения — дело не двигалось. Выходило глупо и криво. Саша нервничала, злилась, и от этого, разумеется, становилось только хуже.

— Кассандра им, видите ли, писала... — негодовала Саша, с остервенением грызя ни в чем не повинный карандаш, — и чего только не умела эта Кассандра!

Скрипнула дверь. В комнату прокралась Молчун. Запрыгнула на кровать.

— Чего тебе? — не глядя на нее, бросила Саша.

— Мне ничего. Это тебе — чего.

— Не поняла. — Саша хмуро посмотрела на Молчун.

— Ты меня звала.

— Я? Зачем ты мне нужна? Тебе показалось.

— Как же показалось, если у меня уши чешутся.

— При чем здесь уши твои?

— Музы чувствуют, когда их настойчиво призывают. И у некоторых от этого бывают неприятные ощущения. У меня начинают чесаться уши.

— Странно. Я просто сидела и писала. Вернее, пыталась.

— Очень настойчиво пыталась. Очень уши чешутся.

Саша снисходительно почесала Молчун за ухом.

— Спасибо, это приятно. Но бесполезно. От музьего зуда не помогает. Пиши уже! А я так и быть, посижу с тобой.

— То есть я напишу стихотворение, и у тебя перестанут чесаться уши?

— Именно.

— Ладно. Будешь помнить мою доброту.

К ее удивлению, дело вдруг пошло. Слова находились, строчки складывались будто сами собой. Саша машинально почесывала Молчун за ушком, та благодушно мурчала.

— Ну вот! — гордо выдохнула Саша. — Для Декаденции сойдет. Спасибо за помощь.

— Если что, я рядом.

Молчун спрыгнула с кровати и выскользнула за дверь.

— Молчун!

— Что?

— Насчет ушей. Так у всех муз бывает?

— У всех по-разному. У меня — уши.

С радостным грохотом Саша сбежала по лестнице.

— Клара! Я написала! — завопила она и сунула блокнот Кларе под нос. — Читайте!

— Ты моя хорошая! Давай-ка посмотрим.

” Мне снится чудный сон — он сна меня лишает,” — начала она вслух, —

“Как будто конь крылатый прочь унес беду.

Мне чудится — Источник вновь играет...

И просыпаюсь я и к кратеру бреду.”

Она приостановилась и взглянула на Сашу поверх очков.

— Я специально так писала, — смутилась та, — как будто я — это Декаденция.

Клара кивнула и продолжала:

—” И, стоя на краю, я как дитя мечтаю

О светлых днях, о танцах юных муз...

Мне верится — Источник заиграет!

И упадет с души тревоги груз.

Но кратер пуст, и злобный ветер воеет,

И все мои мечты летят ко дну.

И плачу я, и нет в душе покоя,

И я волчицей вою на луну...”

Клара сняла очки и улыбнулась.

— Не нравится? — нахмурилась Саша.

— Что ты, Сашенька! Прекрасно. Правда, немного пессимистично.

— Я вас предупреждала.

— Деточка! ты сделала очень хорошее и нужное дело. Спасибо тебе огромное! Теперь осталось немного — переписать его и поздним вечером подбросить Декаденции. Первую часть традиционно выполняю я. У меня отлично получается подделывать почерки. А со второй тебе поможет Савва. Он сейчас придет.

— То есть мне еще и подбрасывать? Ночью? Я не могу, мне рано вставать. Я работаю, вообще-то!

— Завтра можешь спать сколько захочешь! Я договорилась с Филибрумом. Деточка, больше никому. И Савва уже скоро придет!

— Вот пусть он сам и подбрасывает.

— Там нужны двое. — ответил Савва. Он уже стоял в дверях.

Поздно вечером, навьюченные тяжелой корзиной с едой они перелезли через забор в сад Декаденции. Корзину тоже пришлось перекидывать через забор. Саша злилась.

— Вот зачем это все? Далась вам эта Декаденция!

— Видишь — свечи в окошке, — зашептал Савва, пропуская мимо ушей ее ворчание, — это кабинет. Стой там рядом и жди меня. А я отнесу корзину и сделаю так, чтобы она открыла окно. Держи.

Он вытащил из-под тряпки, прикрывавшей корзину исписанный листок бумаги, результат Сашиных поэтических мучений.

— Держи осторожно, не помни. Он должен быть гладким. Окно откроется — не шарахайся.

— Что за...

— Тссс! Потом будешь ругаться. Сначала дело сделаем.

В доме Декаденции темно. Одно окошко светится — кабинет, святая святых. На старинном письменном столе горят черные свечи в серебряном подсвечнике. На столе чернильница с полувыхсохшими чернилами, желтоватая бумага, разложены гусиные перья. Это все для атмосферы. Декаденция рвет и комкает бумагу, швыряет ее по углам, ожесточенно трет лоб, грызет перья — она сочиняет экспромт.

“о Музеон, моя обитель!

Я твой благословенный житель...

“Отличная рифма!”, — потирает руки поэтесса и продолжает: “Дарю тебе свою любовь! — о, да, сейчас Музеону это просто необходимо. Как же дальше... любовь... Ты вновь мою волнуешь кровь...” — ой, нет, не то. Любовь... Любовь... увижу вновь...

“Дарю тебе свою любовь... и жду, когда увижу вновь...”

Что я там вновь увижу? Или услышу? Надо что-то про муз и про источник. Так и напишу. Вот дрянь какая! Чернила почти высохли! Как можно что-то сочинить, когда писать нечем! Ну почему я должна заниматься такой ерундой! Я поэт, а не секретарша! Надо завести помощника. Должен же кто-то взять на себя эту тоскливую рутину, а то все приходится делать самой! Может эту девчонку нанять, хоть какая-то польза от нее будет. Не все же ей в библиотеке дурака валять.

“Дарю тебе свою любовь... и жду, когда увижу вновь...”

Источник, музы на лугу, я жду, дожждаться не могу...” — три раза “жду”, не пойдет! “И я дожждаться не могу...” теперь два раза...

Декаденция совершенно измучилась. Никак ей не придумывалось, чего она там не может дожждаться.

“Может прочесть прошлогдний? Все уже его забыли, должно быть... Хотя, с другой стороны, как можно забыть мои стихи? Кто-нибудь наверняка помнит. Будет конфуз. Как-то легко мне в прошлый раз удалось сочинить... я как будто впала в поэтический транс, очнулась — а оно уже написано! А сейчас никак.

“...Жду, дожждаться не могу того волшебного мгновенья...”

Стук в дверь прервал ее невеселые размышления.

— Ну вот, теперь идти открывать! — застонала поэтесса. — Только на мысль набрела! Нет, надо завтра же потребовать помощницу! Она подошла к двери, придала лицу одухотворенность и томным голосом спросила:

— Кто-о-о?

— Это я, Савва, откройте пожалуйста!

Декаденция открыла дверь. Савва стоял на пороге с большой корзиной в руке.

— Бэлла просила передать вам свежие чернила и кое-что на ужин. — сказал он, смущенно улыбаясь.

— Ну наконец-то! Что так долго! Где чернила?

— Там. — Савва показал подбородком на корзину.

— Ну так неси! Я сама, по-твоему, должна тащить такую тяжесть? Корзину на кухню, а чернила в мой кабинет!

Савва побрел на кухню, натываясь в темноте на мебель и дверные косяки. Декаденция прошмыгнула в кабинет и быстренько спрятала в ящик стола листок со стихами.

— Можно? — Савва мялся на пороге с бутылочкой чернил в руке.

— Давай уже скорей!

Он прошел к столу, протянул ей бутылочку.

— Открой и вылей в чернильницу! Об эти Бэллины пробки все пальцы переломаете! Осторожно, не запачкай стол! Это старинное сукно! Вот так. Все, иди.

Но Савва не торопился. Он обвел кабинет восхищенным взглядом.

— Как у вас здесь красиво.

— Ты находишь? — кокетливо откликнулась поэтесса, все ее раздражение как рукой сняло.

— Такая творческая атмосфера. Так изысканно, романтично... Только душно очень!

— Душно? — снова сдвинула брови Декаденция.

— Душновато... немного, — смутился Савва. — Я беспокоюсь, как бы у вас не разболелась голова. Позвольте, я открою окно.

— Да, будь любезен, дружок, — милостиво разрешила Декаденция, — только не опрокинь чернильницу, и передвинь подсвечник, чтобы ветер не задул свечи!

— Да, конечно, — Савва со всеми предосторожностями распахнул окно, — Кстати, ветра совсем нет. Прекрасная, тихая ночь.

— О да! — согласилась Декаденция, — в такие ночи рождаются божественные стихи! А теперь иди, дружок, мне кажется, меня посетило вдохновенье! И захлопни за собой дверь!

Поэтесса придала лицу соответствующее выражение, дождалась, пока за Саввой захлопнется входная дверь и побежала на кухню.

Корзина стояла на столе. Декаденции стоило больших усилий не сунуть туда нос при Савве — не пристало поэту приходить в восторг от запаха еды. Но она была голодна, и вкус Бэллиной еды ей был хорошо знаком.

Дрожащими руками она извлекла из корзины пакет с пирогами, горшочек грибов, запеченных в сметане, яблочный рулет, банку вишневого варенья и завернутые в бумагу домашние колбаски. Ах да, еще бутылка с вишневым морсом. Декаденция, не утруждая себя раскладыванием еды на тарелки, принялась пировать. Ей показалось, что Бэлла добавила в морс что-то новенькое — тимьян, или можжевельниковые ягоды... Надо будет спросить у нее при случае. Через четверть часа Декаденция отвалилась от стола, зевнула, взглянула на круглые настенные часы — ого! время-то не ждет! А у нее работа не закончена. Ах, как не хочется! После вкусного и сытного ужина так и тянет завернуться в мягкий плед и вздремнуть. Но экспромт сам себя не напишет! Нет, помощника надо заводить...

Поэтесса снова зевнула и поплелась в кабинет. Свежий воздух немного взбодрил ее. Савва умный мальчик, хорошо придумал открыть окно. Свечи почти догорели, но доставать и зажигать новые было лень. Тем более ей всего пару строк осталось сочинить.

Она села за стол, вытащила из ящика свой экспромт.

“ О Музеон, моя обитель!

Я, твой благословенный житель,

Дарю тебе мою любовь

И жду, когда увижу вновь

Источник, музы на лугу...

И я дожидаться не могу...

— Великолечно для экспромта... — Декаденция зевнула до слез, — чего я там не могу дожидаться?

Того прекрасного мгновенья.... Когда... доем свое варенье” — Тьфу, опять не туда! Поэтесса протерла глаза, встряхнула кудряшками, разгоняя сон.

“ Того волшебного мгновенья, когда мое стихотворенье... когда источника бурление... Невы державное течение...” — ой, простите, Александр Сергеевич, это ваше!.. — “...того волшебного мгновенья, когда... наступит озаренье, когда вернется вдохновение...”

Глаза поэтессы закрылись, голова с глухим стуком опустилась на зеленое сукно.

Прошло минут пять. В раскрытом окне показалась голова Саввы. Он тихонько окликнул Декаденцию. Не получив ответа, позвал ее погромче, но с тем же результатом. Он довольно кивнул, просунул сквозь открытое окно исписанный листок бумаги и точным движением отправил его на стол. Свечи уже почти совсем догорели, но Савва на всякий случай подтянулся на руках, всунул в окно и задул их — мало ли, что может случиться. Подумал, взял со стола изгрызенное гусиное перо и положил его сверху листа.

— И что это мы с тобой сейчас провернули? — спросила Саша, когда они благополучно выбрались из логова поэтессы и уселись на травке в душистых зарослях Кларинового сада.

— Избавили Декаденцию от позора. — невозмутимо ответил Савва.

— Ты что, ее отравил? — ужаснулась она.

— Нет, только усыпил. — ответил он, безмятежно улыбаясь. — Бэлла добавила в еду какую-то снотворную траву.

— Не понимаю, зачем вам это надо! — не выдержала Саша, — Хорошая мина при плохой игре?

— Ты будешь завтра в Самородье? — неожиданно спросил Савва.

— В Самородье... — Саша слегка растерялась и не сразу сообразила, что ответить. Слишком резко он сменил тему. — Я... да, наверное. Если мне разрешат пойти. Приду тебя послушать. Ты ведь завтра играешь?

— Не надо. Не приходи.

— Это еще почему?

Он не ответил, отвернулся.

— Ты перезанимался. — заметила она.

Повисло натянутое молчание. Саша чувствовала, что Савва хочет сказать что-то важное, но не решается. И в какой-то момент поняла — нет, не решится. Тогда медленно, будто рассуждая вслух, она проговорила:

— Странно получается... Декаденция не может писать стихи. Клара не может заниматься садом, но и с Музеоном она не справляется. Филибрум не приближается к книгам, потому что Кассандра предсказала ему смерть. Бэлла ненавидит готовку лютой ненавистью и тоскует по своим травкам. Кто же здесь занимается своим делом? Платон Леонардович? Карл Иваныч? Ты?

Это был вопрос, требующий ответа. Но Савва не сводил с нее напряженного взгляда и молчал. Наконец осторожно спросил:

— К чему это ты?

Саша будто этого и ждала.

— Не понимаю — почему музы так боятся попасть в Город Мертвых Талантов? — с вызовом произнесла она, глядя на него в упор. — Они и так в нем живут.

Сказала и пожалела. Уже не раз она убеждалась, что бесполезно его провоцировать, он только глубже прячется в свою раковину. Так вышло и в этот раз. Савва поднялся с земли и протянул ей руку.

— Уже поздно. — спокойно сказал он, — Пора по домам.

— Имей в виду, — предупредила напоследок Саша, — я приду завтра в Самородье. Так что советую тебе как следует подготовиться.

Рассвет застал поэтессу спящей за столом. Ее разбудили птицы и утренняя прохлада. Она подняла голову, размяла задеревеневшую шею, закрыла окно, прошлась по комнате, зевая и поеживаясь.

— Как же я так заснула? — с досадой пробормотала она. — Не надо было наедаться ночью... Милостивые создатели, мой экспромт!

Она метнулась к столу, схватила листок, пробежала глазами строчки, написанные ее изящным почерком. Уставилась бессмысленным взглядом в окно, будто силясь что-то вспомнить.

— Я же не... мне кажется, я писала что-то другое...

Она снова внимательно перечитала стихотворение на листке бумаги.

— Невероятно... Неужели я еще и медиум? Да, да, это так! — едва дыша прошептала Декаденция, закончив чтение и прижимая листок к груди.

— И снова чудо! Благодарю вас, Великие хранители, что не забываете меня! — произнесла она, возведя глаза к потолку. Потом села за стол и принялась учить стихотворение наизусть. Нехорошо читать экспромт по бумажке.

ГЛАВА 22. Агафьин день

Саша проспала почти до полудня, великолепно выспалась, и этого оказалось достаточно, чтобы жизнь показалась ей почти прекрасной.

И только одно мешало наслаждаться моментом — сегодняшний праздник в Самородье.

Пообещать Савве заявиться на его выступление было легко. Труднее будет осуществить свою угрозу. Ее могут не выпустить, и скорей всего, так и будет. А между тем, ей бы не помешало появиться в Самородье и пошнырять там. Может что-то новое удастся разузнать. Да и Савва темнит не на шутку. С чего вдруг ей стало нельзя его слушать? Толпе народу можно, а ей нельзя! Он ведь уже играл при ней, и как играл! А теперь не хочет, чтобы она приходила. Очень странно. Надо бы выяснить — с чего такая перемена. И для этого нужно изобрести серьезную причину для визита на праздник. Но какую? В голову ничего не приходило. Все утро Саша перебирала возможные поводы, и не находила подходящего. Так ничего и не придумав, отправилась в библиотеку.

Филибрум, сидя за столом, возился с каким-то допотопным агрегатом. Его тонкое лицо страдальчески кривилось. Очевидно, дело не ладилось.

— Что это вы, Филипп Брунович, антиквариатом приторговываете? — весело поинтересовалась Саша.

Но Филибрум, по всей видимости, не был настроен шутить.

— Да вот, камера меня подвела! — отозвался он, чуть не плача, — Объектив не выезжает, заело что-то. Просил ведь Платона — проверь, проверь! Так он забыл! И в самый ответственный момент взял и пропал!

— Пропал? — насторожилась Саша. — Как? Куда?

Известие о пропаже Платона Леонардовича ей совсем не понравилось. Еще одного не хватало!

Но Филибрум был слишком погружен в свою беду, чтобы обратить внимание на тревожные нотки в Сашином голосе.

— Что мне теперь делать? — капризно спросил он у камеры.

— Ну и аппарат у вас! — фыркнула Саша, — Вы бы еще магниевый достали! А вам зачем?

— Это не мне, — дрожащим голосом ответил мэтр, — Мне вообще уже ничего не нужно! Это для Декаденции.

— Ах, ну конечно, для Декаденции. — язвительно проговорила Саша. — Могла бы сама догадаться. А ей зачем?

— Для своей стены славы. Не видели? Ах, да, вы же не были у нее дома... “Поэт читает экспромт!” Каждый раз в новом образе. Хотел вас попросить сделать фотографии, и вот, пожалуйста! — он с досадой отпихнул от себя бесполезную камеру.

— И чего вы все носитесь с этой Декаденцией, не понимаю! — злилась Саша.

— Слышали бы вы ее раньше — не спрашивали бы. Это была... феерия! Волшебство! А сейчас... все гибнет, рушится, валится в тартарары... — он безнадежно махнул рукой. На лице его отразилась такая печаль, что Саша удержалась от очередной язвительной реплики в адрес поэтессы.

— Воспоминания и традиции — это все, что у нас осталось. — продолжал Филибрум. — Раньше я сам фотографировал Декаденцию, сегодня хотел попросить об этом

вас. И вот, пожалуйста! — он с досадой отпихнул от себя бесполезную камеру, — Теперь извольте выслушивать истерику! — Он уронил голову, бессильно сторбился, весь уйдя в свою печаль.

Саша встрепенулась. Вот отличный повод для визита в Самородье! Ее наверняка отпустят, если Филибрум попросит.

— Смешной вы, Филипп Брунович! — радостно воскликнула она, — Мне бы ваши проблемы. Розетки у вас тут есть?

— Розетки? — переспросил Филибрум, не поднимая головы, — Есть где-то. В другом крыле. Со стороны Самородья. Что в них теперь толку?

— У меня есть камера. В телефоне. — сообщила Саша тоном заговорщика.

— В телефоне? — оживился Филибрум, — И вы сможете?

— Смогу, если получится зарядить. Шнур у меня есть. С вас розетка.

— Вообще-то, в Музее мы такими штуками не пользуемся... — капризничал мэтр, но в глазах его уже засветился привычный хитроватый огонек.

— А мы и не будем, — подыграла ему Саша, — мы в Самородье воспользуемся. Там же и напечатаем. И никаких истерик!

Филибрум добыл для Саши разрешение. Уполномоченный альбинат со свитой подвел ее к калитке и строго предупредил, что если она вздумает сбежать, то у ее драгоценных поручителей будет куча неприятностей. Разумеется, он выразил эту незатейливую мысль на своем, альбинатском языке, но Саша не смогла бы повторить его тираду, даже если бы очень постаралась.

Напрасно они так волновались и тратили на нее драгоценное время. Если бы ее сейчас силой посадили на паром, она спрыгнула бы и поплыла обратно. Но она промолчала, с достоинством кивнула альбинатам и прошла сквозь калитку в тупик Жанны Д"Арк.

И — крики, пение, завывание разом обрушились на нее. В тупике, возле самой стены полыхал огромный костер, и казалось, живая Жанна среди огня совершает свой страшный путь к бессмертию. Искры, вспышки, тени от языков пламени бесновались на темной стене, и Саше почудилось на мгновение, что нарисованное лицо исказилось от боли. Она расстроилась, развернулась, пошла вперед, запретив себе думать, что увиденное ею — дурной знак. Ей нужно попасть на площадь Безобразова. Сегодня это просто — толпы людей направляются туда, там там будет происходить самое интересное. Но и здесь, в паутине узких улочек есть на что посмотреть. Повсюду горят костры, как символ эшафотов, от которых спаслись предки жителей Самородья. Люди, переодетые в колдунов и ведьм, или просто нарядившись в лохмотья, несут в руках пылающие ветки или пучки хвороста. В Агафьин день по всему городу огонь и веселье.

Саша брела по улице, озаренной красноватым светом, горло щипало от дыма, слезились глаза, но она всматривалась

жадным взглядом в чужие лица вокруг. Безумием было бы надеяться, что она увидит маму, но при чем здесь здравый смысл?

Всеобщее приподнятое настроение не заражало ее. Утреннее предчувствие счастья незаметно испарилось. Был ли тому виной недобрый знак в тупике Жанны Д Арк, или тревожные отсветы на стенах и лицах — она не знала, и лень было докапываться до

причины. И мысли ее одолевали такие же мрачные и тягостные.

Ей казалось, что никогда раньше она не чувствовала себя такой одинокой, потерянной, всем чужой. И отчего-то было стыдно, словно она проникла сюда обманом и хочет напакостить хорошим людям. Уворачиваясь от очередного факела, Саша чуть не сбила размалеванный фанерный стенд для фотографий, с отверстиями для рук и лиц. Кажется, они называются тантамарески. Дурацкое название! И идея убогая — какой смысл увековечивать собственную глупость? Ведьма на метле, алхимик в лаборатории, еретик на эшафоте... Каким надо быть идиотом, чтобы просовывать голову в дыру, да еще считать это забавным! Но вот же, фотограф стоит перед тантамареской, изображающей Агафью на Пегасе. Он настраивает камеру, а стенд слегка покачивается, позади него явно кто-то есть. Саша обернулась, приостановилась в мрачном ожидании. Кому вздумалось по доброй воле побыть девочкой на Пегасе?

Бледно-голубые глаза внимательно посмотрели на Сашу через отверстие, полыхнули ледяным огнем в ярком свете вспышки. Светлана! Сашу будто кипятком окатили, и она, сама не помня как, очутилась за распахнутой дверью небольшого магазинчика за углом. Вжалась в стену.

“Не может быть! Показалось!” — соображала она, пытаясь унять дрожь и успокоить дыхание. Безрезультатно.

“Если она выследила меня, то зачем ей себя обнаруживать? Какой смысл меня пугать? Тогда уж надо сразу хватать. Нет, мне показалось!”

Но все же надо было в этом убедиться, иначе ей не будет покоя. Она собралась с духом и осторожно, на пару миллиметров высунулась из-за двери. Не видно, мешает угол дома, люди, дым... Не отлипая от стены, гусиными шажками Саша выползла из своего укрытия, вытягивая шею, готовая в любой момент броситься наутек, попутно соображая, где может быть ближайшая калитка в Музеон. Вот этот фанерный стенд с Пегасом, краешек торчит. Она еще сильнее вытянула шею...

И вдруг шум, крики, вспышки факелов. Откуда взялась эта процессия? Люди с разрисованными лицами, в обтрепанных балахонах и остроконечных шляпах, размахивая факелами, хохоча и завывая, заполнили узенькую улицу, скрыли от Саши тантамареску. А она застыла прямо на пути развеселой толпы.

Впереди процессии скачет длинноволосый человек в белой рубашке с красным платком на шее и несет веселую ахинею:

— Они сжигали на кострах наших прабабушек, они топили их, вешали, запирали в психушки! — выкрикивает он, сверкая белыми зубами, — Но они живы, потому что мы есть! Мы, их потомки, живем! Мы швыряем в огонь наши страхи, мы сжигаем их, пока они не сожгли нас, и ради смеха мы делаем селфи в смирительных рубашках! Смотри! — крикнул он Саше, указывая на ей за спину. Она машинально обернулась и застыла от ужаса. Прямо на нее надвигались два огромных человека в белых балахонах. В ручищах они державшили за две стороны грязно-белую смирительную рубашку из грубой ткани. Они шли, перегораживая поперек всю улицу. Их лица прятались под колпаками с прорезями для глаз.

— Хочешь селфи из психушки? Запомнишь этот праздник на всю жизнь! — услышала Саша у себя над ухом. Визгливый хохот вывел ее из ступора. Она развернулась и нырнула в самую гущу процессии, которая заполнила собой узкую улицу. Санитары что-то весело и хрипло кричали ей вслед.

“Если они сейчас меня скрутят в рубашку, то даже если я буду орать во все горло, никто

не поверит, что это всерьез!” — лихорадочно соображала Саша, продираясь сквозь толпу. Ей казалось, она слышит за спиной тяжелый топот и позвякивание пряжек на кожаных ремнях рубашки. Факелы выписывали перед ее лицом огненные узоры, она, рискуя подпалить волосы, лавируя и пригибаясь, пробралась, проскользнула, протиснулась, и, выскочив на площадь Безобразова, облегченно вздохнула. Все! Она в безопасности. Здесь они не посмеют ее схватить. Она отдышалась, привалившись к стене. Процессия с факелами не показывалась, санитаров тоже не было видно. Должно быть свернули на другую улицу.

А здесь, на площади Безобразова как будто другой город и другой праздник. Саше даже показалось на минуточку, что она снова в Москве. Музыка, гирлянды воздушных шаров, сахарная вата, мыльные пузыри, бумажные фонарики... Домашнее такое веселье, милое и спокойное.

Посреди площади возвели деревянный помост, обложили дровами — это традиция. Так делают всегда в память о том, как Агафья спасла Самородье. На этом помосте как раз все и происходит. Сейчас там меняли декорации, увозили за ширмы ободранного фанерного Пегаса — видимо только что закончился спектакль. Плотная толпа окружала помост, а Саше нужно было подобраться к нему как можно ближе, ей Декаденцию надо снимать. Она вздохнула и решительно ввинтилась в толпу. До нее доносились обрывки разговоров — зрители обменивались впечатлениями о только что завершившемся спектакле.

— ...просто позорище! Время только потеряли.

— ... Амалия сама на себя не похожа! Еще лет пять назад такие спектакли ставила — смотришь на одном дыхании! А сейчас... ну танцы, ну костюмы... А не цепляет.

— Да... Столько про нее говорили! Гениальный режиссер, потрясающие спектакли...

— Так у нее звездная болезнь прогрессирует! Я каждый год здесь бываю. И с каждым годом все меньше желания ехать — все на глазах разваливается. Уже и труппа разбежалась, а она не видит ничего...

“Ну вот. И с Амалией беда.” — расстроилась Саша. Она вспомнила их вчерашний разговор с Саввой. Она еще спросила — кто в Музее занимается своим делом? Кому удалось сохранить свой талант? Ляпнула наобум и, похоже, попала в точку. Но почему она за них за всех так переживает? Почему недобрые слова в адрес Амалии ранят ее? Что ей за дело до них до всех? Когда она успела завести манеру принимать близко к сердцу чужие беды?

Пока, терзаемая этими невеселыми мыслями она пробиралась к сцене, то неожиданно осознала, что ей не хочется попадаться Савве на глаза. Чертенюк, со вчерашнего вечера толкавший ее в бок, присмирел и затих. Она вдруг задумалась, чего она все время дразнит Савву? Просил человек не приходить, наверняка для этого есть серьезная причина. Гордость у Саввы зашкаливает, и если уж он о чем-то просит, значит ему это действительно нужно. Но, с другой стороны, все эти люди на площади — им же можно! А ей почему нельзя? Его музыка — то, что ей необходимо сейчас больше, чем любому другому. Хоть на пару минут забыть о своих неприятностях, закрыть глаза и уплыть.

Размышляла об этом, она подобралась почти к самому помосту. Когда обнаружила это и спохватилась, отступить было поздно, Савва уже поднимался на сцену.

Так странно, так непривычно было видеть его в белой рубашке с закатанными рукавами, с небрежно повязанным синим шелковым платком вместо галстука. Кто, интересно, так красиво его завязал? Не сам же. Амалия, наверное... О, сегодня он играет на скрипке. Этого она еще не слышала.

— Говорят, это что-то фантастическое! — услышала Саша позади себя. Она украдкой

обернулась — две дамы с интересом разглядывали Савву.

— Мне сегодня в городе так и сказали — обязательно послушайте, как этот мальчик исполняет “Лесного царя” Шуберта. — сказала одна из них, сверкая глазами.

“Вот как! Оказывается, о Савве ходят легенды. А он знает?”

— Любопытно... Еще и красавчик! — откликнулась ее подруга

“Красавчик? Хм...” — Саша взглянула на него будто в первый раз. Если бы они встретились как-то по-другому, она тоже могла бы так подумать. Мягкие каштановые волосы, бледное лицо, бархатные глаза... Что ж, драгоценный есть драгоценный. Ничего удивительного. Но в момент их знакомства она была просто не в силах замечать такие мелочи. А теперь просто привыкла.

— Да... и взгляд такой отрешенный. — продолжала первая дама.

Саша стояла близко и ей хорошо было видно Саввино лицо.

Если даме его взгляд показался отрешенным, то от Саши не укрылась неуверенность. Он явно чувствовал себя не в своей тарелке. Но почему? Музыка — это его стихия, его радость и убежище, а мнение окружающих ему почти безразлично. Он играет скорее для себя, чем для других.

В этот момент их взгляды пересеклись. Савва нахмурился. Саша смутилась, виновато улыбнулась, опустила и снова вскинула на него глаза. Было видно — он злится, что она все-таки выполнила свою угрозу и явилась сюда, и в то же время рад, что она здесь. Будто она — единственная, кому он может доверить секрет, не боясь, что она его разболтает. Единственная среди чужих. Это слегка озадачило Сашу. С каких пор ему нужна поддержка? Раньше она за ним такого не замечала. Может его смущает публика? Или ему неудобно в концертной одежде? Шелковый платок ему точно мешал — он несколько раз подносил руку к горлу, как если бы что-то не давало ему дышать. Наконец не выдержал, развязал платок. Глубоко вздохнул. Поднял смычок.

Никто никогда не смог бы сказать, что это было плохо. Это было великолепно. Безупречно. Но ничего похожего на то, что она слышала возле озера, не было и в помине. Его музыки, парализующей, вызывающей желание обнять весь мир, летать, хохотать и плакать — ее больше не было. Казалось, играет идеально отлаженный музыкальный автомат.

Саша растерянно оглядывалась — слышит ли, понимает ли это кто-то кроме нее? Трудно сказать. Она же не знает, как это было раньше. Сейчас лица слушателей выражали что положено в таких случаях и ничего более. Но дело не в них. С Саввой творилось неладное, невозможное. Что же могло случиться? Понимает ли он сам, что происходит? “Хорошая мина при плохой игре...” — вспомнились ей ее вчерашние слова, — “при плохой игре... То-то он так резко переменялся! Он знал, что сыграет плохо! Но как? Откуда?”

Раздались аплодисменты, но Саша видела — Савва их не слышит. В его глазах была паника.

— Очень мило! — сказала дама позади.

— Да, техника на грани фантастики! И такой очаровашка... — сладким голосом согласилась подруга.

“Какой кошмар! Хорошо, что он этого не слышит.”

Савва неловко поклонился и покинул сцену. Саше хотелось пробраться к нему, что-то спросить или сказать... она сама не знала что, но чувствовала — надо. Но народу было — не протолкнуться. Она осталась на месте.

А на сцену тем временем поднялась Декаденция. Вот кто был прекрасен! Золотой венел

волос, струящееся платье всех оттенков бирюзы, томный взгляд. Чувствовалось, что она в своей стихии — яркий свет, сотни глаз, устремленных на нее. Она выдерживала паузу, ожидая, пока наступит полная тишина и давая возможность собой полюбоваться. Саша вытащила телефон, включила камеру. Все смолкло.

— Дорогие мои! — начала Декаденция. — Нет слов, чтобы выразить, как я счастлива видеть вас! И как радостно мне сознавать, что высочайшее искусство поэзии имеет так много поклонников. Я хотела почитать вам сегодня что-нибудь из прежнего, возможно знакомого, но... Поэтесса сделала паузу.

— Но чувства меня переполняют, я улавливаю приближение своей музыки, и крылья вдохновения поднимают меня над землей... Я прочту вам экспромт!

Она сложила руки на груди и начала читать Сашино стихотворение. Она была артистка! Взгляды, повороты головы, движения тонких рук... Все продумано до мелочей, все работает на образ! Саша даже подумала, что Амалии неплохо было бы поставить спектакль с поэтессой в главной роли. Но она тут же отмела эту идею — Декаденция не потерпит конкурентов на сцене. Она должна быть одна и сиять как чокнутый бриллиант. Саша хихикнула и заработала укоризненный взгляд от соседки.

Декаденция триумфально приближалась к завершению. Саша сделала целую кучу снимков — Филибрум будет счастлив.

После слов “И я волчицей вою на луну...” поэтесса медленно подняла лицо к луне и так застыла. В толпе раздались отдельные хлопки, но Декаденция вдруг повернула голову к зрителям, медленно подняла руки и закрыла глаза. Все смолкли в ожидании продолжения. Декаденция постояла с закрытыми глазами, потом начала слегка раскачиваться. Потом сильнее. Творилось что-то странное. Саша быстренько перевела камеру в режим видео.

Совсем другим голосом, низким, грудным, в такт раскачиванию Декаденция нараспев произносила:

Черные тучи закрыли собою лазурное небо,
Чуткое ухо не ловит ни отзвука песни желанной.
Тих обездоленный град, угасают в отчаяньи музы.
А в подземелье Паук все плетет и плетет свою пряжу...
Юный наследник ослеп и оглох и закрыл свое сердце,
Светлые стражи бессильны, скрываются в Башне.
Кто разорвет паутину, кто черные тучи разгонит?
Пленник крылатый томится в неволе средь праха и тлена
И на зловонную черную пропасть смотреть не желает
Ждет избавленья от сумрачной дочери дальнего края
Девы, чей холоден взор и чье сердце как факел пылает...
В непроницаемом мраке насмешливо каркает Ворон,
Глядя, как валится мир в ненасытную злую утробу...

С минуту стояла мертвая тишина. Затем грянули аплодисменты. Декаденция очнулась. Она выглядела потерянной и озадаченной, будто не помнит, кто она и как сюда попала. Никто, кроме Саша этого не заметил. Нет, Амалия заметила. Она через всю сцену подбежала к Декаденции, взяла ее под руку и увела за кулисы.

Публика щедро аплодировала поэтессе, а Саше было не по себе. Что произошло? Что за странное стихотворение?

Амалия вновь выбежала на сцену. Она была взволнована. Дрожащим голосом поблагодарила всех за внимание, поздравила с праздником, напомнила, что по всему городу танцы, игры, угощение, что праздник будет продолжаться до самого утра, и торопливо покинула сцену. Народ начал расходиться в предвкушении дальнейшего веселья. Наконец-то Саша смогла сдвинуться с места.

Куда теперь? Пойти узнать, что такое случилось с поэтессой? Нет, лучше найти Савву. Ей просто необходимо с ним поговорить! Хорошая идея, только где его сейчас найдешь? Она растерянно повела головой и вдруг... она едва поверила своим глазам. Вот это ей повезло!

Едва дыша, боясь спугнуть удачу, Саша подкралась и схватила за шкурку Каспара Хаузера.

ГЛАВА 23. Все не так

— Попался, гаденыш! — она вцепилась в крупное, неприятно горячее, мохнатое ухо. Довольно противно было, но она продолжала крепко держать хухлика, стараясь не слишком привлекать внимание к их странной паре. Хухлик попытался было пискнуть, завозиться...

— Только попробуй! — шепотом пригрозила Саша. — Я крикну, что ты кошелек украл. Мало не покажется, будь уверен!

Хухлик сник, жалобно заскулил. Но Саша запретила себе человеческие чувства. С хухликом — по хухличьи. — сказала она себе.

— Говори, кто тебя подослал? Кто передал записку? Кто велел за мной следить?

— Какую записку? — захныкал хухлик. — Не знаю ничего...

— Значит так. Библиотека отсюда в двух шагах. Оттуда прямой путь в Музеон. Притащу тебя туда и сдам первому встречному альбинату. Тебя там как раз обыскали! Приведут в башню и бросят в яму для хухликов. Там тебе самое место.

— Не-е-т, не хочу-у-у-у! — заныл хухлик.

— Тогда мне говори! Правду говори, а то ухо откручу!

— Я не знаю ничего... Поймали за ухо, пригрозили, дали записку...

— Кто поймал?

— Не видел, сзади подкрались, как набросятся! Гы-ы-ы-ы!

— Врешь! — Саша встряхнула пакость за шиворот.

Хухлик, выпятив нижнюю губу, смотрел на нее несчастными, мокрыми глазами и молчал. Она растерялась.

“Нет, так дело не пойдет. Не отрывать же ему ухо, в самом деле!

По-другому надо...”

— Тебя как по-настоящему зовут?

— Ника-а-а-а-к, — обиженно прогундосил хухлик.

— Ну, Никак так Никак. — миролюбиво согласилась Саша. — Слушай, Никак, а ты может, голодный? Пирожков хочешь?

— С чем? — быстро спросил хухлик.

— С начинкой! — грозно ответила Саша.

— Хочу. — Не стал ломаться хухлик.

— Я знаю одно место, там пирожки бесплатно раздают.

— Меня туда не пустят. — вздохнул хухлик.

— Я тебе принесу. Десять штук. Но только если ты мне скажешь, кто дал тебе записку и велел за мной следить.

Лицо хухлика выразило жестокую борьбу. Было видно, что ему очень хочется пирожков, но очень страшно проболтаться.

— Двадцать! — наконец выпалил хухлик.

— Пятнадцать.

— И кусок сыру.

— Говори уже!

Хухлик сделал лапкой движение, чтобы Саша наклонилась, а сам встал на цыпочки. Саша нагнулась к нему...

— Прекрасно! Какая милая парочка!

Лев! Ну откуда его нелегкая принесла? От неожиданности Саша ослабила хватку, чем хухлик в ту же секунду и воспользовался, очевидно решив, что свобода стоит пятнадцати пирожков и куска сыру. Он ловко вывернулся из-под Сашиного локтя и исчез в толпе.

Саша мысленно чертыхнулась, устало посмотрела на Льва.

— И у тебя хватит наглости оправдываться? — высокомерно спросил Лев.

— С чего бы мне оправдываться? — пожалала плечами Саша, — Я с самого начала говорила, что письмо мне всучил хухлик. Можешь догнать его и спросить. Именно это я и пыталась сейчас сделать — добиться от него правды. Мне это почти удалось. И если бы не ты...

— Если бы не я, тебе удалось бы одурачить весь Музеон!

А ведь я тебе почти поверил!

— Лев... — вздохнула Саша, — вот ты вроде умный, но какой же тупой! Я не собираюсь никого дурачить...

— Со мной твои шутки не работают, не старайся. Ни одному твоему слову не верю.

— Слушай, скажи прямо, чего ты от меня хочешь?

Лев будто только и ждал этого вопроса.

— Вон там у берега паром стоит. Он отходит в девять вечера. Садись на него и катись отсюда.

— Я не могу. Мне нельзя. У вас же неприятности будут.

— О нас не беспокойся. А неприятности будут завтра у тебя, если не уедешь сегодня.

— А что будет завтра?

— Я все сказал. — Лев развернулся и пошел прочь.

— Что будет завтра?! — крикнула Саша ему вслед.

Лев исчез в толпе.

Саша тихонько чертыхнулась. Не ее сегодня день. И если бы только сегодня! От ее стараний становится только хуже. Казалось — еще чуть-чуть и она узнает правду! А вместо этого... И хухлика упустила, со Львом разругалась окончательно. Что означали его последние слова? Что он такое задумал? Ясно одно: завтра ее ждет сюрприз. Неприятный — в этом можно не сомневаться. Уж Лев постарается, раз обещал.

Просто руки уже опускаются, хочется все бросить! Но вот беда, раньше, когда она все бросала, то могла просто поплакаться маме, юркнуть под одеяло и подождать, пока само рассосется. А теперь не выйдет. Если она все бросит, то все станет еще хуже. Если, конечно, такое возможно.

Пронзительный звук выдернул ее из печальных размышлений — пробегающий мимо мальчишка резко дунул ей в ухо игрушечной дудкой. Она вздрогнула, отшатнулась.

— Придурок...

Кстати о дудке — неплохо бы разыскать Савву. Только где его сейчас найдешь?

Саша медленно побрела по улице, натываясь на прохожих, морщась от звуков, уворачиваясь от запахов. Потом решила, что у ее пути должна быть цель. Может к Филибруму? Показать ему видео со странным стихотворением. Но это и до завтра подождет. Фотографии она сегодня все равно не распечатает. Да и какой теперь в этом смысл? Лев явно что-то замыслил, не сегодня-завтра он вышвырнет ее из Музеона. И что тогда? Куда ей деваться?

Перебирая в голове эти невеселые мысли, она не заметила, как ноги принесли ее в сонный, глухой квартал, куда не дотянулся праздник. Она растерянно остановилась. Пустынная улица повторяет изгиб тихой речки. Хлипкий мостик без перил переброшен через речку, дальше темнеет лес.

На мостике вопросительным знаком изогнулся черный силуэт. Саша почувствовала раньше, чем успела сообразить — Савва, легок на помине. Сидит, свесив ноги к воде, провожает взглядом плывущие по реке огоньки — маленькие свечки, прилепленные к кускам коры. Чьи-то заветные желания, отпущенные на волю.

У Саши вдруг сердце защемило, ей как будто передалось его отчаянье. Осторожно ступая по шатким доскам, она тихо приблизилась, неловко примостилась рядом, свесила ноги с моста. Он головы не повернул, не шелохнулся. Значит узнал ее.

Посидели молча несколько минут.

— Здесь пахнет живой рыбой. — заметила Саша.

— Это ненадолго. — ответил Савва.

Саша вздохнула. как начать разговор? Не спросишь же у музыканта, почему он играл как первоклассник на елке!

— Видел Декаденцию? — с наигранной беспечностью спросила Саша, — Что это с ней такое было?

Ее вопрос упал как камешек в воду. Она поболтала ногами, стараясь скрыть неловкость и обдумывая следующий глупый вопрос.

— Ты слышала? — равнодушно спросил Савва у проплывающего мимо огонька.

— Что?

— Только не ври. Ты там была. Я тебя видел.

Его спокойствие не предвещало ничего хорошего. Саша лихорадочно пыталась найти какой-нибудь полуправдивый, утешающий ответ, но в этот момент Савва повернулся к ней, и она осеклась. Его глаза требовали правды.

— Что случилось? — осторожно спросила она.

— Я не могу играть.

— Почему?

— Ее нет. Она больше не приходит. — тихо ответил он, чуть помолчав.

— Она? Цинцинолла?

Савва опустил голову.

— А без нее... нет музыки. И меня нет.

— Чуть говоришь. — твердо сказала Саша. — Не верю. Я слышала тебя!

— Это было раньше. — ответил он, не поднимая головы. — А теперь... я как будто оглох. Все закончилось.

— Не смей так говорить... И думать не смей! Ты же драгоценный... И муза тебе не нужна... — растерянно бормотала Саша, встревоженная его бесцветным голосом.

— Мне бы твою уверенность! — усмехнулся Савва. — Я вот сам не знаю кто я такой.

“Что это — врожденная склонность страдать? Или намеки Льва делают свое дело?” — мысленно бесилась Саша. Так или иначе, она решила не поддерживать эту тему. Но молчать нельзя, нужно разговаривать с ним, а то он что-то не на шутку расклеился. А как разговаривать? Одно неосторожное слово, и он вмиг закроется, захлопнет душу, как скрипку в футляр.

— Но нельзя же... нельзя сидеть вот так и ничего не делать... — тихо проговорила она.

— А что делать? — спросил Савва у темной воды.

— Играть... — ответила Саша. Это слово вырвалось у нее нечаянно, неожиданно, будто кто-то другой его произнес. И услышав его, она вдруг ясно осознала — это единственный выход. И повторила твердо: — Играть.

Савва провожал огоньки невидящим взглядом.

— Я больше не слышу звуков... не чувствую ничего. — ответил он бесстрастно. — Мне даже не больно, как раньше. Пусто внутри. О чем играть?

Голос его звучал ровно, без единой интонации, но когда он поднял глаза, Саша увидела — ему страшно. И он ждет помощи, хотя ни за что не попросит о ней прямо. Но чем она может помочь?

— Карл Иваныч! — осенило ее. — Расскажи ему все, он поможет!

Он помотал головой.

— Тебе самому трудно... я понимаю. Хочешь, я расскажу?

— Даже не думай! — вскинулся Савва, наконец-то обнаружив признаки жизни. — Я не должен был... встречаться с Цинциноллой! Права не имел. Это запрещено кодексом.

— Не имел права? А она — имела? Ее кодекс разве не касается?

— При чем здесь она? Музы не принимают решений. Ты ничего не понимаешь! Я виноват. Из-за меня она нарушила кодекс. Но если все откроется, мне ничего не будет, а ее ...

— “ Если...”? Да все уже открылось! Или ты думаешь, сегодня никто ничего не заметил?

— Карл Иваныч заметил. Остальные... мне плевать. Никто не поймет... не докопается до причины, если... — он посмотрел на нее почти враждебно, — если ты не разболтаешь.

— Но как же твой дар? — проговорила Саша. Она выдержала его взгляд, но голос ее предательски сорвался.

— Мой дар — мое дело. — огрызнулся он. — Я запрещаю тебе хоть с кем-то об этом говорить.

— Савва...

— Даже со мной. — оборвал он ее.

Казалось — разговор окончен, но он не уходил. И она не понимала, хочет он что-то сказать, или наоборот, услышать.

— А почему... она... не приходит? — осторожно спросила она, не смея выговорить имя, будто оно было под запретом.

— Надо же! — неожиданно жестко сказал он, глядя на нее в упор. — Кому бы спрашивать...

— Ты о чем? — растерялась она.

Савва резко поднялся, Саша вскочила следом. Она ничего не понимала.

— Из-за тебя ее нет!

— Ты в своем уме? Я-то при чем?

— Ты...

Саша видела — он с трудом сдерживается, чтобы не выдать правду. Жестокие слова готовы были сорваться в любую секунду. После этого все изменится между ними. Но что толку молчать и притворяться, если все так плохо?

— Договаривай, раз начал!

— Ты появилась здесь и все испортила. — ответил он сквозь зубы. —

Ты жалеешь мой дар? Так вот, чтоб ты знала — из-за тебя я его теряю.

И лучше бы... — он перевел дыхание, умолк.

— Ну! Лучше бы что?

— Лучше бы тебя не было совсем.

Если бы он ударил ее, едва ли могло быть больнее. Она проглотила подступившие слезы, оскалила зубы в злой усмешке.

— Отлично! Молодец! Вали свои несчастья на другого!

— Что ты знаешь о несчастьях, мамина дочка? — злобно выпалил он.

— Уж побольше твоего, любимчик муз! — в тон ему откликнулась Саша.

— Посмотрел бы я на тебя, окажись ты на моем месте.

— Не беспокойся, мне и на моем хреново! Но будь я на твоём... Уж точно не стала бы сидеть здесь и ныть!

Несколько секунд они не отрываясь смотрели друг на друга чуть ли не с ненавистью. Сильный порыв ветра всколыхнул Сашины волосы, они взвились вокруг головы, скрыли ее лицо. Это разрядило обстановку, напряжение немного спало.

— Уезжай. — сказал Савва неожиданно мягко, почти умоляюще. Отступил на несколько шагов по мосту в сторону леса. — Так будет лучше всем. И тебе в первую очередь. — Повернулся и исчез в темноте. Саша, не посмотрев ему вслед, медленно двинулась обратно в город.

Как холодно стало. Какой сильный ветер! От него щекочет в носу и глаза слезятся... Главное не задумываться, почему он так сказал. Мало ли кто что говорит... Куда пойти? Можно вперед. Можно назад. Все равно куда идти, если тебя нигде не ждут. Куда я лезу, действительно. Зачем? Пусть делает с собой что хочет. Мне все равно. “Я сам не знаю, кто я такой...” Почему эти слова не дают мне покоя? “Не о том думаете, Белоконь!” Это Зоя мне сказала. А почему? Не могу вспомнить. Вертится же в голове... Откуда это чувство, что я ему что-то должна? Почему я не могу на него разозлиться? Он мне таких гадостей наговорил... “Ты все испортила... Лучше бы тебя не было...” И дар он теряет из-за меня. Что я сделала? Не понимаю...

С вялым удивлением она вдруг обнаружила себя перед дверью библиотеки. Ноги сами ее сюда принесли. Хорошо. Сейчас она отдаст Филибруму телефон, раз уж пришла, покажет ему, как им пользоваться, а потом пойдет домой и будет спать. Хватит с нее на сегодня.

Лев покинул Самородье. Он все еще был под впечатлением своего открытия. Хотя какое, к лешему, открытие! Он и так это знал. А сейчас его подозрения подтвердились. Ведьма из Поганой Ямы! Кто еще будет запросто болтать с хухликом на празднике? Как ловко она втерлась ко всем в доверие! С Саввой понятно, там ей и стараться особо не надо. Но Клара, Филибрум... Они-то как могли? Разве не знают, что нелюди из Поганой ямы — большие мастера наводить морок и менять личины. Зря он ее там оставил. Надо было хватать и тащить в башню вместе с хухликом. Посидела бы в яме, сразу бы стало ясно, кто она такая. Может еще не поздно это сделать? Он замедлил шаг. Но сразу отмел эту мысль. Нет. Надо выполнить задуманное. Если он найдет Пегаса и завтра утром они будут в Музее, то первым делом он возьмется за эту ведьму. Для этого ему не понадобится разрешение, и никакие охранные документы ей не помогут! И вот-тогда-то ей придется сказать правду. Ничего, ничего. Он наведет порядок в Музее. Он не допустит того, что случилось год назад. Все возьмет под свой контроль. Ни одна нечисть к ним не проберется.

Он станет по-настоящему великим Магнусом. А Кассандра... она могла и ошибиться.

А еще он ругал себя за бездействие. Чего он дожидался? Совершеннолетия? Как будто пара недель имеет какое-то значение! Зачем он слушался Защитников? Они стары, боязливы, и чуть что, бегут за советом в мировую башню. А он не нуждается в советах. Он способен принимать решения сам. Только бы ему найти Пегаса...

Размышляя так, Лев не заметил, как миновал Музеон и оказался в саду. Он тихонько приблизился к дому. В освещенное окно комнаты-фонаря увидел Клару. Опять режет свои цветы. Значит не находит себе места от беспокойства. Лев почувствовал укол совести, вспомнив их недавний разговор. Она так волнуется за него, просит не совершать необдуманных поступков. Как будто он все еще ребенок! Ах да, предсказание Кассандры не дает ей покоя!

Но ему Кассандра ничего не говорила. Он знает, что делать. И только он способен позаботиться о Музеоне. Он докажет это всем, а главное — самому себе.

Лев решительно двинулся сквозь сад. Вышел в поле. Дорога к лунной горе терялась во тьме. Ее сторожат альбины, но они не имеют права его не пропустить. Не хочется с ними встречаться, но... искать дорогу через болота или через лес у него нет времени. Он скажет альбинам, да какая разница, он не обязан перед ними отчитываться. У него ночь, и он должен успеть. Завтра утром он будет в Музеоне. На Пегасе. Или... Не может быть никаких или.

Он был так взбудоражен своей идеей, что не замечал ничего вокруг. Не заметил и шевелящихся кустов возле дороге, и хруста ветки не расслышал, пронесся дальше.

Из кустов высунулась хухличья морда, проводила Льва злобным взглядом маленьких черных глазок и снова скрылась в кустах.

Савва подошел к озеру. Цинцинолла всегда приходила сюда. И здесь он будет стоять и играть до тех пор, пока она не появится снова. Он понимал, что делает глупость, что надежды нет, но не мог прекратить пытаться. Каждый заслуживает последнего шанса.

Он достал флейту, поднес к губам. Как он делал это раньше? Ему казалось, музыка возникает сама, а он лишь помогает ей явиться. А потом бросается в нее, как в море. Но море высохло, и он остался стоять посреди болота. Еще немного, один шаг, один день — и его засосет, и не будет выхода. Он понимал, что сделает этот шаг и ненавидел себя за этого. Оттого и злился на Сашу. Если бы не она, этого не случилось бы с ним. Цинцинолла была бы рядом, он играл бы и никогда не узнал, что способен на гадость и предательство. Саша явилась непрошенной гостьей и вывернула его жизнь наизнанку. Почему он должен ее жалеть, почему должен страдать из-за нее?

Флейта не отзывалась. Он продолжал играть, понимая, что это бессмысленно. В его душе пусто. Что может заставить ее снова звучать?

От растворенных во мраке деревьев отделилась и неслышно двинулась к нему темная тень. Он скорее почувствовал ее, чем услышал, поднял голову. Цинцинолла! Она не могла не прийти. Сейчас все снова станет как прежде. Но почему он не чувствует радостного волнения, как это было раньше? Она все ближе. Почему молчит? Она всегда пела, приближаясь... Где ее длинные волосы? И почему она стала ниже ростом?

— Решил помузицировать на сон грядущий?

Он не ответил.

— Все как-то не так, да? — сочувственно спросила светловолосая. — А дальше будет

только хуже.

— Хуже? — он вдруг рассмеялся. — Что вы еще можете мне сделать?

— Какой же ты наивный! Ты даже не представляешь, сколько интересного у тебя впереди.

— Я не могу сделать того, о чем вы просите. — тихо ответил он.

— Я не прошу. Я ставлю условие. А ты его принимаешь. Ты его принимаешь?

— Нет. — ответил он почти беззвучно, одними губами.

Светловолосая, ласково улыбаясь, заглянула ему в глаза.

— Что ж. У тебя остается еще один день на игру в благородство. Играй, но помни — любое неосторожное слово дорого обойдется твоей музе!

ГЛАВА 24. Ночная вылазка

Плывущий по дому аромат жареного мяса напомнил Саше, что сегодня на праздничный ужин ждут хищника. Клара говорила, что в этот день Лев приходит домой, как бы ни был занят. Саша не имела ни малейшего желания встречаться с ним снова, поэтому она быстренько скинула ботинки и, разбросав их как попало, собралась незаметно проскользнуть к себе в комнату, упасть в кровать и заснуть. Желательно без сновидений.

Но не тут-то было — Клара вылетела ей навстречу, что уже было странно. Гостей в прихожей всегда встречала Бэлла. Увидев Сашу, Клара поникла.

— Сашенька! — воскликнула она с печальным укором, — Ну что же ты так долго! Я волнуюсь!

Саша чуть не заплакала. Только от мамы она могла услышать такие слова.

— Простите, я не думала, что вы будете беспокоиться. Праздник же! Что со мной может случиться...

— Саша! Лев до сих пор не вернулся!

“Ах, вот в чем дело! Это она из-за Льва...” — Саша немного расстроилась, но виду не показала, лишь равнодушно пожала плечами.

— И что? Время детское. Одиннадцать всего.

— Я ждала его к девяти! А он пропал.

“Если бы! Только такие как он не пропадают.”

— Я места себе не нахожу... — трепетала Клара.

Саше ее волнение показалось подозрительным — это же Лев. Ну опоздал на два часа, гуляет где-то. Большой мальчик. Что ему сделается?

— Видела я его. — бросила она беспечно, — В Самородье. Он, кстати, куда-то собирался. Так мне показалось.

— Куда собирался? — Клара побледнела.

— Не знаю. Он не сказал. Наорал на меня, как обычно, сделал загадочное лицо и пошел. О-о-о-очень быстро. — договорила она, зевая.

— Нет! — простонала Клара, — только не это!

Она повернулась, и пошатываясь, пошла в комнату. Саша двинулась следом. Кларино любимое кресло стояло развернутым к окну, из которого днем можно было разглядеть очертания Лунной горы. Клара бессильно опустилась в него, устремила взгляд в темное окно.

“Чего она так завелась?” — недоумевала Саша — “Или у нее мутиться рассудок от голода, или она чего-то не договаривает.”

Саша тихо приблизилась, коснулась поникшего плеча.

— Что случилось? — мягко спросила она.

— Он пошел на Лунную гору. — прошептала Клара, — Искать Пегаса.

— Ну и... С чего вы взяли?

— Мы опоздали, Саша! — чуть не плакала Клара, будто не слыша ее. — Почему мы так долго бездействовали? Чего ждали? Зачем я его отпустила! Он обмолвился недавно, а я не придавала значения!

— Не понимаю, чего вы так боитесь. Найдет — хорошо. Не найдет — вернется.

Глаза Клары потемнели до черноты.

— В день своего исчезновения... Кассандра сказала мне... сказала — Лев не может, не должен быть магнусом! Ему нельзя трогать Пегаса! Даже видеть его нельзя! А если он ослушается — нас ждет... “день позора и гибели” — это были ее слова.

“Вот это новости! Теперь ясно, почему индюшонок бесится!”

— А Лев знает об этом? Кассандра ему не сказала?

— Он знает. Я ему сказала...

— И что?

— Он не поверил мне. Или сделал вид, что не поверил, а это одно и то же!

— Но почему вы не рассказали мне? Мы же с вами договаривались...

— Я боялась за вас обоих... — Клара вытирала слезы. — не хотела, чтобы вы ссорились, тянула время... Думала — найдется Кассандра и объявит тебя посредником... Что все как-нибудь устроится. — она уронила голову в ладони.

Саша удержалась от упреков — Клара и без того выглядела раздавленной.

— Что вам ответил Лев? — только и спросила она.

— Он будет делать то, что считает нужным.

— Уж кто бы сомневался... — пробормотала Саша себе под нос.

— А ты как думала? — эхом откликнулась Бэлла, входя в комнату, — Драгоценного к юбке пристегнуть? Да еще такого, как Лев!

Волновалась она, видите ли...

Клара подняла голову, взглянула на нее беспомощно, не возразила, не возмутилась.

— Он хороший мальчик. — прошептала она сквозь слезы. — Но гордыня и тщеславие ослепляют его... Если бы только он меня послушался!

— Если бы вы только мне сказали! — не сдержалась Саша, — Я бы уже десять раз на гору влезла, мне-то терять нечего!

— Я не ждала, что все случится так быстро. Думала, что время есть... что придет ответ из башни... или Кассандра найдется... Я надеялась на чудо. — едва слышно лепетала Клара.

— Чудеса случаются, только если их кто-нибудь организует. — мрачно пробормотала Саша.

Она плюхнулась на ближайший диванчик и натянула на себя валявшийся на нем плед. У нее не было желания вникать в Львиные беды. Он большой мальчик. И Клара тоже хороша... Нет уж, сами пусть выкручиваются, сами отвечают за свои дурацкие решения. Им на пользу пойдет. Клара поймет, что нехорошо врать детям, а до Льва дойдет, что маму надо слушаться хотя бы через раз. А Саша устала. Она хочет на ручки и спать. Спать...

— Я всегда говорила, что мне нельзя доверять Музеон... — донеслось до нее как сквозь подушку.

“Музеон!” — сон как рукой смахнуло. — “Если Лев опозорится на Лунной горе, то в Музеоне начнется черт знает что. И меня это коснется в первую очередь. Не знаю — как именно, но мало не покажется, можно не сомневаться.”

— Так надо же что-то делать! — она вскочила с диванчика, запуталась ногами в пледе, снова села.

— Что теперь сделаешь? Ждать надо... — с нажимом проговорила Бэлла, метнув на Сашу подозрительный взгляд.

— Клара!

А та совсем поникла, растаяла в своем кресле, не сводя глаз с темноты за окном, будто силась разглядеть Льва на Лунной горе.

Саша поняла, что толку ей от них не добиться, швырнула в угол ни в чем не повинный плед и вылетела из комнаты.

— Ждать? Ну уж нет! — ворчала она, хлопнув дверью своего убежища. Я целый год сидела, ждала! Теперь буду действовать.

— И какой у тебя план? — лениво поинтересовалась с кровати Молчун, потягиваясь и перекатываясь с боку на бок.

Саша была так взбудоражена, что даже не подумала шугануть нахалку.

— А у меня вариантов нет. Лунная гора, Пегас и... и все.

— Отличный план. Слушаю и смеюсь внутренним смехом.

— Что смешного?

— У тебя шапка-невидимка имеется? Или особые полномочия? Это ведь только Лев может пройти куда хочет в любое время, даже на Лунную гору. Альбинаты права не имеют прикасаться к драгоценным. Он шикнет на них и пошлет куда подальше. В башню то есть. Пока они будут разбираться, он уже плюнет на них с Лунной горы. А тебя не пропустят. Тебя в башню утащат.

— И что ты предлагаешь?

— Я??? — округлила глаза Молчун, — Ничего я не предлагаю. Я — муза, мое дело вдохновлять.

— Вот и вдохновляй, а то только дразнишься...

— Ты скучная. Тебя неинтересно вдохновлять. Полюбуюсь-ка я лучше садом. Он прекрасен в лунном свете!

Меховая дрянь запрыгнула на узкую раму круглого окна, устроилась поудобнее и замурлыкала:

— Прекрасен был сад в лунном свете... Зеленоватое мерцание жуков — фонарщиков обрисовало призрачным контуром изгибы дорожек, пышные шапки осенних клумб, изящные вензели калитки. В магическом сиянии кусты и деревья казались сделанными из серебра... Легким туманом поднимался влажный аромат над кустом жасмина...

— Издеваешься?

— Бессмертные хранители меня упаси! Я твой стиль копирую. Вдохновляю тебя...

Саша зажала уши, но настырное мурлыканье звучало прямо в голове:

— Тихая, тихая ночь. Ни листочек не шелохнется, ни травинка... Но чу! Легкий шорох послышался! Вдрогнул куст жасмина, словно ночной ветерок коснулся его легким своим дыханием. Но ветер уснул до утра, а значит кто-то притаился в кустах... Неужели тот несчастный сумасшедший? Не в силах покинуть место, где случилась с ним беда, он ждет случая помочь одной туповатой девочке...

— Марик! — ахнула Саша, — Молчун! Ты гений! Как же я не догадалась...

Молчун перепрыгнула с окна на кровать и с видом полноправной хозяйки улеглась на подушку. Потянулась. Саша почесала ее за ухом.

— Теперь бы из дома выбраться... Молчунчик, отвлеки Бэллу! Кларе сейчас не до меня, а Бэлла заметит. Вымани ее, пожалуйста!

— Ой, ну ни минутки не полежишь спокойно... То вдохновляй тебя, то Бэллу выманивай! Ладно, сейчас придумаем что-нибудь...

Они выкрались из комнаты и бесшумно заскользили вниз по лестнице. У последнего поворота Молчун обернулась на Сашу и дернула хвостом.

— Сиди как мышь и смотри внимательно. Как только Бэлла побежит на кухню, будь

готова.

Она скакнула вниз и исчезла за поворотом лестницы. Через минуту из кухни донесся страшный грохот, дребезг и лязг. Послышался тихий вскрик — это Клара, и Бэллино бормотание:

— Не пугайся, Молчун это. Кастрюли уронила. Посмотрю пойду, не зашибло ли дурынду...

Саша, присев и вжавшись в перила, проводила глазами Бэллу, дождалась, пока из кухни послышится ее недовольное ворчание и звуки возни, и в три бесшумных прыжка вылетела в коридор.

Подхватив ботинки, она приоткрыла входную дверь на ширину ладони, чтобы не звякнул колокольчик, и как была босая выскользнула на улицу. Обежала дом, обулась, нырнула в кусты жасмина и прошипела громким шепотом:

— Марик! Ты здесь?

— Здесь... — раздался сдавленный голос.

— Класс! Поможешь мне?

Из-под куста высунулась всклокоченная голова Марка. Его глаза радостно сияли.

— Что? Что я могу сделать?!

— Тс-с-с! Отойдем подальше, объясню.

Сашин план был прост, как карандаш. Подступ к Лунной горе караулят альбины. Саша с Марком подкрадываются к подступу. Марк отвлекает альбинов и уводит их как можно дальше от дороги в лес. Громко треща буреломом, он убежит подальше, затихнет где-нибудь под корягой и постарается не попасть в лапы к альбиносам. Они покрутятся там и вернуться ни с чем на свой пост. А Саша тем временем одолеет подступ, растворится в темноте и влезет на Лунную гору. Ну а дальше будь что будет.

Марк одобрил план. Он так долго ждал этой минуты! Он мечтал помочь отпрыску своей обожаемой Ариадны. Он был готов на все. Только с кусочками угля и любимым одеялом возникла маленькая заминка — Марк наотрез отказывался с ними расстаться. С великим трудом Саше удалось убедить его, что эти полезные предметы помешают в их экспедиции. Чуть не плача, Марк оставил свое сокровище под кустом.

Саша знала только одну дорогу к Лунной горе — через поле, но ее сообщник хитро ей подмигнул и подвел за руку к садовому домику, на котором он любил рисовать. Саша не без опаски последовала за ним.

В домике царил порядок — инструменты, лейки, ведра и прочая садовая дребедень аккуратно стояли вдоль стен и лежали на стеллажах. В углу приткнулась знакомая Саше тачка, над ней висело старое корыто. Валера откатил в сторону тачку, снял корыто со стены. За всем этим добром обнаружилась узкая дверь, похожая на вход в кладовку. Марк открыл ее, шагнул одной ногой в темноту и поманил Сашу за собой.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь. — вздохнула Саша, и шагнула следом за безумцем.

...

Они выбрались из-под коряги на краю леса. Сквозь стволы деревьев просматривалась дорога, поперек нее громоздились здоровенные валуны — вот он, подступ к Лунной горе. Три высоких силуэта торчали среди каменных глыб. Альбины. Саша в очередной раз подивилась их идиотизму — могли бы хоть присесть на камни, а они торчат как перегоревшие фонари. Торчат и молчат. А о чем им разговаривать, если кроме кодекса нет

ничего в головах?

Саша прокралась вдоль лесной опушки в сторону подступа. Притаилась за толстым стволом. Помахала Марку. Тот кивнул и побежал в противоположную сторону, с треском ломая кусты. Отбежав с десятков шагов, он углубился в лес, выводя дрожащим голосом заунывную мелодию без слов. Потом внезапно тоненько крикнул:

— На помощь! Тону! Спасите!

Альбинаты встрепенулись, не сговариваясь потянулись в сторону леса, вошли в него стройной шеренгой и растворились в темноте.

Саша очертя голову бросилась к валунам. Ей надо было успеть перелезть через каменные завалы, за которыми начинался подъем на Лунную гору.

И вот когда она уже полезла на камень, то почувствовала, как кто-то схватил ее за ногу. Она не удержалась, скользнула с камня, упала, ушибла локоть. Альбинат! Откуда он взялся, гадость белобрысая? Притаился где-то, а она его не заметила. Идиотка! Надо было убедиться, что все ушли, хоть камешек бросить! Слишком уж спокойно ушла эта троица... Конечно, четвертый остался на своем посту. У них, наверное, на каждый случай есть инструкция — запоздало соображала Саша, безуспешно пытаюсь высвободить свою ногу из цепких рук альбината. А тот времени не терял, перехватил ее за руку выше локтя, вытащил на дорогу.

— Отпусти меня сейчас же! — возмущенно крикнула Саша, пытаюсь вырваться. Никто никогда не хватал ее так. Это была не драка подушками с папой, не потасовка в школьной раздевалке. Твердые, холодные пальцы сжали ее руку как клещи. После секундного замешательства она почувствовала дикую злость, аж в висках застучало. Как этот гад смеет к ней прикасаться!

— Немедленно отпусти! — она пыталась отодрать его пальцы от своей руки — безрезультатно. Она старалась дотянуться до его руки зубами, но не могла так сильно вывернуть шею. Пальцы сжимались все крепче, еще немного — и он сломает ей руку. Поняв, что делает только хуже, она заставила себя перестать дергаться. Альбинат чуть ослабил хватку.

— Отпустите меня, — взмолилась Саша, — Помогите, я заблудилась!

— Согласно кодексу, лицо, уличенное в попытке пересечь подступ к Лунной горе, не имея для этого разрешения, или особых полномочий, или не будучи сопровождаемым драгоценным, должен быть доставлен в башню для прояснения обстоятельств. Данное правило касается любых существ, за исключением драгоценных. — отчеканил альбинат и двинулся куда-то в сторону, волоча Сашу за собой. Она снова попыталась вывернуться, но не тут-то было. Почувствовав, как сжимаются на ее руке стальные клещи, она пискнула и пошла спокойно. Чуть в стороне от дороги темнели два камня, крупнее и выше прочих. Широкими шагами альбинат двигался к ним, волоча Сашу за собой. Когда до валунов осталась несколько шагов, Саша разглядела между ними калитку.

— Нет! Только не в башню! Нет! — завопила она что было сил, — Я заблудилась, перепутала дорогу!

Но альбинат тащил ее к калитке, попутно цитируя кодекс:

— Обстоятельства присутствия вышеупомянутого лица на подступе подлежат рассмотрению специальной комиссией в составе уполномоченных лиц...

Голос его звучал ровно, он даже не запыхался. Калитка все ближе. Он не будет слушать, до него не доходят человеческие слова, ему ничего не объяснишь. Понимая, что секунды ее

свободной жизни сочтены, что второго шанса не будет, Саша притворно споткнулась, осела на землю. Альбинат дернул ее за руку, одним движением поставил на ноги, но она успела подхватить и зажать в кулаке горсть пыли и мелких камешков. Вот уже они возле калитки, сейчас, или будет поздно! Она изловчилась и швырнула камешки ему прямо в невозмутимую физиономию. Есть! Альбинат не ожидал такого поворота. Он схватился за лицо обеими руками, и Саша опрометью бросилась от него в сторону леса. Но пробежала она недолго. Навстречу ей шли трое белобрысых. Они отчаялись отыскать Марка, а может их насторожили крики со стороны подступа. Саша заметалась. Альбинат, от которого ей удалось улизнуть, догонял ее, трое бежали навстречу. Ей не уйти. Пара бессмысленных бросков из стороны в сторону, и несколько пар холодных рук схватили ее. Тогда она стала кричать, в надежде, что ее услышат в Кларином доме, или хотя бы Марик прибежит на помощь. Она понимала — это бессмысленно. До дома Клары далеко, даже если ее там услышат, то пока сообразят и добегут, ее уже утащат в башню. Марк — чем он ей сможет помочь? Вдвоем они не справятся с четырьмя альбинатами. Но просто так сдаться она тоже не могла. Она продолжала вырываться и кричать, просто для того, чтобы усложнить задачу этим белесым тварям. А те не обнаруживали ни злости, ни раздражения. У них не было цели ей навредить. Но от этого становилось еще страшнее — в альбинатах нет ничего человеческого, ни договориться с ними невозможно, ни припугнуть, ни разжалобить. Они выполняют свои обязанности.

До калитки оставалась совсем недалеко, Саша осела на землю в нелепой попытке хоть как-то затормозить происходящее. Ее тащили за руки, она упиралась ногами. Она кричала, но вряд ли выходило громко, все силы уходили на сопротивление. Кричать и одновременно драться у нее не получалось. Наконец альбинаты сообразили, что если схватить ее еще и за ноги, дело пойдет быстрее. Лишившись возможности брыкаться, Саша могла теперь орать от всей души. Но горло тоже не железное. Сорвавшись на ультразвук, она поперхнулась, закашлялась до слез.

— Эй! Вы что творите! — послышался знакомый голос.

Савва! Как он здесь оказался?

— Савва, помоги, они тащат меня в башню! — заорала Саша.

— Отпустите немедленно.

Саша почувствовала, как ее ноги коснулись твердой земли. Двое альбинатов повернулись к Савве и шагнули в его сторону.

— Только попробуйте до меня дотронуться. — спокойно сказал он. — За применение силы в отношении драгоценного вы будете до конца жизни вычищать яму для хуликов.

Альбинаты отступили.

— Мы не узнали вас в темноте. — проскрипел один из них, продолжая сжимать Сашино плечо.

— Мы выполняем свои обязанности — препровожаем нарушителя подступа. Она обнаружена здесь без разрешения и без сопровождения.

— Руки уберите. — не повышая голоса сказал Савва, — Я ее сопровождаю.

Альбинат повиновался. Стальные клещи разомкнулись и Саша быстренько метнулась к Савве, отступила ему за спину.

— Она была замечена за попыткой пересечь подступ. — наябедничал альбинат.

— Я заблудилась, я же сказала! — дрожащим голосом крикнула Саша. — Моего слова достаточно? — холодно спросил Савва.

— Достаточно. Но позволю себе дать вам совет...

— Держите при себе ваши советы. — сквозь зубы ответил Савва, взял Сашу за руку повыше локтя, и они пошли прочь по дороге. Альбинаты стояли в ряд и молча смотрели им вслед. Саша шла не дыша, не смея обернуться. Ее все еще пробивала дрожь, даже зубы слегка постукивали. Лишь когда дорога сделала поворот, она высвободила свою руку и смогла вздохнуть свободно. Они пошли медленнее.

— Ты откуда взялся? — мрачно спросила Саша.

— Это вместо “спасибо”. — усмехнулся Савва, — Я был неподалеку. Услышал, как ты вопишь на всю округу.

— А ты бы как вопил, если бы на тебя четыре киборга напали? Руки холодные... гадость, гадость! — она передернулась. — Я завтра буду вся в синяках!

— Это их работа. — пожал плечами Савва, — Чего ты еще ждала? Сама-то как здесь оказалась?

— Хотела пробраться на Лунную гору. — неохотно призналась Саша.

— Вот видишь... Зачем тебя туда понесло?

— За Пегасом. — Саша в двух словах пересказала ему события последней пары часов и заодно про свою встречу со Львом в Самородье. В конце своей речи она выразила надежду, что Марку удалось избежать встречи с белобрысыми упырями, как она выразилась. Савва слушал ее, не перебивая. Наконец проклятья в адрес альбинатов иссякли, Саша выдохлась и замолчала. Савва вдруг остановился посреди дороги, слегка коснувшись ее руки.

— Саш... — неуверенно начал он, глядя себе под ноги, — Я там... наговорил тебе сегодня...

И умолк. Ясно было, чего он ждет. Сейчас она скажет — ерунда, я все понимаю, спасибо, что спас меня, о, рыцарь! И чмокнет в щечку. Фигушки. Да, она благодарна ему за помощь, и еще как! Если бы не его появление, она уже сидела бы в яме с хухликами и прочей пакостью. Но его выходку в Самородье она по-прежнему не понимала, ерундой его слова не считала, поэтому продолжала угрюмо молчать. Виноват — пусть извиняется.

— В общем, наговорил. А не должен был... Ты ни в чем не виновата, просто... — он вскинул на нее глаза, снова опустил.

— Ладно, не мучайся. — не выдержала Саша. — Будем считать, что ты извинился. — Она двинулась было дальше, но он удержал ее за руку.

— Подожди. Не в этом дело. — На этот раз он выдержал ее удивленный взгляд и сказал серьезно: — Тебе надо уходить. И чем скорее, тем лучше.

— Угу. А у тебя склероз. Спасибо, что выручил, мне домой пора. Тебе тоже.

— Я не могу идти домой. — ответил Савва. — Мне лучше не встречаться сейчас с Карлом Иванычем.

— Ах, вот в чем дело! Тебе переночевать негде? Так бы сразу и сказал.

В глазах Саввы сверкнул недобрый огонек.

— Я найду где переночевать. Я не за этим тебя искал. Уходи. Прямо сейчас.

— Конечно. Вплавь через реку.

— Завтра утром будет пироскаф для тех, кто остался на ночь в Самородье. Потом через неделю. А у тебя нет недели.

— Ты, наверное, забыл, что если я сбегу, то у тех, кто за меня поручился будут

неприятности. — напомнила она.

— Об этом можешь не беспокоиться. Я скажу защитникам, что никто ничего не знал, что я один тебе помогал. Тем более, это так и есть. Пожалуйста, уходи.

— Это я поняла уже. Что-нибудь еще?

— Ничего ты не поняла! Тебе опасно здесь.

Саша в упор смотрела на него, закусив губы.

“ Он верит в то, что говорит. И я не помню его таким серьезным. Но он явно что-то скрывает. Что?”

— Интересно, почему мне кажется, что ты больше о себе беспокоишься, чем обо мне? Что происходит? Почему я должна сбежать?

— Меня это тоже касается, но... тебе будет хуже, чем мне. Я не могу сказать тебе всего... Просто поверь.

— А я не верю. Где ты, там всегда какие-нибудь загадки. Всегда полуправда. Меня это достало. Все постоянно что-то скрывают друг от друга, врут, недоговаривают! Я так не могу. Я не умею верить на слово. Во всяком случае, тебе. И знаешь что — никуда я не уйду. Мне никуда идти. Можешь себе такое представить? У меня нет никого на всем свете. Поэтому я остаюсь. И буду делать то, за чем пришла. И давай закроем эту тему.

Они подошли к Кларину дому, так и не достигнув согласия.

Молча поднялись на крыльцо. Савва, как само собой разумеющееся, собрался войти вместе с Сашей. Она не возражала. В конце концов, это не ее дом.

Хлопок входной двери привлек внимание Бэллы — по коридору зашлепали ее неровные шаги. Увидев Сашу, она тихо ахнула.

— Я думала, ты спишь давно! Где бродила? — она заметила Савву. — А этот откуда взялся?

— Бэлла, не ругайтесь, пожалуйста... — устало попросила Саша, — Можно он у нас переночует?

— Знаешь, что можно. Пусть ночует. Только с чего вдруг? — Бэлла пристально посмотрела на Савву своими пронизательными черными глазами. Тот молчал, глядя в стену.

— Он Карла Иваныча не хочет беспокоить. А у нас все равно никто не спит. Клара ведь не спит?

— Заснешь тут с вами со всеми...

Клара сидела у окна в то же позе. Мерный стук часов дробил на кусочки тишину.

— Он не вернулся. — сказала Клара, не поворачивая головы и не отводя глаз от окна.

— Может быть он уже нашел Пегаса и прилетел в Музеон... — нерешительно предположила Саша.

— Если бы он нашел Пегаса, мы бы уже знали об этом. А если он вернется один... то сюда. Надо ждать.

Бэлла прикатила тележку с завтраком. Клара не шелохнулась.

— Сколько ждать-то? — угрюмо пробормотала Бэлла, ставя на стол чайник и чашки. — Все равно придется в башню сообщать. И чем скорей, тем лучше. Может он и не на горе вовсе?

— А где же? — обернулась Клара. Глаза ее были серыми как пыль.

— Кто ж его знает — куда он пошел. Не ребенок. — раздраженно ответила Бэлла.

— С ним случилась беда. Я чувствую. — еле слышно повторяла Клара.

— А что если он не нашел Пегаса и с горы отправился прямо в башню? — предположила Саша.

Клара покачала головой.

— Нет. Он пришел бы сначала ко мне. Давайте подождем еще немного.

Саше вдруг очень некстати вспомнилась библиотека. Филибрум будет ее ждать, ей надо сбегать в Самородье, снимки распечатать... Сегодня Декаденция собирает муз, чтобы угостить их инспирией. Пропадай все пропадом! Она не может оставить Клару. Год назад она сама вот так ждала, и помнит до сих пор, как страшно быть в такую минуту одной. Еще неизвестно как повернутся события. Вдруг Кларе придется идти в башню. Бэлла ей в этом деле не помощник — она и по саду с трудом ковыляет. А Клара трепещет при одной мысли о Серой Горе. Придется Саше сопровождать ее в башню. Сейчас она нужней здесь, чем в библиотеке.

— Вы, двое... Ешьте, давайте! — скомандовала Бэлла. — А ты, барышня, щетку возьми, да почистись. Как поросенок вывозилась! Да причешись — смотри вон, вся в репьях.

Саша мрачно взглянула на Бэллу. Даже сравнение с поросенком не заставит ее рассказывать о стычке с альбинатами, незачем им с Кларой знать. И у Саввы хватило ума промолчать.

Было уже совсем светло, и день обещал быть солнечным. Но Саше хотелось только спать. И не ей одной — все четверо почти сутки на ногах. У Бэллы глаза красные, Савва клюет носом. Сил не было даже позавтракать, Саше казалось, она даже чашку поднять не сможет. Голову тянуло вниз, глаза слипались.

Хлопок входной двери встряхнул всех, разогнал сон. Вошел Лев. Волосы всклокочены, под глазами круги, лицо осунулась. Одежда перепачкана землей и волокнами мха. Было ясно без слов — его постигла неудача.

ГЛАВА 25. День позора и гибели

Клара встала, шагнула навстречу Льву, пошатнулась, схватилась за спинку кресла.

— И где тебя носило? — накинулась на него Бэлла, — мать чуть с ума не сошла. Мы ночь не спали!

Лев, казалось, не заметил ни Клариной внезапной слабости, ни Бэллиного гнева.

— Я был на Лунной горе. — спокойно ответил он.

— И что? — вырвалось у Саши.

— Ничего. Полагаю, тебе это известно.

Пока Саша искала достойный ответ, Лев обернулся к Кларе.

— Пегаса нет. — сказал он с тем же ледяным спокойствием, — Надо сообщить в башню. А ее — он кивнул на Сашу, — снова допросить. А потом — в яму для нечисти.

— Перестань! — оборвала его Бэлла. — Ни при чем она.

— Еще как при чем!

— Левушка...

— Да раскройте вы наконец глаза! Все было хорошо, пока она не появилась.

— Она ни в чем не виновата! — сказал Савва таким тоном, что все повернулись к нему. — И ничего не знает. — закончил он тихо.

Лев смерил его высокомерным взглядом.

— С чего ты это взял?

Савва угрюмо молчал. Все смотрели на него в ожидании ответа.

И снова хлопок входной двери разрядил обстановку — в комнату влетел Карл Иванович. Он тоже выглядел неважно. Его всегда тщательно уложенная шевелюра была взлохмачена, элегантно кашне безобразным комом торчало из кармана расстегнутого пальто, на подошвы изящных туфель налипли комья глины и клочья мха. Бегло оглядев всю компанию, он остановил разгневанный взгляд на Савве.

— Где ты был? Я битый час... Ладно, об этом потом. Пошли со мной.

— Что случилось? — безжизненным голосом спросила Клара. Карл Иванович вытер рукавом влажный лоб.

— Музы... — он запнулся, неуверенно глядя на Клару, будто сомневаясь, стоит ли сообщать ей дурные вести. — ...бунтуют. Требуют инспирии, или чтобы их отпустили в болото.

— Где Декаденция?

— Да черт ее знает! Дома нет. Нигде нет!

Все переглянулись.

— Кто видел ее последним? — спросил Лев, прожигая взглядом Сашу.

— Я? Я вообще была в другом месте.

— А кто сказал, что это ты? — хищно улыбнулся Лев.

— Да я... я же... — Саша совсем растерялась.

Карл Иванович с досадой махнул на них рукой.

— Некогда выяснять! Там беда! Савва, ты все еще здесь? Пошли, ты нужен. Поиграй им, может успокоится. Меня они не слушают.

— Я не пойду.

— Почему?

— Не могу.

— С ума сошел? Ты обязан!

Они смотрели друг на друга в упор. Несколько долгих секунд — и Савва опустил глаза, едва заметно кивнул, словно решившись на что-то, и быстро вышел. Карл Иваныч за ним. Лев метнул злобный взгляд на Сашу и кинулся следом.

Клара беспомощно обернулась к молчавшей все это время Бэлле. Та тяжело вздохнула.

— Пошли.

Подхватила Кларау под руку и они, как могли, поспешили за ними. Бэлла на ходу бросила растерянной Саше.

— Ты не вздумай соваться! Тут сиди.

Саша послушно кивнула, плюхнулась на диван. Из-под стола вышла Молчун, села напротив Саши, посмотрела с укоризной.

— Поняла? — строго сказала ей Саша, — Не вздумай соваться! Тут сиди.

Вскочила с дивана и направилась в сад, напрямиком к чугунной калитке.

После влажной свежести утреннего сада воздух Музеона показался ей тяжелым, как перед грозой. Напряженное ожидание висело над городом. Площадь Безобразова окружили альбины. На их бесцветных лицах читалась растерянность. На площади, прямо на разноцветной брусчатке, словно старые куклы в заброшенном доме, лежали музы. Они ничего не просили. Они просто лежали. Молча, неподвижно, с открытыми глазами. И это было страшнее, чем если бы они с воплями забрасывали город горящими головешками.

На пороге библиотеки, опираясь на палку стоял Филибрум. Драгоценные, сбившись в стайку, толпились рядом. Было тихо и душно.

Саша, стараясь не попадаться на глаза Бэлле и Кларе, заняла место среди драгоценных, прячась за внушительной фигурой Амалии.

— Что случилось? — тихонько спросила она у нее.

— Музы пришли к Декаденции. — объяснила Амалия, ухитрившись понизить свой зычный голос до шепота, — Она давно им намекала на инспирию из тайного колодца. Собрала всех. А сама пропала куда-то. Они отказались от некры. Отказались расходиться. Говорят — или инспирия, или они уйдут на болота, или умрут от голода.

— Налицо грубейшее нарушение Кодекса, выражающееся в неповиновении... принятии самостоятельных решений... и карающееся... — слышался неуверенный голос одного из альбинов.

— О! Начинается. — тоскливо протянула Амалия.

— Чего ты ждешь? Сейчас их потащат в башню. Играй! — прошипел Карл Иваныч и вытолкнул вперед Савву. Тот бросил на драгоценных затравленный взгляд и медленно полез в карман за флейтой.

Тем временем Лев попытался выйти к музам, но Клара повисла на нем, что-то взволнованно шепча. Одна из муз обратила внимание на эту сцену. Приподняла голову, с трудом оторвала от камней свое невесомое на вид тело, подошла, шатаясь.

— Когда уже твое совершеннолетие? — спросила она почти беззвучно, — Я не помню... Когда будет инспирия?

— Не будет инспирии. — ответил Лев.

— Молчи! — прошипела Клара.

— Источника не будет! — крикнул Лев на всю площадь. — Пегаса нет на Лунной горе!

Можете сообщить в башню. — устало бросил он стоящему рядом альбинату.

Над площадью повисла тишина. Долгожданный порыв ветра качнул вывеску над дверью библиотеки, она со скрипом закачалась на цепях. Кто-то тихонько ахнул. Музы медленно приподнимались, пожирая глазами Льва. Казалось, они силятся осознать сказанное, или ждут слов, отменяющих кошмар.

“ Ну что за идиот! — обозлилась Саша, — кто его за язык тянул! Ведь можно было что-то придумать, выиграть хоть немного времени. Тоже мне, Магнус!”

— Зачем? — застонала Клара, словно прочтя ее мысли.

— Совсем не умеет притворяться. — сочувственно сказала Амалия на ухо Саше, — Я как-то дала ему роль в спектакле — так он как кукла деревянная. Не годится на сцену. Жаль. Такая фактура пропадает!

Музы медленно поднимались на ноги, пошатываясь, цепляясь друг за друга. Альбинаты плотнее сомкнули кольцо. Драгоценные растерянно переглядывались. Лев тем временем отыскивал глазами Сашу.

— А вот эту — он показал на нее пальцем, — прихватите с собой. Я уверен, ей есть, что рассказать.

Двое альбинов встретились и направилась к Саше. Для этого им надо было описать небольшую дугу, обойти драгоценных. Те не собирались расступаться и давать им дорогу.

— Беги... — шепнул ей Савва. Воспользовавшись заминкой, он успел переместиться поближе к драгоценным. — Через библиотеку беги в Самородье!

Саша понимала — он прав. Больше ей ничего не остается. Потом можно будет вернуться, можно будет... Она попятилась к дверям библиотеки, не решаясь повернуться к альбиноватам спиной.

— Да быстрее же!

Еще один белесый двинулся к ней с другой стороны. Сейчас никто не сможет ей помочь. Альбинаты будут повиноваться главному. А Клара молчит, она раздавлена происходящим, она слова поперек не скажет Льву. И никто не скажет. И даже если кто-нибудь осмелится — он никого не станет слушать. Он считает себя правым всегда и во всем.

Еще шаг назад. Не сводя глаз с альбината, Саша нащупала холодную дверную ручку, молясь, чтобы в библиотеке не торчал на всякий случай какой-нибудь запасной белесый. Она дернула ручку — дверь не шелохнулась. Должно быть, Филибрум побоялся, что возмущенные музы возьмут штурмом библиотеку и предусмотрительно запер ее.

“Вот и все.” — мелькнула мысль. Бежать нет смысла — площадь забита альбиноватами. Она закрыла глаза.

Раздалось хриплое карканье Невермора.

“Правильно. С тебя все началось, тобой и закончится.”

Она вся сжалась, ожидая, что вот сейчас в нее вцепятся холодные, твердые пальцы-клещи.

— Великие Хранители... — послышался чей-то придушенный вздох. Тихо вскрикнула Бэлла.

Саша осторожно приоткрыла один глаз. Альбинаты даже не смотрели в ее сторону. На нее вообще никто не смотрел, все как один повернулись в сторону Болотной улицы. Она не могла понять в чем дело — спины драгоценных и альбиноватав закрывали от нее площадь. А над толпой с карканьем носился Невермор. Саша расхрабрилась, открыла оба глаза и привстала на цыпочки. В этот самый момент на площадь Безобразова ступила Кассандра.

Саша узнала ее сразу, хоть она и очень изменилась. Светлые волосы, беспорядочно свисали по плечам. Грязное, измятое платье болталась на ней мешком — она голодала? Рукав наполовину оборван. Босые ноги сбиты в кровь. Но самое ужасное — ее лицо. Оно осунулось, стало серым, прекрасные глаза цвета гречишного меда подернуты серой пленкой. Мутные, незрячие. Понимает ли она, что происходит?

Ясновидящая остановилась, обвела глазами площадь. Казалось она выискивает кого-то в притихшей толпе. Невидящий взгляд задержался на Льве. Глаза прояснились, и ужас отразился в них.

— Это он... — произнесла она хрипло.

— Кассандра...

— Это был он! — сказала она громче и указала дрожащей рукой на Льва.

Альбинат бережно взял ее под локоть. Кассандра яростно вырвала руку.

— Это он! — прокричала она на всю площадь. — Он меня похитил! Он преступник и самозванец! — она зашаталась, и вдруг обмякла и упала на руки Альбинатам. Бэлла бросилась к ней, поднесла к лицу какой-то флакон. Кассандра открыла глаза. Альбинаты тем временем окружили Льва. Тот выглядел изумленным, но молчал. Кассандра смотрела на него в упор.

— Он натравил на нас оскурата. — проговорила она, вся дрожа. — На меня и ту несчастную девочку. Я успела его разглядеть, прежде чем потерять сознание.

— Я этого не делал — наконец заговорил Лев. — Я был...

— Он служит Черной горе, я почувствовала, я увидела! Я объявила ему, что он не может быть Магнусом, а он догадался, что я знаю! Он натравил на меня оскурата! — и она снова упала на руки Бэлле, будто эта речь стоила ей последних сил.

Альбинаты моментально окружили Льва плотным кольцом. Он не возмутился, не протестовал, он, не отрываясь, потрясенно смотрел на Кассандру.

Клара бросилась было к нему, но Альбинаты почтительно ее отстранили.

— Вы не можете, не смеете, я запрещаю! — беспомощно выкрикивала Клара, но все было бесполезно. Ее не касались и пальцем, но не давали приблизиться ко Льву.

— Против него выдвинуто серьезное обвинение. — монотонно проговорил альбинат. — Мы обязаны доставить подозреваемого в башню для расследования обстоятельств дела.

Саша в ужасе наблюдала эту сцену, пытаясь собраться с мыслями.

Лев натравил оскурата — что за чушь! Кассандра наверняка ошибается, этого просто не может быть! Если бы он умел притворяться, он не стал бы так обнаруживать перед ней своих чувств и намерений. У него что на уме, то и на языке, ни одну свою мысль он не может скрыть. А его обвиняют в способности вести тонкую и сложную двойную игру.

— Это невозможно. — будто со стороны услышала она собственный тихий голос. И повторила громче — Это невозможно! Это неправда! Он не умеет притворяться! Амалия, вы только что сами сказали... Повторите, подтвердите!

Амалия отвела глаза. Остальные разом посмотрели на Сашу. Лев с удивлением, Клара — с благодарностью, Кассандра... Выражения глаз ясновидящей Саша не могла понять.

— Деточка, — Кассандра печально улыбнулась, — ты добра и благородна, но тебя жестоко обманули. И боюсь, твое мнение ничего не значит. Ты не имеешь отношения к Музеону, бедное, потерянное дитя!

— Но вы же сами мне говорили...

Кассандра, словно не слыша ее, повернулась к Бэлле.

— Я очень устала. Мы можем уйти?

Саша бессильно смотрела, как альбинаты ведут Льва в сторону башенной калитки. Он не пытался оправдываться, сопротивляться.

Клара перегородила им путь.

— Подождите, остановитесь... этого не может быть, это какая-то ошибка, он не мог!

— При всем уважении к вашему статусу, — проскрипел альбинат, — мы не можем не принять во внимание заявление Кассандры. Она — жертва и одновременно главный свидетель. Мы не имеем полномочий принимать решение в данных обстоятельствах. Этот случай необходимо расследовать.

Клара обернулась к Бэлле.

Та ответила ей виноватым взглядом.

— Я отведу ее домой?

Клара отвернулась.

Перед тем, как войти в калитку, Лев остановился, оглянулся.

— Это неправда. — сказал он Кларе и исчез за калиткой. Клара стояла неподвижно и смотрела ему вслед, и только губы ее беззвучно шевелились. Калитка захлопнулась.

За всеми этими волнениями все забыли о музах. А они жались друг к другу на краю площади. И вот одна из них тихо спросила:

— А что будет с нами? Как же инспирия?

Клара растерянно обернулась назад, ища поддержки у драгоценных. Но ее не было. Льва увели, Бэлла уехала с Кассандрой, Карл Иванович был так же обескуражен как и Клара, остальные стояли в замешательстве, не зная, как реагировать, что дальше делать, куда идти. Саша перехватила отчаянный Кларин взгляд, подошла к ней ближе, неловко обняла.

— Помоги мне... — прошептала Клара, вся дрожа.

— Чем я могу помочь?

— Пойдем со мной в Башню!

— Но как же музы?

— Что? Музы... — Клара произнесла это слово, как незнакомое, — но как же Лев?

— Инспирии... — послышался шепот. Следом за ним слабый вскрик:

— Дайте инспирии!

Со всех сторон раздавались стоны, жалобные всхлипы, хриплые выкрики, сначала нестройно и вразнобой, потом они слились в общий хор.

— Инспирии! Инспирии!

Отчаянье придало музам сил. Они шли к центру площади. Спотыкались, падали, некоторые уже не могли подняться, но и они упорно ползли в общий круг. И вдруг одна из них бросилась к зазевавшемуся альбинату, вцепилась в длинные белые волосы, повисла на них и закричала:

— Дайте инспирии! Мы голодны, мы умираем!

Альбинат опешил, он не ждал такого от полуживой музы и не сразу сообразил, что делать. Опомившись, стряхнул с себя музу и попытался призвать к порядку:

— В случае неповиновения Кодексу, нарушители должны быть доставлены...

Его дрожащий тенор потонул в отчаянных воплях.

— Дайте нам уйти!

— Отпустите в болото!

— Савва! Что ты стоишь? — закричал Карл Иванович.

Савва вышел вперед, дрожащими руками поднес флейту к губам, закрыл глаза. Музы смолкли, будто что-то почуяли, потом как лунатики потянулись к нему, столпились вокруг. Альбинаты, драгоценные — все замерли, все ждали. И все, как один вздрогнули, когда флейта пронзительно взвизгнула, и из нее понеслось жесткое, ритмичное, зловещее нечто. Музы изумленно замерли, некоторые испуганно прикрыли уши руками. И вдруг начали раскачиваться в такт, сначала неохотно, будто против воли, потом сильнее, смелее, и наконец двинулись по кругу, как покалеченные пауки, вплетая в жуткую музыку корявые движения обессиленных тел.

Все оцепенели, даже альбинаты не смели вмешаться. Савва, бледный, как мертвец, стоял неподвижно, не открывая глаз, безучастный ко всему, он не слышал, не осознавал, что творится вокруг. Флейта, казалось, обрела собственную, недобрую волю, она бесновалась в его руках, и непонятно было, кто кем играет. И музы танцевали свой дикий танец, как ожившие марионетки вокруг впавшего в беспамятство кукловода.

— Это не он... — произнес кто-то рядом с Сашей.

А музы оживали, их глаза загорались, они двигались все быстрее, быстрее, и вот понеслись по кругу, как ведьмы на шабаше. Худые, грязные руки взмывали вверх, хватая небо скрюченными пальцами, растрепанные волосы хлестали воздух, бессмысленный смех сопровождал визгу флейты. Еще немного — и они взлетят! А музыка звучала все исступленнее, и все безумнее хохотали музы.

— Прекратите это! — дрожащим голосом крикнул Филибрум. —

Карл, возьми у него флейту, или они разнесут город!

А Карл Иваныч стоял как зачарованный, тоже слегка раскачиваясь в такт. Услышав слова Филибрума он вздрогнул, очнулся, сделал неуверенный шаг и остановился, не решаясь разорвать круг ополоумевших муз.

Наконец альбинаты сообразили, что делать. Кто-то из них достал ключ, и повернул колесо на кратере. Некра угрожающе заворчала, выползла из кратера и потекла по площади.

Саша прижала рукава к лицу, закрывая рот и нос.

Это кошмарный сон... Она не в силах смотреть его, и не смотреть не может, закрывает в ужасе глаза, и тут же открывает. И видит обрывки...

... муза бросается на альбината, он хватается ее за руки... тащит к калитке...

Другая легла возле кратера, припала губами к черной, зловонной луже... Ее волосы, руки и лицо перепачканы некрой...

Клара стоит, схватившись за голову...

А Савва все играет...

Муза заползла на кратер, она сейчас прыгнет! Нет, два альбината ее оттаскивают... Некра течет по площади...

А он все играет...

Пронзительный крик стоял над площадью. Музы, пытались прорваться сквозь цепь альбинов, у них не хватало сил, они падали, поднимались, ползли.

Одна муза проскользнула между альбинатами, бросилась прочь... ее никто не заметил.

Карл Иваныч подбежал наконец к Савве, выхватил флейту. На секунду наступила тишина. Савва открыл глаза. Он будто проснулся, провел рукой по лицу, обвел глазами площадь.

Тем временем на помощь подоспела еще одна группа альбинов.

Они хватали муз и волокли их в калитку Серой башни.

Музы уже не сопротивлялись. Жуткий танец отнял у них последние силы. Они пытались разбежаться, скользили и падали в черную жижу, которая уже заливала всю площадь. Поднимались, снова падали.

Саша не в силах была пошевелиться. Она так и стояла, прикрывая локтем нос и рот.

Наконец все закончилось. Музы расползлись с площади, скрылись в городе, несколькими удалось прорваться к лесу. Остальных утащили альбины. Площадь опустела. Над городом висел смрад.

Саша отыскала глазами Савву. Он смотрит прямо на нее, а глаза у него как две черные ямы на обескровленном лице. Он начинает понимать, что натворил.

“Только молчи!” — прочла она в его умоляющем взгляде.

Она не знает, что было в ее глазах, но Савва смотрел на нее еще несколько секунд, повернулся и побрел в сторону болот. Она не стала его удерживать. Ей было страшно с ним заговорить.

И вдруг она уловила знакомое цоканье каблучков. Не может быть... Она обернулась — нет, ей не послышалась. Декаденция. Прикрывая нос золотистым палантином, балансируя на высоченных шпильках, она подошла к Филибруму.

— Извините, дорогие мои, я гуляла и потеряла счет времени! Чудесное утро сегодня! Но что за кошмар здесь творится? Механизм испортился?

ГЛАВА 26. Катастрофа

Саша почувствовала чью-то руку на своем плече. Карл Иваныч! В самый неподходящий момент! Его тяжелый взгляд не предвещал ничего хорошего. Сейчас начнутся каверзные вопросы. Саша мысленно выругала себя за легкомыслие. Она должна была это предвидеть и договориться с Саввой, чтобы врать одно и то же. Она забормотала что-то насчет библиотеки и попыталась улизнуть. Не тут-то было. Карл Иваныч догнал ее.

— Пожалуйста, не уходите! Мне очень нужно поговорить с вами.

— Я не могу, тороплюсь! там Клара... — мямлила она.

— О ней есть кому позаботиться. Я прошу вас.

Саша поняла — не отстанет. От разговора ей не отвертеться.

— Что случилось? — она решила для начала сделать вид, что ничего не знает. Дурацкая тактика, но что ей еще остается? Может Карл Иваныч поверит ей и отстанет. Но тот был настроен серьезно.

— Боюсь, это долгий разговор. Не хотелось бы привлекать внимание. Пойдемте к нам. Пожалуйста. Не беспокойтесь, это рядом.

Саша взгляделась в его расстроенное лицо и обреченно вздохнула.

— Ладно, пошли.

Дом Карла Иваныча действительно оказался буквально в двух шагах от площади. Он прятался в небольшом переулке, очень старый, когда-то покрашенный в голубой цвет, а сейчас поблекший и облезлый.

Карл Иваныч первым поднялся на крыльцо и рывком распахнул перед ней входную дверь.

Саша неохотно ступила на лестницу. На последней ступеньке она приостановилась. Под ногами валялась вишенка. Должно быть упала с дерева, растущего рядом с домом. Саша застыла на месте, не в силах отвести взгляд от блестящего, темно-красного шарика. Опять это навязчивое, мучительное, воспоминание!

“Вспомни то, не знаю что”... Она встряхнула головой, как назойливую муху отогнала размытую картинку и вошла в дом.

Она никогда не бывала у Саввы. Он не приглашал, а она не напрашивалась. Но ей было ужасно интересно — как он живет? И сейчас любопытство пересиливало волнение. Она запнулась, едва переступив порог. В комнате царил пугающий порядок. И ни пылинки — ни на полу, ни на стеллажах с книгами и нотами, ни на перилах лестницы, ведущей на второй этаж, ни на сияющем черным лаком рояле. Она скосила глаза на свои ботинки, перепачканные некрой и засохшей глиной. Карл Иваныч заметил ее смущение.

— Не беспокойтесь. Проходите и садитесь.

Он указал ей на кресло, стоящее напротив ряда высоких, от пола до потолка, окон. Кресло оказалось глубоким и мягким, Саша провалилась в него, как в кусок огромного пирога. И тут только сообразила, что Карл Иваныч неспроста усадил ее именно сюда, а себе взял венский стул и устроился напротив, спиной к яркому свету, льющемуся из окон.

— А Савва? он тоже придет? — осторожно спросила Саша

— Он не придет. — уверенно ответил Карл Иванович. — Будет бродить где-нибудь, пока не успокоится.

Саша с опаской поглядывала на Карла Иваныча, пытаясь понять, что он уже знает, а о чем, возможно, только догадывается. А тот нервно сжимал и разжимал пальцы, разминал кисти, потирал запястья, будто не разговаривать собирался, а играть на рояле. Видно было, что ему тоже нелегко. Но Саша решила не помогать ему. Сам затеял, пусть сам и выкручивается.

Наконец Карл Иваныч решился.

— Вы можете мне сказать, что с ним происходит? — спросил он, как в воду бросился.

Саша растерялась.

— Ну-у-у... — протянула она, лихорадочно соображая, как бы половчее вывернуться. — Мы с Саввой всего несколько дней знакомы, а вы его знаете всю жизнь. Вам виднее. Наверное.

Карл Иваныч внимательно посмотрел на нее, усмехнулся.

— Это так. Но, возможно, вам известно что-то, чего не знаю я.

Саша сделала честные глаза, пожала плечами.

— Дело в том, — продолжал Карл Иваныч, — что Савва очень изменился за те несколько дней, что провел с вами.

— Изменился? — искренне удивилась Саша. — Как? В чем?

— Он улыбается. Даже смеется иногда. Понимаю, звучит странно, но в последний раз он смеялся лет пятнадцать назад, когда мне на нос сел колорадский жук. И впервые я вижу, чтобы он с кем-то дружил.

— Что же в этом плохого? — Саша продолжала делать вид, что не понимает, к чему он клонит. Голос ее звучал вполне естественно — год притворства не прошел даром. Но за лицом следить она так и не научилась. Еще этот предательский свет в окна!

— Это было бы прекрасно... — печально отозвался Карл Иваныч, — Но я замечаю, что в эти же несколько последних дней его что-то гнетет. Вы почти все время вместе, вот я и подумал, может вы знаете, в чем причина.

Это был вопрос. Саша выдержала пристальный, испытующий взгляд, продолжая изображать полнейшее неведение.

— Не знаю. — она кашлянула пару раз. Почесала нос. Чертово солнце.

— Тогда, уж простите, я прямо спрошу. Что происходит между вами? Он не пришел вчера домой, а сегодня я нахожу его у Клары.

— Карл Иваныч! — вскинулась Саша, чувствуя, как загорелись щеки.

— Не сердитесь, Сашенька, поймите! Вы — красивая девушка, и возможно он...

— Как вам не стыдно! Я здесь... Мы... Да что я оправдываюсь!

Она попыталась выбраться из кресла. Но это было не так-то просто.

— Простите! — Карл Иваныч прижал обе руки к сердцу, — Я никогда не позволил бы себе так грубо вмешиваться, если бы Савва был обычным человеком!

Саша нахмурилась, исподлобья глядя на Карла Иваныча, но осталась сидеть.

— Он — драгоценный. — понизив голос, будто великую тайну сообщил Карл Иваныч. — Ему запрещено иметь привязанности.

— Знаю. Но меня это не касается. И я не имею привычки совать нос не в свое дело. — отрезала Саша.

— Но может быть, как-нибудь случайно... может вы что-то видели, слышали?

— Даже если бы я что-нибудь знала... — надменно бросила она. — Савва мой друг. И я не собираюсь с вами его обсуждать. — ей наконец удалось выбраться из цепких объятий

кресла и она решительно направилась к двери. Карл Иванович преградил ей дорогу.

— Подождите! Ну послушайте же! — умолял он.

Саша остановилась, хмуро взглянула на него, скрестив руки на груди.

— Вы слышали, как он играл вчера? — быстро и взволнованно заговорил Карл Иванович. — А сейчас на площади что он устроил? Кошмар! Я же вижу, вы что-то знаете! Вы можете помочь! Но почему-то не хотите.

Саше стало его жаль. Кляня свою мягкотелость, она вернулась, но обошла стороной коварное кресло и села на старинный рояльный табурет. Сердито повернувшись к Карлу Ивановичу спиной, она внимательно рассматривала молоточки и струны под откинутой крышкой рояля.

Да, она все слышала и видела. И причина ей известна. Но как раз об этом она должна молчать.

— Почему вы решили, что я что-то знаю? — спросила она у молоточков.

— Деточка, у вас не получается врать. — извиняющимся тоном ответил Карл Иванович. — Почему вы не хотите рассказать мне все? Я ведь желаю Савве только добра. Хочу помочь.

Услышав последние слова, Саша почувствовала непреодолимое желание грохнуть кулаком по клавиатуре. Она сцепила руки, сосчитала до трех, сделала глубокий вдох и крутанулась на табурете к Карлу Ивановичу лицом.

— Знаете, что меня больше всего бесит в людях? — проговорила она вкрадчиво, — Они требуют правды, а сами врут. Учителя, родители... Не знаю, дураками вы нас считаете, или думаете, мы не чувствуем ничего? Вот и вы. Хотите, чтобы я перед вами наизнанку вывернулась, и про Савву все рассказала, а сами... Я же вижу, вы что-то скрываете. А это то же самое вранье! Это противно!

Для чего она это говорила? Она сама не знала. Но остановиться не могла.

— Знаете, я очень люблю свою маму, но... Я могла бы быть сейчас дома, сочинять свои сказки, рисовать птиц на стене, играть в шахматы с папой. Но я сижу здесь, и не знаю, что будет со мной завтра. Потому что мама не считала нужным говорить мне правду.

Саша запнулась. Никогда она не думала о маме так, и теперь осеклась, испугавшись собственных мыслей и слов.

— Иногда люди обманывают друг друга потому что берегут. — сказал Карл Иванович.

— очередное вранье! — отрезала Саша. — Вы, драгоценные, ничем не отличаетесь от людей. Вы не договариваете. Изворачиваетесь. Фальшивите. А от меня хотите правды?

— Вы правы. Это гадко. — искренне сказал Карл Иванович. — Но попытайтесь понять — это не только моя тайна. Вернее, совсем не моя. А впрочем, это не тайна. — он безнадежно махнул рукой.

— Будь по-вашему! Савва... он не такой, как мы. Я хочу сказать — не похож на нас, драгоценных. Нам не положены привязанности, но нам они не нужны. Мы спокойно живем без любви. Дар заменяет нам ее. Мы самодостаточны. А он другой. Он нуждается в любви и страдает без нее. Ищет ее и не находит. Он притворяется холодным и бесчувственным, но я-то знаю, какой он.

— Но почему? Как так получилось?

Карл Иванович пожал плечами, снова начал разминать пальцы.

— Все могло бы быть иначе, если бы... — он замолчал.

— Если бы что? — тихонько спросила Саша.

— Крошечным младенцем его подбросили на порог моего дома. — отвечал Карл Иваныч, задумчиво глядя в окно, будто с облаком разговаривал. — Оставили на крыльце в большой корзине.

Саша вздрогнула. Смазанная картинка, которую ей никак не удавалось ухватить и рассмотреть, встала перед глазами, обрела ясность и объем.

... Бледный свет луны пробивается сквозь облака, темная фигура на ступеньках. Вишенка на крыльце. Кровавый камень качается над корзиной с младенцем. Она вспомнила!

— Мы так и не узнали кто его мать. — продолжал между тем Карл Иваныч. — Но в первый же миг я понял, почувствовал, что он — один из нас. И нашел тому подтверждение. Камень. Музы вешают такие на шею своим детям.

— Гранат на черном шнурке. — прошептала Саша.

— Откуда вы знаете? Он вам его показывал?

Саша покачала головой, чуть улыбаясь.

— Нет. Мне это приснилось.

Она облегченно вздохнула. Сон. С него все началось. Его она пыталась вспомнить все это время. И получается, он привел ее в Музеон.

— Приснилось? Вам? — с сомнением в голосе уточнил Карл Иваныч. — Странно... Впрочем, чего не бывает на свете. Может вы и правда явились к нам неслучайно.

— Что же было дальше? — нетерпеливо прервала его Саша.

— Я сразу разглядел его дар. Поцелуй музы оставляет особый свет. Но... — он бессильно развел руками. — Мне тоже не полагаются привязанности. Я научил его всему, что умею, но никогда не мог дать ему той любви, в которой он так нуждался. Он это понимал. Становится все холоднее, отстраненнее, равнодушнее. Закрывался. А дар его расцветал. — В голосе Карла Иваныча послышалась неприкрытая гордость. Сашу покорило.

— Это неправильно. Так не должно быть.

Карл Иваныч слегка нахмурился.

— Так есть. И не нам судить, правильно это или нет.

Пару секунд помолчав, он продолжал:

— Но тут появляетесь вы, и все меняется. Он словно оттаивает, но дар его угасает с каждым днем. В его глазах появилось сомнение. Беспокойство. Он мечется, будто никак не может сделать выбор. Вот я и подумал, может причина в вас...

Это был вопрос. Саша машинально царапала ногтем шершавый край табурета. Будто мышь скреблась в напряженной тишине. Она перехватила цепкий взгляд Карла Иваныча, отдернула руку, молча помотала головой.

— Что же тогда? Поверьте, я не стал бы вас мучить, если бы речь не шла об огромном даровании. Оно гибнет — я чувствую. И как только это случится, погибнет Савва. От него ничего не останется. Если вы что-то знаете — скажите! Я смогу ему помочь.

Саша внимательно разглядывала грязные носы своих ботинок. Ну и влипла же она! Савва рассказал ей такое, чего не знает ни одна живая душа. И она обещала молчать. Все рассказать — значит потерять его доверие. Он отвернется от нее и будет прав. А если не скажет — Савва лишится единственно ценного, что у него есть. Ведь его дар — это он сам.

А тут еще Карл Иваныч! Он рассказал ей всю правду. Он по-настоящему волнуется за Савву. У нее подлости не хватит ему врать.

Она молчала в нелепой надежде, что пока она будет тянуть время все как-нибудь

решиться само, без ее участия. Но минуты тянулись, Карл Иванович ждал, а спасение не приходило.

— Карл Иванович... — медленно проговорила она, все еще надеясь на чудо, — Почему вы думаете, что его привязанность — это я? Он ведь не только со мной видится. Клара, Филибрум, Бэлла... спросите их.

Ее жалкая попытка не увенчалась успехом.

— Мне их спрашивать незачем. — твердо ответил Карл Иванович.

— Только сильные привязанности разрушают драгоценных. И не говорите мне, что в последние три дня он влюбился в Бэллу или Филибрума!

— Да не влюбился он! — с неожиданной горечью вскрикнула Саша. И будто эхо, где-то в недрах рояля, в самом его сердце, едва слышным гулом отозвалась струна. “Это знак. “ — решила Саша и добавила с мрачной уверенностью:

— Я здесь не при чем.

— Кто же тогда?

Как трудно решиться! Еще вчера ей стало ясно, как далеко все зашло. Еще вчера она уговаривала Савву рассказать обо всем Карлу Ивановичу! Еще немного — и все откроется и без их участия. И это будет еще хуже. Но как рассказать? Савва ей этого не простит. Она бы не простила. Но его дар будет спасен. Что важнее? Что лучше для него самого? Как было бы просто, будь он всего-навсего влюблен.

— Цинцинолла. — тихо сказала она, ненавидя себя.

Через полчаса она вышла от Карла Ивановича и поплелась по Музеону.

Гроза обошла город стороной. Вместо освежающего ливня с неба сыпалась невесомая водяная пыль. Площадь уже отмыли от некры, но сырые камни источали удушливый запах, и ему некуда было деться в плотном, неподвижном воздухе.

Еще вчера Саше казалось, что хуже быть не может. Одна, в чужом городе, под подозрением, в полной неизвестности — куда хуже, казалось бы? Оказывается, есть куда. Еще вчера все было не так плохо. У нее был друг. А сегодня она одна. И поделом ей!

Можно сколько угодно твердить, что хотела как лучше. Ей нет оправдания. Гадость, совершенная из лучших побуждений, все равно остается гадостью.

“ Дура, какая же я дура! Надо было мне молчать, а потом поговорить с Саввой, убедить его все рассказать самому. Почему же я не догадалась! Вот как теперь быть? Надо найти Савву и предупредить его, пока он не вернулся домой!”

Но где его сейчас найдешь? В Музееоне ему делать нечего, а искать его по полям и лесам бессмысленно. Остается слабая надежда, что он сам захочет ее разыскать. Она человек предсказуемый, и найти ее легко. Саша поплелась в библиотеку.

Филибрум обрадовался ей.

— Сашенька! Как хорошо, что вы зашли! Я вас ждал.

— Вы Савву не видели? — устало спросила Саша.

— Нет, он не заходил. А что случилось?

Саша тяжело вздохнула — такое разве расскажешь? Она рухнула на диван, запрокинув голову на спинку.

— Филипп Брунович! Все не так.

Филибрум подошел, опустился в кресло напротив.

— Я запуталась. — призналась Саша. — Я потеряла маму. Дом. Талант. Нормальную жизнь. Я пытаюсь все исправить, — продолжала она после небольшой паузы, преодолевая дрожь в голосе, — но от моих стараний только хуже становится. И если бы только мне! Я и другим все порчу. Теперь вот теряю друга. Что мне делать?

— Вам становится труднее. Это не значит хуже, — ответил Филибрум. — А что делать... — он полез в карман пиджака, — Вот у меня здесь кое-что есть. Может это и будет вам ответом.

Он вытащил из кармана сложенный листок бумаги. Саша, не меняя позы, скосила на него глаза.

— Я несколько раз прослушал экспромт Декаденции. И мне показалось, есть в нем кое-что, о чем мы должны поговорить. Ведь это не вы его сочинили?

Саша равнодушно пожала плечами.

— Нет. Ну и что? Может, Декаденция. Она же все-таки поэт.

Филибрум с сомнением покачал головой.

— Экспромт написан гекзаметром. А Декаденция не любит этот стихотворный размер, считает его грубым. Вот я и задумался. Если не вы и не она — то кто же автор этого странного опуса? Когда его передали Декаденции? А главное — зачем? Я даже не поленился, переписал его. Несколько раз прочел. — он посмотрел на Сашу с видом фокусника, готового достать кролика из шляпы и многозначительно произнес:

— Мне кажется, это послание адресовано вам. Взгляните.

Он протянул ей листок.

— Мне? Я, честно говоря, не очень-то вслушивалась вчера. — Саша рассеянно пробежала глазами экспромт.

— Бред какой-то! — она бросила бумажку рядом с собой на диван.

Филибрум не обиделся, терпеливо вернул ей в руки листок.

— Не спешите. Прочтите еще раз.

Уже почти стемнело, когда тихонько скрипнула входная дверь и в комнату бесшумно вошел Савва.

Карл Иваныч встретил его грозным взглядом.

Савва, не взглянув в его сторону и не говоря ни слова, направился к себе.

— Подожди! Сядь. — отрывисто произнес Карл Иваныч.

Он кивнул на кресло, то самое, на котором утром сидела Саша.

Савва замер на полпути, вернулся, присел на рояльный табурет спиной к инструменту, и, сторбившись, уронив руки между колен, уставился в пол. Карл Иваныч, с трудом подавил желание погладить беспомощно склоненную голову.

— Ты понимаешь, что натворил? — спросил со всей суровостью, на какую был способен.

— Я предупреждал. — заторможенно ответил Савва. — Я сказал, что не смогу. Я не хотел, чтобы так вышло.

— Я не об этом.

Савва поднял голову. Он все понял. Карлу Иванычу хорошо был знаком этот взгляд —

виноватый и мятежный. Когда он смотрит так, с ним ничего нельзя поделать. Даже понимая, что кругом неправ, он будет защищаться. Бледный до зелени, Савва усмехнулся.

— Все-таки сдала меня! А ведь обещала молчать!

— А что ей оставалось? Девочка держалась до последнего, не хотела тебя выдавать. Я из нее правду буквально клещами вытянул!

Савва, казалось, не услышал.

— А я, дурак, еще... Впрочем, какая теперь разница? Ладно, я с ней разберусь.

— С собой разберись! — повысил голос Карл Иванович. — Как ты посмел привязаться к музе? Да еще к какой? К Цинцинолле! Не знаешь, что такое пария?

— Знаю. — спокойно ответил Савва. — И что?

— Не прикидывайся идиотом! Она опасна! Особенно для таких, как ты.

— Для каких — “таких”?

Карл Иванович опустил глаза, не ответил.

— Я не виноват, что таким родился. — глухо сказал Савва.

Это было похоже на крик о помощи. Видно, ему по-настоящему плохо, раз он уже не способен защищаться.

— Не виноват. Но тебе с этим жить. — ответил Карл Иванович почти мягко.

— Жить? — переспросил Савва.

Он резко поднялся, подошел к окну, за которым уже сгустились сумерки и какое-то время смотрел в темноту.

— Какой в этом смысл, если не будет Цинциноллы? — задумчиво спросил он. Повернулся к учителю и спокойно добавил:

— Без нее нет радости. Нет моего дара. Нет меня.

Карл Иванович испугался. Если Савва говорит правду, то он даже не на краю пропасти. Он уже в ней. Но нельзя показать мальчику ни страха ни жалости.

— Что ты несешь!? — воскликнул он возмущенно. — “Нет меня”... Избалованный мальчишка! Носишься со своей драмой, как курица с яйцом! Думаешь ты один такой? Думаешь не бывает хуже?

— Вы не понимаете.

— Нет, это ты не понимаешь! Твоего дара хватило бы на десятерых. А ты его уничтожил.

— Мой дар — имею право. — огрызнулся Савва.

— Нет, не имеешь. У тебя одно право — играть. Пока кровь из-под ногтей не выступит! Вытереть руки и снова играть. А ты о чем мечтаешь? О душевном комфорте?

Савва снова отвернулся к темному окну.

— Вы не можете понять. Мне больно... все время больно. — дрогнувшим голосом признался Савва.

Сердце учителя сжалось. Савва мог говорить с ним о чем угодно, но ни словом не касался того, что творилось у него в душе. Никогда. И вот заговорил.

А он? Что он может ответить?

“Знаю, мой мальчик, знаю! Если бы я только мог забрать себе твою боль! Но я не могу. Твоя боль — плата за твой дар. Это твое благословение и твое проклятье. Тебе его нести. А я не имею права даже облегчить твою ношу.” — так он сказал бы. Но ему нельзя. Драгоценным запрещено обнаруживать свои чувства.

Карл Иванович сделал над собой усилие и холодно ответил:

— И что? Подумаешь — больно! Радуйся, что есть чему болеть. Это значит — ты жив. И можешь делать живыми других.

— Почему я должен страдать, чтобы сделать кого-то счастливым?

— По праву рождения! Ты драгоценный! Ты должен рвать душу в клочки и превращать в музыку! А ты ищешь покоя и топишь себя в болоте. И других тащишь за собой. Ты показываешь, что так можно. А так нельзя!

Карл Иваныч перевел дух.

Савва сидел неестественно прямо, глядя невидящим взглядом в темное окно. Его лицо снова стало непроницаемым. Но Карл Иваныч понимал чего ему стоит это спокойствие и что оно означает. Сердце учителя сжалось. Но показать ему жалость, значит погубить его окончательно.

— В общем, я решил. — твердо сказал Карл иванович. — Поедешь в Италию. У меня там друг — великолепный скрипач. Он слышал тебя и будет рад такому ученику. А здесь тебе делать нечего.

Савва не ответил.

И Карл Иванович подошел к нему и положил ему руку на плечо.

— Откуда мы знаем, — сказал он тихо, — почему с тобой случилось... то, что случилось? Может быть, так было нужно, чтобы в мире стало одним чудом больше.

И ушел к себе.

Савва остался сидеть, не сводя глаз с темноты за окном, будто в ней можно было увидеть ответ.

...Он бродил по темным закоулкам, избегая встретить живую душу. Он больше не выйдет на улицу при свете дня! После позора двух последних дней ему не остается ничего другого. Несколько раз он порывался пойти на их с Цинциноллой место, но поворачивал назад. Понимал — она не придет. Светловолосая держит слово.

Саша! Зачем она все так запутала! И почему он не может перешагнуть через нее, даже сейчас, когда она испортила все, что могла? Как было бы просто, не будь ее! Если он скажет ей правду, уведет от ловушки, она просто исчезнет, оставив его как есть, без всего. Без дара, без Цинциноллы, без себя. Плевать ей на него! Почему он должен рушить свою жизнь из-за человека, которому нет до него дела?

А Светловолосая ждет. И времени почти не осталось. Пора принимать решение.

Он вошел в лес. На тропинку, прямо перед ним мягко опустился Невермор. Блеснул в свете луны сине-черной спиной. Скопил блестящий глаз. Бесшумно взмыл и улетел в глубь леса.

А вот кто-то маленький ковыляет, переваливается с боку на бок. Ну конечно, тот самый хухлик. Вышел, остановился на безопасном расстоянии. Смотрит исподлобья. Боится подойти.

— Привет. — тихо сказал ему Савва. — Где твоя хозяйка?

Хухлик поманил его короткой лапкой и заковылял вглубь леса, оглядываясь с опаской. Савва двинулся следом.

...Огромное дерево, наполовину вывернутое из земли. Замшелые корни вздыбились, изогнулись причудливой аркой. А вот и она. Стоит, растворенная темнотой, едва

различимая. Ждет его.

Он подошел ближе.

— Здравствуй, мой мальчик. — произнес с детства знакомый голос.

Ему мерещится. Это невозможно. Этого просто не может быть!

— Не называй меня по имени. — тихо продолжала она, — Возможно, не ты один бродишь ночью по лесу.

— Вы? Но как? Почему? Я не понимаю...

— Тс-с-с! Успокойся. Потом расскажу. А сейчас не будем тратить время попусту. Ты пришел. Значит ты согласен.

Ее голос... Когда-то мягкий и сладкий, он стал холодным, жестким, звенящим. Режет уши, сковывает льдом.

Еще можно развернуться и уйти. Оставить все как есть. Как сказал ему учитель? Рвать душу в клочки и превращать ее в музыку. Смириться с болью, чтобы делать счастливыми других. А можно остаться. Превратиться в чудовище, но обрести покой и радость. Счастливое чудовище.

Если бы опасность не грозила Цинцинолле, выбор был бы очевиден. Впрочем, он и так очевиден. Его нет.

Савва молча склонил голову.

— Во избежании недопониманий, я бы хотела, чтобы ты высказал свое намерение вслух. А то будешь потом отказываться. Я слушаю.

— Я согласен. Верните мне ее. — попросил он.

— Что? Говори громче!

— Верни мне Цинциноллу! — потребовал Савва и добавил чуть слышно:

— Я сделаю все, что скажете.

— Умница. Это правильный выбор. Теперь слушай и запоминай. Но сначала я хочу, чтобы ты твердо усвоил — девочка должна прийти к нам сама. Добровольно.

— Знаю.

— Отлично. Завтра ее выгонят из Музеона. Она прибежит к тебе — куда ей еще деваться? Предложи ей помощь. Она согласится.

— А если нет?

Собеседница тихо рассмеялась.

— Она не просто согласится. Она тебя об этом попросит. Завтра сам увидишь.

— Допустим. Что дальше?

— Приведешь ее прямо сюда. — длинная рука небрежным жестом указала на арку из вывернутых корней. — Вот и все.

— Что с ней будет? — угрюмо спросил Савва.

— Какая тебе разница? А впрочем... она ведь тебе не совсем безразлична? Ты имеешь право знать. Она попадет в Поганую Яму. Там ее встретят и проводят.

— Куда?

— На кудыкину гору. — усмехнулась собеседница. — Черную. Там она распрощается со своим малюсеньким талантишкой. Вот и все. А дальше пусть сама решает, что ей делать. Что с тобой? Ты такой бледный... Расстроился?

— Зачем она вам? Если ее талант ничтожен... Для чего столько усилий?

— А вот это тебя не касается. Это наше дело, семейное. Да ты не волнуйся. Ты не отнимаешь у нее ничего серьезного. Так, маленькое ничего. Ей же будет легче жить. От

таланта одни неприятности. Тебе это должно быть хорошо известно.

Да, ему это известно. Есть ли что-нибудь, чего эта гадина о нем не знает?

— Что будет со мной?

— С тобой все будет прекрасно. Ты пойдешь к своей музе. Вернешь себе свой дар. Вкус к жизни. Радость.

Ее голос снова звучал сладко, убаюкивающе. Как раньше, в детстве. Она всегда была добра к нему.

Савва едва нашел в себе силы задать вопрос:

— А мои родители?

— Что — твои родители?

— Ваша... ассистентка обещала, что я их увижу.

— И ты ей поверил? Да она понятия о них не имеет. — Собеседница рассмеялась мягким смехом. — Дело было так. Саше приснился сон. Она его зачем-то записала. Светлана прочла. Остальное выдумала. По-моему очень остроумно. Да ты не расстраивайся! Ты взрослый мальчик, зачем тебе родители? Свою награду ты получишь. Ты же этого хотел? Ну и все.

Она подошла совсем близко и тихо проговорила, глядя ему прямо в глаза:

— Так-то, мой дорогой. Никому нельзя верить — ни человеку, ни музе, ни азуме. Запомни это на всю жизнь. Пригодится.

Он это знает. Но продолжает верить и расплачиваться за свою доверчивость.

“Надо развернуться и уйти. И рассказать обо всем Саше. Всем рассказать. Давай. Сейчас.”

Холодный голос пригвоздил его к месту.

— Вижу, о чем ты думаешь. Даже не пытайся. Накажу всерьез. Не тебя. Цинциноллу. Ты ведь знаешь, что есть места пострашнее Города Мертвых талантов.

ГЛАВА 27. Мне надо в Поганую яму!

— Очень похоже на Декаденцию! — фыркнула Саша, еще раз пробежав глазами стихотворение, — Много пафоса, мало смысла.

“Черные тучи закрыли собою лазурное небо,”

— Это только вступление. — отозвался Филибрум, — дальше будет со смыслом. Вот смотрите:

“Чуткое ухо не ловит ни отзвука песни желанной.”

— Это же о пении ветра в крыльях Пегаса! И дальше:

“Тих обездоленный град, угасают в отчаяньи музы.

— Что вы на это скажете? Это же о Музеоне!

А в подземелье Паук все плетет и плетет свою пряжу... “ — вслух прочла Саша и задумчиво повторила:

— Паук... Знаете, я недавно залезла в дом Кассандры... — смущенно призналась она, — так получилось... Неважно! Там был огромный паук... и у меня такое странное чувство возникло... Как бы вам объяснить? Паук... в доме плетет паутину... кто-то замышляет недоброе... понимаете? В доме! Значит — кто-то из своих...

— Вы полагаете... — задумчиво протянул Филибрум. — Кто-то из нас... Невозможно! Извините, Сашенька, но, по-моему, вы за уши притянули... И при чем здесь подземелье?

— Подземелье... — медленно повторила Саша, — метафора? Или... есть у вас здесь подземелье? Савва говорил что-то о подземных хранилищах библиотеки...

— Да. Но в них невозможно проникнуть так, чтобы я об этом не знал. — твердо ответил Филибрум.

Саша внимательно посмотрела на него, но промолчала.

“Юный наследник ослеп и оглох и закрыл свое сердце,”

— Ага, значит он все-таки наследник! — воскликнула она. — Получается, Кассандра ошиблась! Я так и знала!

“Светлые стражи бессильны, скрываются в Башне.”

— Здесь тоже ясно, альбинаты. Проку от них, что от козла молока. Хорошо у меня получается, правда? — она азартно потерла руки. — Ну-ка, что там дальше...

“Кто же распутает пряжу, кто тучи разгонит?

Пленник крылатый томится среди праха и тлена”

И на зловонный некрополь смотреть не желает”

— Крылатый пленник — Пегас? А что такое некрополь?

— Дословно —” мертвый город”. Кладбище.

— Похоже на правду. Среди праха и тлена... А может — Город Мертвых талантов? — осенило Сашу, — Или... некрополь... город, где некра?

— Черная гора... — пробормотал Филибрум.

— Смотреть... не желает... — бормотала Саша, — Что она имеет в виду? В этом стихотворении любое слово можно понимать по-разному. Поди догадайся — фигурально или буквально... Смотреть. Не желает.

— Ну, следующие две строчки мне кажутся совершенно прозрачными, — уверенно ответил мэтр, — вот послушайте:

“Ждет избавленья от сумрачной дочери дальнего края

Девы, чей холоден взор и чье сердце как факел пылает...” — Это, Сашенька, просто ваш портрет.

— Это у меня-то холоден взор? — удивилась Саша.

— В зеркало на себя посмотрите. — улыбнулся Филибрум.

— Ну допустим...

“В непроницаемом мраке насмешливо каркает Ворон,
Глядя, как валится мир в ненасытную черную прорву.”

— Ворон с заглавной буквы... Кроме Невермора некому.

— Филипп Брунович, а вот... ненасытная черная прорва? Что-то вертится в голове... Как вам кажется, что это такое?

— Ненасытная Черная Прорва... — это не “что”, а “кто”. — глухо ответил Филибрум.

— Ну конечно! Ненасытная! Как ее — Утроба? Битва с Пегасом! Но я была уверена, что это легенда!

Саша бросила бумажку на низкий столик, откинулась на спинку дивана, прикрыла глаза, забормотала себе под нос:

— Пегас томится на каком-то зловонном кладбище и ждет от меня избавленья... Это, конечно, полный бред, но... Филипп Брунович, — она подскочила — получается... мне надо в Город Мертвых талантов...

— Саша! — покачал головой Филибрум, — Вы не понимаете. Вы, наверное, думаете, что это просто город со странным названием. — Он покачал головой. — Это страшное место. А выбраться оттуда... Не всякой музе это удастся. Они томятся там веками! Да и как вы туда попадете? Через башню? Вас никто не пропустит!

— Неужели нет другой дороги? — Саша пристально посмотрела на Филибрума. — Филипп Брунович, я по вашему лицу вижу, что вы что-то знаете! Признавайтесь, есть другая дорога!

— Даже не думай об этом. — резко сказал Филибрум и с трудом поднялся с кресла. — Ничего тебе не скажу. И зачем я только завел этот разговор! — он заковылял взад-вперед, сердито стуча тростью, — Может, это вообще чья-то глупая шутка... И не надо прожигать меня взглядом! Нет туда дороги. Никто тебя не поведет.

“Да? А вот посмотрим.”

Марк нес свой тайный караул возле Кларинового дома. Прятался в кустах жасмина, ждал.

Когда пошатнулся его рассудок, то мысли понеслись по кругу, как лошадки на неисправной карусели, спотыкаясь, застревая и скрежеща. Зато чувства обострились и никогда не подводили. Особенно предчувствие беды. Из-за него он почти перестал спать, но сколько раз оно его выручало! Если бы не эта проклятая муха, огромная муха в его голове!

...Еще немного, и он спас бы Ариадну от той страшной женщины! Ему почти удалось... Но эта летучая гадина начала жужжать в самый ответственный момент и все испортила!

Она сказала — “Марик, помоги, спрячь меня!” Он вел ее по лесу, она шла с ним рядом, держала его за руку! Он был счастлив. Еще чуть-чуть и он привел бы ее в такое место, где ее никто бы не нашел. Он почти спас ее. Но муха проснулась и зажужжала... Он пытался ее

прогнать, но она жужжала прямо в голове, все громче и громче, так, что его несчастная голова чуть не лопнула. Он пытался прогнать муху — махал руками, подпрыгивал, тряс головой. Она не улетала. Тогда он попытался ее прибить — стукнул себе по лбу несколько раз. Муха притихла, затаилась. Но Ариадна исчезла. Ее не было. Только мертвая птица лежала. Он заботливо укрыл ее мхом, и сел ждать Ариадну. Он долго ждал, она все не возвращалась.

Тогда Марк сказал себе — она спит. Проснется и придет. Но она не приходила. Он стал ее искать. Искал повсюду, долго искал и все не мог найти. А потом вдруг испугался, что не узнает ее, если встретит. Он ведь так давно ее не видел! Он стал рисовать ее. Очень похоже получалось. Но эта суровая женщина, Бэлла, почему-то сердится, когда находит его рисунки. Смывает их грязной тряпкой и ругает его на чем свет стоит. Она вообще-то добрая. Кормит его, подарила теплое одеяло. Почему же ей не нравятся рисунки? Он, должно быть, разучился рисовать, у него получается плохо, вот она и злится. Надо лучше стараться! И он рисовал Ариадну снова и снова.

Так и жил. Искал, рисовал, прятался, сражался с мухой. Ждал.

А потом он встретил Сашу. Она похожа на Ариадну так, что щемит сердце. Она добра к нему. И она тоже в опасности — он ясно видит, как к ней тянутся черные лапы из-за каждого дерева. Это руки той страшной женщины.

Он один это видит, он один знает, никто ему не поверит, никто не поможет. Что ж! Ему не привыкать действовать в одиночку. Он решил держаться поближе к Саше и следить, чтобы с ней ничего не случилось. Так он и делал — всегда был рядом, на случай, если понадобится его помощь. И вот сбылась его мечта! Саша попросила его о помощи! Сама попросила! Он был счастлив, он старался изо всех сил!

Но ему снова не повезло. Муха. Она жужжала как полоумная. Это было невыносимо! Пока он воевал с мухой, Сашу схватили альбины. Еще хорошо, что этот парень, как там его... оказался поблизости. Он ей помог. Молодец. Но Саше рядом с ним опасно. Ему нельзя доверять.

Темное облако висит вокруг него, одним краем цепляет Сашу — Марк это ясно видел. Из-за облака чуть проглядывает солнце. Холодное солнце, бледное.

Марк начинал беспокойно метаться, комкал свое одеяло, тревожно принюхивался. Чувал недоброе.

В этот вечер он тихонько спал под кустом, завернувшись в свое любимое одеяло, когда кто-то толкнул его в бок. Он проснулся и подскочил, тревожно озираясь. Было темно, но Марк сразу понял, что один в своем укрытии, а разбудила его тревога. Он закрыл глаза, попытался настроиться на Сашу и понять, откуда грядет беда.

— Близко... близко, — бормотал он, — В лесу... Нехорошо. Опасно.

Он встал, пригнулся, и, забыв под кустом одеяло, бесшумно двинулся вперед. Калитка, лес... кажется все верно. Сигнал тревоги все сильнее. Следуя за ним, Марк свернул с тропинки в сторону болота. Он был уверен, что идет правильно. Никаких сомнений.

А в лесу темно. Деревья стоят, погруженные в сон, и нет им дела ни до чего. Они будут спать сотни лет. Никого не останется на свете, а они будут стоять и мох с них будет свисать. И туман желтой змеей будет ползать между стволами.

“Марик!” — послышалось невдалеке. Он замер. Только Ариадна называла его так! Вот опять... “Марик!” Это не Ариадна. Это птица кричит. Откуда она знает, как его зовут? Надс

найти ее, говорящую птицу. Может она склюет муху? Марк прибавил шагу. Вот она закричала ближе. Он сделал еще пару шагов и впереди разглядел темный силуэт. Еще не видя лица он знал кто это.

Знал, потому что рядом на земле лежала мертвая птица. Как в тот день. Марк беззвучно загребал ногами пышный мох. Он подошел к ней совсем близко.

— Ариадна... — прошептал он, — ты уже проснулась?

Птица тихонько плачет где-то рядом так заунывно, что голова тяжелеет, закрываются глаза.

— Как ты, мой бедный? — спрашивает Ариадна, не оборачиваясь.

— Я хорошо. — радостно шепчет он, не чувствуя, что слезы катятся по щекам. — Только скучаю по тебе. И голова болит. И муха жужжит.

— Знаю.

— Прогони ее. — жалобно попросил он.

— Сейчас она улетит. А ты спи. Ты давно не спал.

Она всегда его понимала. Только она. Вот и сейчас — она одна знает, как давно он не спал. Марк радостно вздохнул, опустился в мох. Ариадна села рядом, протянула руку, погладила его по голове. От ее прохладного касания становится легче. Голова перестает болеть и жужжание, что мучает его уже много лет, становится тише. Только очень холодная у нее ладонь. Его пробирает дрожь. Где же он потерял одеяло? Сейчас бы оно пригодилось. Его руки, привыкшие собирать что-то вокруг себя, цепляются за мох. Он мягкий, теплый. Как Бэллино одеяло. Такой большой кусок, что в него можно завернуться. Если натянуть его на голову, будет не так холодно. И жужжания почти не слышно. Как же он раньше не догадался? Всего-то и надо было... Мучился столько лет, а лекарство было у него под рукой. Муха еще жужжит, но лениво, устало. Наверное, ей тоже хочется спать. Еще бы — столько лет без отдыха! Бедная муха. Все, заснула. Тишина. Так хорошо. Так спокойно...

— Спи...спи... — шепчет светловолосая женщина. Глаза ее вспыхивают холодным голубым светом. — Не вертись под ногами.

Тихо-тихо, без единого шороха Саша вошла в дом. Никого не хотелось видеть, ни с кем разговаривать. Ей казалось, она наговорила сегодня на полжизни вперед. А завтра у нее трудный день, надо хорошенько выспаться.

Впрочем, есть еще одно дело. Она не сможет заснуть, пока не поговорит еще с одним человеком.

Дом Клары был погружен в темноту и тишину. Все обитатели спали. Саша на цыпочках прокралась по коридору и остановилась на полпути к лестнице. Прислушалась — тишина. Беззвучно позвала:

— Молчун...

— Чего тебе? — послышалось совсем рядом. Из-под лестницы будто по воздуху выплыли два зеленоватых огонька.

— Не знаешь, где Кассандра?

— Зачем она тебе?

— Поговорить. Долго объяснять. Пожалуйста.

— Выйдешь из дома, поверни налево. Маленькая дверь в стене — Бэллина тайная

комната. Там Кассандра. Спит.

— А Бэлла?

— У Клары.

Отлично! Другого случая не будет. Пока Бэлла сидит с Кларой, надо успеть поговорить с Кассандрой. Даже если она спит!

Саша вошла в маленькую темную комнату. Было душно, пахло нагретым сеном и чуть-чуть жасмином.

— Я ждала тебя. Специально услала Бэллу. — раздался негромкий, совершенно не заспанный голос Кассандры. Чиркнула спичка, в нос ударил запах серы и чьи-то руки зажгли маленькую свечку. В дрожащем желтом круге тусклого света Саша различила узкую кровать возле стены. Кассандра сидела на ней, поджав под себя ноги. Саша села на пол возле двери, привалившись спиной к стене. Некоторое время они смотрели друг на друга. Саша — хмуро, исподлобья, Кассандра — выжидательно.

— Зачем вы это сделали? Зачем сказали неправду? — прямо спросила Саша. С Кассандрой нет смысла хитрить и притворяться.

Та пожала плечом, чуть приподняв бровь.

— Люди врут от страха, или ради выгоды. — спокойно ответила она. — Я бескорыстна. И ничего не боюсь. Я всегда говорю правду.

— Зачем тогда вы наговорили на Льва? Он, конечно, полный идиот, но он не виноват. Он совсем не умеет притворяться, он не смог бы! Или все-таки... — Саша похолодела от ужасной догадки, — Вы его тогда видели?

Кассандра молча смотрела на нее, чуть улыбаясь.

— Нет. — ответила она наконец. — Не думай о нем плохо. Он безгрешен, как новорожденный ягненок. Хоть и строит из себя льва. — усмехнулась она.

— Но зачем же тогда вы с ним так поступили?

— Чтобы защитить его. — улыбка исчезла с лица Кассандры. — Зло витает в воздухе. Оно повсюду. Но никто, кроме меня не видит, не чувствует. И Лев не понимает, что ходит по краю обрыва. А в башне с ним ничего не случится.

Саше стало стыдно.

— Простите. — пробормотала она смущенно. — Я подумала, что вы...

— что я из ума выжила, или еще того хуже — шарлатанка? — тихо рассмеялась Кассандра.

Саша кивнула, краснея до слез и радуясь, что в комнате темно.

— Простите. — повторила она.

— Румянец тебе идет. — ласково ответила Кассандра. — Не смущайся, любой подумал бы так на твоём месте. И промолчал бы. А ты молодец. Твоя прямота достойна уважения. Только сильный не боится говорить правду. А я люблю сильных.

Саше польстили ее слова, но виду она не показала. Тем более, что куча вопросов вертелась на языке.

— Но тогда получается... тот, кто это сделал... похитил вас и чуть не убил меня — до сих пор на свободе! И зачем он это сделал? Вы знаете, кто это был? Вы видели его?

Лицо Кассандры страдальчески сморщилось.

— Тш-ш-ш! Не так быстро. — она приложила ладонь ко лбу. — Я не помню. Открыла дверь, а дальше — провал. Очнулась в каком-то подземелье... холодно, темно, выбралась наощупь, оказалась в лесу. И почувствовала — повсюду зло. За каждым деревом... Я увидела,

что Лев в большой опасности. Кто-то хочет его погубить. И вместе с ним — Музеон. Хвала всесильным творцам, я сумела добраться до площади. И сделать так, чтобы Лев оказался в безопасности. — она устало привалилась к стене, закрыла глаза.

— В подземелье пауков... — задумчиво пробормотала Саша. — И что же нам теперь делать?

— Злоумышленник должен выдать себя. Я пытаюсь почувствовать, понять — кто он? И никак не могу. Меня отравили. Мое виденье пострадало. Бэлла дает мне противоядие, но оно действует медленно.

— Мне кажется, я знаю, кто злоумышленник. — прошептала Саша. — Я видела кое-кого на празднике. Я убедила себя, что мне показалось. А сейчас я уверена — это была она.

Кассандра приоткрыла глаза.

— О ком ты?

— Вы знаете такую женщину — светлые волосы, глаза такие... как у Альбинатов. Белые. И вспыхивают страшно.

Кассандра внезапно подалась вперед.

— Это азума. У них нет своей воли. Она может быть только орудием в чьих-то руках.

— Мне тоже так кажется, — горячо зашептала Саша, — но кто послал ее? Кто ее хозяин?

Кассандра прикрыла глаза, ее тонкие брови почти сошлись на переносице, она мотала головой, будто пытаясь проснуться от тяжелого сна.

— Не вижу... туман застилает все... — тихо стонала она, — дай руку...

Саша не без опаски коснулась холодных, дрожащих пальцев.

Кассандра подняла веки. Саша вздрогнула. Широко распахнутые глаза показались ей мутными, незрячими.

— Завтра... — проговорила Кассандра.

— Что завтра?

— Будет великий день. Я вижу. — тихо говорила Кассандра, а глаза ее прояснились, наполнялись медовым цветом.

— Решится судьба Музеона. И твоя. Ты поможешь мне?

— Конечно! — едва дыша от радостного волнения прошептала Саша, — Что я должна делать?

— Просто слушай себя. Не сомневайся — ответ придет. Будет знак. И я тебе помогу.

Саша не удержалась, чуть не плача бросилась ей на шею.

— Кассандра! Мне было так страшно одной! А теперь вы нашли, все будет хорошо! Я все сделаю! Но почему вы мне доверяете? Ведь сегодня на площади вы сказали, что я здесь никто!

Кассандра взяла ее руку в свои прохладные ладони, посмотрела в глаза уже знакомым Саше плывущим взглядом и тихо произнесла:

— Я знаю, что ты — посредник. Знала с той самой минуты, когда ты вошла в мой дом. Ты здесь неслучайно. В тебе наше спасение.

— Но зачем же тогда вы сказали...

— Чтобы защитить тебя. — ласково отвечала Кассандра, крепко сжимая ее руку. — Зло повсюду. Молчи. Не говори никому.

Саша вихрем взлетела на свою верхотуру. Ее распирало от радости. Она знала, чувствовала! Все было не случайно! Не напрасны ее мучения! Завтра, завтра!

Приоткрыв скрипучую дверь на ширину блокнота, она бесшумно проскользнула в свою комнату и чуть не вскрикнула от неожиданности. Чья-то косматая голова темнела на фоне окна. Она щелкнула выключателем. Комнату залил тусклый свет.

— Бэлла! Как вы меня напугали! Что вы здесь делаете в темноте?

— Уходи. — только и сказала Бэлла.

— Что?

— Что слышала. Уходи, пока не поздно.

“Вот вам здравствуйте! В самый неподходящий момент!”

— Но почему? Зачем такая спешка? Еще ведь ничего не ясно.

— Все уже ясно.

— Но я не могу, вы же знаете. Мне не разрешают.

— Выведу тебя. С утра пораньше.

— У вас будут неприятности, если я уйду без разрешения.

— Ничего нам не будет. Уходи.

“Ну конечно! Кассандра ведь нашлась. И мнимый преступник сидит в башне.” — сообразила Саша.

— Но... пироскаф только через неделю! Как же я на тот берег? — быстро нашлась она.

— На лодке отвезу.

— А Музеон? А Пегас?

— Не твоя забота. Нас не спасешь. А себя погубишь. Уходи, золотая.

— Бэлла! Я не могу. А как же мама?

— Нет ее здесь. Не найдешь.

Бэлла хотела добавить еще что-то, но осеклась, прижала руку к горлу и резко отвернулась к окну. Когда она заговорила снова, то голос ее дрожал.

— Ея я так же просила. Она послушалась, ушла. Вот и спаслась. А вернулась — и сама сгинула и тебя за собой тащит.

Она снова повернулась к Саше, и та заметила, что глаза ее блестят.

— Бэлла!

— Уходи! — зло прошипела Бэлла, — Мать не спасешь. Себя спасай.

Саша покачала головой.

— Не уйду. Некуда мне идти.

Бэлла махнула рукой и вышла.

Саша перевела дух, рухнула на кровать.

“Уф! Пронесло на этот раз. Завтра надо будет исчезнуть с утра пораньше и не попадаться Бэлле на глаза.” — соображала она уже сквозь сон.

Зная Бэллино упрямство, она была уверена — разговор не закончен.

А на следующий день все пошло наперекосяк с самого утра.

Саша проснулась ни свет ни заря и уже собиралась тихонько улизнуть, когда по дому прокатился звонок. Бэлла, разумеется, была тут как тут. Саша замерла на повороте лестницы — у нее оставалась слабая надежда, что ранний гость пожаловал не по ее душу. Но услышав скрипучий тенор альбината, она поняла — опоздала. Ей хотелось разорвать себя в клочки от досады. На две минутки бы пораньше!

И вот, стоя навытяжку в комнате-фонаре, светлый страж зачитывал распоряжение Башни Защиты.

— Специальная комиссия на основании открывшихся обстоятельств, признает подозреваемую непричастной к исчезновению ясновидящей Кассандры. Александра Белоконь, с вас сняты все обвинения. Вы можете покинуть Музеон.

— Ну наконец-то! — счастливо вздохнула Бэлла, — Года не прошло, как до них дошло. Клара грустно улыбнулась.

— Видишь, Сашенька, все закончилось. Я так за тебя рада! — она вздохнула. — Теперь бы только Левушка...

Но Сашу это сообщение не обрадовало.

— Как свободна? Как покинуть? А моя мама?

— В нашу компетенцию не входят вопросы, касающиеся поисков вашей родительницы. — процедил альбинат. — Это ваше частное дело. Мы заботимся исключительно о благе Музеона.

— Подождите! Клара, мы же договорились!. — зашептала она, опасливо косясь на альбината, — я помогаю вам с Пегасом, а вы мне помогаете найти маму.

— Сашенька, что поделаешь, я не всесильна. А у Башни другие планы.

— Но так же не честно! Куда я пойду? Я не могу идти домой, там Светлана! А как же Пегас? Кто его сюда приведет? А Лев? — беспомощно бормотала она, понимая, что протестовать глупо и бессмысленно. Никто не будет ее слушать. Теперь всем не до нее.

— Согласно параграфу четвертому пункту шестому Кодекса Музеона, людям запрещено находиться в Музеоне. Благоволите подписать документ о неразглашении.

— Клара, помогите! — чуть не плача, бросилась к ней Саша. — Вы же понимаете, это все неправильно.

И осеклась. Ей было ясно — Клара ей не поможет. И никто другой.

Савва! Он мог бы помочь. Но как к нему пойдешь после того, что она вчера натворила?

— А если не подпишу? — с вызовом спросила она альбината. Она должна попытаться!

— Вне зависимости от того, подпишете вы или нет, в случае разглашения вами любой информации, касающейся Музеона, ответственность за последствия ляжет на ваших поручителей. И к ним будут применены санкции, предусмотренные соответствующими параграфами Кодекса. А именно...

— Хорошо, хорошо! — остановила она альбината, — я все подпишу. Но у меня есть просьба. Разрешите мне уехать завтра. Мне нужен еще день, чтобы доделать мою работу в библиотеке. Мэтр не справится один. И я бы хотела попрощаться со всеми. — тихо закончила она.

Альбинат задумался. Видимо ему нечасто приходилось принимать самостоятельные решения.

Саша умоляюще взглянула на Клару.

— Дайте ей день. — велела Клара. — Вы же понимаете, что она не опасна.

— Клара... — с тревогой начала Бэлла, выразительно глядя на Клару.

— Всего один день. — улыбнулась Клара, — Она его заслужила.

Саша облазила сад, сбегала к озеру, рискнула даже исследовать извилистые переулки Музеона — Саввы не было. И она понятия не имела, где его искать. В отчаянии поплелась в библиотеку — там-то ему точно нечего делать, но нужно же ей было куда-то идти.

И буквально в двух шагах от библиотеки она с ним и столкнулась. Он стоял на мостике, облокотившись на перила, задумчиво глядя на воду. Делать ему было, по всей видимости, совсем нечего.

Саша приостановилась, ступила на мостик, сделала пару неуверенных шагов. Он заметил ее, повернул к ней голову, не меняя позы. Смотрел на нее и молчал.

— Я тебя искала. — сказала она, мучаясь от неловкости. Еще шаг.

— Зачем? — ответил он, глядя настороженно, и, как показалось Саше, враждебно.

Действительно, зачем? Еще вчера она не задумалась бы ни на секунду, о чем там думать, это же Савва! Он сделает недовольное лицо, будет ворчать, нудеть, но сделает все, что она скажет. А сейчас она никак не могла подобрать нужных слов. Савва изменился. Как будто повзрослел за одну ночь. И она не знала как, какими словами теперь с ним разговаривать.

Он молчал, но уходить, судя по всему, не собирался. Ждал.

— Прости меня. — выдохнула она наконец, — Я не хотела. Я бы не стала! но Карл Иваныч ... он сказал, что все очень плохо. Что ты погибаешь. Знаю, я должна была поговорить сначала с тобой! Пожалуйста, прости.

Наверное она тоже изменилась, если догадалась просто попросить прощенья.

— Ничего. Я понимаю. — легко ответил Савва, будто только этого и ждал. Он улыбнулся одними губами, а глаза смотрели все так же настороженно.

— Это для моего же блага. — продолжал он неестественно спокойно. — Мы уже поговорили с Карлом Иванычем. Он мне поможет.

Сашу кольнула тревога — и все? Достаточно хоть немного знать Савву, чтобы понимать — не может быть так легко. Но виду она не показала, а изобразила радость:

— Правда? Как здорово! Просто гора с плеч! Ведь... все в порядке, да?

— Да, все отлично. — все так же ровно ответил он, будто произносил заученный текст. — Я еду в Италию. Буду учиться дальше.

— Это же прекрасно! — почти искренне обрадовалась Саша, — Я так рада за тебя! Я тоже скоро уезжаю.

— Когда? — быстро спросил он.

— Завтра. — она помрачнела. — Меня отпускают. Точнее, выгоняют.

— И ты просто уйдешь?

— Вот! Как раз об этом я и хотела с тобой поговорить. Попросить об одной вещи. Даже не знаю как сказать...

— Просто скажи.

— Мне надо в Поганую Яму! — прошептала она, сверкая глазами.

Савва отшатнулся.

— Ты что? Ты серьезно? Зачем?

— Чтобы пробраться в Город мертвых талантов! Другой дороги нет! Тут такое дело... — и она рассказала ему об их с Филибрумом открытии.

Она ожидала недоверия, снисходительной усмешки, он скажет, что все это ерунда, большая фантазия странноватой поэтессы и ее, Сашино, легкое верие. Но он смотрел на нее такими же глазами, как вчера на площади и молчал.

— В стихотворении говорится, что он где-то там томится. — неуверенно заговорила она, не дождавшись ответа. — Может поэтому его нет на Лунной Горе? И возможно, он действительно там... в Городе Мертвых Талантов!

Савва молчал.

— Филибрум говорит, что никто меня туда не поведет! Но я подумала, что... ты ведь всегда мне помогал. — Она коснулась его руки. — Савва, мне очень нужно в Поганую Яму! Ты все здесь знаешь. Пожалуйста, помоги! — она умоляюще смотрела на него.

Савва убрал руку.

— По доброй воле. в Поганую Яму. — повторил он ее слова, как если бы не улавливал их смысла, или сомневался в здравости ее рассудка.

— Но если нет другой дороги! Никто из драгоценных меня туда не поведет. Альбинаты и подавно.

— Почему ты думаешь, что я знаю дорогу?

— Помнишь, в лесу, когда мы с тобой шли в первый раз в Музеон? Ты объяснял мне про кусок сыра и сказал, что...

— Я помню, что я сказал.

— Ну вот я и подумала...

Он отвернулся от нее к бегущей воде. Прядь темных, шелковых волос скрывала его лицо, и Саше захотелось откинуть ее, чтобы увидеть его глаза и понять, о чем он думает и почему молчит. Но она не решилась. Ей вдруг стало страшно. Захотелось убежать и спрятаться в Кларином саду, завернуться в Бэллино одеяло, как бедняжка Марик, затихнуть, исчезнуть, стать невидимкой.

— Есть одно место в лесу. — произнес Савва, не отводя взгляда от воды. — Возле него вечно крутятся хухлики. Дорога в Поганую Яму может быть только там.

Вот он, знак, о котором говорила Кассандра. Не получится спрятаться. Она обещала. Она сделает то, что должна.

— Ты отведешь меня туда?

— Если ты этого хочешь. — ответил он, повернувшись к ней и пристально глядя ей в глаза.

“Какой-то он странный сегодня. На себя не похож.”

У Саши неприятно заныло под ложечкой. Предчувствие беды. Она решительно от него отмахнулась.

— Ты смеешься? Музы бунтуют, Льва забрали. Все разваливается на глазах. А я... Кассандра нашлась, и я больше никому не нужна. Домой мне нельзя. Конечно же, я хочу!

— Хорошо. Помнишь место, где мы посадили Трики? Если там свернуть в лес и идти прямо, то придешь к упавшему дереву. У него корни торчат из земли. Как замшелая арка. Оно там одно такое, не перепутаешь. Встретимся возле него когда стемнеет.

— Я знала, что ты мне поможешь. — она взмахнула рукой на прощанье и направилась в сторону библиотеки.

— Саша! — послышалось за спиной. Она застыла на месте.

Первый раз Савва обратился к ней по имени, раньше он этого как будто избегал. И голос его прозвучал так, будто он не сказал ей самого главного, и вот наконец решился. Она обернулась. Что же такое с ним творится? Он подошел совсем близко, отступил пару шагов назад, снова шагнул к ней, остановился, крепко сцепив пальцы и кусая губы.

— Что? — не выдержала Саша.

— Ничего. — выдохнул он. — Хотел сказать... по лесу иди, не останавливаясь. И не смотри по сторонам. Чтобы не получилось, как в прошлый раз. А лучше беги.

И он быстро, не оглядываясь, пошел в сторону города.

Саша растерянно посмотрела ему вслед, пожала плечами и направилась в библиотеку. Ей надо было где-то отсидеться до вечера.

ГЛАВА 28. Последний вечер

Савва провел бесконечно длинный, мучительный день. Вернувшись домой после встречи с Сашей, он мимоходом бросил, что будет весь день заниматься, заперся в своей каморке и принялся терзать ни в чем не повинную скрипку, пытаясь вытащить из нее то, чего не мог отыскать внутри себя. Но что может сказать кусок дерева, если молчит живая душа? А в ней пусто, как в пересохшем колодце.

Карла Иваныча он видеть не хотел. Если учитель поймет, что Савва ничем не занят, то обязательно попытается начать разговор. А это сейчас ни к чему. Учитель отсылает его, не хочет больше видеть. И правильно! Кому он такой нужен? Он сам себя не хочет видеть.

Он упрямо продолжал свое бессмысленное занятие, в нелепой надежде, что вспыхнет в нем хоть маленькая искорка, мелькнет хоть бледная тень того, что он чувствовал еще совсем недавно. Это было бы последним шансом для него и спасением для Саши, твердил он себе, прекрасно понимая, что врет себе. Он не посмеет. Даже если бы дар вернулся к нему прямо сейчас, он не смог бы бросить Цинциноллу. Саше все равно придется отправляться на съедение к Утробе.

Если дать этим мыслям волю, то с ума сойти недолго. Поэтому он не выпустит из рук скрипку, пока не настанет время уходить.

Довольно скоро он понял, что играть нет смысла. С таким же успехом можно колотить палкой по забору. Он сдался. Теперь он бесцельно возил смычком по струнам, сосредотачиваясь на безобразной мешанине, что выходила из-под его рук. Так немного легче. Резкие, тревожные, болезненные звуки заглушают и растворяют мысли. Значит, так и надо. Громче... Быстрее... Руки должны обогнать голову. Нельзя думать. Ни о себе. Ни о ней. Ни о том, что он сделает сегодня. Ни о том, во что превратится его жизнь завтра. Если он уже сейчас отвратителен себе, то что будет дальше?

Еще быстрее... Это он умеет. В его музыке больше нет души, так он будет рвать струны. Как сказал учитель — пока кровь не брызнет. Вот и пусть! Теперь так и будет. Для этого ему не нужна Цинцинолла, то что он делает сейчас, привело бы ее в ужас. Но может быть в этом выход?

Он уже не может быстрее, его возможностям тоже есть предел. И снова мысли, такие яркие, выпуклые, мучительные. И опять Саша, Саша, Саша!

Площадь Безобразова... Тусклый фонарь... Одинокая фигурка на каменной тумбе под дождем. Она дрожала от холода и страха и вода стекала с ее волос. Она подняла на него глаза, испуганные, загнанные, но такие чистые, прозрачные... Она доверилась ему, приняла его помощь. И с этого момента желание ее защитить впилося в него как заноза, как рыболовный крючок. Он не хотел сам себе в этом признаваться и под страхом смерти не признался бы ей. Злился на нее за то, что она ворвалась в Музеон и перевернула его жизнь с ног на голову. За то, что она есть на свете. И на себя — за то, что не в силах защитить ее от того кошмара, на который сам же ее обрекает. Он пытался, но потерпел неудачу. И все, что он может теперь — вымещать свою злость на скрипке.

С визгом лопнула струна, обожгла ему руку. Дверь открылась на пороге стоял Карл Иванович.

— Чем ты занят? Что за какофония?

— Сен-Санс. — улыбнулся Савва. — “Пляска смерти”. Не узнал?

— У тебя кровь на руке.

— Ты сам сказал играть, пока кровь не выступит. — спокойно ответил Савва.

Положил скрипку и вышел.

Гроза который день бродила вокруг Музеона, и каждый раз уползала, сердито ворча. Сейчас она была настроена серьезно. Молнии трещали в небе, раскаты грома подбирались все ближе, ветер проносил облака пыли, духота становилась невыносимой.

Сумерки и подползающая гроза окунули город в черноту, стемнело как-то внезапно и тревожно.

Саша вынырнула из жасминовых кустов, остановилась, взглянула на исхлестанное молниями небо, на сумрачный сад, на светлый дом с черными провалами окон. Всего за несколько дней он стал ей родным. Глаза начинает щипать при мысли, что возможно она видит этот дом в последний раз.

Как хочется вбежать, грохнув дверью, крепко обнять на прощанье Бэллу, заглянуть в Кларины переменчивые глаза, почесать за ушком меховую негодяйку Молчун! Нельзя. Они разгадают ее намеренья и сделают все, чтобы ее остановить. А она не может рисковать, поэтому подло сбежит, не попрощавшись. Она никогда их не забудет.

Саша застегнула поплотнее куртку, нахлобучила капюшон. Пора. Сверкнула молния, осветив безжалостным светом сад. Раскат грома заглушил Сашин испуганный вскрик. В свете молнии Она увидела Бэллу. Та стояла, перегородив ей дорогу.

— Куда? — тихо спросила она.

— Надо. — так же тихо ответила Саша, глядя на нее в упор.

Ветер трепал Бэллины волосы, делая ее похожей на Медузу Горгону. И суровый взгляд любого мог бы обратить в камень.

— Не пуцу. — грозно сказала Бэлла,

— Не выйдет. Я быстро бегаю.

— Крик подыму.

— Только хуже мне сделаешь.

— Хоть жить останешься.

— Это будет не жизнь.

— Мать твою потеряла... теперь тебя... — прошептала Бэлла, прожигая Сашу насквозь своими черными глазами.

— Бэлла... Пожалуйста, дай мне уйти.

Они стояли не шевелясь и смотрели друг на друга как враги. Молния с треском осветила их лица, шарахнул гром.

Бэлла опустила глаза, шагнула в сторону.

Саша бросилась бежать. Остановилась, обернулась. Бэлла провожала ее взглядом, зажав себе рот обеими руками. Саша кинулась к ней на шею, крепко обняла. И, не оглядываясь, кинулась вон из сада. Гром ударил ей вслед. Затем все смолкло, будто мир затаил дыхание. И вдруг яростный ливень обрушился с веселой злостью на сад, на дом, на Музеон...

Молчун из окна мансарды смотрела на черный сад, где все стелилось по земле от дождя и ветра. Ее синие глаза вспыхивали красным в свете молний. Вошла мокрая насквозь Бэлла, встала рядом. Погладила дрожащей рукой. Анимуза смерила ее укоризненным взглядом.

— Не удержала. — тихо ответила Бэлла, — Кто бы удержал? Ей дома хуже, чем в

Поганой яме.

Дождь хлестал, словно наверстывая упущенное за последние несколько дней. Саша промчалась сквозь сад, выбежала в поле. Немного осталось. Около Трики Торна свернуть в лес, а там совсем рядом! Она устала бежать, пошла быстрым шагом. Сбросила капюшон, расстегнула куртку — все равно мокрая насквозь. Можно было бы бросить ее совсем, но в кармане остался Алисин блокнот — жалко. Теперь он ей вряд ли понадобится. Но пусть останется как талисман.

А вот и старый знакомый!

— Привет, Трики! Как поживаешь, хулиган? Хорошо тебе под дождем? Эй, даже не пытайся. Ничего у тебя не выйдет!

Она увернулась от цепкой колючей лапки, послала Трики воздушный поцелуй и свернула в лес.

В лесу потише, дождь не хлещет, ветра почти нет. А может гроза уходит? Молнии стали реже, гром ворчит тише и дальше.

“Быстрее, быстрее, нельзя останавливаться, некому будет вытаскивать меня из-под мха. Только бы Савва меня дождался! Где же это дерево с вывернутыми корнями? Ворон каркает совсем рядом. Я правильно иду. Только бы он не ушел... Нет! Вот он стоит, я вижу!”

Савва, промокший насквозь, стоял возле поваленного, обросшего мхом дерева. Они бросились навстречу друг к другу и остановились, когда между ними оставалось полшага. Савва был поражен тем, как она изменилась за то время, пока он ее не видел. Она с трудом переводила дыхание, отжимая мокрые волосы, щеки ее горели, а глаза сверкали веселым бесстрашием, будто она собралась в кругосветное путешествие, а не в город без выхода.

Какая же она... Почему он не замечал этого раньше? Ее глаза... только у муз они умеют так сиять в темноте. Но было в них что-то еще. И вдруг он понял. Обреченность, вот, что это такое. Она верит, что отыщет Пегаса, спасет Музеон, маму, вернет себе свою жизнь. И как будто предчувствует, что этого не случится, что обратно ей не вернуться. Невозможно смотреть ей в глаза. И не смотреть невозможно. Оторваться нет сил.

— Сбежала! — радостно объявила Саша. — Я готова. Показывай дорогу!

Он понимал, что этот момент неизбежен, и все-таки не был к нему готов.

Ему хотелось крикнуть, что ей нельзя туда идти, что ее ждет гибель, открыть чудовищную правду. Но как объяснить ей все, как сознаться в том, что сотворил?

“ Не смей отпускать ее! Останови! Отмени все, пока не поздно! ”

— Здесь. — с трудом проговорил Савва и показал на переплетение гигантских вывороченных корней мертвого дерева.

Саша взглянула на змеящиеся корни, на их зловещую тень, похожую на паука, слегка кивнула и снова посмотрела на него своими невозможными глазами.

— Так просто?

Он кивнул. Произнести “да” уже не хватило сил.

Саша вздохнула.

— Ну все. — улыбнулась она. — Спасибо тебе.

— За что?

— За все. — легко ответила она. — Ты присматривал за мной. Терпел мои выходки. У меня никогда раньше не было настоящего друга. На всякий случай говорю. Если мы больше

не увидимся.

Не сводя с него глаз, она отступала назад, к мертвому дереву. Еще один шаг, еще...

Медленно. Не хочет уходить. Если бы только это было возможно!

“Останови ее! Не отпускай!” Но он стоял, смотрел как она уходит и не мог ни крикнуть, ни пошевелиться, ни справиться с тяжело колотящимся сердцем. Просто стоял и смотрел.

“Ты получишь все. А она все потеряет. Просто скажи ей правду. Она не заслуживает того, что ждет ее.”

Она вдруг остановилась. Казалось, она хочет сказать еще-что-то, ищет слова и не находит.

— Пока. — она улыбнулась ему и вошла в тень. Еще шаг — и она исчезнет навсегда.

— Стой! — крикнул Савва, бросился к ней, оттащил от мертвого дерева.

— С ума сошел?! — она пыталась вырваться из его рук, — Отпусти меня!

— Нет! — он крепко держал ее, понимая, что так нельзя, но и отпустить ее не мог.

— Убери руки! — прошипела она. Дернулась еще пару раз, поняла, что бесполезно, затихла, тяжело дыша.

— В чем дело?

— Ты не вернешься! — еле выговорил он.

Она взглянула на него изумленно.

— Почему?

Как выдержать этот взгляд? Как открыть правду человеку, которого ты предал?

А она молчит. Смотрит на него своими невозможными глазами и ждет.

— Потому что тебя хотят забрать в Черную гору.

— Что? Зачем я им нужна?

— Не ты. Твой талант.

— Чушь! У меня больше нет таланта. Я его давно погубила.

— Это не так.

— Но даже если... Откуда ты знаешь?

— Мне велели привести тебя сюда. И я привел.

В ее взгляде — ожидание, что сейчас все разъяснится, что есть какая-то нелепая причина, что это просто дурацкое недоразумение.

“Я поверю во что угодно, приму все, что угодно, только не твою подлость!”

— Нет. Ты не мог. Зачем?

— Мне обещали за это Цинциноллу. — едва выговорил он.

— Кто?

Чужим, неживым голосом он произнес знакомое с детства имя.

— Что?

...она вырывалась, кричала что-то о том, кто он есть, а он, не выпуская ее из рук, стал шептать ей на ухо все с самого начала. Как встретил ее на площади Безобразова под дождем, замерзшую, промокшую, напуганную до полусмерти. Еще более одинокую, чем он сам. И как что-то повернулось в нем. О том, перед каким выбором поставила его Светлана. О том, как он разрывался на части. Как мучило его желание защитить ее от всего, что, он знал, ей предстоит. Как он сопротивлялся, заранее зная, какой сделает выбор. Как его лишили Цинциноллы и как он испугался, когда понял, что теряет дар. Как ему показалось, что рухнул его мир, что учитель хотел избавиться от него, как уже было раньше. Ему казалось, все предали его, и он не нужен никому. Как был опустошен, как злился на нее за то, что

чувствует. За то, что она есть на свете. Как хотел ей все сказать. И как не смел. Потому что не имеет права, ни на что не имеет права.

Вот и все.

Наконец-то он смог вздохнуть. Теперь она возненавидит его, но останется жива. Он вдруг почувствовал страшную усталость.

— Отпусти меня. — тихо приказала Саша.

Савва разжал руки. “Сейчас она вlepит мне, — спокойно подумал он, — и правильно sделает.”

А она подняла руку и коснулась его волос. Отвела от лица темную прядь. Он вздрогнул, как от удара. И понял — она знает, видит о нем больше, чем остальные, больше, чем ему бы хотелось. Понимает, какая буря рвет его в клочья. В ее глазах ни ненависти, ни презрения. Только невысказанный вопрос. А он не мог ей ответить. Любая правда, любые слова, произнесенные им — все будет ложью.

— Остаься. — только и смог он сказать.

Она покачала головой.

— Пожалуйста, остаься — попросил он.

— Не могу.

— Я спрячу тебя в Самородье, — шептал он, — я знаю одно место... А хочешь — sбежим подальше. Возьмешь с собой Молчун.

— Нет.

— Тебя никто не тронет, никто больше не обидит. Я...

Ему хотелось схватить ее в охапку и не отпускать, спрятать, спасти от всего на свете. Но как спасешь от самого себя?

— А Музеон? — тихо спросила она, — А Пегас?

— Пегаса нет. Музеон закрывают — драгоценные знают об этом. Завтра все будет кончено. Прошу тебя, остаься.

Она снова покачала головой.

— Тогда я пойду с тобой. Одну тебя не отпущу.

— Нет. Ты должен пойти и всем рассказать, пока она не успела еще чего-нибудь натворить. И надо вытащить Льва из башни.

— Саша...

— Подожди! Не знаю увидимся ли мы. Я должна сказать... — она замолчала, кусая губы

— Что?

— Она тебя любила. — решилаcь Саша.

— Кто? — беззвучно спросил Савва, прекрасно понимая, о ком идет речь.

— Она плакала, когда оставляла корзину. Я больше ничего не знаю! — ответила она на его ошеломленный взгляд. — Это был сон. Но я знаю, что это правда.

Она сняла с шеи кусочек горного хрусталя. Надела ему на шею.

— Чтобы не потерять. Отдашь, когда вернусь. — шепнула на ухо.

Ее руки задержались у него на шее чуть дольше, чем это было возможно, и он обнял ее, и они прижались друг к другу в отчаянной, обреченной на провал попытке удержать, укрыть, остановить.

От ее волос нежно пахло дождем, и от щек и от губ...

Мгновенье внезапной, ошеломляющей радости — и Саша оттолкнула его и метнулась к мертвому дереву. Скользнула между вывороченных корней и исчезла.

Савва оглянулся по сторонам, будто не веря в случившееся. Сделал пару бесцельных шагов. Медленно пошел прочь от дерева. Он все еще чувствовал Сашино присутствие где-то рядом. Но чем дальше он отходил от дерева, тем яснее понимал — ее нет и она не вернется. И он никогда не узнает, что с ней стало. Ему нет оправдания. Никакие его страдания не сравнятся с тем, что предстоит ей. И последняя попытка все исправить оказалась бессмысленной и жалкой и никогда не успокоит его совесть. Что ж, остается одно — сделать то, о чем она попросила. А потом отправляться за ней.

ГЛАВА 29. Поганая яма

Было холодно, жестко и неудобно. Саша приоткрыла глаза и обнаружила себя лежащей на голой земле. То ли поздний вечер, то ли раннее утро. Тревожные, неприятные сумерки. Она приподнялась, села, огляделась. Со всех сторон на нее надвигались серые холмы, между ними угадывались едва заметные тропинки. Как она здесь оказалась? Сколько времени прошло с того момента, когда они расстались с Саввой? Он еще сказал ей что-то очень важное... Да! Вспомнила. Она обхватила голову руками. Кошмар какой-то, бред! Она нырнула в яму под корнями, вспышки перед глазами... темнота... и вот теперь эти унылые холмы.

Саша изо всех сил пыталась вспомнить, как она здесь очутилась. Пришла пешком? Приплыла? Свалилась с неба? Безрезультатно. Из ее памяти будто вырезали кусок.

Куда идти? Как отсюда выбираться?

Она растерянно вертела головой — серые каменные горбы высились со всех сторон. И больше ничего. Ни намек на дорогу. По всему выходило, что обратного хода нет. Что ж, она была к этому готова.

— И что же мне теперь делать? — машинально произнесла она вслух.

— Это целиком и полностью зависит от тебя! — раздался в ответ бодрый голос. Саша обернулась. Перед ней стоял неведомый откуда появившийся субъект.

Худой, долговязый, длинноносый, взъерошенные черные волосы, улыбка до ушей, желтые штаны и широкий пестрый свитер.

— Извини, если напугал! — весело сказал субъект.

— А вы, простите, кто? — осторожно поинтересовалась Саша.

— Я — лицо города. — незнакомец горделиво выпятил грудь. —

Друзья зовут меня Длинный.

— Города? Мертвых талантов?

Длинный махнул на нее рукой.

— Что за ерунда! Каких еще мертвых? Живехонькие! Мы порой не знаем, что с ними делать! Прямо неубиваемые! — его лицо перекосила злобная гримаса. Саша вздрогнула, но Длинный снова лучезарно улыбнулся.

— Прости, дурацкая шутка. Очень люблю шутить, но плохо получается. Что поделаешь — таланта нет! Но ничего не могу с собой поделать. Люблю когда все смеются! Это же так классно, когда все вокруг на позитиве! Правда?

— Ну да. — на всякий случай согласилась Саша.

Длинный сделался серьезен.

— Я все болтаю, а сам чуть не забыл, зачем пришел.

Он картинно выпрямился, придал торжественность лицу и произнес с интонаций концертного ведущего:

— Наш славный город готов принять тебя в свои гостеприимные объятия!

— Спасибо. А какой город? — осведомилась Саша.

— Да Поганая же Яма! Ты что, читать не умеешь? — раздраженно ответил Длинный, тыча пальцем Саше за спину. Она обернулась и с изумлением обнаружила позади себя два высоченных столба. И парусом надувалась прицепленная к ним красочная вывеска —

“Добро пожаловать в Поганую Яму!!!”

Саша готова была поклясться, что еще минуту назад на этом месте не было ничего подобного. Но Длинный не дал ей времени на удивление. Он вернул на физиономию улыбку и затараторил:

— Название не должно тебя смущать. Это историческое название. Когда-то давным-давно... — начал он задумчиво, но тут же оборвал сам себя. — Долгая история, в другой раз расскажу. Главное — в нашем городе уважают и берегут традиции. Так же, как и таланты.

— Поганая Яма... — с опаской повторила Саша. — И мне к вам можно?

— Тебе к нам нужно! — сверкнул глазами Длинный, — Ты ведь пришла сюда по доброй воле? — улыбка Длинного стала еще лучезарнее, но глаза смотрели настороженно.

— Да... наверное. Да!

— Вот! По этому радостному случаю я хочу предложить тебе экскурсию! А то как же ты во всем разберешься? — Длинный протянул ей руку.

Саша инстинктивно спрятала руки за спину. Слишком все просто. Слишком весело. Слишком дружелюбно.

— Мне просто надо еще кое-что сделать.

— Все дела — потом, а пока — праздник! Праздник! — Длинный схватил Сашу за руку и потащил по тропинке. Саша еле успевала — уж на что она быстро бегала, но за Длинным угнаться было трудно. Еще бы! Один его шаг равен трем ее.

Она спешила изо всех сил, скользя на мокрой траве, чудом удерживаясь на ногах. Но вот они обогнули холм — и Саша ахнула. Перед ней гостеприимно раскинулся яркий, шумный, разукрашенный к празднику город. Она не верила своим глазам. Откуда все это могло взяться среди болот! Самородье даже в Агафьин день выглядело скромнее.

А здесь повсюду цветы, фонтаны, бумажные фонарики, разноцветные флажки, палатки с мороженым и напитками, колышутся гирлянды воздушных шаров, сверкающие карусели кружатся под музыку, вокруг толпы празднично разодетых людей, улыбчивых, довольных.

— Это что еще за Диснейленд... — тихо пробормотала Саша. Но Длинный расслышал.

— Обижает, Сашенька, — он капризно оттопырил нижнюю губу, — какое может быть сравнение! Диснейленд по сравнению с Поганой Ямой — дыра-дырой! Пошли, я тебе что-то покажу!

И он потащил ее за руку в веселую толпу.

Саша терпеть не могла экскурсий и не выносила, когда ее тащат за руку. Но пришлось смириться. Этот Длинный все-таки местный житель и все здесь знает. И у него можно будет кое-что выспросить. Поэтому она не стала отнимать руку, лишь уточнила:

— У вас сегодня какой-то праздник?

— Конечно! У нас каждый день праздник!

Длинный остановился возле небольшого павильона и сделал приглашающий жест в сторону занавешенного входа. Саша вошла и обомлела — маленький павильон внутри оказался огромным как Большой театр. Посреди сияла огнями круглая сцена.

— Подождите, как же такое может быть? — Саша ошалело вертела головой.

Длинный гордо улыбался.

— А! Оценила! Здесь же не кто-нибудь, таланты живут! Чего они только не придумают! Смотри, смотри! — шептал он, тыча длинным пальцем.

Только что пустая сцена теперь представляла из себя подобие города. По городу важно разгуливали сытые, откормленные птицы, поблескивали жирными перьями. Зазвучала бодрая музыка и птицы лихо отплясали залихватский канкан. Потом хором прочирикали

простенькую песенку. Мелодия показалась Саше мучительно-знакомой.

— Что это за музыка? — спросила она у Длинного, — Такая знакомая, а вспомнить не могу. Где я могла ее слышать?

— Нигде не могла. — важно ответил Длинный. — Свеженькая, с пылу с жару!

— Нет, но я точно ее где-то слышала.

— Так это ж первый признак правильной музыки — она похожа на все остальное. А иначе — кто ее слушать-то будет? Кому нужна неизвестная музыка, сама подумай? Люди любят все известное!

— Ну... вообще-то... как-то странно это. — Саша не хотела обижать Длинного, тем более, что он так старался ее порадовать, и видно, что был в восторге от простенькой мелодии.

— А зачем усложнять? Все гениальное — просто! — восклицал он, будто в ответ на ее мысли.

Слушая его тарактение, Саша испытывала странное чувство. С одной стороны — он говорил очевидные, бесспорные вещи, но как-то издевательски они звучали. И фальшивые, тревожные нотки прорывались в его интонациях. Саша решила сменить тему

— А почему птицы только ходят и прыгают? — спросила она наобум, — Почему не летают? Даже не порхают?

— Лета-а-ают? — вытянутое лицо Длинного вытянулось еще сильнее, — Зачем им летать? Куда? — он нервно хохотнул, — У них все есть — работа, дом, еда. Даже поклонники имеются. Чего им трепыхаться-то?

Длинный поднял брови на лоб, давая Саше понять, что она спорила несусветную ахинею.

— Скажу тебе по секрету, — шепотом признался он, что им и летать-то нечем. Крылья у них отвалились за ненадобностью. Посмотри сама, — он сунул Саше в руки огромный перламутровый бинокль. Саша посмотрела на сцену — крыльев у птиц действительно не было. Просто гладкие бока.

— Когда кому-то что-то не нужно, оно отваливается! — произнес Длинный нудным голосом школьного учителя. И снова хохотнул, — Это же логично! Правда ведь?

Саша помимо воли кивнула головой.

— Ну, я смотрю, ты заскучала! — Длинный схватил ее за руку и поволок вон из театра. — Это — что, это — ерунда, сейчас я тебе такое покажу! Мы отправляемся в путешествие!

Саша даже пикнуть не успела, как они снова очутились на площади и Длинный остановился перед огромной картой. Город на ней был изображен объемно, во всех подробностях, вплоть до номеров домов.

— Ну — в путь? Дотронься пальцем до точки, в которой хочешь оказаться! — предложил Длинный.

— А мы разве не будем гулять по городу?

— Зачем гулять, если можно все увидеть, не сходя с места? Это новейшая разработка. Очень перспективная. Побывай в новом месте, не сходя со своего! О, слоган придумал.

— И как она работает?

— Очень просто! Вот список районов. Каждый под своим номером. Находишь номер на карте, дотрагиваешься пальцем — и вуаля! Ты на месте. Революционная технология! Хочешь попробовать?

— Можно.

— Та-а-к... с чего бы нам начать? Мы с тобой говорили о музыке, предлагаю отправиться в музыкальный квартал. Номер три. Жми!

Саша неуверенно ткнула пальцем в желтую тройку на карте. Что-то тоненько запищало, изображение поползло навстречу Саше. Выскочила надпись “Музыкальная лаборатория”.

— Отличный выбор, — похвалил Длинный. — А теперь следи за руками!

Но Саша за его руками не уследила. Он ткнул в какую-то кнопку на карте. Площадке пропала, и они очутились в новом месте. Саше даже показалось, что место очутилось вокруг них. Карта по-прежнему стояла рядом с ними.

— Как же такое может быть? — воскликнула Саша. Она едва верила своим глазам.

— Ты удивлена? Ничего-ничего, скоро весь мир будет путешествовать, не вставая с дивана!

Огромное помещение, в котором они оказались, напоминало гигантский офис, только вместо столов здесь стояли синтезаторы. А за ними одинаковые люди в наушниках.

Саша пробормотала приветствие, но никто не заметил их с Длинным появления, никто не ответил.

— Они не видят тебя и не слышат. — спокойно сказал Длинный. Технически тебя здесь нет. Если честно, их здесь тоже нет. Это отпечатки держателей талантов. Отражения, слепки — называй как хочешь.

— А почему они все одинаковые?

— Дизайн разработал наш художник. Делать их разными нет никакого смысла.

— А чем они заняты?

— Сочиняют музыку. Хочешь послушать? не дожидаясь ответа он ткнул пальцем в схему, появившуюся на карте. — Так... композитор “А”, “Б”, — тебе какого?

— Не знаю... Мне все равно.

— Тогда наугад — ”Ж”!

Длинный ткнул пальцем в кнопку и зазвучала незатейливая мелодия с четким ритмом. Саша невольно поморщилась.

— А другую можно?

— Не вопрос. — Длинный ткнул другую кнопку. Следующая мелодия оказалась почти такой же, только ритмически рисунок немного отличался.

— Это же почти одно и то же!

— Правильно. Нот-то всего семь! — захохотал Длинный. — Чего там из них особо сочинишь?

— Ну не знаю. Некоторым удастся.

— Да зачем же мучиться, если людям нравится и так? Красота простых решений — это тебе не кот начхал! Классно сказал, да? Надо запомнить. Хороший слоган. Понимаешь, у нас везде технологии! Талант — ценный ресурс, мы его не разбазариваем. Мы заботимся о наших подопечных. Эти твои “некоторые” — сколько мелодий могут сочинить за всю жизнь? Жалкую сотню. Ну две. А наши музыканты — по сотне в день выдают. Есть разница?

Саша промолчала. Разница есть, что правда то правда. Она обвела глазами музыкальную лабораторию. От вида стройных рядов синтезаторов и одинаковых людей за ними засосало под ложечкой от тоски.

— Что-то не так? — длинный перехватил Сашин взгляд.

— Вы только не обижайтесь, пожалуйста... это на тюрьму похоже.

Длинный все-таки обиделся. Даже побагровел.

— Дорогая моя, все наши работники пришли сюда добровольно. — возмущенно заверил он ее. — А некоторые так даже очень просились. Мы же не всех подряд берем. Достаточно одного клоуна, чтобы развлечь толпу. Зачем нам толпа клоунов? — он захохотал. — О! Каламбур! Я сегодня в ударе. Так о чем я? А, да! Добровольно. Обстоятельства, знаешь ли, у всех разные. Жены, дети, налоги, кредиты... А мы даем им возможность работать. И не просто работать, а заниматься любимым делом. Музыканты сочиняют музыку. Поэты — стихи. Рисуют! Поют! — с восторгом выкрикивал Длинный, — И им хорошо, и людям нравится!

И снова Саша промолчала. Какой смысл спорить?

— Ну-с, куда дальше отправимся? — потер руки Длинный.

Саша вернулась к карте, повела пальцем вдоль списка. "...Изобразительное искусство, развлечения, кулинария, медицина, образование...Поэзия! то, что надо. Может Пегас где-то там?"

— Можно в поэтический квартал?

— Отличный выбор! Ун, дос, трэс! — Длинный ткнул в карту.

Почти ничего не изменилось. Вместо синтезаторов появились письменные столы, на них мониторы. Только у людей сидящих за столами, на голове не было наушников.

А на стене висел огромный, во всю стену, монитор.

— Снова "Ж" — подмигнул Длинный.

Саша пожала плечами. Длинный ткнул кнопку, и на мониторе возникли стихотворные строчки:

Мне уборка — не вопрос!

Я купила пылесос!

Пылесос — он как вода:

Без него я никуда!

— Ну как? — с гордостью спросил Длинный.

Саша решила быть тактичной.

— Забавно... — уклончиво ответила она. — только неграмотно немножко.

Длинный вытаращил глаза.

— Неграмотно?! Да ты просто в поэзии ничего не понимаешь. Очень даже грамотно! Во-первых — побуждение к действию. Стих — он должен пользу приносить. Чего зря воздух-то сотрясать? Во-вторых — ритм. Похоже на частушку, да? Народный формат. Людям нравится.

Саша молчала. Она решила больше не спорить.

— Можешь полистать, почитать — Длинный указал на стрелочку "листать". Саша коснулась пальцем стрелки, на мониторе появилось новое четверостишие:

Мы вас очень приглашаем

Посетить наш магазин,

Все о ваших вкусах знаем,

Вы для нас номер один!

— Что за хрень? — не выдержала Саша. — Какая же это поэзия?

— А что это, по твоему? Проза? — Длинный захохотал своей шутке. — Рифма, размер, смысл — все на месте. И польза колоссальная. Реклама — двигатель торговли!

— Дрянь это, а не двигатель. — от возмущения Саша забыла о своем недавнем решении.

— Ты очень капризная, не надо быть такой. — строго и немного обиженно ответил Длинный. — Стихи отличные. Критиковать каждый может, а вот попробуй, сочини! А? Что? Никак? Вот так-то? А у нас тут по сто стихов за час поэты выдают. Людям нравится!

“ Да уж, поэты! — Саша понимала, что спорить с Длинным бесполезно, — Нет, ту Пегасом и не пахнет. Его здесь просто не может быть.”

Она уткнулась в карту. Внимание ее привлек участок, выделенный красной сеткой. Вместо привычных букв и цифр на нем высвечивались непонятные символы.

— А это что такое? Что за шифр?

Длинный смутился, почесал нос, глаза его забегали.

Ну понимаешь, в этих кварталах создают... такие вещи... Тебе сколько лет?

— Шестнадцать... скоро будет.

— Во-о-от. Тебе туда нельзя. Возрастной ценз. Мы соблюдаем законы. Там всякое такое, чего не показывают детям. — пояснил он вполголоса. Потом воровато оглянувшись, наклонился к ее уху и прошептал:

— Оружие, всякие вещества... ну там... разное... ты понимаешь? — сказал вполголоса, прикрывая рот рукой. — А ты как думала? Для этого тоже нужен талант!

— Да уж чего непонятного! Зачем только производить всю эту гадость?! — вскипела Саша.

— Как зачем? — вытаращил глаза Длинный. — Людям же нравится!

Казалось, он искренне не понимал, что ее рассердило и что здесь непонятного.

— Но я смотрю, ты опять заскучала. Может хочешь в квартал “Образование”? Ты же, наверное, в школе учишься? Тебе это должно быть интересно. Там такие технологии!

— Знаю я эти технологии... — пробормотала Саша. — Нет уж. Хватит с меня. Хочу на воздух.

— Дело твое. Смотри, потом не пожалей. — сухо сказал длинный и ткнул пальцем в карту. Поэтическая лаборатория исчезла и они снова очутились на оживленной главной площади.

А там уже стемнело — куда провалился целый день? Разноцветные фонарики качаются над головой, аромат шоколада и горячей карамели щекочет ноздри. Ни одного печального лица. Или даже просто серьезного. Все беззаботные, радостные, довольные.

А Сашу не отпускала тревога. Не только потому, что повальное веселье казалось ей противоестественным и фальшивым. Она постоянно, краем глаза, боковым зрением, спинным мозгом улавливала нечто скрытое. То ей казалось, что у кого-то завязан рот, а улыбка нарисована поверх повязки. То мерещился кто-то лежащий в канаве. То казалось, что тошнит кого-то на карусели. То жирная, довольная птица на спинке скамейки виделась ей ошипанной и синеватой, как суповая курица. Но как только она поворачивалась — все снова выглядело красивым и благополучным.

И еще кое-что пугало ее не на шутку. Пытаясь запомнить дорогу, она время от времени оборачивалась назад. И всякий раз обстановка непонятным образом изменялась. Вот они с Длинным миновали яркую афишную тумбу и киоск с сахарной ватой. Обернулась — и ни тумбы ни киоска. Вместо них полукругом стояли скамеечки и красивенькие фонарики висели над ними. Ладно, хорошо, запомним. Еще пара шагов, снова обернулась — и ни скамеек ни фонариков, только откормленные бескрылые голуби плещутся в фонтане.

Саша ничуть не склонна была списывать эти видения на на обман зрения. Она была

уверена — вся эта веселая красота — морок, спектакль, организованный специально для нее. Она с колотящимся сердцем ждала появления того, кто все это устроил. Той, если верить Савве. Но сердце уже трепетало где-то в горле, а главная героиня все играла в свои ведьмачьи прятки. Наконец Саша не выдержала.

— Послушайте, а как отсюда выйти? — прямо спросила она у Длинного. Тот озадаченно уставился на нее.

— Куда выйти? — искренне не понял он.

— Ну... из города.

— Зачем? Тебе здесь не нравится?

— Как вам сказать... здесь красиво, — выкручивалась, Саша — но не могу же я остаться здесь навсегда. Когда-нибудь же мне понадобится уйти.

— Уйти?! Из Поганой Ямы?! — Длинный застыл, вытаращив глаза, и вдруг захохотал, хлопая себя по коленкам. Вокруг них мгновенно собралась толпа любопытных — кому это здесь еще веселее, чем нам?

— Представляете, народ, она хочет уйти из Поганой Ямы! — закричал Длинный.

Все застыли на секунду, а потом невообразимый гогот загредел над площадью.

— Уйти из Поганой Ямы! Надо же до такого додуматься!

— Откуда такая мысль? Ха-ха-ха!

— Деточка, вы голову давно проверяли?!

Саша почуяла — дело плохо. Даже если отсюда есть выход, эти веселые люди не выпустят ее. Или это не люди? Они скалят зубы в злобных улыбках, их светлые глаза сверкают. Ей хорошо знаком этот холодный блеск...

“Только не подавай вида!”

Саша сделала над собой усилие и расхохоталась.

— Да вы что, я пошутила! Вы поверили? Что я, ненормальная, уходить отсюда? — весело ответила она, стараясь звучать как можно убедительнее. Она схватила Длинного за пестрый рукав. — Мы же только начали! Что у вас здесь еще интересного?

Длинный не успел ей ответить. Толпа расступилась, пропуская кого-то.

Прямая спина, белокурые волосы, асимметричное лицо, зловещее в неверном свете фонарей. Она до последнего не хотела верить.

— Кассандра. — пролепетала Саша непослушным языком.

— Так меня зовут. — подмигнула ясновидящая. — Жаль, что сюрприза не получилось.

Саше никогда не удавалось рассмотреть ее лицо. Каждый раз что-то мешало — солнце, сон, сумерки, страх. И вот они снова встретились, и на улице темно, и тускло светят фонари, и на лице ее танцуют тени. И снова Саше кажется, что она сказочно красивая. Красивая и равнодушная. Но не оттого, что ей ничего не нужно, а оттого, что уверена — понадобится что-то — возьмет и никого не спросит. Может в этом и таится секрет ее красоты?

— Ты зачем пугаешь девочку? — обратилась Кассандра к Длинному, и голосом ее можно было заморозить каток. Длинный смутился.

— Это шутка! Мы просто пошутили!

— Я потом с тобой разберусь... шутник. Не бойся, деточка. — последние слова она произнесла совсем другим голосом. Бархатным, обволакивающим. У Кассандры много разных голосов.

— Я не боюсь.

— И правильно делаешь. Хочешь прокатиться?

Прямо перед ними, сделав эффектный разворот, остановился открытый автомобиль. В его изящных очертаниях Саше показалось что-то смутно знакомое. Ну конечно! Рука Платона Леонардовича. За рулем, правда, сидел не он. Кто-то из местных, должно быть.

— Не хочу. Где моя мама?

— Вопрос по существу, но задан не во время. — поморщилась Кассандра.

— Я ничего не скажу и никуда не поеду, пока вы мне не ответите!

— Упрямство есть порок слабого ума. — назидательно произнесла Кассандра. — Кажется, это Гёте сказал? Напрасно ты отказываешься от прогулки. Почему знать, куда приведет эта дорога и кто ждет тебя в конце.

Саша пристально взглядела в загадочно мерцающие глаза.

— Хорошо. Поехали.

— Вот и умница. Сядем рядышком. Ты ведь хочешь поговорить? Я вижу, у тебя много вопросов...

Саша села рядом с Кассандрой на заднее сиденье, обтянутое зеленой кожей. Шофер нажал на старомодный клаксон, тот взревел голосом раненого слона. Толпа вмиг расступилась, Саша подпрыгнула от неожиданности, а Кассандра снисходительно рассмеялась. Автомобиль тронулся. Люди с блестящими глазами и застывшими улыбками смотрели вслед.

ГЛАВА 30. И снова Кассандра

Огни веселых улиц остались позади, лишь два желтых круга света танцевали теперь на дороге, подпрыгивали на колдобинах, выдергивали из темноты кусочки далекого неба и близкого леса. Кассандра с довольным видом откинулась на спинку сиденья, подставила лицо ветру, с наслаждением вдыхая тревожный запах болот и гнилой древесины.

— Задавай свои вопросы! — великодушно разрешила она, не глядя в Сашину сторону.

Выражение блаженства на лице Кассандры раздражало Сашу. Захотелось сказать какую-нибудь гадость.

— Платон Леонардович тоже работает на вас? — ехидно спросила она, похлопав рукой по зеленому кожаному дивану.

Кассандра улыбалась все так же безмятежно.

— Молодец, узнала руку мастера... Не суди его строго. В вашем мире его считали свихнувшимся чудаком. А в Музее его использовали как шофера и автослесаря. Разве не глупо? Все равно что возить воду на арабском скакуне. А у нас он расцвел. Мы создали ему условия для работы, а он создал все чудеса в нашем городе. — она помолчала. — Не о том говорим. Ты не ради него сюда явилась.

Саша вцепилась, ногтями впиалась в кожаное сиденье, безуспешно пытаясь унять дрожь в руках.

— Да. Я пришла за мамой. Она у вас, и я не уйду без нее. Не притворяйтесь, что не знаете. — дерзко ответила она.

— Вижу, мой урок пошел тебе на пользу. — усмехнулась Кассандра. — Никогда не смущаться. Ты стараешься. Ты молодец. Ты храбрая девочка и заслуживаешь правды. Я расскажу тебе все с самого начала. Печеньку?

Она протянула Саше темный кружок на раскрытой ладони. Саша, не взглянув на печенье, помотала головой. Кассандра пожала плечами, спрятала печенье в карман.

— Не такая уж я ясновидящая, какой меня считали в Музее. — начала она своим медовым голосом, — Но я умна, наблюдательна и обладаю даром убеждения. А еще я умею сочинять истории и вдохновенно врать. Вот эти-то скромные способности и помогли мне прибраться к рукам этот наивный городок.

— Но зачем? Вас и так слушались, верили каждому слову!

— А сама-то как думаешь? Впрочем, где тебе понять! — сладкий голос стал жестким и холодным. Она уже не улыбалась. — Когда ты растешь найденышем, без роду без племени, и все, что у тебя есть — это твоя хитрость... Когда важные, наделенные властью высшие существа спрашивают тебя, малявку, как им лучше поступить... И ты осознаешь, что держишь их за горло своей маленькой лапкой, дергаешь за ниточки, как тряпичных кукол... Вот тогда начинаешь понимать, как сладка власть. Но ты не ровня им. Ты — полезная вещь, вроде игрушечного шарика с ответами. Знаешь такие? Тебя вытаскивают из ящика, когда понадобится, получают ответ на вопрос и кидают обратно в ящик. Можешь себе такое представить? А хочется власти полной, чтобы не надо было притворяться и хитрить. Я ведь человек честный, открытый.

Она умолкла, лицо ее застыло, взгляд стал тяжелым и холодным.

— Я всегда чувствовала, что со мной что-то не так, что я всем чужая, другая, не такая. Существо второго сорта. Ты говоришь — слушались, уважали... Меня никто никогда не

любил.

В ее голосе звучала самая настоящая, искренняя обида.

— А как же Бэлла? — мягко возразила Саша.

— Бэлла? — Кассандра взвилась, будто ей всадили булавку в бок. —

Лучше бы она меня ненавидела! Ты, любимая и единственная, никогда не сможешь понять, каково это — быть номером вторым!

Я собирала и сушила для нее травы, растирала их в порошки, помогала варить эти вонючие снадобья, пробовала на себе противные мази. Но лицо ее светлело только когда приходила она. Ариадна. Твоя мать. Чем она заслужила такую любовь? Я не могла понять. Я ее ненавидела. А эта глупая курица не замечала ни ненависти, ни любви. Когда этот бедолага Марк лишился по ее милости рассудка, она и бровью не повела! — в холодном голосе прорезалась неприкрытая злоба.

Внутри у Саши все кипело — как она смеет так говорить о маме! Она уже набрала воздуха для возмущенной речи, но заглянув в глаза Кассандре, осеклась. Разве можно что-то объяснить раненому ребенку, ревнивому, озлобленному ребенку с каменным лицом?

Кассандра помолчала немного и снова заговорила мягко и монотонно, будто сказку рассказывала:

— Так продолжалось до тех пор, пока в один прекрасный день, блуждая в тоске по болоту, я не встретила хухлика — жалкого и отверженного обитателя здешних мест. “Великая Утроба зовет тебя!” — пропищал он и поманил меня на болота. Я дрожала от страха, но пошла за ним. И под сводами Черной горы я обрела дом. Утроба рассказала мне все. О моей прародительнице — черной ведьме. О силе, которая дремлет во мне. О мерзавке Агафье, которая чуть не погубила наш род. Об изгнании. И о том, что я оказалась в Музее не случайно.

Наконец-то все встало на свои места. Я осознала свою истинную природу и мое предназначение открылось мне. Я поклялась разделаться с вашим поганым родом и положить Музеон к ногам Великой Утробы.

— Но это же глупо! — не выдержала Саша, — Кто-то утопился в болоте по собственной дурости, да еще пятьсот лет назад, а вы за это хотите уничтожить меня и маму? Мы-то в чем виноваты? Это что, кровная месть?

Кассандра посмотрела на нее с жалостью, как на слабоумную.

— Деточка. Я сама сочинила эту сказку. Ты поверила? Не огорчайся. Все верят.

— Но зачем? Для чего? — Саша ничего не могла понять.

— Сочинять истории полезно. — просто ответила Кассандра. Только это должны быть правильные истории. Кому нужна скучная, кислая правда? Захватывающие истории — вот чего все хотят!

— Так значит... проклятья нет?

Кассандра равнодушно пожала плечами.

— Понятия не имею. Не интересуюсь мистикой. Мне нет дела до прошлого. Я иду вперед и никогда не оглядываюсь.

— Но тогда зачем? Зачем вы это делаете?

— Деточка, мне нужна ты! — нежно промурлыкала Кассандра.

— Я? Зачем? — Саша на всякий случай отодвинулась в самый уголок.

— Сверни ковер нетерпения и спрячь в сундук ожидания.

Саша поморщилась:

— С детства ненавижу эту присказку!

— Если хочешь получить ответы на все вопросы, придется набраться терпения. — улыbnулась Кассандра и продолжала:

Я вернулась в Музеон и зажила как прежде. Но моя жизнь обрела новый смысл. У меня появилась цель.

Спешить было нельзя, все должно было происходить незаметно, как бы само собой. Я потихоньку делала свое дело. Заманивала в болото легковерных муз... Переродившись, они благодарили меня, ведь жизнь азумы легче и приятней. С талантами столько возни — растить, беречь, холить, лелеять. А нет таланта — нет проблем. Сама знаешь.

И вот настал день, когда мой кропотливый труд принес плоды — умер источник. Пришел черед Магнуса.

— Вы убили его? — прошептала Саша.

Кассандра вскинула бровь.

— За кого ты меня принимаешь? А кто, как ты думаешь, встретил тебя и развлекал все это время?

— Длинный? — ужаснулась Саша, — так это был Магнус? Что же вы с ним сотворили?

— А что? Помолодел, повеселел. Великолепный клоун получился! Болотная водица пошла ему на пользу.

Кассандра улыbnулась уголком длинных губ, от чего ее лицо неприятно перекосилось.

Саша незаметно вытерла о колени дрожащие, влажные ладони. Она проклинала свое безрассудство. Куда они едут? Что задумала эта безумная женщина? Может она решила утопить ее в болоте и превратить в кого-то вроде длинного? Или запереть в поэтической лаборатории? Что теперь делать? Выпрыгнуть на ходу из автомобиля и бежать? Но куда? Кругом болота и тьма кромешная.

А Кассандра тем временем продолжала:

— Все шло прекрасно. В Музее воцарились разброд и хаос. Голод — великая сила. Музы сходили с ума, сами кидались в болото. И с драгоценными оказалось проще, чем я думала. У каждого есть слабое место. Страх, тщеславие, привязанность, чувство долга. Надо лишь правильно надавить.

Одно мешало мне наслаждаться этой игрой — ваш треклятый род. Ваша способность летать на этой крылатой кляче. В любой момент вы могли свалиться как снег на голову и разрушить мой труд. Ариадне удалось хорошо спрятаться — мне никак не удавалось напасть на ее след.

И снова удача! Одна из моих помощниц обнаружила тебя, благодаря твоим милым сказочкам! Я не знала о твоём существовании, но сразу почуяла Агафьино отродье. Ты хоть понимаешь, что, сама того не зная, писала о Музее? Или все-таки маменька тебе рассказывала?

Саша помотала головой.

— Мне снились сны. Я их записывала.

— Я всегда говорила, что от таланта одни неприятности. — назидательно заметила Кассандра. — Если бы не твой писательский зуд, ничего бы с вами не случилось.

При последних словах у Саши заныло под ложечкой от страха.

“Прыгай и беги!” — стучало в голове. Но она взяла себя в руки. Даже если дело ее совсем плохо, если ее утопят в болоте, или еще что похуже, она должна узнать правду.

— Утащить вас обеих одновременно я не могла. — безмятежно продолжала

Кассандра, — Поэтому решила сначала посадить на крючок твою мамочку. У меня с ней давние счеты.

А ты сама за ней прибежишь, стоит показать тебе дорогу — так я рассудила и дала задание моей умнице Зое.

— Зое? Всеволодовне?

— Так зовут ее люди. — улыбнулась Кассандра. — Она великолепна. Моя любимица. Таких достаточно одной на школу, чтобы юные таланты посыпались к нам в болото, как спелые яблоки.

— Я всегда догадывалась, что с ней что-то не так. Считала ее вампиршей.

— Смешные вы, детишки! За вампирами и оборотнями не замечаете очевидного.

— Она потом исчезла куда-то. — Саша поежилась, припомнив то, о чем так долго запрещала себе думать. — Так и не появилась в школе после того...

— Ну разумеется. Ты же не одна на свете — юное дарование! — хохотнула Кассандра, — Зоя выполнила задание и получила новое. Теперь успешно трудится в другой школе.

А с тобой она поработала блестяще — Ариадна мигом почуяла, чем пахнет и кинулась тебя защищать, как клушка цыпленка. Она-то сразу все поняла... Вместо Зои ее ждала я. Встреча была трогательной. Заманить ее в Музеон оказалось еще легче, чем я думала. Стоило только намекнуть, что настали трудные времена. Что тебе угрожает опасность. Что нужна ее помощь. Она поверила.

— Где она?

— Хватит меня перебивать! — сварливо прикрикнула Кассандра. — Слушай дальше.

Музеон погибал. Магнуса искать уже почти перестали, драгоценные смирились с неизбежным и ждали совершеннолетия Льва, чтобы свалить на беднягу полуразрушенный город.

И я решила — пора!

— И подослали хухлика? Каспара Хаузера?

Кассандра кивнула, лучезарно улыбаясь.

— Здорово придумала, правда? Станный человечек, таинственное письмо. Ты клюнула и помчалась в Самородье, обгоняя ветер.

— Почему вы так долго ждали?

— Ты должна была стать послушной. Безвольной. Запуганной. Чтобы тебе даже в голову не пришло пойти с моим письмом в полицию. Или к отцу.

— Так и было.

— Я же говорю, мне всегда все удается.

— А этот спектакль? Сеанс ясновидения, оскурат? Для чего?

— Обожаю устраивать спектакли! У меня здорово получается, правда? А если серьезно — чтобы как следует напугать тебя, дитя мое.

— Думаете, мне было недостаточно Светланы?

— Недостаточно. Ты должна была мне доверять.

Открою тебе маленький секрет: страх — вот ключ к человеческой душе. Только надо уметь правильно его использовать. — разглагольствовала Кассандра, мечтательно улыбаясь. Я не позволила бы оскурату причинить тебе вред. Только страх. Смертельный страх. Я помогаю тебе спастись, и твое доверие мне обеспечено. И тогда я смогу убедить тебя в чем угодно и делать с тобой все, что захочу. Вот такой был план.

— Хороший план. — мрачно заметила Саша. — Почему же он не сработал?

— Ты все испортила. — раздраженно ответила Кассандра. — Вместо того, чтобы оцепенеть от страха, ты превратилась в фурию, разгромила мой кабинет и сумела ускользнуть от оскурата. Сначала я растерялась. Не ожидала от тебя такого. Но тут же придумала, как быть дальше. Тебя сбили с дороги и заставили петлять по городу. Ночь наступила, начался дождь. Тебе было страшно, плохо...

Но теперь мне нужен был помощник. У меня есть моя верная Светлана. Мои глаза, руки, ноги — все, кроме мозгов. Но она, как ты сама понимаешь, не годилась. Нужен был кто-то, кому ты сможешь доверять. Кто-то близкий тебе по духу, по возрасту. Похожий и в то же время другой.

— Савва.

— Он подходил идеально — такой красивый, талантливый и печальный. Он считал меня своим единственным другом — смешно, правда? Заманить его на площадь не составило труда. Я была уверена, что вы найдете общий язык.

— И он все знал? С самого начала?

— Ничего не знал до последнего момента, если тебе это важно.

— улыбнулась Кассандра. — А когда узнал, то поздно было трепыхаться. Я не оставила ему выбора.

Савва — добрый мальчик, не позволил Карлу отдать тебя в лапы альбинов. Это сильно усложнило бы мою задачу. Тебя повезли к Кларе, а я тем временем сидела в разгромленной тобой комнате и придумывала новый план.

— Так это вы допили чай? Как же я не догадалась! — расстроилась Саша.

— Не огорчайся. Даже если бы ты догадалась — что бы это изменило? Тебе бы никто не поверил.

— И что было дальше?

— Дальше — новый план. Я исчезаю при драматических обстоятельствах. Твой рюкзак посреди разгрома. Ты видела меня последней. Естественно, Башня начинает расследование, тебя не выпустят из города, пока меня не найдут хоть в каком-нибудь виде.

А когда меня найдут и найдут ли вообще — решаю только я. Мне хотелось как можно дольше оставаться за кулисами, а Савва будет действовать по моей указке, даже не догадываясь об этом.

Этот чудный мальчик обладает одной особенностью — стоит ему заиграть, как окружающие теряют способность соображать. Если бы он понимал свою силу, то мог бы стать мне серьезным соперником. К счастью, ему это все ненужно и неинтересно. Вместо всеобщего обожания он избрал путь самокопаний и жалости к себе. Глупо было бы этим не воспользоваться. Моя прекрасная Цинцинолла... Поработает таланты одним своим присутствием. Отверженная, пария, обреченная законом на голодную смерть. Спасенная мной буквально из ада... Готова на все за глоток инспирии.

Я устроила их встречу с Саввой. Ему хватило одного раза, чтобы впасть в зависимость от нее. Так его талант оказался в моих руках.

Я была уверена, что он очарует тебя своей музыкой, и ты пойдешь за ним куда угодно, сложив лапки, как крыса из сказки. Но все снова пошло не так. Вы подружились, но плясал под твою дудку он. Впечатлительная натура. А ты — бесчувственная, как пень. Такая же, как твоя мать! Даже музыка на тебя не действовала. И он вдруг уперся как осел — Светлане никак не удавалось его уломать.

Время работало против меня, я начала всерьез тревожиться. Но я продолжала верить в свою удачу. Мне все удается — твердила я себе, должен быть способ. И я его нашла! Меня осенила гениальная идея. Декаденция! Восхитительная дура, но превосходный медиум! Небольшой сеанс гипноза на глазах у изумленной публики — и ты получаешь послание и руководство к действию.

— А если бы я не догадалась?

— Поверь, я нашла бы способ тебя вразумить. Но я была уверена, ты все правильно сообразишь и помчишься вызволять из беды Пегаса. Тебя же хлебом не корми — дай кого-нибудь спасти. То мать, то Савву, то Пегаса.

Это звучало как насмешка, но Саша решила пропустить ее мимо ушей. У нее слишком мало времени, чтобы тратить его на обиду.

Надо попытаться извлечь хоть какую-то пользу из ее внезапной откровенности!

— Эти слова в стихотворении... о Пегасе... Вы просто выдумали, что он где-то там томится? Или...

Кассандра погрозила ей пальцем.

— В свое время ты узнаешь все, что должна узнать. И не более.

Не пытайся меня перехитрить.

— И в мыслях не было! Вы слишком умная. И вам все удастся. — язвительно заметила Саша

Кассандра взглянула на нее сверху вниз.

— Твой сарказм неуместен. Становиться у меня на пути опасно. Вот, например, этот псих, Марк, знаешь его? Постоянно мешался под ногами.

— Что вы с ним сделали?

— Да неважно уже. — махнула рукой Кассандра. — А Лев! Чуть не испортил мне всю работу! Так старался выкинуть тебя вон, что сам полез на гору! Объяви он всем, что Пегаса там нет и покажи на тебя пальцем — ты оказалась бы в башне. К счастью у меня нет недостатка в помощниках. Меня вовремя предупредили. Поэтому пришлось в спешном порядке являться на церемонию и разыграть там еще один спектакль. О, я это умею и люблю. Одного моего слова было достаточно, чтобы Льва уволокли в башню.

— Что с ним теперь будет?

— О! Не беспокойся. Бэлла позаботится о том, чтобы он как можно скорей оказался на свободе. Она знает, что я соврала. Она давно догадалась про меня.

— Бэлла... Нет! Только не она! она не могла!

— Еще как могла! А что ей оставалось? Выдать меня значило для нее выдать себя. Она столько лет молчала. Ей бы этого не простили.

Не плачь, Сашенька, оно того не стоит. Мир не такой, каким ты его себе придумала. Он такой, какой есть. Никто не идеален. Чем осуждать других, взгляни на себя!

Саша в недоумении взглянула на нее.

— Не понимаешь, о чем я? А твои откровения с Карлом Иванычем?

Ты ведь сдала своего друга.

— Но я же хотела помочь...

— Неважно, чего ты хотела. Важно то, что ты сделала. — сурово ответила Кассандра. — Ты обещала молчать. Савва тебе верил. Потому-то он и сдался мне со всеми потрохами — твое предательство стало последней каплей. Если бы не твой длинный язык, Сашенька, неизвестно, чем бы все закончилось. Ты мне очень помогла! Мне оставалось только взять

тебя его ручками и доставить куда следует. Правда под конец он-таки не выдержал. Проболтался, маленький негодяй! Испортил мне эффектное появление. Но он за это поплатится, я позаботилась об этом.

— Что вы сделали? — прошептала Саша.

— Ничего особенного. Исполнила долг добропорядочного жителя Музеона. Раскрыла Альбинатам его маленькую тайну. А Цинцинолле велела явиться в Музеон. Ее я потеряю, ну да ничего! Она свое дело сделала. Жаль только — я не смогу увидеть лицо Саввы в тот момент, когда...

— Как же так можно? Почему вы всех ненавидите? Неужели вам никого не жаль?

Кассандра подумала несколько секунд и невозмутимо ответила:

— Никого. Меня никто не жалел. И ничего, жива-здорова. Как видишь, добиваюсь успеха. Очень скоро Музеон прекратит свое существование. Никто теперь не помешает мне превратить его в Азумеон и стать наконец-то полновластной хозяйкой здешних мест.

Она с хрустом потянулась, покрутила головой, принялась.

— М-м-м-м! Этот чудесный аромат! Мы на месте.

Автомобиль остановился, шофер выключил фары. Стало тихо и совсем темно.

— Почему вы нас просто не убили? — будто со стороны услышала Саша собственный голос. — Это избавило бы вас от забот.

— Как вы, люди, шаблонно мыслите. — ответила ей темнота медовым голосом Кассандры. — Убивать неинтересно. Только глупые дети ломают свои игрушки.

Я свое дело сделала. Сейчас ты предстанешь пред всевидящие очи Великой Утробы. Будь почтительна и думай, прежде чем открыть рот. Она не понимает дурацких шуток.

ГЛАВА 31. Последний день Музеона

Бэлла сидела перед холодной печью, понурившись, чуть покачиваясь взад-вперед, вся уйдя в свои мысли.

В кухню тихонько вошла Молчун — сделала пару кругов, подошла поближе, потыкала мягкой лапкой босую Бэллину ногу. Не получив ответа, она проследовала в угол с метлой, демонстративно звякнула железной миской, прожгла Бэллу укоризненным взглядом. Бэлла, не взглянув на анимузу, машинально поводила рукой по столу, нашарила колбасный хвостик, бросила в миску и снова застыла. Будь Молчун человеком или музой, то она бы тяжело вздохнула, может быть, даже заплакала. Но она была всего лишь анимузой, поэтому она обнюхала миску, расстроено проследовала под стол и понимающе там затихла.

Резкий, требовательный звонок прокатился по опустевшему дому. Бэлла не изменила положения, не повернула головы. Звонок повторился настойчивее.

— Чего трезвонишь? — проворчала Бэлла скорее сама себе, чем незваному гостю, — нет никого. И делать здесь нечего.

Хлопнула незапертая дверь и послышались быстрые шаги. Бэлла приподняла голову, устало поморщилась.

— Видать, по мою душу.

Но не шевельнулась, малейшего движения не сделала навстречу. Ей было безразлично, кто и с чем явился в холодный, опустевший дом. И никого не хотелось видеть.

— Ты одна? Где Кассандра?

В кухню влетел Лев. Он изменился. Осанка по-прежнему горделивая, но сейчас это была не вальяжная стать избалованного наследника, а натянутая до предела струна. Золотая грива всклокочена, глаза мрачно светятся, готовы в любой момент полыхнуть. Он похудел, лицо осунулось, казалось, он провел в башне не пару дней, а пару лет.

— Подрос мальчик. — сама себе сказала Бэлла, — Выпустили тебя?

— Только что. Я не понимаю. Мне ничего не объяснили. Где Кассандра?

— На что она тебе? — устало ответила Бэлла.

— Пусть скажет мне в глаза то, что кричала на площади. Почему раньше говорила другое? Зачем соврала, ведь я не был у нее в тот вечер! Я пальцем ее не трогал! Зачем она всех обманула?

— Это я всех обманула. — прошептала Бэлла себе под ноги.

— Ты? Ничего не понимаю... Что происходит? Город пустой. Где все? Где Кассандра?

— Нет Кассандры. Ушла Кассандра.

— Куда?

Бэлла подняла на него глаза.

— Домой. В Поганую Яму.

— В Яму?

— Да! — выкрикнула Бэлла, — Болотное отродье она! Все думали, что мне подбросили ее на порог. А я врала. На болоте ее нашла.

Голос ее сорвался, и она заплакала. Лев растерялся. Никогда в жизни он не видел Бэллу плачущей. Суровая, грозная, сильная и добрая, она была всем опорой. Никогда не обнаруживала слабость. Лев подошел, осторожно погладил ее по волосам.

— Крошка такая... Волосики золотые... — всхлипывала Бэлла, пряча лицо в ладонях, —

Я боялась — узнают, отнимут ее у меня и выбросят обратно, в болото. А я ее любила. — она подняла заплаканные глаза, посмотрела на Льва так, словно искала у него понимания. Но он ничего не мог понять.

— Думала — справлюсь. Не справилась. От любви всю силу растеряла. — тихо закончила она, вытирая слезы.

— А она? — только и смог выговорить Лев.

— Она? Власть она почуяла и весь город под себя подгробла. Я не помешала, не смогла. Только Ариадну спасла, выгнала ее, думала, хоть у нее все будет хорошо. Глупая бабка! И вот началось. Источник, Магнус, потом Декаденция, Клара, Филибрум... Я смотрела и ничего не могла сделать. Смотрела, как гибнут таланты вокруг меня и молчала. Только ты да Савва остались. Нет... Савва тоже пропал. Саму бы меня в болоте утопить. Как считаешь, Магнус?

— Я не Магнус. И не судья тебе. — твердо ответил Лев. — Я никому ничего не скажу.

Бэлла посмотрела на него с благодарностью, но в ее тяжком вздохе не слышно было облегчения.

— Да я сама уж все рассказала. Теперь вот сижу, думаю — Сашка-то жива?

— Так значит... она не при чем? А я думал...

— Я ее, дура, отпустила! Не удержала! И не сказала ничего! — причитала Бэлла, словно не слыша его, — Может все-таки домой убежала? А? Хорошо бы! Жива будет. Хотя, какая это жизнь! — она безнадежно махнула рукой, — Запугали девчонку до полусмерти. Она слабенькая, где уж ей устоять.

— Она не убежала домой. — ответил ей Савва с порога. Никто не слышал, как он вошел и встал, привалившись к дверному косяку. Он тоже выглядел неважно — бледный, волосы спутаны, под глазами темные круги.

— Откуда знаешь? — быстро спросила Бэлла.

— Она в Поганой Яме. — ответил Савва бесцветным голосом безмерно уставшего человека

Бэлла ахнула.

— Как она нашла дорогу? — насторожился Лев.

Савва не спеша подошел к раковине, налил себе воды, жадно выпил и спокойно ответил:

— Я ее туда отвел.

— Зачем? — застонала Бэлла.

— За Пегасом. За мамой. Она сама попросила.

Бэлла схватилась за голову.

— Она не слабенькая. — вызывающе произнес Савва, — И запугать ее не так-то просто. — Он мрачно взглянул на Льва и направился к выходу.

— Куда? — рявкнул Лев ему в спину.

— Не твое дело. — бросил Савва, не оглядываясь.

— А ну стой! — закричала Бэлла, — не смей туда ходить!

Савва обернулся к ней на ходу:

— Я должен все исправить.

Лев одним движением перегородил ему дорогу.

— Удрать собрался? Не выйдет! Сейчас пойдешь со мной в башню!

— Я только что оттуда. — равнодушно ответил Савва. — Хранители все знают. Саша просила меня рассказать — я это сделал. Только время потерял.

И он двинулся к выходу. Лев снова оттолкнул его от двери.

— Я запрещаю тебе покидать Музеон! Будешь отвечать за свои выходки. Я об этом позабочусь.

Савва повернулся к нему и сдержанно ответил:

— Мне плевать что со мной будет. И черта с два ты мне что-то запретишь. Чем ты лучше меня? Сам только и мечтал, как бы выкинуть ее отсюда.

— О чем я мечтал — не твоя забота. Я сам вытащу ее из Ямы. — процедил Лев. Смерил Савву презрительным взглядом и насмешливо добавил: — А ты отправляйся домой. Только будь осторожен, музыкант, пальчик по дороге не сломай!

— Я сейчас тебе что-нибудь сломаю!

— Давай, попробуй...

— Пошел вон с дороги!

— Руки убери!

Казалось, еще секунда — и драки не миновать. Бэлла испуганно переводила взгляд с одного на другого. Сколько раз она их разнимала, когда они, маленькие, кидались в друг друга речными ракушками! Сейчас она даже не пыталась вмешаться.

— Прекратите! — раздался властный окрик.

На пороге стояла Клара, вцепившись в дверной косяк. Ее глаза почернели от гнева. Лев невольно отпрянул назад. Он никогда не видел ее такой.

— Хороши. Нашли тоже время! Драгоценные... — она смерила обоих ледяным взглядом.

Лев, забыв о Савве, бросился к ней.

— Клара! Как ты себя...

Короткий повелительный жест пригвоздил его к месту.

— Вы оба останетесь здесь. — приказала Клара.

Лев сверкнул глазами, упрямо встряхнул головой.

— И не подумаю! Я не собираюсь сидеть просто так!

— Молчи и слушай! — прикрикнула Клара. — Саше ты ничем не поможешь. И никто другой. Она — посредник. Она справится сама. А твое место здесь. Больше никому позаботиться о Музее. Поэтому умерь свою гордыню! Глядишь — и голова заработает. А ты, юный Вертер, — она повернулась к Савве, — подумай для разнообразия о ком-нибудь, кроме себя. Сразу легче станет!

Мятежники присмирели и затихли, не смея протестовать. Лев, раздувая ноздри, уставился в окно, Савва внимательно изучал узор на плиточном полу. Клара перевела дух. Глаза ее чуть прояснились.

— Верховная Башня не сегодня-завтра даст ответ. — продолжала она уже спокойнее. — Мы все понимаем, какой. И вы оба должны быть здесь, когда объявят решение.

— Я-то здесь зачем? — огрызнулся Савва.

— Как зачем? Муз развлекать. — последовал холодный ответ. — Будешь играть для них с утра до вечера.

— Но я же...

— Вальсы Штрауса! — грозно оборвала его Клара. И тихо добавила: — Не надо со мной спорить. Я устала.

Хлопнула входная дверь, простучали мерные шаги и в дверном проеме возник альбинат.

— Довожу до сведения присутствующих, — начал он, нисколько не смущаясь обстановкой, — что получен ответ из Центральной Башни. Верховный Защитник счел

ситуацию беспрецедентной и вышедшей из-под контроля, вследствие чего было принято решение о закрытии Музеона. Музам и драгоценным предписывается завтра утром явиться на площадь Безобразова. Будет произведено открытие Калитки Исхода. Музы в сопровождении альбинов проследуют к иным Источникам.

Драгоценные останутся в Музеоне вплоть до особого распоряжения.

Повисла пауза. Все оцепенели, не сводя глаз с невозмутимой физиономии незваного гостя.

Савва опомнился первым. Он резко толкнул альбината так, что тот отлетел к стене, и бросился вон. Лев сделал движение следом, но Клара перехватила его, вцепившись в плечо. Лев не посмел вырываться. Альбинат тщательно отряхнул рукав от побелки, шагнул на прежнее место и бесстрастно заметил:

— Подобные действия не приличествуют драгоценным и, безусловно, будут иметь самые неприятные последствия.

И он с достоинством удалился, хлопнув дверью, будто точку поставил.

— Вот и сказке конец. — тихо подвела итог Бэлла.

Савва с мрачной решимостью брел сквозь душную полумглу мертвого леса. Хватит с него Музеона. Играть для муз? Можно шарманку завести с таким же успехом. Он здесь больше не нужен. В Поганой Яме от него будет больше проку.

В мертвом лесу день похож на ночь — густой туман сожрал цвета и формы, он обволакивает, давит, сбивает с пути.

Но даже с закрытыми глазами Савва смог бы отыскать мертвое дерево. Арка из вывороченных корней уже маячит впереди, будто змеи танцуют в тумане среди спящих деревьев. Конец пути.

Савва ускорил шаг, насколько позволял вязкий мох. В шаге от дерева, он зацепился за корень, как капкан притаившийся в живом зеленом ковре. Не удержался на ногах, упал. Голова кружится. Он вспомнил, что последние сутки ничего не ел. Не до того было.

Цепкие пальцы впились ему в руку повыше локтя.

— Осторожней, музыкант! Ноги ломай сколько хочешь, а руки береги. Вдруг пригодятся. — издевательски прозвучало над головой.

Светловолосая! Стоит, изящно опершись на арку одной рукой, смотрит на него сверху вниз и гаденько улыбается. Она ждала его. Следила? Не важно уже. Он вырвал руку, поднялся с земли. Она сделала игривый шагок в сторону, загородив проход.

— С дороги! — бросил Савва, не глядя ей в глаза.

— Куда ты так торопишься? — она не двинулась с места.

Он попытался ее обойти, дернулся несколько раз из стороны в сторону, но она всякий раз оказывалась у него на пути. Казалось, ее это забавляло. Перед глазами все плыло. Чтобы снова позорно не упасть, он присел на поваленный ствол.

Светловолосая грациозно опустилась на мягкую кочку напротив, склонила голову к плечу, участливо заглянула ему в лицо.

— Что вам еще от меня надо? — спросил он устало.

— Ну вот смотри, — с готовностью откликнулась она, — если ты спешишь присоединиться к своей... подруге, то зря стараешься. Она там, куда тебя не пустят. Не

станешь же ты драться с оскуратами! Но...

Она интригующе замолчала. Савва поднял на нее мрачный взгляд.

— ... ты был нам немножко полезен, поэтому моя хозяйка великодушно сооблаговолила подарить тебе последнее свидание с твоей музой. — торжественно объявила Светловолосая, блестя глазами.

Савва похолодел.

— Последнее? Почему?

— Потому. В ближайшие пару тысяч лет она будет очень занята. Ты столько не проживешь. — она захихикала, довольная своей шуткой.

— Где она?

— Отправилась тебе навстречу.

— Как навстречу? Куда?

— На площадь Безобразова.

— Но ей туда нельзя! Ее же...

Он вскочил на ноги.

— Конечно! — радостно откликнулась она со своей кочки, — Весь интерес именно в том, что ей туда нельзя. Беги. Ты еще успеешь ее застать.

— Вы... вы...

Савва развернулся и помчался обратно, в Музеон, слыша смех у себя за спиной.

Отсмеявшись, Светловолосая не спеша поднялась, посмотрела ему вслед, наигранно вздохнула:

— Ах! Такую сцену пропущу!

Она хихикнула и скользнула под вывороченные корни.

Савва мчался обратно через мертвый лес, сквозь запретные сады Музеона и его бесконечные переулки. Он запрещал себе думать о плохом. Он опередит альбинатов, отыщет Цинциноллу, уведет ее из города и спрячет. Но когда, весь взмыленный, он влетел на площадь Безобразова, то понял — все кончено. Он опоздал.

Цинцинолла стояла посреди площади возле кратера. В паре шагов от нее топтались альбинаты, не смея подойти ближе и сделать то, что должны. Чуть поодаль сбились в кучку драгоценные. Они растерянно оглядывались, перешептывались и тоже ни на что не могли решиться. Просто смешно, до чего они все боятся парий! Карл Иваныч заметил Савву, поспешил к нему.

— Это не я, клянусь! Я бы никогда...

— Знаю. — машинально ответил Савва и двинулся через площадь.

— Не подходи к ней! — раздался истошный крик. Кажется, это была Декаденция.

Не замечая ничего вокруг, Савва приблизился к Цинцинолле.

— Согласно параграфу двенадцатому пункту первому кодекса Музеона... — раздался голос альбината.

— Зачем ты пришла?

— Кассандра сказала, я нужна тебе.

— ...грубейшее нарушение Кодекса... принятие самостоятельных решений... несоблюдение территориального режима...

— Это ловушка. Беги. Я попробую их задержать. — шепнул он.

Она покачала головой.

— Уже поздно. И некуда бежать. Я больше не нужна Кассандре.

— ... вмешательство в жизнь драгоценного, повлекшее за собой утрату дара...

— Просто беги! Куда угодно! Я найду тебя...

— ... в Башню Безопасности с дальнейшей отправкой в город Мертвых талантов!

Она не шелохнулась. Смотрела на него и улыбалась.

Альбинаты осмелели, подошел один, за ним другой, третий. Они встали вокруг нее кольцом, все еще не отваживаясь к ней прикоснуться. Но это ненадолго, сейчас они осмелеют. Как им помешать?

Это было скорее наитие, чем намеренье. Он достал флейту, поднес к губам. Цинцинолла закрыла глаза.

Нежный прозрачный звук. Он возник из ниоткуда. Казалось, он летит вместе с легким ветерком, струится с неба, как тихий дождь.

Ее голос и его флейта встретились, узнали друг друга. И все исчезло. Остались только звуки, рожденные соединиться и сотворить волшебство. В последний раз. Прощальный подарок Кассандры. Царский подарок.

Драгоценные слушали, едва дыша. Амалия украдкой вытирала слезы. Декаденция обхватила себя за плечи, будто ей холодно. Карл Иванович... Лев... Клара и Бэлла — рядом. Как всегда. С трудом, опираясь на палку, из библиотеки вышел Филибрум.

На площадь начали стекаться музы. Пустые, бессильные, полуживые. Готовые исчезнуть, но не изменить своей природе. И они были вознаграждены. Они слушали, и лица их светлели, и глаза наполнялись радужным сиянием. Понимают ли они, что это последнее чудо в их бесконечной жизни?

Альбинаты отступили, застыли.

Савва знал: пока он играет, они не тронут ее.

Как сказал учитель? “Талант — это всегда больно.”

Почему в его жизни все сложилось именно так, а не иначе? И с чего он взял, что ему положен душевный покой? Если ему не дано жить без боли, то в его силах превратить ее в звуки, и она станет для кого-то радостью, даст силы жить. Может, он именно тот, кто должен снова и снова доставать из себя душу, чтобы делать счастливыми других?

Пока он играет, они не тронут ее...

...Он уничтожил свой дар, она отправится в мертвый город. Их встреча — последнее желание осужденных на казнь.

Они уйдут. Но оставят за собой нечто такое, что будет витать среди стен Музеона еще сотни лет. И не исчезнет, даже когда эти камни рассыпятся в пыль и город муз обратится в легенду.

Иссиня-черные крылья со свистом рассекли воздух. Невермор сделал круг над площадью, опустился на край черной горловины кратера, повелительно каркнул. И стало тихо, будто город накрыли стеклянным колпаком.

Цинцинолла открыла глаза. Савва опустил флейту, сонно посмотрел вокруг.

Лица муз посветлели, они выглядят счастливыми. Очнулись драгоценные — наваждение рассеялось.

— Занавес. — тихо сказала Амалия.

Альбинаты зашевелились, видимо вспомнив о своем долге.

Цинцинолла по-прежнему улыбалась. Она тоже выглядела счастливой.

— Спасибо тебе. Я буду помнить.

— Беги... — шепнул он беспомощно, но она покачала головой, повернулась и двинулась к альбинатам.

Филибрум бросил свою палку и начал аплодировать. За ним Декаденция. К ним присоединились остальные. Цинцинолла шла к калитке Башни Защиты. Альбинаты следовали за ней, так и не осмеливаясь ее коснуться. Калитка захлопнулась за ними.

Савва стоял на том же месте, продолжая смотреть им вслед, будто не веря в случившееся. Кто-то обнял его за плечи. Карл Иваныч. Почему в его глазах сострадание?

Савва стряхнул его руку. Он хотел все объяснить, признаться, что виноват, что именно он нарушил Кодекс. Он не хочет, чтобы ему снова все сошло с рук, он не сможет жить, как раньше. Он должен все изменить, исправить, получить по заслугам, в конце концов. Он не заслуживает сострадания!

— Пойдем домой. Тебе надо отдохнуть.

Савва покорно кивнул, и пошел с Карлом Иванычем. Он ничего не смог сказать. И аплодисментов он не слышал. Он устал.

ГЛАВА 32. Великая Утроба

И вот она — Черная гора. Сердце Поганой Ямы, убежище пожирательницы талантов.

Гладкая, влажная, она поблескивала в темноте как лягушачье брюхо.

— Сейчас ты предстанешь пред всевидящие очи Великой Утробы. — деловито инструктировала Сашу Кассандра — Будь вежлива, почтительна и думай, прежде чем открыть рот. Величайшая не понимает дурацких шуток. Не задавай вопросов о ее внешности и не произноси при ней слово “Пегас”. Заменяй синонимами.

— Это еще почему?

— Она этого не выносит.

— Какая нежная.

— Понежней тебя.

Кассандра похлопала ладонью по скользкому боку горы. Где-то глубоко, в каменном чреве что-то заурчало, заскрежетало, камень, закрывающий вход, с грохотом откатился. Пахнуло застоявшейся вонью некры. Саша отшатнулась, прижала ладонь ко рту. И тут же почувствовала твердую руку Кассандры на своем плече.

— Постоим. Привыкни к запаху. Соберись. Не хватало, чтобы тебя начало тошнить в присутствии Величайшей. Готова? Идем.

Саша глубоко вздохнула, оглянулась напоследок и вошла в берлогу Великой Утробы.

— Кто-о-о иде-е-е-т? — оглушительно проревела темнота.

Саша отскочила назад. Она узнала рык оскурата.

— Опять не узнал, дурак? Утоплю. — спокойно ответила Кассандра.

Невидимое чудовище тяжело засопело, заворчало и затихло.

— Идем. Не бойся, не тронет. — Кассандра дернула ее за руку. Саша бочком, на цыпочках миновала страшное место.

Раздался оглушительный грохот. Каменная ловушка захлопнулась.

Пока Саша шла по темному коридору, стараясь не вслушиваться в хриплое сопение оскурата за спиной, она гадала, как может выглядеть Утроба. Она попыталась вообразить что-то предельно мерзкое, чтобы не растеряться, увидев ее настоящую. Но когда Кассандра ввела ее под низкие своды просторного зала, слабо озаренного зеленоватым светом жуков-фонариков, Саша забыла об Утробе.

В центре зала колыхалось, булькало и клокотало озеро некры. Вокруг него несли караул оскураты — безглазые бурые туши ростом под потолок.

Саша застыла в ужасе.

“ Я не смогу! Я не сделаю дальше ни шага!”

— Ты присутствуешь при рождении азумы. Добрый знак! — шепнула ей на ухо Кассандра.

— Повезло тебе, Агафьино отродье! — произнес кто-то невидимый хриплым, булькающим голосом.

Саша испуганно озиралась, пытаясь обнаружить говорящего, но ей это не удавалось. Кругом только влажные камни.

— ...отродье... отродье... — издевалось эхо.

Вонь усилилась, хотя казалось, что некуда больше, озеро пошло пузырями размером с тыкву, и некра с судорожным вздохом выплюнула живое существо. Новорожденная тварь

выкарабкалось из озера. Вся покрытая черной, склизкой жижей, она напоминала огромную пиявку.

Лоб покрылся испариной. Подкатила тошнота. Саша отвернулась, прижала руки ко рту.

— Не беспокойтесь, величайшая. — услышала она голос Кассандры, — Это у нее с непривычки.

Новорожденная азума покрутила головой, приплюхиваясь, и ползком потащила свое неповоротливое тело к бурому камню в углу. Ткнулась в него головой и замерла, тяжело дыша. Видимо, она была слепа.

— Из мертвого родись живое... — проворчал камень, и Саша с отвращением различила раздутое, полупрозрачное складчатое брюхо с жабьей головой и грязными, спутанными космами.

Утроба. Круглые, мутные глаза без зрачков были прикованы к азуме. Из складок брюха высунулось тонкое щупальце, коснулось липкой черной головы. И сейчас же вспыхнули две голубоватые холодные точки — азума открыла глаза.

— Годная! — проквакал щелеобразный рот. — Унесите ее отсюда, пусть очухается! — велела она оскуратам.

Те подхватили азуму и поволокли куда-то.

Утроба повернула к Саше свои пустые гляделки.

— Явилась... — прохлюпала она, — ...свое забрать хочешь. А мне что дашь?

— Я не знаю... что у меня есть такого, что нужно вам... — преодолевая тошноту, ответила Саша. — А мне нужна моя мама. И Пегас.

Желеобразное брюхо всколыхнулось, жабий рот искривился гримасой отвращения. Кассандра со злобной силой дернула Сашу за руку.

— Я же предупреждала! — прошипела она.

— Ладно, ладно... Дело прошлое... — успокоила ее Утроба и равнодушно бросила Саше:

— Про конягу забудь. Мы его к делу определили.

— Это неправда. Не может быть! Пегас никого к себе не подпускает!

— Нет в природе существа, которое не подпустит к себе Цинциоллу. — усмехнулась Кассандра. — И Пегас не исключение.

— Эта кого хошь заманит. — подтвердила Утроба.

Пегас в лапах этого страшилища, похожего на грудку протухшего студня. И Цинциолла,

— И где же... где он теперь? — не сдавалась Саша.

— Нигде. Считай, что его нет. — со сдержанной гордостью ответила Кассандра. — Конец Музеону.

Вот и все. У нее не получилось. Музеону конец. Покроются пылью книги в библиотеке, в доме Клары будет гулять ветер, сад зарастет травой, умолкнет флейта.

— Завтра утром его затопят некрой. — довольна мурлыкнула Кассандра.

— Откуда вы знаете? — ужаснулась Саша

— Разведка донесла. — хихикнула Кассандра.

— Наивные. — облизнулась Утроба, — Они думают, некра нас остановит!

Озеро некры. Черное, зловонное, оно сожрет все, что сможет, отравит то, что не сумеет сожрать. Музы! Кто их спасет? А драгоценные? А она сама? Ей что делать? Отправиться домой, к Светлане?

— Верните мне маму. — беззвучно попросила Саша. Голос вдруг пропал куда-то.

— Что ты там шепчешь? Громче говори.

Саша собралась с силами и почти крикнула:

— Верните маму! Дайте нам уйти! Мы вам больше не опасны. Отпустите. Пожалуйста...

Голос дрожал и срывался, слезы обжигали щеки, она их не вытирала, лишь умоляюще смотрела то на Утробу, то на Кассандру. Что ей еще оставалось? Только умолять.

Утроба с довольным видом повернулась к Кассандре:

— Отпустим?

— Как пожелаете. — слегка поклонилась Кассандра.

— Я задарма добра не делаю. — скривилась Утроба. — Отпущу, а какая мне польза?

— Не знаю... — растерялась Саша. — Вы хотите, чтобы я у вас работала?

— Зачем ты мне нужна? У меня работников тьма. Видишь — озеро полнехонько. Дай подумать...

Длинное щупальце потянулось к озеру, и Саша передернулась от отвращения — это было не щупальце вовсе, а нечто вроде хобота. Утроба погрузила его в некру и сделала несколько плотков, от чего ее брюхо еще больше раздулось. Она облизнула хобот и утерла рот длинным колтуном.

— Любишь мамочку? — икнув спросила она.

Саша кивнула, с трудом преодолевая очередной приступ тошноты.

— А вот проверим. Оскураты! — пророкотала Прорва.

Из разных концов зала выступили два оскурата. Один прижимал к брюху стопку Сашиних тетрадей. Второй нес на плече что-то тяжелое, замотанное в грязные тряпки. Человеческое тело. Длинные темные волосы метут каменный пол.

Темнеет в глазах, в ушах звенит, подгибаются колени.

— Мама... — прошептала Саша. — Что вы с ней сделали?

Утроба оставила свой дурашливый тон. Заговорила ровно и жестко.

— Она спит. Не видит тебя и не слышит. И не осудит, если что.

— Если... что?

— У этого... — перепачканное некрой щупальце указало на одного из оскуратов, — ... твой талант. Если ты решишь вывести отсюда Ариадну, твой талант бросят в мое озеро. И я его съем. Ты станешь нормальной. Обычной. Будешь жить как большинство твоих сородичей. Выберешь талант — в некру бросят твою мать. Твою нормальную жизнь. Дом. Пирог с яблоками. Спокойный сон. Выбирай.

— Что тут выбирать! Верните маму!

— А как же твой талант?

— Надеюсь, вы им подавитесь!

Утроба захохотала, заколыхала всеми своими складками.

— Не надейся. Некра и не такое переварит. — она от души рыгнула и погладила свое брюхо. — Итак, ты отказываешься от таланта?

— Да.

— Добровольно?

— Да.

— Свидетели, вы слышали?

— Да-а-а! — взревели оскураты. Кассандра молча кивнула.

— Исполняйте.

Оскурат подошел к краю Озера и бросил тетради в черную жижу. Некра вскипела,

запенилась. Над поверхностью поднялся легкий дымок. Утроба снова сунула свой хобот в озеро, несколько раз глотнула.

— Свежатинка! — облизнулась она. — Нет ничего слаще юных дарований. Нежные, ароматные...

Саша смотрела и не чувствовала ничего. Вот, значит, как чувствуют себя бесталанные люди. Никак.

— Теперь верните маму. — потребовала она.

— Забирай. Отпустить.

Оскурат стряхнул с плеча свою ношу. Ариадна сползла на пол. Зашевелилась. Приподнялась. Встала на ноги. Отвела от лица волосы. Открыла глаза.

Саша подошла к маме. Та совсем не удивилась, она стояла, пошатываясь, цепляясь за оскурата, чтобы не упасть, смотрела и улыбалась. Саша почему-то никак не могла обрадоваться. Броситься маме на шею ей тоже не хотелось. Все было не так.

— Обними меня, дружочек. — ласково сказала мама.

“Дружочек? Она никогда меня так не называла!”

Саша протянула руку, коснулась маминых волос... Тяжелая прядь как живая обвила ее руку. Змея! Саша взвизгнула, затрясла рукой, отпрыгнула назад. Темные волосы клочьями падали на пол, извивались под ногами, уползали в озеро.

Утроба захохотала. Усмехнулась Кассандра, взревели оскураты. Хохот гудел под сводами пещеры, грозя ее обрушить.

Перед Сашей стояла Светлана.

— Опять у тебя галлюцинации... — хихикнула она. — Но ты не бойся. В психушку я тебя не потащу. Иди, девочка, домой. Все закончилось.

— Как домой? Как... закончилось? А мама? — едва выговаривала Саша. Она дрожала так, что зубы стучали, — ... где же мама?

Утроба повернулась к Кассандре.

— Ты знаешь, где ее мама?

— Понятия не имею. — пожала плечами та.

— Но зачем же тогда... вот это вот все? — она кивнула на Светлану, на оскуратов, на клочья черных волос под ногами.

— Как зачем? А твой талант? Ты добровольно от него отказалась. — напомнила Кассандра.

Так вот в чем дело! Ее обманули. Надурили. От злости Саша перестала дрожать.

— Чем он вам помешал? — выкрикнула она, — Чем?! Я жила спокойно, сочиняла сказки, вас не трогала!

— А ты до сих пор думаешь, что твой талант в сочинительстве? Глупышка... Летать на Пегасе — вот твой дар. Был. Агафьино отродье нам больше не опасно. — промурлыкала Кассандра.

— Но я не отказывалась от него! Я думала...

— Какая разница, что ты думала! Ты добровольно отказалась от таланта. При свидетелях.

— Но зачем? Зачем вам это, если Пегаса больше нет?

— Может нет... — зевнула Утроба, — а может и есть. Кто его знает.

— Но вы же сказали...

— Мы тебя обманули.

Саше казалось, она валится в черную яму... Еще не все было потеряно, она могла найти и спасти Пегаса и Музеон! И по собственной глупости все погубила!

— Бедное дитя! — воскликнула Кассандра, заглянув ей в лицо, — Ты столкнулась с жизнью. В ней много зла и обмана. И каждый сам за себя. Привыкай.

— Иди, Сашенька, иди домой, — хихикнула Светлана. — поздно уже. Иди смело. Меня там не будет.

Ее там не будет. И мамы не будет. И папы. И Саши.

— Если уж очень хочешь, можешь остаться здесь. — великодушно предложила Утроба. — Будешь птичек кормить.

— Не буду.

— Тогда — счастливого пути.

— Как мне выйти отсюда? — тусклым голосом спросила Саша.

— Выход отсюда один. В Город Мертвых Талантов.

— Кладбище. Конечная остановка. — уточнила Светлана.

Оскурат откатил в сторону камень на противоположной стороне пещеры, и перед Сашей открылся темный пролом. Медленно, не оглядываясь, она покинула Черную гору.

— Что же ты не предупредила девочку, что из Города Мертвых Талантов нет выхода? — притворно вздохнула Утроба.

— Пусть это будет для нее сюрпризом. — ответила Кассандра.

Саша вышла из пещеры, каменная дверь грохнула у нее за спиной. Она обернулась — позади высилась гладкая отвесная стена.

Пути назад не было. Вокруг стоял плотный туман, впереди слышался тихий плеск воды. Саша пошла на звук и очень скоро вышла к сонной, ленивой речке. Она опустилась на прибрежные камешки. Сидела, слушала тихий плеск воды, мыслей в голове не было. И вообще ничего не было. Только усталость, равнодушие, пустота. Совершенно незнакомое ей состояние. Что ж, все бывает в первый раз. Теперь она будет чувствовать так себя всегда. К плеску воды присоединился еще один звук — тихое ритмичное поскрипывание. Все ближе, ближе... Кажется, это лодка. Саша поднялась, подошла к воде, — так и есть, небольшая лодочка вынырнула из тумана, ткнулась в берег.

Лодочник набросил веревку на торчащий из воды пенек.

— Поплывешь? — спросил он бесцветным голосом.

— Куда? — в тон ему откликнулась Саша.

— На ту сторону.

— Поплыву. — пожала плечами Саша.

— Плата есть?

— Сколько?

— А сколько есть?

Саша порылась в карманах — нашла две монетки. И блокнот в обложке из старого сапога. Он вряд ли может быть оплатой проезда.

Саша протянула лодочнику две монетки в раскрытой ладони.

— Вот. Этого хватит?

— Как раз.

Монетки упали в широкий карман брезентовой штормовки.

— Садись.

Саша шагнула в лодку, примостилась на узкой скамеечке. Берег скрылся в тумане.

Саша заметила, что все еще сжимает в руке блокнот. Может бросить в воду? Зачем она ей теперь? Сунула обратно в карман, сама не зная зачем. Плыли молча. Монотонный скрип уключин и тихий плеск воды убаюкивали Сашу. Но она не засыпала, только все глубже погружалась в тупое оцепенение.

— Приехали. Город Мертвых Талантов. Конечная.

Лодка ткнулась носом в прибрежный песок. Саша молча выбралась на берег.

— Куда мне идти? — зачем-то спросила она у лодочника.

— Куда хочешь. — равнодушно ответил он, оттолкнулся веслом от берега и скрылся в тумане. Затих мерный скрип уключин и плеск весел.

“Куда хочу... А если никуда?”

Прямо от берега начиналась тропинка. Она уползала в прибрежные заросли чахлых ив. Саша пожала плечами и, не раздумывая особо, пошла по тропинке прочь от реки. Больше идти было некуда.

ГЛАВА 33. Город Мертвых талантов

Низкая луна, похожая на кривое медное блюдо, взошла над Городом Мертвых Талантов. Облила тревожным светом проваленные крыши, осыпавшиеся лестницы, обвалившиеся колонны.

С реки подползал туман, смрадный, густой, тягостно-желтый, еще немного — и скроется, растворится в нем город.

Саше казалось — она идет по кладбищу, даже шорох камешков под ее ногами, казалось, был неуместен здесь, неприличен, невыносим.

Возле развалин, на разбитых ступеньках, на камнях среди обломков стен, прямо на земле виднелись размытые туманом, сгорбленные силуэты муз.

Вот одна, совсем близко, примостилась на разрушенном крыльце. Сидит, поникнув, длинные волосы касаются земли, одна рука безвольно свисает вдоль тела, другая бережно придерживает что-то лежащее у нее на коленях.

Саша тихо приблизилась, села рядом.

На коленях у музы старая, поломанная шахматная доска. На ней лежит маленькая птичка, накрытая стеклянным колпаком. Тусклые перья всклокочены, полузакрытые глаза подернуты беловатой пленкой. Птичка тяжело дышит, приоткрыв сухой клюв.

Муза подняла на Сашу печальные, будто присыпанные пылью глаза. Саша всмотрелась в бледное лицо.

— Эола! — ахнула она.

— Александра! Как ты здесь оказалась?

— Долгая история... — вздохнула Саша

Эола понимающе кивнула, опустила глаза. Стала дышать на птицу. Ее дыхание, отливая серебром, проникало сквозь стеклянный колпак, оведало маленькое тельце.

— Что ты делаешь? — осторожно спросила Саша.

— Это погибающий талант. Ему так легче.

— Он же еле дышит. Убери колпак!

Эола грустно улыбнулась,

— Попробуй. Может у тебя получится.

Саша протянула руку — пальцы ее прошли сквозь стекло, как сквозь свет, не встретив ни малейшей преграды.

— Но тогда почему она не улетает? Нет ведь никакого колпака? — она осторожно погладила теплые перья.

— Это для нас его нет. А для нее колпак — реальность.

Будто в подтверждении ее слов, птица приподняла голову, забилась, пытаясь расправить крылья, уперлась головой в стекло и снова завалилась на бок.

— Зачем все это? Ничего не понимаю. — злилась Саша.

— Люди сами создают колпаки для своих талантов. — терпеливо объясняла муза, — Из чего? Да из чего угодно. Из лени, из страха, из глупости. А бывает — из невезенья. Как у этого мальчика. — Эола легонько, двумя пальцами пожала скрюченную лапку птицы.

— Что с ним случилось?

— Ничего особенного. Ему просто не повезло. Дедушка научил его играть в шахматы. Очень скоро мальчик обыграл дедушку и его друга, и преподавателя в шахматной школе. И

своих соперников на школьном турнире. — глаза Эолы сверкнули гордостью и тут же погасли. — А потом дедушка умер. А отец мальчика сказал, что шахматы — это для слабаков и очкариков, а его сын должен быть сильным. Теперь мальчик занимается боксом, его талант угасает... — голос Эолы дрогнул, она помолчала пару секунд, — ... а сам он слишком слаб, чтобы сбросить колпак.

В памяти у Саши что-то смутно закопошилось. Шахматы, бокс... Знакомая такая история.

— Это же мой сосед! Петька! — вспомнила она, — Такой гаденьш! — и осеклась под суровым взглядом музы.

— Никто не может быть приятным, если делает то, что ему противно. — тихо сказала Эола.

Саша растерянно смотрела на птицу. Сосед Петька... Ей припомнилось, как этот мальчишка всегда тянулся к ней, нагло, неуклюже, как умел. Цеплялся, задавал дурацкие вопросы. Будто чувствовал, что она может ему помочь. А она шипела на него, как злобная кошка.

Саша с усилием отвернулась от птицы. Обвела тоскливым взглядом развалины, смутные фигуры муз, склонившихся над своими безнадежными подопечными.

А где ее талант? Ее птица — на чьих коленях она умирает, кто поддерживает в ней подобие жизни, кто бережет то, что не сохранила она сама? Саша поднялась со ступенек, посмотрела по сторонам. Куда идти? Руины, камни, пыль.

Тем временем поднялся ветер, разорвал, расшвырял туман и теперь бесновался среди развалин, так яростно взметая пыль, будто силился дошвырнуть ее до луны. Выл от злости почти человеческим голосом.

— Что это за звук? — насторожилась Саша, — ветер так не воет...

Эола подняла голову, глаза ее потемнели.

— Они снова идут. — прошептала она.

Саша прислушалась — вой, или визг... нет, что-то скрипит. Или кто-то стонет?

Из-за поворота медленно вышла белая лошадь, худая, усталая, грязная. Она волокла тяжелую, истошно скрипящую телегу. За телегой двигалась вереница муз — они плакали, заламывая руки, их высокие голоса звучали душераздирающим разнобоем.

Два оскурата шли с обеих сторон толпы, щелкали бичами, поддерживая порядок и не давая музам отбиться от процессии.

Поравнявшись с Сашей, лошадь повернула к ней голову и взглянула полупрозрачными глазами без зрачков, похожими на два огромных опала. Фыркнула, обдав Сашу запахом мертвой рыбы, и поковыляла дальше. Телега, кряхтя и скрипя, прокатилась мимо Саши.

А на телеге горой свалены мертвые птицы. Измятые перья, застывшие, полуоткрытые глаза, бессильно распластанные крылья. Они не взлетят, не запоют. Все закончилось для них.

Пух и перья вьются позади телеги, падают, исчезают в пыли.

— Мертвые таланты. — услышала Саша ответ Эолы на свой незаданный вопрос.

— Куда их везут? — прошептала Саша.

— На Мост. Сбросят в Реку Забвения. Они станут кормом для Утробы.

— А музы? — чуть дыша спросила Саша.

— Их уведут на другую сторону, в Черную гору и превратят в азум. Они не справились.

Саша, забыв попрощаться с Эолой, как зачарованная, двинулась вслед за плачущей

толпой. Она не знала, зачем идет, что может сделать, чем помочь. Она брела, не сводя глаз с телеги, будто хотела навсегда запомнить тех, кого унесет и скроет Река Забвения.

Процессия двигалась извилистой дорогой, останавливаясь возле развалин. Из них появлялись музы, держа в руках мертвых птиц, с плачем бросали их на телегу и присоединялись к шествию.

Вот уже почти миновали город, всего один дом впереди, а за ним вдалеке маячит горб Моста.

И вот наконец — последний дом. В черной дыре дверного проема показалась высокая темноволосая женщина. Сердце встрепенулось, замерло на миг и забилося, как птица под стеклянным колпаком — раньше, чем увидели глаза, раньше, чем осознал разум.

— Мама...

Но голос ее потонул в рыданиях муз.

— Мамочка!!!

Саша рванулась было сквозь толпу, но музы стояли плотной стеной, погруженные в свою горе, глухие и слепые ко всему.

— Мама, я здесь! — Саша кричала, срывая горло, подпрыгивала, размахивала руками.

Мама не слышала ее.

Она медленно спустилась с разбитого крыльца и направилась к телеге. На руках она нежно, как младенца держала безжизненную птицу. Зеленую, с радужными крыльями. Ту самую, что Саша когда-то нарисовала на стене своей комнаты.

Ту, что была уничтожена Светланиной безжалостной рукой.

Ее талант! Они здесь, и мама и птица! Какое счастье!

— Дайте пройти! Там моя мама! Пустите меня к ней! — Саша снова кинулась в толпу, и снова безуспешно.

Мама подошла к телеге, в последний раз прижала к себе птицу, поцеловала.

— Мама, нет!

Радужно-зеленое тельце взвилось в воздух, тускло блеснуло, упало на телегу.

Сашу будто толкнуло в грудь, она не удержалась на ногах, упала.

“ Мой талант? Мертвый? Но как же так, почему? Ведь я жива!”

Мама заняла место в рыдающей процессии, так и не заметив Сашу.

Осcurат щелкнул бичом, телега тронулась.

Саша поднялась с земли, так и не поняв, что сейчас произошло и двинулась за процессией. Она старалась не терять из вида маму — вот она, бредет рядом с телегой, и взгляд ее прикован к зеленой птице.

Саша, извиваясь, работая локтями, прорывалась вперед.

Все ближе, ближе. Сейчас, еще немного и мама услышит, увидит ее!

Саша выведет ее отсюда, и они никогда больше не расстанутся! Она уже не та слабая, капризная девочка, что бросается за утешением к маме при каждом столкновении с жизнью. Она преодолела долгий и трудный путь, она совершила почти невозможное, она теперь все может сама, она теперь сильная!

И вот встал перед ними озаренный зловещим желтым светом Мост над Рекой Забвения. Горбатое чудовище на железных ногах, деревянный дракон с чугунными крыльями перил. Телега прогрохотала по корявым доскам, встала у края, вплотную к ограждению. Осcurат отпустил лошадь, она медленно побрела вперед.

Музы попятились к противоположной стороне Моста, встали тесным полукругом,

прижимаясь друг к другу. Между музами и телегой встали оскураты.

Саша, зажатая со всех сторон, понимала — ей не пробиться к маме. Между ними толпа, позади — чугунные перила, впереди оскураты. Пока она мучительно соображала, что делать, музы понемногу затихли.

Молчание, повисшее над Рекой, звучало тягостнее прощальных рыданий. Зловещая тишина, сил нет ее вынести.

— Мама! — Саше показалось, что от ее крика дрогнул мост.

И мама услышала, подняла голову...

— Саша... Сашенька!

Они рванулись друг к другу, и музы чуть расступились, давая им дорогу.

Оскурат хрипло взревел и щелкнул бичом. Музы с криком кинулись прочь от него. Саша бросилась вместе с ними, рискуя быть смятой и раздавленной, но надеясь, что толпа, как морская волна, принесет ее к маме.

Ей удалось пробраться в середину толпы, когда ее вдруг каким-то образом вынесло вперед, прямо к телеге с птицами.

В шаге от нее стоял оскурат. Он рванул торчащий возле перил рычаг, и ограждение со скрежетом ухнуло вниз и повисло на цепях. Телега теперь стояла на самом краю моста. Оскурат, утробно рыкнув, приподнял ее, накренил.

Мертвые птицы поползли вниз. И вновь поднялся крик. Музы протягивали руки к птицам, хватались за головы.

Где-то за спиной у Саши пробивалась сквозь толпу мама.

А она стояла и смотрела, как птицы расправляли крылья в последнем полете. Мертвые таланты. Зачем они были на свете?

А вот и ее птица — все ближе, ближе к краю. Саше казалось, что она соскальзывает вместе с ней. Как будто кусок Сашиной души лежал там, на телеге. И сердце рвалось пополам.

Ее талант погиб, но мама — вот она, живая!

Можно ведь жить и без таланта. Другие живут.

Она отреклась от себя, чтобы спасти маму. Неужели мама не поймет?

Саша оглянулась — мама почти пробилась к ней, их разделяют всего несколько шагов.

В маминых глазах — любовь, сожаление и принятие. Она не осудит ее. Все на свете ей простит, примет ее любую. Бездарную, бесталанную. Неинтересную и ненужную никому, даже самой себе. И будет любить.

Саша отчаянно рванулась к маме. И снова застыла, будто что-то пригвоздило ее к доскам моста.

Птица моя, радужная птица, мой загубленный талант. Увидеть в последний раз, прежде чем забыть о тебе навсегда.

Саша взглянула на птицу, и ей почудилось — радужное крыло дрогнуло. И чуть засветились зеленые перья. Она жива!

Как я могла забыть! Пока жив человек, талант можно вернуть. Скорей забрать птицу!

Саша метнулась к телеге, но поздно — птица уже у самого края.

— Остановитесь! Я жива! — закричала Саша, не узнавая своего голоса.

Оскурат не слышал. Не его это дело — спасти таланты.

Зеленая птица сорвалась с телеги, и, кувыркаясь, полетела вниз. Еще миг — и Сашин талант канет в Реку Забвения.

И мама увидела, и все поняла, почувала раньше, чем Саша успела осознать свое намерение.

— Сашка, не смей!

— Мамочка, прости, я должна. — прошептала Саша. И шагнула с Моста вслед за зеленой птицей.

Громкий плач стоял над Рекой, и Саша не слышала отчаянного маминого крика. Не видела, как вырвалась она наконец, кинулась на край Моста, как оскураты подхватили ее и отшвырнули назад, к горько рыдающим музам.

Саша рухнула в Реку Забвения.

Стало темно и тихо. Она медленно погружалась в тягучую субстанцию, вглядываясь в темноту распахнутыми глазами.

Как странно... В воде нельзя дышать, а она дышит. Что же это такое? Остановившееся время? Или это и есть забвение? Впрочем, важно теперь другое.

Зачем родилась на свет девочка Саша? Зачем явились к ней и обрели плоть и кровь персонажи ее сказок? Вот они, проплывают мимо — таракан-путешественник, фламандский зеркальщик, Алиса Карамелькина и ее экстравагантная бабушка... Зачем ей снился город муз, рыжая Агафья на белоснежном Пегасе? Вот она, машет ей из темноты. Прощается. А что за зеленый огонек у нее в руке?

Моя птица! Агафья держит ее на ладони! Мой талант, отвергнутый, погубленный, но, кажется, еще живой!

Саша попыталась схватить зеленый огонек.

И вдруг из темноты вынырнула Зоя Всеволодовна, с ее старой тетрадью в когтистой руке. Она перекрыла ей путь, и, потрясая тетрадью перед Сашиным носом, заговорила гулко, будто в стеклянную банку:

“Забери свою писанину, Белоконь!..

Не разбазаривай драгоценное время на бессмысленную ерунду...

Если ты бездарность...”

Сашу скрутило от стыда. А персонажи ее сказок, таяли, исчезали в темноте.

бездарность...

Зеленая точка угасает. Еще секунда — и все будет кончено.

— А идите вы к черту, Зоя Всеволодовна, — сказала Саша, — а то и подальше! Сами вы бессмысленная ерунда! Тьфу на вас!

С каждым Сашиным словом Зоя Всеволодовна сдувалась, как воздушный шарик, бледнела, становилась прозрачной. Хотела что-то сказать, но у нее выходило только невнятное “Буу-эээ...”

Саше стало невероятно легко и весело, смех рвался наружу, рассыпался светящимися пузырьками.

Почему она сразу так не ответила? Это же так просто! И все могло бы быть по-другому.

Голос азумы затух, захлебнулся в завывании, а сама она превратилась в крохотную рыбку, вильнула хвостом и скрылась в Реке Забвения.

И снова вспыхнула в темноте зеленая точка! Саша собрала все отпущенные ей силы, и ринулась к этой точке сквозь плотную, темную воду. Все ближе, ближе, вот она, ее птица! Еще немножко! Есть! Саша схватила птицу обеими руками, и устремилась вверх, на воздух, на волю.

ГЛАВА 34. Развязка

Саша выбралась на берег, попыталась подняться и не смогла. Тело затекло, будто она его целиком отлежала, малейшее движение отзывалось россыпью острых иголочек. Медленно, осторожно она повернулась на бок, оперлась на локоть, села.

Осторожно разжала пальцы, посмотрела на птицу. Живая. Только встрепанная немножко, и тоже как будто уставшая.

— Ну и что же нам с тобой делать, талантище? — спросила Саша у птицы.

Куда вынесла ее река Забвения? Она огляделась. Место незнакомое. Ни моста не видно, ни города. Серое, раннее утро. Тишина. Никого вокруг. Только слепая лошадь бродит по мелководью, низко опустив голову. Тоже, должно быть, устала.

— Сделала свою работу? — хмуро спросила Саша у лошади.

Та дернула ухом, подняла голову. Саше показалось, что огромные, затянутые мутной пленкой глаза смотрят на нее укоризненно. Ей стало стыдно и жаль до слез несчастную тварь.

— Прости. — прошептала она, — Я все понимаю. Голод — великая сила.

Лошадь виновато опустила голову.

Саша вздохнула, задумалась.

Что же в итоге? Музеон доживает свои последние часы.

Судьба мамы, как и ее собственная — в полной неизвестности. И ни малейшего представления о том, что делать дальше. Думать было лень. Разум устал так же, как и тело. Она помнила только, что спасла свой талант. Единственное, что ей удалось спасти. Но это не так уж мало. Все остальное потом... когда-нибудь. Так приятно никуда не спешить, просто сидеть, смотреть на ленивую воду, ни о чем не думать.

Перестук камешков выдернул ее из полудремы. По высокому прибрежному склону к ней спускалась Кассандра.

“Только не она!”

Саша попыталась подняться на ноги, но тело по-прежнему не слушалось. Она поспешно спрятала птицу за пазуху.

А Кассандра приближалась, чуть пританцовывая, будто наслаждаясь своей грациозной силой, легкостью и свободой. Подошла совсем близко, улыбнулась.

— Поздравляю, ты снова выбралась сухой из воды! А я за тобой. Отдай птичку.

— Какую птичку?

— Зеленую. С цветными крылышками. — Кассандра протянула руку. — Давай ее сюда.

Птица слабо завозилась за пазухой.

“Еще немного, и она отогреется, наберется сил и сможет улететь. — соображала Саша, — Нужно потянуть время!”

— Нет у меня никакой птички. — ответила она и попыталась отползти, но ей удалось сдвинуться не больше, чем на ширину птичьего крылышка.

Кассандра шуточно погрозила ей пальцем.

— Не надо морочить тете голову. Если бы ты не достала птичку, то не оказалась бы здесь. Отдай.

Саша помотала головой, сжала зубы, и что было сил потащила по песку тяжелое, непослушное тело. Кассандра усмехнулась и неторопливо пошла рядом. Лошадь повернула

голову в их сторону, втянула воздух дрожащими ноздрями, и двинулась по воде вслед за ними.

— Отдай сама. Хуже будет. — ласково пообещала Кассандра.

— Слышала я эту песню. — дерзко ответила Саша, тяжело дыша и делая очередной рывок. — Ничего вы мне не сделаете. Не отдам.

— А знаешь, твоя наглость мне нравится! — воскликнула Кассандра. — Ты вообще молодец. Храбрая. Самоотверженная. Упрямая. Добавить бы тебе капельку мозгов, чтобы ты приняла верное решение!

Теплая птица возилась за пазухой, и Саше показалось, что от ее возни и тепла стало легче шевелиться. Еще бы немножко времени! Кассандра любит поговорить.

— Верное решение — это вернуться в вашу Поганую Яму? Или уползти домой и жить как растение?

— Зачем драматизировать? — охотно откликнулась Кассандра, — Взгляни на это иначе.

Шаг вперед.

— Представь: тихая, размеренная жизнь. Теплое местечко, несложная работа, увлекательный шоппинг по выходным, семейные праздники. Все как у людей.

Еще шаг.

— Живи спокойно, получай удовольствие. Птица будет только мешать. Пицать, клеваться. А ты устала. Ты прошла огонь и воду. Зачем тебе медные трубы? Сколько хороших людей они сломали. И сколько сломают еще. Отдай птичку.

— Это вы их сломали. Телега с птицами — ваших рук дело.

Двигаться становилось все легче, и Саша понемножку отползала, чувствуя за пазухой птичье тепло, а за спиной лошадиное сопение.

— Мы никого не ломаем. — обиделась Кассандра, — Мы отсекаем лишнее. Мы — хирурги. Талант — воспаленный аппендикс. А птицы на телеге — биологические отходы.

Она наклонилась к Саше, ласково взглянула своими медовыми глазами и таким же сладким голосом произнесла:

— Не будь душой. Живи спокойно. Птичку отдай.

— Это не жизнь. Сама дура. Не отдам. — тихо и отчетливо произнесла Саша.

Молниеносно, как змея, Кассандра бросилась на нее.

Саша была к этому готова. Она увернулась, откатилась вбок, вскочила на ноги, отпрыгнула в сторону, но тут же шлепнулась в воду, прямо под ноги белой Кляче. Отчаянная попытка, безуспешная, но Кассандра не ожидала такого поворота, и Саше удалось выиграть пару секунд. Она быстро вытащила птицу из-за пазухи и подбросила ее вверх. Птица расправила крылья, взмыла в небо. Она в безопасности!

Кассандра злобно зарычала и снова бросилась на Сашу, пытаясь схватить за горло.

“Все, это конец, она просто придушит меня, у меня не хватит сил сопротивляться.”

Саша слышала, как кричит птица, видела, как она мечется над ними, и как, сложив крылья, она кинулась вниз, спикировала на Клячу и клюнула ее в лоб.

И случилось невероятное. Белая Кляча содрогнулась, ее незрячие опаловые глаза налились прозрачной синевой. Она поднялась на дыбы и испустила громкое ржание. Спутанная серая грива взметнулась серебристым шелком, а из спины, как листики из почки, вырвались два белоснежных крыла.

— Пегас...

Радость вспыхнула, наполнила тело искрами бенгальского огня, усталость растворилась без следа. Саша, легко вскочила на ноги.

— Пегас! — завопила она.

Кассандра опомнилась, кинулась вперед, попыталась схватить Пегаса за крыло. Но тот снова взвился на дыбы, с силой взмахнул крыльями и гневно заржал. Кассандра упала навзничь.

Пегас танцевал, хлопая белоснежными крыльями. Нежное утреннее солнце золотило их, и вода в реке мерцала расплавленным золотом под его ногами.

Саша бросилась к нему, хотела обнять, и вдруг, сама не понимая как, очутилась него на спине. Птица сделала на прощанье изящный пируэт и растворилась в небе.

А Пегас радостно заржал и помчался вдоль берега, подпрыгивая, чуть подлетая, снова опускаясь, взметая фонтаны золотых брызг. Кассандра что-то кричала вслед, но топот копыт и веселое ржание заглушало ее угрозы. И вот огромные крылья всколыхнули воздух, Река Забвения забурлила, закипела волнами. Пегас оторвался от земли.

Саша вцепилась в гриву, едва веря в происходящее. А Пегас набрал высоту и скорость, и вот — ветер засвистел, запел в его крыльях.

Он поднялся над Черной горой и солнце брызнуло Саше в глаза. Еще выше — и Река Забвения обернулась маленьким червячком, отползла назад. Вот лес поплыл под ними, а за ним смутно обозначился пик Серой горы. Музеон все ближе.

Саша осмелела, отпустила гриву, раскинула руки как крылья.

— Сейчас, только не уходите, подождите, я уже лечу... мы летим!

И вот лес остался позади, внизу поплыли разноцветные холмы, окутанные жемчужной утренней дымкой.

Куда дальше? Где там Лунная Гора? Некогда думать, только бы успеть.

— В Музеон! — изо всех сил крикнула она в ухо Пегасу, не слыша себя из-за свиста ветра.

Пегас запрокинул голову, радостно заржал, взмахнул крыльями и устремился вниз.

...

Музы угасали. Измученные, полуживые, они не узнавали друг друга, не помнили собственных имен. И инспирии они уже не просили. У них не осталось ни желаний, ни страха. Повинуясь распоряжению башни, они из последних сил приползли на площадь Безобразова и теперь лежали, похожие на груды старых, линялых тряпок.

Драгоценные стояли рядом. Они смутно догадывались, каким будет ответ Верховной Башни и не могли оставить своих подопечных один на один с дурной вестью. Над площадью висела тишина. Все ждали.

И вот лязгнула калитка Серой башни. Альбинаты мерным шагом пересекли площадь и выстроились возле кратера идеальным полукругом.

Один из них шагнул вперед, прочистил горло и заскрипел как ржавая шестеренка:

— Довожу до всеобщего сведения, что получен ответ на запрос, отправленный Главным Защитником в Верховную Башню. Высочайший Хранитель изучил наш отчет, и, учитывая сложившиеся обстоятельства, как-то: вышедшая из-под контроля ситуация, неспособность...

— Переходите к главному! — крикнула Клара, — Это невозможно слушать!

Альбинат почтительно кивнул.

— Как пожелаете.

Он перевел дыхание и продолжил, слегка повысив голос:

— В связи с тем, что имеются сведения об аномальной активности жителей Поганой ямы, в настоящий момент существует серьезная угроза заражения территории Музеона вышеупомянутыми существами. Это может иметь самые плачевные последствия для прилегающих территорий, заселенных людьми. Также велика вероятность возникновения благоприятных условий для дальнейшего расселения нечисти на более обширные территории, заселенные людьми, что приведет к самым плачевным последствиям. В свете вышеупомянутого принято решение безотлагательно затопить Музеон во избежании катастрофы.

— Что он говорит? Я не понимаю. Клара, скажи нам! — подал голос кто-то из муз.

Клара вышла вперед и встала перед ними. Затянутое дымкой солнце коснулось ее волос, они засветились нежным перламутром. Музы с усилием поднимали головы, едва заметные жемчужные блики мерцали в их глазах.

— Мои милые подопечные. Мои любимые. Слушайте. — заговорила Клара, и вдруг голос ее сорвался, она прижала к горлу ладонь и беспомощно взглянула на Льва.

Лев вышел вперед.

— Хранители боятся, что нечисть из Поганой ямы расплодится повсюду и повредит людям. — громко сказал он. — Поэтому они решили затопить Музеон.

— Затопить? А мы? — донесся шепот.

Лев обернулся к альбинатам.

— Надеюсь, муз они спасут?

— Драгоценные... — невозмутимо продолжал альбинат, — ...должны немедленно покинуть Музеон и проследовать в Самородье, им надлежит решать свою дальнейшую судьбу самостоятельно.

— Что будет с музами? — рявкнул Лев.

Альбината невозможно было вывести из равновесия.

— Музам предписывается в сопровождении представителей защиты проследовать для временного пребывания в Башню Защиты в ожидании перемещения в Город Мертвых талантов. — невозмутимо закончил он свою речь.

Клара тихо ахнула.

Приподнятые головы муз тихо опускались на камни. Одна за другой они погружались в спасительное забытье.

— Решение высшего совета надлежит исполнить без промедления. — добавил альбинат. Неестественная, мертвая улыбка искривила губы Клары, ее глаза почернели.

— Я не пойду. Я не вернусь туда. — повторяла она.

Лев схватил ее за плечи, встряхнул, развернул лицом к музам.

— Подними их! Уведи! Они послушают тебя!

Клара как заведенная мотала головой, все так же дико улыбаясь.

— Не надо их тревожить. Они уснули.

— Ты не слышала, что он сказал? Сейчас пустят некру и...

— Тс-с-с! Не кричи, разбудишь. Они ничего не почувствуют во сне. Миг — и все закончится. А Город... он будет убивать нас медленно.

Она пошатнулась, ухватилась за Льва, он не успел ее поддержать, и она сползла наземь. С нежностью посмотрела на муз, погруженных в спасительную дрему.

— Я не желаю им мучительной смерти. Пусть спят. Я буду с ними. — спокойно и твердо произнесла она. Лев сел на камни возле Клары.

— Тогда и я остаюсь.

Клара перестала улыбаться.

— Не смей! — прошипела она. — Ты уйдешь с драгоценными!

— Мое место в Музее, ты сама сказала.

— Музеона больше нет! Я запрещаю тебе! — она попыталась подняться, но не смогла.

Лев грустно усмехнулся.

— Сегодня день моего совершеннолетия, если ты помнишь. Я должен был стать Магнусом. Не вышло. Но решать свою судьбу я имею право. Запрещай кому-нибудь другому.

Клара бросила молящий взгляд на Бэллу. Та подошла и тяжело опустилась рядом с ней. Неловко обняла. Клара сдалась. Устало уронила голову на Бэллино плечо. Взяла за руку Льва.

— Мы обязаны приступить к выполнению приказа. — объявил альбинат.

— Они пустят некру. Прямо сейчас. — содрогнулся Карл Иваныч. — Лев! Клара! Бэлла! Наши время обниматься! Надо уходить!

Альбинаты, повинувшись знаку главного, шагнули к кратеру.

— Три оборота! — скомандовал главный.

Душераздирающе заскрипел винт. Глубоко под землей раздалось глухое урчание.

— Пока поднимается некра у вас есть время передумать. — произнес альбинат почти человеческим голосом.

— Мы уходим! — объявил Карл Иваныч. — Савва, скрипка с тобой?

— Я не пойду. — прозвучал спокойный ответ.

— Еще как пойдешь! — Карл Иваныч схватил Савву за плечо, но тот ловко вывернулся и уселся на каменную тумбу, поджав ноги.

— С ума сошел? — ужаснулся Карл Иваныч. — Немедленно вставай!

— Идите, если вам есть куда. Я не пойду.

Учитель взглянул в бесстрастное лицо ученика, сокрушенно покачал головой.

— Упрямый, избалованный мальчишка. Самурай чертов. Всегда из меня веревки вил. Подвинься! Я с тобой.

Он махнул рукой и примостился на тумбе рядом с Саввой.

— Утонуть в некре? — взвизгнула Декаденция, — Вы ненормальные! Я не хочу!

— Вас никто не заставляет. — спокойно ответил ей Лев. — Вы нормальная — бегите пока не поздно.

Еще один поворот винта. Грозное урчание усилилось, кратер чуть заметно задрожал.

— Я бы осталась... осталась бы... — лепетала поэтесса, — но... мое искусство? Я не ради себя, я ради поэзии! — цепляясь шпильками за брусчатку, она пятилась к калитке. — Амалия, а вы?

— Я тоже уйду. — тряхнула серьгами Амалия. — В Самородье мой театр. Загнется без меня.

Вскинув голову и опустив ресницы, она величаво понесла себя к калитке.

— Мэтр? Филипп Брунович! Вы с нами?

— Все книги Музеона погибнут. — потерянно произнес Филибрум, не двинувшись с места. — Зачем я нужен?

Третий оборот.

Кратер трясся, внутри него гудело, как в гигантской трубе, хрипело и клокотало. Понесло удушливой вонью. И вот первые черные капли, предвестницы катастрофы,

вылетели из кратера, шлепнулись на камни, прямо под ноги Филибруму. Он вздрогнул, с ужасом посмотрел на зловонную лужу, шагнул назад.

— Но в Самородье тоже библиотека... — произнес он с дрожью в голосе — Оттуда есть доступ к тайным хранилищам. Они хорошо защищены. Может быть, некра их не зальет? У меня есть надежда.

Он пожирал глазами драгоценных, словно ждал хоть одного слова одобрения, разрешения, оправдания. Но никто ему не ответил, никто не взглянул на него. Все взгляды были прикованы к кратеру. Филибрум опустил голову и, пошатываясь, заковылял к калитке, где жались друг к другу Амалия с Декаденцией. Обернулся.

— Я стар. Я хочу жить. Прощайте, друзья. И простите.

Амалия дернула калитку. Безрезультатно. Еще раз.

— Что встали, как столбы? Открывайте! — приказала она альбинату, продолжая остервенело дергать ручку. Альбинат двинулся на помощь.

— Можете не стараться. — остановил его Платон Леонардович. — Третий оборот блокирует калитку. Я так настроил механизм.

— Что?! — взвизгнула поэтесса, — Зачем?

— Это же ясно. Чтобы в случае катастрофы некра не смыла Самородье.

— Почему вы раньше не сказали?!

— Разве не сказал? Забыл.

— Так сделайте что-нибудь, гений вы придурочный! — взревела басом Амалия.

— Я уже не успею. — хладнокровно ответил механик. — Да и какой смысл?

Декаденция сжалась в комок и обхватила голову руками. Альбинаты недоуменно переглядывались, будто не в силах уразуметь очевидное.

Все взгляды были прикованы к кратеру. Только Савва сидел с закрытыми глазами, подняв лицо к небу.

— Вы слышите? — тихо спросил он, чуть повернув голову к учителю.

— Что?

— Звук с неба.

Карл Иваныч прислушался.

— Тебе показалось.

— Я слышу. — сказала Клара, и глаза ее расцвели лазурью.

И вдруг музы, минуту назад лежащие замертво, зашевелились. Цепляясь друг за друга, они поднимались, смотрели в небо, прислушивались.

— Пегас... Пегас... — понеслось над площадью.

Теперь уже все могли слышать звук похожий на свист ветра и на Саввину флейту. Он лился с высоты, заглушая грохот кратера, нарастал, набирал силу, пронизывал пространство.

— Смотрите, летит!

Облитый розовым золотом утреннего солнца, в небе парил Пегас и ветер пел в его крыльях.

— Перекройте кратер! — истошно завопила Декаденция.

— Поздно. Слишком сильный напор. Некра уже здесь. — заметил Платон Леонардович.

— Чуть-чуть бы пораньше... — прошептал Филибрум.

Саша изо всех сил вцепилась в гриву, она почти оглохла от свиста ветра, и не слышала, как все закричали, увидев их. И лиц, поднятых к небу она не видела. Ее глаза были прикованы к кратеру, из которого уже летели черные брызги. Некра! Они успели вовремя.

Все ближе земля, ниже, ниже... Пегас несется прямо в кратер. Саша зажмурила глаза, но пересилила себя, открыла. Чего ей бояться после Реки Забвения? Сейчас случится чудо и она должна увидеть его!

Под радостные крики Пегас врзался в кратер в тот самый миг, когда из него вырвался столб поганой жижи.

И заворчала, всколыхнулась земля, треснула, как скорлупа.

Их подбросило вверх и окутало серебристой, переливчатой, благоуханной волной — инспирия!

Саша припала к шее Пегаса. Источник жив. Музеон спасен.

Белоснежный крылатый конь плавно опустился на землю, прогарцевал вокруг кратера, сложил крылья и замер под оглушительные крики и аплодисменты. Он явно наслаждался триумфом. Саша неловко, боком соскользнула на землю, обняла Пегаса, поцеловала в морду. Тот фыркнул ей в ухо, весело шарахнулся в сторону и понесся вокруг площади, грохоча копытами и рассекая крыльями воздух. Потом взметнулся на дыбы, победно заржал и поднялся в небо, заслонив крыльями солнце. Его провожали взглядом, пока не затихло пение ветра.

— Прощай, Пегасик, спасибо тебе. — прошептала Саша, вытирая заслезившиеся от солнца глаза. Она опустилась на землю, привалившись спиной к кратеру и уронила голову на руки. Ей страшно хотелось спать. Но не тут-то было, музы подхватили ее, визжа и хохоча и с головой окунули в инспирию. И Саша поняла: купаться в источнике вдохновения — это вам не музу яблоками кормить. Сон слетел в одно мгновение, она ощутила такой прилив сил и веселой наглости, что не отказалась бы еще разок сгонять за Пегасом.

И началось невообразимое. Ожившие, прекрасные до умопомрачения музы танцевали под ароматным дождем. Они визжали, хохотали, прыгали в кратер, набирали в ладони инспирию, брызгались ею друг в дружку, в альбинов. А те стояли, ненужные, как старые фонари, не знали как им, беднягам, быть. Расшалившиеся музы подхватили их и закинули в фонтан. Главный кричал что-то об отчете, о решении Верховного Хранителя — никто его не слушал.

— Придется Главному Защитнику писать новый отчет. — усмехнулся Филибрум, стоя в дверях библиотеки с небольшим сундучком подмышкой. С легким поклоном он вручил сундучок Кларе.

Она щелкнула замочком, извлекла на свет простую гладкую, мягко светящуюся серебром чашу и вручила ее Саше.

Смущенная внезапной тишиной и всеобщим вниманием, Саша зачерпнула искрящегося вдохновения. Призывая на помощь бессмертных хранителей, чтобы не споткнуться о какой-нибудь булыжник в исторический момент, она приблизилась ко Льву.

Тот попятился, мотая взлохмаченной гривой и не сводя горящих глаз с золотистых искр, танцующих над чашей.

— Не валяй дурака. — устало сказала Саша.

— Я не заслужил. — пробурчал Лев.

— Сил нет с тобой препираться. Заслужишь. Пей.

Под радостные крики и аплодисменты Лев осушил чашу.

Сколько ни купайся в инспирии, а усталость возьмет свое. В разгаре всеобщего веселья, Сашу вдруг потянуло в сон. Стараясь не привлекать ничье внимание, она ускользнула сквозь калитку в Кларин сад с единственной мыслью — рухнуть в кровать.

“О, Бессмертные хранители, пусть мне никто не помешает!” — взмолилась она, входя в дом.

Но бессмертные хранители не всемогущи. Сашу поджидала непреклонная Бэлла, и ванна с травяными мешочками исходила паром. Отвертеться было невозможно. Если Бэлла говорит надо — значит надо.

У Саши еле-еле хватило сил выбраться из ванны и напялить на себя что-то широкое и длинное, приготовленное ей Бэллой. Не без труда разобравшись с воротом и рукавами, она робко вышла в кухню, понимая, что роскошной трапезы ей не миновать. Если Бэлла решила кого-то накормить, то даже Пегас не спасет избранного.

Но Бэлла не собиралась тащить ее за стол. Она празднично сидела на табурете посреди кухни, боком ко входу. При Сашином появлении она поспешно встала, шагнула к печке, схватила совок и кочергу и начала выгребать угли, которых там не было. Саша успела заметить, что глаза ее красные и мокрые.

— Бэлла, не плачь. — беспомощно попросила она. Сил не было смотреть на плачущую Бэллу.

— Вот еще, плакать! Дым в глаз попал! — Бэлла хлопнула дверцей холодной печки, отошла к окну. Саша тихонько подошла, обняла Бэллу. Та резко повернулась и неловко, неумело прижала Сашу к себе. Оттолкнула, сердито отвернулась, потеряла рукой глаза.

— Ешь давай. — она не глядя мотнула головой в сторону стола, уставленного мисочками и горшочками.

— Можно я потом? А то усну головой в тарелку...

Бэлла не стала ее уговаривать.

— Иди, спи. Набирайся сил. Проснешься — будем думать, как тебе помочь. Лев сказал, всех соберет. Уже Альбинатов предупредил... Сказал, если понадобится, Поганую яму наизнанку вывернет.

Голос ее звучал тускло и невесело. Она снова отвернулась к окну, украдкой вытирая глаза.

Саша вздохнула. Утешить Бэллу ей было нечем. Она застенчиво обняла ее и тихонько вышла. Пошатываясь, зевая, путаясь в длинной рубашке, вскарабкалась по лестнице и вошла в комнату, с которой совсем недавно просталась навсегда.

— Кроватка моя... — сонно пробормотала Саша, слабой рукой натягивая на себя одеяло. Последнее, что она успела ощутить, это теплый мохнатый бок Молчун, приятно щекочущий ее пятку.

— Пришла, вредная кош...

Сон накрыл ее как меховая шапка.

Она проспала весь остаток дня и всю ночь. Проснулась ранним утром, до восхода солнца. Молчун сладко дрыхла поперек кровати, залиvisto похрапывая. Прелесть какая!

Будет, чем дразнить нахалку. Комната тонула в полумгле, но Саша чувствовала себя бодрой, окончательно отдохнувшей и полной сил. Дело сделано, Музеон на месте, Магнус избран. Настала очередь Клары выполнить свое обещание.

Спать больше не хотелось, делать в комнате было нечего. Саша тихонько оделась и выскользнула из дома в сумрачный сад.

Так тихо... Птицы еще не проснулись? Саша припомнила, что ни разу не слышала здесь птичьего щебета. Раньше это ее не занимало, не до того ей было, а сейчас вдруг показалось важным. Почему?

Саша неспешно шла по дорожке, рассеянно вертя эту мысль в голове, и вдруг обнаружила, что бредет уже по колено в траве, а в нескольких шагах сквозь пышные розовые кусты проглядывает калитка. Незнакомая.

Заплетаясь ногами в высокой траве, Саша подошла к калитке. А она будто ее и дожидалась. Отворилась тихонько, без скрипа, без шума.

Это все еще сад или уже лес? — гадала она, бесшумно ступая по пушистой, шелковой травке, как снегом заметенной россыпью мелких белых цветов. Деревья пышные, стройные, между ними воздух и свет, и ни клочка противного мха. И тишина здесь не душная и тревожная, как в мертвом лесу, а хрупкая, прозрачная.

Солнце тем временем поднималось, и будто золотая пыльца посыпалась на листву, на траву, на Сашу. И запели птицы. Вот где они прятались! Но их по прежнему не видно — как Саша не вертела головой, она не могла обнаружить ни одной. Но ее это не смущало, она шла себе и шла, слушала птиц, грелась на солнышке и ни о чем не думала. И вот перед ней чудесная, золотисто-зеленая полянка.

Посреди нее — Дерево. То самое, нарисованное на стене ее комнаты, уничтоженное когтистой Светланиной лапой.

Она ничего не забыла, она не может ошибиться! Дерево, а на нем птицы. Много птиц. Каждая поет свою песенку — кто-то простенькую и незатейливую, кто-то выводит трели и фиоритуры, а вместе получается прекрасная музыка. Саша как замороженная приблизилась к дереву. На нижней ветке сидит птица — зеленая с радужными крыльями. Ее птица. Сидит и поет.

Счастье накрыло волной, затопило сердце. Ее птица поет. Саша не может расслышать песенку в общем многоголосье, но она еще успеет, у нее есть для этого целая жизнь. А сейчас она просто порадуеться тому, что ее птица спаслась, нашла свой дом и вновь запела.

Легкий шорох послышался за спиной. Обернулась — никого. Мерещится? И снова шелест шагов по траве. Ей не мерещится! Она побежала назад. Может быть... Вдруг... Нет. Это Бэлла. Ждет ее возле калитки.

— Бэлла, ты одна? Никого не видела? Мне показалось...

— Саша, вставай, к тебе пришли! — отвечает Бэлла и трясет ее за плечо. Саша открыла глаза.

Бэлла. Настоящая, не во сне. Лицо встревоженное.

— Кто? Что? Пора? — Саша вскочила с кровати, запугавшись в одеяле.

— Карл Иваныч пришел. Савва пропал.

Савва! Они даже парой слов не перекинулись с того вечера. Вчера она видела его на площади посреди всеобщего веселья. Он прожигал ее глазами, но так и не решился подойти. А потом она забыла, устала, уснула.

Она быстро оделась, сердито ворча, что мол, Карл Иваныч завел дурацкую привычку

бежать к ней, чуть что с Саввой не так.

Карл Иваныч был всклокочен, взъерошен и небрит. Саше показалось, что со дня их последней беседы он не только не причесался, но даже к зеркалу не подошел.

— Скрипка на месте? — с ходу спросила она. — Репетирует где-нибудь.

— Скрипки нет. Я бы не волновался, но... — Карл Иваныч протянул Саше запечатанный конверт, в котором чувствовалось что-то твердое. — Здесь ваше имя. Разумеется, я не стал открывать, принес вам. Прочтите, пожалуйста — просил он, дергая болтающуюся на ниточке пуговицу на пальто.

Саша разорвала конверт и темно-красный прозрачный камень скользнул ей на ладонь. Она удивленно уставилась на него, и только через несколько секунд до нее дошло, что это не ее камень стал красным.

— Его кулон! — воскликнул Карл Иваныч. — Зачем он оставил его вам?

— Может перепутал. — машинально произнесла Саша.

— Что перепутал? Он никогда его не носил. Прятал где-то у себя.

Саша заглянула в конверт — он был пуст. Ерунда какая-то.

— И куда он делся? — машинально спросила она.

— Если бы я знал! — Карл Иваныч еще раз дернул пуговицу и она осталась в его руке.

Он удивленно на нее посмотрел, сунул в карман.

— В Самородье он. Пироскафа дожидается... — донеслось из-под стола.

— Что?

— Что слышала.

— Откуда знаешь?

— Оттуда...

Саша чертыхнулась и кинулась вон из дома.

— Вы куда? — Карл Иваныч бросился за ней.

— Подождите, я сейчас! — крикнула она уже со ступенек крыльца.

— Ну вот. Еще одна. — окончательно расстроился Карл Иваныч. — Куда помчалась?

Ничего не понимаю. — он устало опустил на ступеньки.

— Главное, чтобы она понимала. — философски заметила Бэлла, присев рядом с ним.

Саша, как ошпаренная, вылетела на площадь Безобразова. На краю, возле лестницы толпится народ, значит пироскаф не ушел.

Савва не будет давиться в толпе, в этом Саша была уверена. Она обежала глазами площадь. Ну конечно! Вон он, стоит, опершись на ту самую каменную тумбу. На плече футляр. Рядом валяется рюкзак. Она выдохнула. Успела. Ее появление, по-видимому, не удивило Савву и не смутило. Он даже положения не переменил.

— Отличное решение! — сказала Саша, подойдя к нему. — Просто взять и убежать.

— Я не убегаю. — спокойно ответил Савва.

— Ну разумеется. Ты гордо уходишь в закат.

— Можешь не стараться. Я просто ухожу.

— Зачем?

— Хочу побыть один. Разобраться в себе. — ответил он, не раздумывая. Легко и без запинки, будто заранее подготовился.

Саша понимающе кивнула. Стена. Попробовать в обход?

— Куда поедешь? — так же легко спросила она, — Ты что-то говорил про Италию.

— Пока не знаю. Как пойдет. Но по Европе точно прокачусь.

— Грандиозно. А через границу ты как собрался? Тебя примут на первом же посту.

— Не примут. Я тот муравей, что умеет находить дырки в куске сыра. — усмехнулся

Савва.

— Хорошо устроился. А жить на что собираешься?

— Придумаю что-нибудь. — беспечно ответил он. — Играть-то я не разучился.

Инструменты со мной.

— Так себе план.

— Какой есть. Ты, когда неслась в Самородье, думала, на что будешь жить?

— Нет. — честно призналась Саша. — У меня было денег ровно на билет. В одну сторону.

— Вот видишь.

— Вижу. Со всеми попрощался?

— Может хватит уже?

— Согласна. И ты тоже прекращай.

— Прекращать что?

— Думать только о себе. Плевать на тех, кто тебя любит.

— Любит? Не знаю таких. — он отвернулся.

— Неужели? И с Карлом Ивановичем не знаком? — сказала Саша ему в спину.

— Перестань. Он такой же, как все. Любил мой дар, а не меня. С тех пор, как я его лишился, он спит и видит, как бы от меня избавиться. — он развернулся к ней. — Только я ему не мебель. Так и передай. Сам уйду.

Наигранное спокойствие слетело с него. Он смотрел на Сашу затравленным волчонком, будто не она стояла перед ним, а Карл Иванович собственной персоной. Вот теперь можно разговаривать. Саша перешла в контратаку.

— Ты не мебель. Ты идиот. Карл с ума сходит. Бегает повсюду, ищет тебя, пуговицы на пальто рвет.

Савва опустил глаза.

— Скажи ему, что со мной все в порядке. Что я благодарен ему. И что мне пора двигаться дальше.

— Вернись, скажи ему об этом сам. Поговори с ним. Он любит тебя, он поймет!

— Не поймет. Опять начнет меня строить. Он желает мне добра, но я устал жить по его указке. Развлекать народ на ярмарках. Хватит с меня Музеона.

— А что взамен?

— Ничего. Я хочу избавиться от своей истории. Уйти туда, где никто меня не знает. Не смотрит презрительно, не строит догадок.

— Допустим. А что дальше?

— Не знаю. — ответил он хмуро. — Но я смогу быть кем захочу, и...

Он замолчал. Саша ждала.

— Я должен вытащить себя из Поганой ямы. — тихо и твердо сказал он. — Себя и... ее.

Упряма как осел. Бесплезно отговаривать. Да и зачем? Он ведь правильно делает.

— Ладно... — вздохнула Саша. — Надеюсь, у тебя все получится.

— У тебя же получилось. Ты спасла свой талант. И Музеон в придачу.

Саша отвернулась.

— Да. Но маму я так и не нашла.

— Найдешь. — уверенно сказал Савва. — С твоей мертвой хваткой...

Звон колокола оборвал его на полуслове. Толпа на краю площади зашевелилась. Порыв речного ветра донес обрывки знакомого хохота — Ксенофонт приветствует пассажиров.

Савва спрыгнул с тумбы, поправил футляр на плече.

— Мне пора. — он шагнул к ней.

Саша отступила назад.

— Где мой кулон? — спросила она.

— У меня.

— Давай сюда.

Савва покачал головой.

— Поноси пока мой. — сказал он серьезно. — Смотри не потеряй.

Еще шаг к ней.

— Насчет кулона... Хотел спросить. Твой сон — это правда? Или ты выдумала все?

— Об этом надо спросить мою морфейную музу! — попыталась она отшутиться.

И снова ударил колокол.

— Ясно. — Савва отступил назад. Подобрал рюкзак.

— Да подожди ты! — теперь она шагнула к нему. — Я ничего не выдумывала. Корзина, красный камень... я это видела, и все оказалось правдой. Значит остальное тоже.

Она спокойно выдержала его взгляд. Холодный и недоверчивый, он смягчился, потеплел.

— Третий звонок. Тебе пора.

— Да. — ответил он, глядя на нее и не двигаясь с места.

Его глаза совсем не черные. Почему она не замечала этого раньше? Они напоминают каштаны, нагретые мягким, усталым осенним солнцем. И, как отблески этого солнца, в них вспыхивают крошечные золотые искорки. Или ей показалось? Она шагнула ближе, чтобы получше рассмотреть.

— Сашка! — раздался крик за спиной.

Саша вздрогнула. Не может быть. Показалось... Она заставила себя обернуться.

В двадцати шагах от нее, с белым квадратным свертком подмышкой. Мама.

Саша хотела крикнуть, но голос пропал. Она только шевельнула губами. Качнулась вперед. Мир сжался в маленький теплый комочек, пахнувший мамой, ничего не осталось в нем, только мамины руки, мамины волосы, мамин аромат.

Сколько раз Саша представляла их встречу. Она хотела задать тысячу вопросов, а вот перехватило горло, и нет ни слов, ни слез. Крепко вцепилась в мамину шею, будто боится, что кто-то оторвет ее и утащит снова куда-нибудь.

— Сашка, пусти, задушишь!

— Ма... ты... где была? — наконец сумела выговорить Саша.

— Я? Это ты где была! На секунду отвернулась — тебя нет! В чужом городе! Народу тьма! Ужас!

— Я тебя искала. Искала! — всхлипывала Саша, вся дрожа, не расцепляя рук.

— Ты мой птенчик! Испугалась? Такая большая, а такая маленькая!

Я сама чуть с ума не сошла! На минуточку зашла в магазин для художников. Выхожу — тебя нет! Я куда только не бегала!

— Что это у тебя?

— А! Это... Представляешь, захожу в магазин, а там мой портрет! Я его сразу купила. Какая-то темная история с этим портретом. И печальная. Я тебе потом расскажу.

— Я знаю.

— Откуда?

— Я была в этом магазине. И портрет видела. Хотела показать тебе, а ты потерялась.

— Сама ты потерялась! Я весь город обегала. А потом... Чего я полезла за этот забор? Предупреждали ведь! Бермудский треугольник какой-то. Представляешь, совершенно не помню, где бродила. Как стена перед глазами. И портрет этот! Не бросишь же его.

— И как же ты выбралась? — осторожно спросила Саша

— Еще одна история! Мне встретился какой-то странный человек. Я сначала испугалась, он такой... не в себе немножко. Но оказался нормальным. Вывел меня в город. Марк его зовут.

— Марк! Он жив? — вырвалось у Саши

— Ты его знаешь?

— Я? Нет, я... бегала тут, тебя искала, и представляешь, сбила велосипедиста! Прохожий назвал его по имени.

— Странный городок. Этот Марк почему-то знает, как меня зовут. Так обрадовался, когда меня увидел. Все повторял: “Ариадна, ты жива, ты нашлась.” А я его не помню. Может на этюды вместе ездили в институте? Лицо как будто знакомое, но у меня не было знакомых Марков, я бы запомнила. А что это был за мальчик?

— Мальчик?

— Ты с ним только что разговаривала.

— Савва! — ахнула Саша. Обернулась — площадь пуста. Пироскаф идет вниз по реке. На нем Савва. Она совсем о нем забыла. Как же так...

— Ты его знаешь? У тебя, я смотрю, полный город знакомых.

— Нет. Он просто помогал мне... искать тебя.

Саша сунула руку в карман, вытащила красный камень на черном шнурке, надела на шею.

— Это что за штучка? Откуда?

— Нашла.

Мама взяла камень в руку, посмотрела на свет, залюбовалась.

— Гранат. Волшебной красоты. Будет тебе талисман.

— Да. — вздохнула Саша, пряча камень под куртку.

— Вот только паром мы с тобой пропустили! — расстроилась мама. — Теперь два часа дожидаться. Пошли дальше гулять. Но теперь ни на шаг от меня! За руку пойдешь.

— Ну мам! Мне что, пять лет?

— Да. — отрезала мама. — Кстати, где твой рюкзак?

Рюкзак... Саша оглянулась на Калитку. Нечего и думать вернуться за рюкзаком. Ни с кем не попрощалась. Никому ничего не сказала. Просто взяла и пропала.

Она вытерла глаза.

— Потеряла. Оставила, а его сперли.

— Ты что, плачешь? Из-за рюкзака?

— Я не из-за рюкзака. — прошептала Саша. — Там... паспорт остался.

— Ничего страшного. Новый сделаешь.

— Тем более там фотография отвратительная. Ты на ней как кикимора.

— Что?!

— Новый, говорю, получишь. Вытри глазки. Смотри, кошка какая, белая, пушистая!

— Это Молчун. Она не кошка. — машинально ответила Саша.

— Что?

— Давай теперь проболтайся от счастья...

— Ну... она пасть разевает, а не мяукает. Значит Молчун. — нашлась Саша.

— А почему не кошка?

— Ну-ка, ну-ка, соображай... Голова садовая!

— Ты посмотри на ее физиономию! Слишком наглая даже для кошки.

— Девяти жизней не хватит, чтобы научить тебя манерам, — проворчала Молчун.

— Ну что ты, она очень милая, — улыбнулась мама и почесала анимузу за ушами. Та прищурила глаза от удовольствия. — Молчун. Ей подходит.

— Мам... Давай возьмем ее с собой!

— Неплохо бы меня для начала спросить.

— Саш... Я как-то не готова. Да и потом — она здесь живет.

— Ну пожалуйста... Ну подумай хотя бы. До следующего пироскафа.

— Ладно, посмотрим.

“ И ты подумай — подмигнула Саша анимузе. — И предупреди всех. Скажи, что я их всех люблю.”

ДНЕВНИК САШИ

“ Мы дома! Сколько раз я открывала тетрадку на чистом развороте и выводила эти слова, не касаясь карандашом бумаги. Мечтала о минуте, когда смогу написать их настоящему. И вот минута настала.

Мы дома.

Светланин морок растаял без следа. Никто ничего не помнит. Даже папа. Правда вчера он неожиданно спросил меня, куда подевалось нарисованное дерево с птицами. Застал врасплох. Я растерялась и брякнула, что оно мне надоело, и я перекрасила стену. Папа расстроился.

— Жаль, красиво было.

— Папа... Я нарисую что-нибудь еще!

Папа улыбнулся, грустно так.

— Ты выросла. Смотри, как изменилась! И когда успела? Теперь ты сможешь нарисовать только что-нибудь взрослое. А я так любил этих милых, корявых птичек!

Вон оно что! Он их, оказывается, любил! А сколько было ворчания! Я снова пишу. Все подряд — рассказы, сказки. Кое-что посерьезнее замышляю. И мне теперь не нужно ничье разрешение и одобрение. Теперь у меня есть я — и поддержать могу сама себя, и дать пинка, если понадобится. Мой талант, каким бы маленьким и скромным он ни был, не зависит ни от кого. Только я за него отвечаю. И пробить ему дорогу могу только я.

Я обязательно напишу обо всем, что со мной случилось. Обо всем, что живет пока глубоко внутри, не дает мне спать, погружает в прострацию в самый неподходящий момент.

Думаю о них постоянно.

Я ведь даже не успела со всеми попрощаться. Никто не понял, куда я пропала. Надеюсь, никто на меня не обиделся, не ищет не скучает.

А я скучаю по ним. Страшно скучаю!

Пытаюсь угадать — что мастерит Платон Леонардович? Удалось ли ему соорудить лифт в библиотеке, или Филибрум так и карабкается со своей больной ногой по крутым

лестницам?

А что у Бэллы на ужин? Или она бросила надоевшую готовку и собирает травы, сочиняет чудодейственные отвары, как давно мечтала?

Что с Марком? сумеет ли Бэлла ему помочь? Или он так и бродит по Самородью с пером в голове?

Вернулась ли Клара к своему саду? Или он так же печален и заброшен, а она как может помогает Льву?

Когда я думаю о Льве, то к мыслям примешивается беспокойство. Не совершила ли я ошибку, отдав ему чашу Магнуса? Но с другой стороны — а кому еще я могла ее отдать? Тем и утешаюсь.

Савва. О нем я стараюсь не думать. Мне кажется, если я начну, то и он где-то там, в Праге, или в Вене станет думать обо мне. А ему нельзя. Да и мне не надо бы. Но мысль о нем всегда сидит во мне как заноза и колет в самый неподходящий момент. Надеюсь, пройдет со временем. И гранат на черном шнурке станет просто украшением. И пусть Молчун сколько хочет называет меня тупицей!

Когда я гуляю по Арбату, то поглядываю на ряженных с опаской — а вдруг один из них прячет в кармане письмо для меня? И честно признаюсь себе — я мечтаю об этом.

Но чувствую, если снова возникнет в моей жизни город муз, то уже не отпустит меня. Если я окажусь там, то останусь навсегда. А мне пока нельзя. У меня еще целая куча дел. И одно из них скачет прямо сейчас у меня под окном.”

Саша захлопнула тетрадь, вытянула из-под шкафа шахматную доску, прихватила для достоверности пару коробок из-под обуви и выскочила из дома. Быстренько сбежала по лестнице и с видом человека, измученного тяжелой, бессмысленной работой, вышла из подъезда, прижимая к себе пирамиду коробок.

Ее вечный недруг и тайный обожатель Петька осваивал очередной кульбит на самокате.

Саша сделала вид, что в упор его не видит и направилась к мусорке.

— Че, припахали? — радостно крикнул Петька ей вслед.

— И тебе добрый день, — вежливо поздоровалась Саша через плечо и отправила первую коробку в мусорный бак.

— Где так долго была?

— А ты что, заметил? — насторожилась Саша. Светланин морок на Петьку отчего-то не подействовал.

— По делам ездила, — бросила она небрежно и запустила вторую коробку вслед за первой. Пришел черед ящика с шахматами. Петька нахмурился.

— погоди, ты это выкинуть хочешь?

— Да вот думаю — может дворникам оставить? Пусть играют.

— Сама не умеешь, что ли?

— Умею, а толку-то? Все равно не с кем.

— Спорим, обыграю?

Саша обдала его презрительным взглядом.

— Ты? Меня?

— Спорим? На щелбан.

— Давай лучше сразу тебе по лбу дам. — предложила Саша.

— В три хода мат поставлю. Спорим?

— Пф! Окей. Играем. — Саша кивнула в сторону скамейки.

Петькины глаза вспыхнули весело и жадно. И тут же погасли.

— Батя в окно увидит. Пропишет мне...

— Хочешь — пошли ко мне.

— А предки твои ничего не скажут?

— Скажут. “Здравствуй, Петя”. — Саша сунула шахматы ему в руки и направилась к подъезду.

Петька просиял и бросился следом, забыв о самокате.

В заметенном пылью, озаренном низкой луной, грустном городе, маленькая птичка приоткрыла глаз и шевельнула крылом. И послышался нежный, едва уловимый звук, похожий на хруст льдинки в теплой воде. И прекрасные, печальные глаза Эолы засветились радугой. Тоненькая, извилистая трещинка пробивала себе дорогу сквозь стеклянный колпак.

Больше книг на сайте - Knigoed.net